

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Рыбакова Татьяна Игоревна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права имени В.С. Якушева, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. с. 523.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805

ISSN: 2687-007X

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2024

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

- Зарипов Шамиль Ришатович. **ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СУЩНОСТЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ОТРАСЛИ ПРАВА, НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ФИНАНСОВОГО ПРАВА** 8
- Игнатюк Ярослава Андреевна, Костюркина Дарья Сергеевна. **ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ** 20

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Жданова Софья Романовна. **К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ КАК ФОРМЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**..... 28
- Корсун Ксения Ивановна, Корнякова Екатерина Сергеевна. **КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ** 37
- Котельников Дмитрий Александрович. **МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО** 42
- Лебедева Анастасия Алексеевна, Федоров Вадим Сергеевич. **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ИСПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО ОРГАНА ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПРИВЕДЕНИЕ ИХ В СООТВЕТСТВИЕ** 53
- Руф Владислав Сергеевич. **ДВУХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ** 61
- Рысев Генрих Сергеевич. **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН**..... 66

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

- Ашкалова Елизавета Аркадьевна. **ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИИ** 76

Грамотчиков Владимир Андреевич. ЦИФРОВЫЕ ПОДПИСКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ	82
Киреев Ярослав Валерьевич. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НОРМ О ПУБЛИЧНОМ ДОГОВОРЕ И ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА	92
Коада Анастасия Евгеньевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕКОМПИЛЯЦИИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ И БАЗЫ ДАННЫХ	99
Коваленко Ольга Андреевна. РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭМБРИОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	105
Корчагин Матвей Андреевич. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ В МОСКВЕ С ИНСТИТУТОМ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	113
Корякин Егор Владимирович. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ НОВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 12.12.2023	120
Кудник Елизавета Алексеевна. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ САМОВОЛЬНОМ ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ И ПЕРЕПЛАНИРОВКЕ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ	133
Купцова Арина Сергеевна. ДОГОВОР ПОСТАВКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕАЭС. ЧТО УЧЕСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ?	141
Кушнарев Александр Сергеевич. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНОГО, КОНТРОЛЯ, СПОСОБАХ ЕГО ПРИОБРЕТЕНИЯ	151
Манько Ольга Владимировна, Ураева Елизавета Юрьевна. ЦИФРОВОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ	161
Марчукова Анастасия Витальевна. ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ ..	168
Патракова Софья Станиславовна. РАЗДЕЛ АКТИВОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ	179
Пухкоева Алина Алексеевна. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПОРОКА ВОЛИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СДЕЛОК	185
Скоморохова Маргарита Сергеевна. ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	190
Сорокина Арина Вадимовна. ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ РАВЕНСТВА ДОЛЕЙ ИЛИ БРАЧНЫЙ ДОГОВОР, СТАВЯЩИЙ СУПРУГА В КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ГДЕ ГРАНЬ?	198

Чобанян Арпине Камоевна. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	207
Шихмагомедов Рустам Абдулкадырович. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА	213

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Горбунова Анастасия Геннадиевна. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЛЕСОВ КАК ОТДЕЛЬНОЙ «КАТЕГОРИИ» ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	220
Петрова Антонина Сергеевна. ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 11-13 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ» ОТ 10.01.2002 N 7-ФЗ	231

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

Андреева Анастасия Юрьевна. К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ СУДОМ	251
Вальтер Александр Валерьевич. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ В НОРМАХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. СТ. 198-199.4 УК РФ: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	257
Вострикова Анастасия Михайловна, Руф Владислав Сергеевич. ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ТАЙНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ОСМОТРЕ ТЕЛЕФОНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	266
Ганеева Светлана Вячеславовна. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ . 273	
Грязюк Анна Сергеевна. ПРОБЛЕМА ВИКТИМНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	283
Дулдуев Рамзан Арбиевич. ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	290
Кузнецов Сергей Карлович. ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ	299
Лебедева Валентина Сергеевна. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	310
Сариев Георгий Спартакович. ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	320

Незнамова Юлия Николаевна, Рыбакова Татьяна Игоревна. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	328
Федоров Валерий Сергеевич, Калимуллов Александр Рашидович. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА: ПРИМЕНЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОТ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ	334
Фам За Хюи, Фам Ньы Хан. ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ	341
Филиппова Варвара Сергеевна. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ	355

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Мецлер Валерия Эдуардовна. МЕСТО ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ	363
Мецлер Валерия Эдуардовна, Кушнарев Александр Сергеевич. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА	369

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алиев Руслан Абдуллаевич. КУЛЬТУРА ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	375
Иванова Наталья Анатольевна. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	382
Лизунов Алексей Сергеевич, Исмаилов Дмитрий Альбертович. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	390
Ситников Владислав Валерьевич, Островерхова Екатерина Андреевна. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН, ПРИЗНАННЫХ ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ	399

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Незнамова Юлия Николаевна. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	413
---	-----

Рыбакова Татьяна Игоревна. К ВОПРОСУ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	423
Хатуев Эльмар Юрьевич. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	430

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Агунькина Яна Павловна, Солодовникова Екатерина Николаевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ВЗЫСКАНИЮ АЛИМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ.....	440
Бибииков Никита Сергеевич. ИНСТИТУТ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	447
Вострикова Анастасия Михайловна. МЕРЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: РОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ	462
Корякова Екатерина Александровна. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	468
Кряжевских Ксения Александровна. ПОНЯТИЕ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ.....	473
Неделько Инна Олеговна. ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ОБ ОТКАЗЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	481
Орищук Алёна Александровна, Орищук Алина Александровна. К ВОПРОСУ О «ДРУГИХ» ЛИЦАХ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ИСПОЛНЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ	490
Прокопенко Данил Романович. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАКОВ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ	500
Табак Ирина Александровна, Бережная Анна Сергеевна. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА	508

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Сариев Георгий Спартакович, Беликов Евгений Геннадьевич. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ 515

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УДК 34.01**

Зарипов Шамиль Ришатович
Уфимский университет науки и технологий
Институт права
Россия, Уфа
zaripovshamilrishatovich@mail.ru
Zaripov Shamil
Ufa University of Science and Technology
Institute of Law
Russia, Ufa

**ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СУЩНОСТЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ
КАТЕГОРИЙ ОТРАСЛИ ПРАВА, НА ПРИМЕРЕ
СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ФИНАНСОВОГО ПРАВА**

Аннотация: работа посвящена определению понятия, признаков и сущности системообразующих категорий отрасли права. На примере самостоятельной отрасли российского права – финансового права, анализируется и формулируются системообразующие категории: предмет, метод и принципы финансового права и категория «финансы». На основе выводов исследования системообразующих категорий финансового права формулируется определение системообразующих категорий отрасли права, выделяются характерные признаки, сущность и функции. Результаты исследования способствуют систематизации знаний о структуре и системе права и законодательства России в эпоху трансформационных процессов социально-экономических отношений.

Ключевые слова: система права, системообразующие категории отрасли права, финансовое право, предмет, метод, принципы, финансы.

THE CONCEPT, SIGNS AND ESSENCE OF THE SYSTEM-FORMING CATEGORIES OF THE BRANCH OF LAW, ON THE EXAMPLE OF THE SYSTEM-FORMING CATEGORIES OF THE FINANCIAL LAW

Annotation: the work is devoted to the definition of the concept, features and essence of the system-forming categories of the branch of law. Using the example of an independent branch of Russian law – financial law, the system-forming categories are analyzed and formulated: the subject, method and principles of financial law and the category "finance". Based on the conclusions of the study of the system-forming categories of financial law, the definition of the system-forming categories of the branch of law is formulated, characteristic features, essence and functions are highlighted. The results of the study contribute to the systematization of knowledge about the structure and system of law and legislation of Russia in the era of transformational processes of socio-economic relations.

Key words: legal system, system-forming categories of the branch of law, financial law, subject, method, principles, finance.

Трансформация общественных отношений под влиянием технологий и цифровизации создает новую задачу по правовому регулированию инновационных общественных отношений для научной доктрины, представительных и исполнительных органов государственной власти. Одна из ключевых исследовательских задач для научной доктрины при трансформации общественных отношений является анализ структуры и системы права [2, с. 15], так как структура и система права являются фундаментом для последующего строения системы законодательства, что непосредственно влияет на правоприменение и правореализацию правовых норм в новых, инновационных общественных отношениях в рамках выполнения национальных целей развития, стратегии научно-технологического развития и других целей и задач, закрепленных актами стратегического планирования Российской Федерации. Недостаток постфактумной логики развития права и

законодательства, а также актуальность исследования трансформационных процессов в системе права раскрывается А.В. Минбалеевым: «В условиях развития цифровых технологий современная правовая система не способна быстро реагировать на изменение цифровых технологий, поскольку они совершенствуются значительно быстрее». Поэтому при изучении трансформации общественных отношений научная доктрина находится на шаг позади от необходимого понимания правового регулирования и саморегулирования. инновационных общественных отношений. В том числе, в связи с этим фактором, научная доктрина, объединяющая множества правовых школ, имеют разные подходы к современным запросам юридического образования, государства, бизнеса и т.д., что привело к созданию множество новых «отраслей права», регулирующие «уникальные» и востребованные общественные отношения. Множество отраслевых образований отмечает А.А. Головина в своем аналитическом исследовании по данному вопросу: «упоминают более 100 отраслей права к традиционным 10-14 отраслям права» [5, с. 56]. Мы считаем, что необходимо укрепить положения и актуализировать знания проведенных 3 советских дискуссий (1938, 1956-1958 и 1982 гг.) и 4 (постсоветской) продолжающейся дискуссии о системе права (с 2001 г.) и в отношении каждой отрасли права, в целостном исследовании системообразующих категорий отраслей права, для дальнейшего комплексного анализа их трансформационных процессов.

Современная научная позиция о системе права России, критерии отраслеобразования и системообразующие категории отраслей права наследовалась на базе конвенциональных научных позиций 3 советских дискуссий о системе права, которая утвердила, что отрасли права, являясь элементом в структуре и системе права, должны разграничиваться благодаря критериям отраслеобразования и едиными для всех отраслей права системообразующими категориями отрасли права – предметом и методом отрасли права. Естественно, на протяжении 3 советских дискуссий с 1938 года

по настоящее время, были предложены и иные критерии отраслеобразования и единые системообразующие категории отрасли права: «механизм правового регулирования; принципы и функции правового регулирования; объект и содержание правового регулирования; правовой режим; цель правового регулирования; социальная ценность, ради которой происходит отраслеобразование; наличие самостоятельной ответственности; процесс [16, с. 43]; конвергенция системных связей» [4]. Но они не получили всеобщего конвенционального утверждения на проводимых научных дискуссиях, что с позиции конвенционализма (лат. *conventio* – соглашение, согласно которому в основе научных теорий содержат соглашения (конвенции) ученых о содержании и сущности исходных аксиоматических категорий) не позволяет им быть на равне предмету и методу отрасли права [6, с. 12]. В рамках конвенционального подхода: критерии отраслеобразования – конвенционально утвержденная совокупность элементов (предмет и метод правового регулирования), позволяющие дифференцировать отрасль права в структуре права; системообразующие категории отрасли права – конвенционально утвержденная совокупность единых и отраслевых категорий позволяющие дифференцировать отрасль права в системе права. Различием критериев отраслеобразования и системообразующих категорий отрасли права является наличие у системообразующих категорий отрасли права своих уникальных отраслевых категорий. Поэтому исходя из всесторонности исследования отрасли права в данной работе исследуются системообразующие категории отрасли права. Стоит отметить, что помимо общепризнанного конвенционального подхода, мы считаем, что в предмете и методе отрасли права содержатся их общие признаки, которые способны помочь выявить и определить все системообразующие категории каждой традиционной отрасли права и позволит сформулировать научное понятие системообразующих категорий отрасли права.

Для выявления признаков системообразующих категорий отрасли права мы определяем их сущность и функции. Сущностью единых системообразующих категорий отрасли права (предмет и метод отрасли права) является совокупность следующих функций: 1) дифференциация отрасли права в системе права; 2) способность целостного и объединенно-категориального аналитического и сравнительного исследования; 3) отражение конвергенции и трансформации системных связей в рамках отрасли права. Дифференциация отрасли права в системе права является первоочередной функцией единых системообразующих категорий отрасли права, что особенно актуально в период трансформации общественных отношений, актуализирующий вопрос отраслеобразования и иных структурных трансформаций. Так, например, Г.Т. Папаскуа, при исследовании отраслеобразования цифрового финансового права основывался на анализе трансформации предмета и метода финансового права [13]. Способность целостного и объединенно-категориального аналитического и сравнительного исследования, позволяет сформировать цельное понимание совокупности общественных отношений. Исследование предмета финансового права и метода финансового права, невозможно в отрыве друг от друга, являясь взаимозависимыми и взаимодополняющими системообразующими категориями финансового права, лишь совместно представляя целостное понимание. Так, А.Ю. Лнишин в рамках исследования предмета финансового права неразрывно исследует предмет и метод финансового права [12]. Аналогичный подход И.В. Руковишниковой по исследованию метода финансового права [15]. Таким образом, комплексное исследование каждой из системообразующей категории финансового права невозможно в отрыве от иной системообразующей категории. Функциональная способность отражения конвергенции системных связей в рамках отрасли права представляет собой видимое соотношение взаимосвязанных структурных образований посредством влияния единой категории, а также их взаимосвязанной трансформации. Например, в финансовом праве, системообразующей категорией также является

категория «финансы». Так, при определении перечня системы-денежных отношений, в частности денежных отношений предприятий различных форм собственности, учреждений и отраслей народного хозяйства, мы наблюдаем соотношение данных денежных отношений с природой частных отношений, что в последующем привело к выводу Е.М. Ашмариной о выделении отраслей публичного финансового права и частного финансового права [1, с. 126]. Таким образом, системообразующая категория финансового права «финансы» функционально показала себя дифференцирующей, цельно-исследуемой, конвергенциональной и трансформирующей категорией в рамках отрасли финансового права.

В науке особое внимание уделяют категории «принцип», так Ф. Бэкон характеризовал принцип как; «первичный и наиболее простой элемент, из которого образовалось всё остальное» [3, с. 21-22]. И. Кант отмечал: «принцип есть то, что содержит в себе основание всеобщей связи всего, что представляет собой феномен» [7, с. 397]. Принципы права, по мнению Я.П. Козельского: «нечто неизменное, справедливое и всеобщее с тем, чтобы издаваемые в государстве «употребительные законы» всегда им соответствовали» [10, с. 42]. В научной доктрине финансового права, следующей после предмета и метода финансового права системообразующей категорией обозначают принципы финансового права [18]. Например, Ю.А. Крохина обосновывает принципы бюджетного права как системообразующую категорию бюджетного права, а также выявляет у них признаки целостности и дифференциации [8, с. 64]. Функция и признак дифференциации находит свое отражение в принципах права в целом и принципах финансового права в частности, поскольку они всецело определяют совокупность общественных отношений, в случаях являясь нормой права, напрямую регулируемыми финансово-правовые отношения, что позволяют дифференцировать финансовое право от иных отраслей права, а наличие у двух и более правовых общностей общих уникальных принципов позволяет их сгруппировать, то есть функция и признак дифференциации

соблюдается в отношении принципов финансового права. Наличия функции и признака дифференциации в принципах финансового права в своих работах поддерживает профессор С.В. Запольский [5, с. 98-99]. Функция и признак целостности находит свое отражение в методике комплексного исследования финансовых отношений: предмета, метода и принципов финансового права. В частности, применение данного подхода обосновывается А.А. Пилипенко [14, с. 228]. Функция и признак конвергенции в принципах финансового права раскрывается в наличии общих межотраслевых и взаимосвязанных подотраслевых принципов в бюджетном и налоговом праве. Так, например, обоснованный Ю.А. Крохиной межотраслевой принцип федерализма [9], а также выделяемые А.Н. Леонова межотраслевые принципы: «принцип единства экономического пространства РФ, принципы стратегического планирования (результативность, эффективность, сбалансированность, преемственность, непрерывность, прозрачность, и др.), принцип контрактной системы (единство системы закупок, открытость, эффективность, сбалансированность, преемственность, непрерывность, прозрачность и др.); принцип презумпции невиновности; принцип ответственности за вину» [11, с. 93]. Признак трансформации в принципах финансового права подтверждается связью факторов изменения финансовых правоотношений и изменением принципов финансового права, так, например, через трансформацию финансовых правоотношений и принципов финансового права в цифровой экономике. Подводя итог функциональному анализу, категория «принципы финансового права» является системообразующей категорией финансового права.

Также стоит рассмотреть ряд иных отраслевых категорий финансового права с целью обоснования их положения. Категория финансовый контроль имеет большое значение в рамках финансового права, но несмотря на важность финансового контроля, он сам по себе не является системообразующей категорией финансового права. Его можно рассмотреть, как одну из основных функций в финансовой системе, которая необходима для поддержания порядка

и законности в финансовой деятельности, но основы финансового права устанавливаются более глубокими и фундаментальными категориями, такими как финансы, предмет, метод и принципы финансового права. Финансовый контроль – это скорее следствие и инструмент применения этих фундаментальных категорий, нежели основополагающий элемент. Категория финансово-правовой режим также важна для финансового права, но она не является системообразующей категорией финансового права, поскольку финансово-правовой режим является инструментом для осуществления финансовой деятельности и служит для обеспечения порядка в управлении финансами, но сам по себе не формирует основу финансового права. Категория финансовая ответственность важна для финансового права, так как она выступает в качестве механизма обеспечения исполнения финансовых обязательств и соблюдения финансового законодательства. Однако, подобно финансово-правовому режиму, финансовая ответственность не является системообразующей категорией финансового права. Системообразующие категории отрасли права определяют фундаментальные понятия и направления регулирования, которые формируют саму структуру и систему отрасли, выполняя функцию дифференциации.

Резюмируя и обобщив вышесказанные позиции по сущности, функциям и общим признакам системообразующих категорий финансового права, мы выделяем признаки системообразующих категорий отрасли права, которые позволяют им выступать в роли основных объединяющих и определяющих категорий данной отрасли. Признаки, характерные для системообразующих категорий отрасли права, включают в себя: 1. Целостность: Такие категории лежат в основе отрасли права и являются фундаментальными для понимания её природы и структуры. 2. Конвергенциональность: Системообразующие категории интегрируют различные принципы и нормы отрасли права, обеспечивая единство и целостность правовой системы. 3. Трансформируемость и динамичность: Несмотря на свою фундаментальность,

они способны к эволюции и трансформации в ответ на изменения в законодательстве и общественной жизни, на примере развития цифровой экономики. 4. Нормативное содержание: Они насыщены конкретным нормативным содержанием, то есть связаны с правовыми нормами, регулируемыми соответствующие общественные отношения, в качестве которых, например, являются принципы отрасли права. 5. Широта воздействия: Системообразующие категории отрасли права имеют широкий диапазон применения, который простирается на множество правовых институтов и норм. 6. Иерархичность: В их основе лежит иерархическая подчинённость, когда одни категории могут быть подведены под другие, более общие или комплексные, например как категория «финансы» и категория «деньги». 7. Универсальность: Системообразующие категории обладают способностью к приспособлению и применению в различных правовых системах и культурах, например категория «финансы» также исследуется и применяется в различных правовых семьях, в частности в мусульманской правовой семье имеется категория «исламские финансы» [17, с. 18]. Эти предлагаемые признаки способствуют помощи учёным и практикующим юристам разграничивать системообразующие категории отрасли права от более специфических и узко направленных категорий в рамках отдельно взятой отрасли права. Таким образом, исходя из анализа признаков отрасли права, системообразующими категориями отрасли права – это целостные, конвергенциональные, иерархичные, универсальные, трансформируемые и динамичные, имеющие нормативное содержание и широту воздействия, категории отрасли права.

Подводя итог исследованию:

Системообразующие категории отрасли права - конвенционально утвержденная совокупность единых и отраслевых категорий, являющиеся целостностными, конвергенциональными, трансформируемыми и динамичными, иерархичными, универсальными, имеющие нормативное содержание и широту воздействия, категории отрасли права в обеспечении

функции дифференциации отрасли права в системе права. В частности, системообразующими категориями финансового права являются категории предмет, метод, принципы финансового права и категория «финансы».

Признаками системообразующих категорий отрасли права являются целостность, конвергенциональность, трансформируемость и динамичность, иерархичность, универсальность, нормативное содержание и широта воздействия.

Сущностью системообразующих категорий отрасли права является совокупность следующих функций: 1) дифференциация отрасли права в системе права; 2) способность целостного и объединенно-категориального аналитического и сравнительного исследования; 3) отражение конвергенции и трансформации системных связей в рамках отрасли права.

Список литературы:

1. Ашмарина Е.М. К вопросу о некоторых перспективах правового регулирования в условиях цифровой экономики (на примере финансового права) // Право и государство: теория и практика. № 7 (223). 2023. С. 123-127.
2. Бошно С.В. Система права и система законодательства // Право и современные государства. № 5. 2013. С. 15-35.
3. Бэкон Ф. О принципах и началах [Текст] / Фрэнсис Бэкон. М.: Соцэкгиз, 1937 (16 тип. треста «Полиграфкнига»). Переплет, 79, [3] с. с заставками и концовкой, 1 вкл. л. портр.: портр.; 82 с.
4. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
5. Головина А.А. О необходимости продолжения традиций советских трех дискуссий о системе права // Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей / Под ред. В.Б. Исакова и Е.Н. Салыгина. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Факультет права. Кафедра теории и истории права. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 52-60.

5. Запольский С.В. Методологические основы исследования принципов финансового права // Принципы финансового права: материалы международной науч.-практ. конф. (Харьков, 19-20 апр. 2012 г.) Харьков, 2012. С. 98-99.
6. Калинин С.А. Методология общей теории права (лекция) // Право.by. № 2. 2011. С. 7-17.
7. Кант И. Сочинения [Текст]: в 6 т.: (пер. с нем. / [под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Овзермана]. М.: Мысль, 1963-1966. Т. 2. 543 с.
8. Крохина Ю. А. Системообразующие категории бюджетного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5(244). С. 61-67.
9. Крохина Ю.А. Принцип федерализма в бюджетном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов., 2001. 50 с.
10. Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником / под общ ред. И.Я. Щипанова. Изд-е стер. М.: Изд-во ЛКИ, 2015. 212 с.
11. Леонов А.Н. Классификация принципов бюджетного права // Право и государство: теория и практика. № 9 (213). 2022. С. 91-94.
12. Лнишин А.Ю. Предмет финансового права: современное состояние // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 24 с.
13. Папаскуа Г.Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 210 с.
14. Пилипенко А.А. Значение и свойства принципов финансового права // Общество и право. № 4. 2013. С. 228-235.
15. Руковишникова И.В. Метод финансового права. Дис. ... доктора. юрид. наук. Саратов, 2004. 521 с.
16. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 34-45.

17. Усмани М.Т. Введение в исламские финансы. Дополненное издание, содержащее ответы на актуальные вопросы по теме финансов в Исламе; Пер. с англ. / Муфтий Мухаммад Таки Усмани – Махачкала, book-lariba.ru, 2023. 336 с.

18. Цинделиани И.А. Принципы финансового права // М.: Проспект, 2023. 560 с.

УДК 340.121

Игнатюк Ярослава Андреевна

Костюркина Дарья Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

yaroslavaignatuk@mail.ru

dashakostiurkina@gmail.com

Ignatyuk Yaroslava

Kostyurkina Darya

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: в данной статье представлено исследование по теме - правовая защита генетической и геномной информации. Сфера генетических исследований и использования генетической информации – две стремительно развивающиеся многоотраслевые области познания. В современных реалиях мы смело можем говорить о стремительном и широкомасштабном внедрении достижений генетики и усилении их значимости для целого комплекса отраслей, что свидетельствует об актуальности, выбранной нами, темы. Таким образом, сведения о геноме человека представляют собой особую значимость среди его персональных данных, их конфиденциальность существенна для соблюдения его прав и свобод.

Ключевые слова: генетика, геномика, ДНК, правовая защита, конфиденциальность.

LEGAL PROTECTION OF GENETIC AND GENOMIC INFORMATION

Annotation: this article presents a study on the topic - legal protection of genetic and genomic information. The field of genetic research and the use of genetic information are two rapidly developing multidisciplinary fields of knowledge. In modern realities, we can safely talk about the rapid and large-scale implementation of the achievements of genetics and the strengthening of their importance for a whole range of industries, which indicates the relevance of the topic we have chosen. Thus, information about the human genome is of particular importance among his personal data, their confidentiality is essential for the observance of his rights and freedoms.

Key words: genetics, genomics, DNA, legal protection, confidentiality.

Генетика и геномика – это две широкие области изучения генетического материала организма. Ядро клетки содержит генетический материал организма. Этот генетический материал называется геномом организма. Геном состоит из генов, которые определяют характеристики или особенности этого конкретного организма.

Следует обратить внимание на то, что предметом исследования генетики является ген как структурно-функциональная единица – носитель наследственной информации.

Геномика возникла существенно позднее генетики как научное направление, имеющее дело с материалами, полученными (расшифрованными) в ходе генетических исследований. По мнению Л. Н. Берг: «Предмет изучения в геномике – не отдельный ген, а взаимодействие генов друг с другом и, что немаловажно, с внешними факторами. Если отграничивать геномику от генетики по предмету, то этим предметом будет уже не ген, а геном» [2, с. 13-14].

Таким образом, главное отличие между генетикой и геномикой в том, что генетика – это изучение наследственности признаков живых организмов от

одного поколения к другому, в то время как геномика – это изучение всей совокупности генов в геноме конкретного организма.

Генетическая информация представляет собой информацию, заложенную в наследственных структурах организмов, получаемую от предков в виде совокупности информации о составе, строении и характере обмена составляющих организм веществ, и связанных с ними функций.

Геномная информация содержит полную совокупность генетического материала, представленную в каждой клетке организма и наследуемую как единое целое от одного родителя.

Различие генетической и геномной информации схоже с различием генетики и геномики в целом.

Генетическая информация распространена в различных сферах человеческой деятельности, все чаще используется для медицинских и неклинических целей. Геномная информация полезна в сфере здравоохранения и в борьбе с пандемиями. Активное развитие данных видов информации требует от государства создание нормативно – правовой базы, которая будет обеспечивать охрану генетической конфиденциальности и предотвращать злоупотребления геномной информацией. Из этого вытекают правовые и этические проблемы, а как утверждает Семеновых А.Е.: "Правовые и этические проблемы вмешательства в геном человека неразрывно связаны и обуславливают друг друга" [5, с. 8].

Развитие биомедицинских технологий влечет за собой совершенствование законодательства в области генетики и геномики. Международное сообщество выражает общую обеспокоенность, пытается выработать единые правила, которые могли бы стать определенным ориентиром для национального законодательства. Такой же позиции придерживается и российская юридическая наука. Но все же нормативно-правовая основа деятельности в данной области еще только формируется,

находится в стадии разработки, поэтому не обладает всей полнотой и завершенностью.

Существует определенный перечень документов, составляющий нормативно-правовую основу в области генетики и геномики для Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации
2. Международные договоры
3. Международные документы
4. Российское законодательство и подзаконные акты
5. Судебные акты

Использование генетической информации строится на основе принципов, утвержденных международными стандартами и этическими нормами. Основные принципы включают в себя добровольное согласие на использование информации и обязательное соблюдение конфиденциальности. Эти принципы направлены на необходимость осознанного и добровольного разрешения на обработку личных данных и на сохранение конфиденциальности информации, полученной в результате этого процесса.

Во многих странах вопрос уважения права человека на индивидуальную жизнь стал приоритетным, в связи с чем множество законодателей были вынуждены заявить о необходимости получения согласия со стороны конкретного объекта исследования на использование его генетических данных и характеристик в медицинских и научных исследованиях.

Как утверждает Семеновых А.Е.: "Объект геномного правоотношения – это то социальное благо, на которое направлено воздействие правоотношения". Это еще раз доказывает мысль о том, что данная область знаний требует правового регулирования [4, с. 6].

В Российском законодательстве можно отметить положения, которые направлены на обеспечение защиты частной жизни человека и гражданина.

Основным документом, закрепляющим такие положения, является Конституция Российской Федерации. Рассмотрим некоторые статьи.

Статья 23 закрепляет: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [1]; в статье 29 говорится о том, что сбор, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. По мнению А. А. Рыжовой: «Обработка, использование и хранение генетических данных государством возможно в определенных целях, установленных на законодательном уровне (в частности, в интересах охраны здоровья населения, общественного порядка и национальной безопасности). Проблема реализации вышеуказанных прав возникает в связи с развитием цифровых технологий и информационных баз данных, которые содержат персонализированную информацию о гражданах России» [3, с. 2].

Также можно отметить Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

На базе этих принципов создаются определенные нормативные правовые акты, например, Федеральный Закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон «О биологической безопасности в РФ».

Федеральный закон "О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности" устанавливает порядок обращения с генной и генетической информацией, ее использования, хранения и передачи, а также ответственность за нарушение законодательства в области генно-инженерной деятельности.

Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" предусматривает, что использование генетической информации разрешается только с согласия гражданина и в соответствии с законом. Также

закон устанавливает ограничения на использование генетической информации для целей, не связанных с охраной здоровья человека, и запрещает дискриминацию на основе генетических данных.

Федеральный закон "О биологической безопасности в Российской Федерации" определяет правила хранения, защиты, обработки и использования генетически модифицированных организмов, а также устанавливает меры по предотвращению негативного воздействия таких организмов на окружающую среду и здоровье человека; регулирует деятельность, связанную с генетически модифицированными организмами, и устанавливает ответственность за нарушение законодательства в области биологической безопасности. Кроме того, закон содержит положения о международном сотрудничестве в области биологической безопасности и осуществлении контроля за перемещением генетически модифицированных организмов через территорию России.

По мнению С.Г. Чубуковой: «Исключение в данной теме составляет ДНК-идентификация для целей раскрытия преступлений или идентификации неопознанных трупов. При этом объем собираемой и хранимой в банках данных информации строго ограничен. Сохраняются только данные о тех сегментах ДНК, которые позволяют проводить идентификацию (так называемый генетический отпечаток человека), но не содержат информацию о его физиологических, морфологических, наследственных характеристиках». Таким образом, данные о ДНК человека, которые могут использоваться в оперативных целях, строго ограничены [7, с. 3].

Обладателем информации, содержащейся в информационной системе, является Российская Федерация. В качестве заказчика информационной системы определено Минобрнауки, в качестве ее оператора – Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Это положение закреплено в пункте 2 статьи 10 Федерального закона №242-ФЗ: «Государственные органы и учреждения, проводящие государственную геномную регистрацию, обеспечивают сохранность и использование биологического материала и

геномной информации в соответствии с международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» [6].

Таким образом, обеспечение правовой защиты генетической и геномной информации не сводится лишь к предотвращению преступлений, связанных с использованием таких данных, но также охватывает сам момент совершения правонарушения. Основной целью правовой защиты является восстановление нарушенных прав и достижение социальной справедливости.

Как показывает опыт различных государств, законодательство государств, регулирующее функционирование генетических баз данных, меняется под воздействием общественного мнения или решений международных (национальных) судебных инстанций. Любое государство, применяющее достижения технологии, несет особую ответственность за соблюдение справедливого баланса публичных и частных интересов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6ФКЗ, от 30.12.2008 № 7ФКЗ, от 05.02.2014 № 2ФКЗ, от 21.07.2014 № 11ФКЗ, от 14.03.2020 № 1ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 10.10.2022. – №41. – Ст.6934.

2. Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации: учебник для вузов/ Л. Н. Берг [и др.]; под редакцией Л. Н. Берг, А. В. Лисаченко. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 123с.— (Высшее образование).— ISBN978-5-534-14896-1. — Текст: непосредственный.

3. Рыжова А.А. Правовая защита геномных данных граждан России / А. А. Рыжова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 3. — С. 54-63.

4. Семеновых А.Е. Гносеологические вопросы исследования субъекта и объекта правовой охраны в геномных отношениях // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 872—887. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-872-887.

5. Семеновых, А. Е. Вмешательство в геном человека: правовые и этические проблемы / А. Е. Семеновых // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Второй международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22 мая 2020 года / Под редакцией Д.В. Бахтеева. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. – С. 251-260. – EDN CVXCXF.

6. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. №242-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ". - 08.12.2008. - № 49. - Ст. 5740.

7. Чубукова С. Г. Правовые проблемы защиты генетической информации: субъектный подход // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-zaschity-geneticheskoy-informatsii-subektnyy-podhod> (дата обращения: 03.04.2024).

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 342.571

Жданова Софья Романовна

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

sofya.zhdanova11@mail.ru

Zhdanova Sofya

Saratov State Law Academy

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Saratov

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ КАК
ФОРМЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ
НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация: статья посвящена опыту участия во внесении инициативного проекта. Исследуются основы реализации практик инициативного бюджетирования, особенности инициативных проектов и их реализации. Показано, что политическое устройство должно учитывать установочные приоритеты муниципалитета при реализации инициативных проектов. Демонстрируется важность такого института, как института демократии. Приводятся данные, свидетельствующие о развитии практики (на примере Новгородской области). Делаются выводы о роли инициативных проектов в повышении гражданской активности.

Ключевые слова: инициативный проект, инициативная группа, местное самоуправление, граждане, муниципальная демократия.

ON THE ISSUE OF REALIZATION OF INITIATIVE PROJECTS AS A FORM OF CITIZENS' EXPRESSION OF WILL (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION)

Annotation: the article is devoted to the experience of participation in the introduction of the initiative project. The bases of realization of practices of initiative budgeting, peculiarities of initiative projects and their realization are investigated. It is shown that the political structure should take into account the setting priorities of the municipality in the implementation of initiative projects. The importance of such an institution as the institution of democracy is demonstrated. The data indicating the development of the practice (on the example of the Novgorod Oblast) are given. Conclusions are drawn about the role of initiative projects in increasing civic engagement.

Key words: initiative project, initiative group, local self-government, citizens, municipal democracy.

В современном мире в условиях постоянного поиска оптимальных механизмов взаимодействия власти и общества подобная форма участия населения в осуществлении местного самоуправления набирает всё большую популярность. Граждане выступают с инициативами реализации проектов, целью которых является стремление населения сделать жизнь человека и общества в целом более комфортной. Причём подобные проекты затрагивают абсолютно разные сферы жизнедеятельности. Не составляет исключение и инициативное бюджетирование в области политической деятельности.

Муниципальная демократия, по мнению Михеевой Т.Н. и Михеева Д.С., характеризуется не только непосредственным участием граждан в местных делах, но и возможностью их влияния на принятие местными органами власти иных решений [7, с. 9]. Местные органы власти управляют субъектом, составляющей единицей которого является население. Именно по этой причине органы местного самоуправления должны решать вопросы местного значения с

учётом мнения населения, принимая во внимание его взгляды и идеи по поводу развития муниципальных территорий, обеспечения комфортной среды и т.д. [6, с. 156].

В российском законодательстве закреплены многочисленные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Так в Российской Федерации в начале 2000-х годов при поддержке государства уже реализовывались разнообразные проекты с участием граждан. Однако на тот момент ещё не была выработана бюджетная технология и инструмент бюджетирования подобных проектов, опорой для которых было вовлечение граждан [4, с. 8]. В противовес прошлому опыту в последние несколько лет практика создания и реализации подобных проектов становится гораздо успешнее.

В 2021 году в Российской Федерации появилась ещё одна форма участия населения в осуществлении местного самоуправления. Помимо муниципальных выборов, голосований, референдумов и других способов участия существует и такая форма, как выдвижение и реализация инициативных проектов. Это относительно новое явление для законодательства нашего государства, но в то же время и проблематичное с точки зрения практической и теоретической разработанности [3, с. 5].

Нормативной основой, регламентирующей организацию осуществления деятельности граждан в рамках инициативного проектирования в наши дни, стал Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.11.2023) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации". Согласно положениям ст.26.1 Федерального закона №131-ФЗ инициативный проект может быть внесен в целях реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования, по решению вопросов местного значения, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления [8].

Развитие института правотворческой инициативы граждан позволяет выявлять реальные общественные потребности в правовом регулировании тех или иных отношений, учитывать интересы различных групп населения, стимулировать их правовую активность [1, с. 10]. Процедуру внесения инициативного проекта нельзя назвать простой. Например, она осложнена громоздкой и сложной системой сбора подписей. Но с каждым годом наблюдается рост использования такой формы осуществления народовластия в местном самоуправлении.

Нельзя не отметить такой важный аспект, как гарантии реализации в сфере правотворческой инициативы. Федеральным законом № 131-ФЗ не установлен весь комплекс гарантий реализации правотворческой инициативы граждан, за исключением основной гарантии – обязательного рассмотрения поступившего проекта органом, в компетенцию которого входит принятие данного акта.

Стоит ещё раз обратиться к уже упомянутому Федеральному закону №131-ФЗ и обозначить, что с инициативой о внесении инициативного проекта вправе выступить инициативная группа численностью не менее десяти граждан, достигших шестнадцатилетнего возраста и проживающих на территории соответствующего муниципального образования [8]. Однако стоит отметить, что численность жителей, образующих инициативную группу, в практике различных муниципальных образований заметно различается, следовательно, реализовать это требование федерального законодателя в муниципалитетах можно по-разному. Муниципальные правовые акты самостоятельно устанавливают требование к минимальному числу участников инициативной группы граждан, реализующих правотворческую инициативу, что опосредованно фиксированной численностью населения и процентным соотношением [5, с. 85].

В 2019 году на территории Новгородской области губернатором Андреем Сергеевичем Никитиным было подписано соглашение с агентством

стратегических инициатив (АСИ) о реализации проекта «Кадры будущего для регионов» [2]. В рамках летней «Губернаторской школы» осуществлялась программа «Кадры будущего для регионов. Новгородская область». Программа была направлена на формирование и развитие лидерских команд из активных и равнодушных представителей молодежного населения региона, которые способны внести идеи и осуществить организацию важных для своего субъекта социально-экономических проектов. Конечным результатом программы стали создание и выдвижение инициативных проектов от каждой из команд.

Одна из команд была заинтересована сферой деятельности политического управления в Новгородской области. Особый интерес был вызван идеей взаимоотношения, сотрудничества представителей власти региона и молодежи. Основываясь на подобной концепции был разработан инициативный проект «ProСвязь».

Вектор деятельности данного проекта был направлен главным образом на проведение мероприятий, которые посвящены неформальному общению молодежи с представителями власти в формате творческих мероприятий, таких как рисование, настольные игры и многое другое. Такие встречи, по мнению представителей команды, позволят вовлечь молодежь в активную социальную деятельность региона и создать более открытую и прозрачную для граждан систему управления.

Дальнейшая работа проходила уже в формате поэтапной реализации проекта. В первую очередь, инициативной группой была организована встреча с должностными лицами различных министерств и ведомств Новгородской области, целью которой было обсуждение возможности дальнейшей совместной работы команды с представителями управленческих структур Новгородской области и презентация паспорта проекта. Далее были проведены встречи, где должностные лица выступили в качестве наставников для участников проекта «ProСвязь» в рамках реализации стратегической инициативы «Кадры будущего для регионов». Участники проекта обсудили

предложения по формату мероприятий, а также возможные варианты взаимодействия с представителями органов власти.

Предзащита проектов проходила в рамках экспертной сессии стратегической инициативы "Кадры будущего для регионов. Новгородская область". На площадке «Точка кипения» были представлены промежуточные итоги деятельности реализуемого проекта. Подобная деятельность внесла вклад в личностное развитие каждого участника инициативной группы, давая возможность воплотить свои идеи и мысли в проектные решения, предлагая проявить свои лидерские качества, которые в дальнейшем смогут повлиять на жизнь и развитие Новгородской области.

Что же касается вклада инициативных проектов граждан в потенциал территории Новгородской области, то стоит отметить рост правового сознания и правовой культуры населения Новгородской области, заинтересованности в совершенствовании различных сфер жизни. Согласно имеющимся на сайте Правительства Новгородской области [9] статистическим данным, представленным в виде графика на рисунке 1, число реализуемых проектов в Новгородской области за год после внесения новой формы участия граждан в местном самоуправлении в Федеральный закон № 131-ФЗ возросло практически в пять раз (см. Диаграмму 1).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что опыт участия в реализации подобных инициативных проектов сможет оказать значительное влияние на формирование гражданской позиции, социальной активности и равнодушия к общественным началам всех участников инициативной группы. Подобные программы в рамках развития молодежной политики способны улучшить условия жизни граждан, их приближенность к властным структурам общества, позволяют решать актуальные вопросы на уровне местного самоуправления. Закрепление основ участия населения в осуществлении местного самоуправления в правотворческом процессе на

нормативном уровне способствует развитию и процветанию демократического гражданского общества.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения // Конституционное и муниципальное право, 2006. № 3. С. 8-12.

2. «Кадры будущего для регионов». Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс] // URL: <https://asi.ru/>.

3. Бычкова Е.И. Реализация правотворческой инициативы граждан как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления :автореф.диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Челябинск, 2011. 26 с.

4. Вагин В.В., Поминова К.В., Гаврилова, Н.В. и др. 50 вопросов об инициативном бюджетировании – М.: Филинь, 2018. 86 с.

5. Кузьмич Н.М. Правотворческая инициатива граждан в муниципальных образованиях // Вестник СурГУ, 2017. С. 84-86.

6. Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. Инициативные проекты – новая форма непосредственной муниципальной демократии // Юридические науки, 2021. № 4. С. 155-159.

7. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. Формы взаимодействия общественных институтов с органами местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика, 2011. № 1. С. 9-11.

8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ: [принят Государственной думой 16 сентября 2003 года: одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года]. – Москва: Проспект; Санкт-Петербург: Кодекс, 2023. 185 с. Текст: непосредственный.

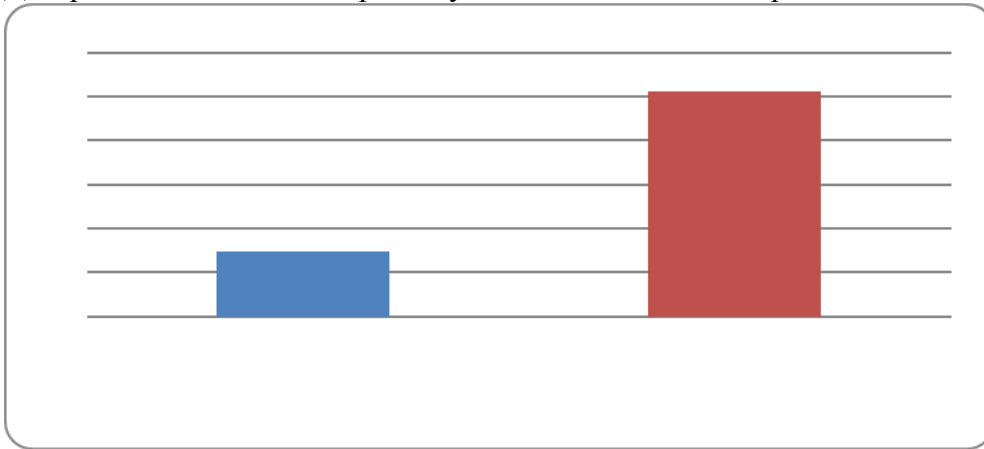
ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 31

9. Правительство Новгородской области: официальный сайт
[Электронный ресурс] // URL: <https://www.novreg.ru/>.

Приложения

Диаграмма 1. Статистика реализуемых инициативных проектов

Корсун Ксения Ивановна

Уральский государственный экономический университет

Кафедра конституционного и международного права

Россия, Екатеринбург

korsunksenia@mail.ru

Корнякова Екатерина Сергеевна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

ekornakova4@gmail.com

Korsun Ksenia

Ural State University of Economics

Department of Constitutional and International Law

Russia, Yekaterinburg

Kornyakova Ekaterina

Ural State University of Economics

Institute of State, Municipal Administration and Law

Russia, Yekaterinburg

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ

Аннотация: исследования подчеркивают специфику юридических обязательств, обусловленных для данных субъектов, подчеркивая важность их роли в согласованности конституционной парадигмы. Необходимо детализировать и анализировать параметры применения нормативных актов, регулирующих деятельность религиозных сообществ, чтобы на полном основании осознавать границы их правовых полномочий и ответственности.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, право, законодательство, юридическая ответственность, ликвидация, запрет.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN RUSSIA

Annotation: the research highlights the specifics of the legal obligations imposed on these subjects, emphasizing the importance of their role in the consistency of the constitutional paradigm. It is necessary to detail and analyze the parameters of the application of normative acts regulating the activities of religious communities in order to fully understand the boundaries of their legal powers and responsibilities.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, law, legislation, legal liability, liquidation, prohibition.

В соответствии с действующими положениями Конституции Российской Федерации, обеспечивается безоговорочное право каждого индивида на свободу совести, в том числе и вероисповедания. По состоянию на начало января 2019 года, Министерство юстиции РФ, осуществившее регистрацию религиозных объединений, объявило о наличии 30 896 зарегистрированных религиозных организаций в пределах страны. Согласно 28-й статье Конституции РФ, указывается на возможность практиковать любые религиозные убеждения, как в личной форме, так и вместе с иными лицами в различных формах коллективного взаимодействия, таких как объединения или группы.

Значительно расширяя рамки данной свободы, конституционное право предоставляет возможность без репрессий и принуждения выбирать убеждения, а также активно их распространять и действовать в соответствии с ними. Это право является неотъемлемым и в полной мере распространяется не только на граждан РФ, но и на иностранцев и лиц, не имеющих гражданства, что подчеркивает открытый и недискриминационный характер вероисповедания в

России. Кроме того, конституционное предписание не вносит ограничения, связанные с статусом юридических субъектов, тем самым приравнивая их права в плане реализации свободы вероисповедания независимо от гражданства.

В доктрине Конституционного Суда Российской Федерации тщательно обосновано право государственных органов на установление законных регламентов, касающихся создания, регистрации и функционирования религиозных объединений, с учетом их имманентного соответствия свободе вероисповедания, закрепленной в основном законе страны. Указывается, что любые ограничительные меры, акцентирующие свою необходимость в контексте защиты общественной морали, здоровья, спокойствия и обеспечения неприкосновенности прав индивидов, оправданы лишь в меру своей пропорциональности указанным выше конституционным ценностям. Стоит подчеркнуть, что превышение установленных пределов в действиях религиозных организаций может повлечь за собой наступление конституционной судебной ответственности [3, с. 452].

Следовательно, в рамках существующего правового поля, религиозные объединения и субъекты, относящиеся к их составу, обременены обязанностью уважать установленные государственные запреты и предписания. Более того, за отступление от норм, определяющих рамки их официального статуса и взаимодействия с обществом, предусмотрены санкции юридической природы. Так, конституционно-правовая обязанность служит защитником общественного добра и конкретных индивидуальных прав, путем сдерживания возможности злоупотребления свободой вероисповедания.

В рамках конституционно-правового поля РФ, религиозные структуры подвергаются обязательствам, строго урегулированным законодательством. В числе первостепенных задач – неукоснительное выполнение всех законодательных актов страны, в том числе и тех, что гарантируют неприкосновенность гражданских прав и свобод, заверенных Конституцией [1,

с. 130-131]. Ключевое значение при этом имеют уважение к праву на свободу вероисповедания и проведение религиозных ритуалов, а также активная роль в предотвращении деятельности экстремистского и террористического характера.

Официальная регистрация, как прерогатива легальной деятельности религиозных объединений, подразумевает строгое соблюдение различных норм, касающихся как организационной, так и финансовой сферы их функционирования. При этом, подразумевается полная прозрачность финансовых операций с обязательным представлением отчетности, что сходится с нормами соответствующего законодательства.

Конституционные обязанности включают в себя и поддержание социального мира, что исключает любые попытки спровоцировать насилие, религиозную ненависть и вражду, а также не допускается вмешательство в государственные политические процессы. Заложенный в основу принцип – сохранение общественного порядка и гармонии [4, с. 355].

Наконец, защита прав и свобод граждан, связанных с осуществлением вероисповедания и участия в религиозных церемониях, является неотъемлемым аспектом деятельности религиозных коллективов, охватывающим не только их собственных членов, но и приверженцев. Эти обязанности прочно утверждены в правовом пространстве Российской Федерации, что обозначает острую необходимость их соблюдения для поддержания стабильности и справедливости в обществе.

В рамках конституционно-правовых рамок Российской Федерации, религиозные объединения несут ответственность, целью которой является обеспечение верности закону, защита гражданских прав и свобод, а также поддержание общественного порядка [2, с. 215]. Механизмы такой ответственности конфигурированы таким образом, чтобы не только содействовать соблюдению законодательства, но и гарантировать наличие равных условий для всех религиозных организаций, предотвращая возможное

нарушение канона светскости государства и вмешательство в свободу вероисповедания [5].

Субъекты, нарушающие установленные предписания, могут столкнуться с действиями правоприменительной системы, предусматривающими вариации репрессивных мер от административной до уголовной ответственности. Эти меры, однако, по сути своей должны быть применены с разумом и в соответствии с принципами уместности, ориентированными на масштаб нарушения. Это обусловлено стремлением к недопущению чрезмерного вмешательства в свободу вероисповедания, что является базовым тезисом конституционной доктрины государства.

Список литературы:

1. Аверина О.Р., Гуйдя Е.К. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений: новеллы в законодательстве. 2016. № 4 (77). С. 128-136.
2. Исаева А.А. Сравнительно-правовой анализ конституционных прав религиозных объединений // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 210-217.
3. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под ред.: Томсинов В.А. М. : Зерцало, 2008. 452 с.
4. Тарасевич И.А. Доктрина религиозной безопасности Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Тюмень: типография «Печатник», 2019. 355 с.
5. Федорук Е.О., Рождествина А.А. Комментарий к Федеральному закону № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 года «О противодействии терроризму» // СПС «Гарант». 2012.

УДК 342.71

Котельников Дмитрий Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
d.a.kotelnikov@mail.ru
Kotelnikov Dmitry
Saint Petersburg State University
Faculty of Law
Russia, Saint Petersburg

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО

Аннотация: статья посвящена гарантиям прав человека в сфере гражданства, установленным международными договорами и практикой международных органов. Автор исследует нормативное содержание права на гражданство в контексте запрета произвольного лишения гражданства. Для конкретизации этого запрета автор анализирует материалы органов ООН и Европейского Суда по правам человека, обращая внимание на принципы правовой определённости и соразмерности ограничения прав, а также на гарантии справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: лишение гражданства, право на гражданство, международно-правовые гарантии права на гражданство, лица без гражданства, сокращение безгражданства.

INTERNATIONAL STANDARDS ON THE RIGHT TO NATIONALITY

Annotation: the article is devoted to the safeguards of human rights in the field of nationality established by international treaties and the practice of international bodies. The author examines the normative content of the right to nationality in the context of the prohibition of arbitrary deprivation of citizenship. To clarify this

prohibition, the author analyzes the materials of the UN bodies and the European Court of Human Rights, paying attention to the principles of legal certainty and proportionality of restrictions on rights, as well as the safeguards of a fair trial.

Key words: deprivation of nationality, right to nationality, international legal guarantees of the right to nationality, stateless persons, reduction of statelessness.

Существование гражданства, разделяющего всемирное население на группы и создающего юридический субстрат определённых государств как корпоративных субъектов [18, с. 4], объективно предопределено потребностями государственно организованного общества. В этом смысле никакая публично-властная структура не может обойтись без прочной юридической связи с лицами, находящимися под её юрисдикцией. Несколько иначе обстоит вопрос с гражданством современных конституционно-правовых государств, которые обязуются соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Изменение роли гражданства в отношениях государства и личности связано с его признанием в качестве самостоятельной конституционной ценности, охраняемой за счёт субъективного права каждого человека на гражданство, которому корреспондирует целый ряд обязанностей государства. Это право, впервые провозглашённое во Всеобщей декларации прав человека (пункт 1 статьи 15), в настоящее время прямо закреплено в Европейской конвенции о гражданстве (подпункт «а» статьи 4) и Американской конвенции о правах человека (пункт 1 статьи 20). В то же время Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) и протоколы к ней не гарантируют право на гражданство как таковое. Несмотря на это, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) рассматривает его как составную часть права на уважение частной жизни, обоснованно считая гражданство важным элементом идентичности человека, отражаемым не только в его правовом статусе, но и в повседневной жизни [16].

Право на гражданство обычно рассматривается в качестве субъективного права на приобретение и прекращение гражданства, а также на пребывание в соответствующих правоотношениях [17, с. 14]. Будучи присущим каждому человеку с момента рождения, оно имеет весьма сложную структуру и обладает многоаспектным содержанием, которое изменяется для конкретного лица в случае приобретения им гражданства определённого государства. Например, в соответствии со статьёй 1 Конвенции о сокращении безгражданства праву на гражданство соответствует обязанность государства предоставить гражданство любому лицу, родившемуся на его территории, если иначе оно станет апатридом. С этой точки зрения право на гражданство обязывает публичные власти принимать меры по предотвращению безгражданства, тем самым защищая лиц, ещё не обладающих соответствующим статусом. Однако после его приобретения человек вовсе не лишается права на гражданство – оно лишь меняет своё основное содержание, в дальнейшем обеспечивая устойчивость правового положения гражданина и позволяя ему разумно полагаться на продолжительное и предсказуемое взаимодействие с публичной властью.

Полноценное пользование основными правами гражданина невозможно без надлежащей гарантии непрерывного характера гражданства, от которого зависит множество других правовых связей гражданина с иными лицами. Юридическую защиту граждан от неправомерных действий государства, подрывающих доверие к нему как к более сильной стороне правоотношения, обеспечивает запрет произвольного лишения гражданства, установленный Европейской конвенцией о гражданстве (подпункт «с» статьи 4), Американской конвенцией о правах человека (пункт 3 статьи 20) и Конвенцией о сокращении безгражданства (пункт 1 статьи 8). Из противопоставления произвольного и не являющегося таковым лишения гражданства исходит и ЕСПЧ, использующий *arbitrariness test* для оценки соответствия акта принудительного прекращения гражданства положениям статьи 8 Европейской конвенции.

Запрет произвольного лишения гражданства, с одной стороны, не является уникальным, поскольку никакое произвольное решение публичной власти не может считаться правомерным в силу общего принципа верховенства права. С другой стороны, в общепризнанной формулировке данное положение предполагает, что государство может лишить гражданина его статуса путём вмешательства в право на гражданство лишь при соблюдении ряда условий. Как отмечается в Пояснительной записке к Европейской конвенции о гражданстве, соответствующие критерии относятся как к материально-правовому основанию лишения гражданства, так и к процедурным гарантиям [10, с. 7]. В общем виде первую группу условий составляют принципы правовой определённости и пропорциональности, в то время как требования к процедуре лишения гражданства вытекают из права на справедливое судебное разбирательство.

Соблюдение принципа правовой определённости, несмотря на его универсальный характер, при прекращении гражданства осложнено широкой дискрецией государства в определении круга его граждан. Законодательство о гражданстве во многом остаётся вопросом политики, в рамках которой государства сохраняют почти неограниченный национальный суверенитет [19, с. 5]. Как следствие, многие правовые акты используют достаточно абстрактные понятия для обозначения оснований лишения гражданства, отсылающие к гражданской верности и жизненно важным интересам государства. При этом в Конвенции о сокращении безгражданства (подпункт «а» пункта 3 статьи 8) такой подход признаётся допустимым.

Тем не менее любое прекращение гражданства по инициативе государства должно иметь чёткое правовое основание, с тем чтобы граждане имели реальную возможность предвидеть последствия их действий (бездействия) [6, с. 28]. В практике ЕСПЧ данный принцип выражается в требовании к ясности и недвусмысленности оснований лишения гражданства, соблюдение которого проверяется при оценке такого критерия правомерности,

как ограничение права «в соответствии с законом» [11]. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ) настаивает на том, что в национальном законодательстве государств-участников Конвенции о сокращении безгражданства должен быть установлен исчерпывающий перечень обстоятельств, служащих поводом для лишения гражданства, также констатируя недопустимость применения закона, который на момент совершения вменяемого гражданину деяния не признавал его основанием для отобрания гражданства [6, с. 29]. Это логично вытекает из правовой природы лишения гражданства как меры конституционно-правовой ответственности, на которую распространяются общие принципы юридической ответственности.

С учётом той же правоограничительной природы принудительного прекращения гражданства к нему применяются универсальные критерии соразмерности ограничения прав человека. Для нахождения справедливого баланса частных и публичных интересов при лишении гражданства наиболее пристальное внимание уделяется негативным последствиям, которые наступят для конкретного лица вследствие применения этой меры. Ключевым фактором при оценке воздействия лишения гражданства на конкретного индивида выступает наличие или отсутствие у него другого гражданства [6, с. 29]. Обоснование соразмерности лишения гражданства лиц, которые в результате стали апатридами, затруднено тем, что для них это влечёт особенно тяжёлые последствия [7, с. 4]. Игнорирование этого обстоятельства может привести к нарушению запрета дискриминации, поскольку законодатель не может не учитывать объективных различий между лицами с единственным и множественным гражданством [9, с. 22].

Общепризнанное исключение составляют случаи прекращения гражданства, приобретённого обманным путём, на которые запрет лишения единственного гражданства целенаправленно не распространяется [7, с. 8]. Это объясняется необходимостью поддерживать административно-процессуальную законность и предупреждать противоправную натурализацию, делая

представление заведомо ложных сведений изначально бессмысленным для недобросовестных заявителей. В противном случае, то есть с учётом действия общего правила, дестимулирование таких лиц станет невозможным. В качестве альтернативного защитного механизма УВКБ рекомендует государствам устанавливать пресекательный срок, по истечении которого незаконно приобретённое гражданство не может быть принудительно прекращено компетентным органом [6, с. 30]. В таком случае правопорядок принимает на себя риски незаконной натурализации конкретного лица, допущенной в том числе вследствие ненадлежащей проверки представленных сведений.

В решениях ЕСПЧ учёт негативных последствий лишения гражданства имеет существенное значение для определения того, является ли то или иное решение государства по вопросам гражданства вмешательством в право на уважение частной жизни (*consequences criteria*) [11]. Такими последствиями признаются оставление лица без гражданства [12], создание неопределённости относительно его права на пребывание на территории данного государства [13], а также разрыв социальных связей, потеря работы и разлука с семьёй [14]. О вмешательстве может свидетельствовать устоявшаяся в государстве практика частого использования национальных паспортов для рутинных нужд, а также наказуемость отсутствия документа, удостоверяющего личность [15]. Иными словами, вмешательство в право на гражданство предполагает прежде всего бытовые неудобства, возникшие у человека после лишения гражданства. Такой подход демонстрирует чрезвычайно деструктивный характер принудительного прекращения гражданства, которое влечёт за собой лишение всех политических свобод, препятствует реализации гражданских и социально-экономических прав на территории данного государства и в целом причиняет невосполнимый урон правосубъектности человека.

Требование к соразмерности ограничения права на гражданство не может быть соблюдено без учёта тяжести деяния, реальной связи гражданина с государством, а в отношении натурализованных лиц – также времени, которое

прошло с момента приобретения гражданства. Соответствие между характером деяния и лишением гражданства как его негативным последствием должно учитываться как правоприменителем, так и законодателем, определяющим действия, несовместимые со статусом гражданина. Такое противоправное поведение должно не просто угрожать публичным интересам, а наносить серьёзный ущерб основам конституционного строя и безопасности государства. Венецианская комиссия [9, с. 23] и УВКБ [6, с. 19] в качестве такового называют терроризм, в Европейской конвенции о гражданстве под ним также может пониматься государственная измена [10, с. 11]. Применительно к «некриминальным» основаниям лишения гражданства, таким как утрата гражданином, проживающим за границей, связи с государством или нарушение обязательства лояльности, принцип соразмерности должен соблюдаться в части, исключающей удовлетворение общественного интереса путём отобрания у человека единственного гражданства.

Если же речь идёт об аннулировании решения о натурализации в связи с представлением заявителем заведомо ложных сведений, то в законе должен быть указан характер сведений, которые имеют существенное значение для приобретения гражданства, а миграционные органы и суды обязаны учитывать причины непредставления соответствующей информации или представления ложных сведений, время, прошедшее с момента натурализации, и прочность связей гражданина с государством [15]. Относительно этой же проблемы Совет по правам человека ООН неоднократно призывал государства воздерживаться от автоматического распространения решения о лишении гражданства на иждивенцев незаконно натурализованного заявителя [8, с. 5], что вновь подтверждает охранительную природу лишения гражданства, которое может применяться лишь в отношении лица, совершившего правонарушение.

Произвольным будет считаться и такое лишение гражданства, которое было применено в отсутствие надлежащих процедурных гарантий. Их нормативную основу составляет универсальное право каждого на справедливое

судебное разбирательство, дополнительно подтверждённое Конвенцией о сокращении безгражданства (пункт 4 статьи 8). Для лица, в отношении которого начата процедура лишения гражданства, доступ к судебному обжалованию решений уполномоченного органа представляется абсолютно необходимым. Более того, УВКБ рекомендует проводить состязательное судебное разбирательство до принятия окончательного решения и сохранять статус гражданина, пока не будут совершены все необходимые действия [6, с. 23]. Учитывая, что в большинстве государств решение о принудительном прекращении гражданства принимается в административном порядке, эта рекомендация может быть реализована посредством отложения даты вступления в силу решения о лишении гражданства до истечения срока, отведённого на его судебное обжалование.

Важную роль в таких административных спорах играет выравнивание процессуальных возможностей гражданина и миграционного органа. В целях обеспечения эффективной судебной защиты государству следует предоставить гражданину необходимую информацию о принятом решении, его правовом и фактическом обосновании [6, с. 23]. Предварительное уведомление гражданина о том, что государство намерено прекратить его гражданство, способствуя правовой определённости и поддерживая доверие в их отношениях, также рассматривается в качестве процессуальной гарантии [14]. Аналогичным механизмом может выступать предупреждение гражданина о наличии в его поведении признаков, могущих стать основанием для лишения гражданства [6, с. 18]. К иным процессуальным гарантиям прав человека при прекращении гражданства относятся тщательная оценка всех доказательств [6, с. 22], оперативное рассмотрение дела [11], избегание заочного разбирательства [6, с. 32] и необходимость получения согласия высшего органа государственной власти [14].

Вышеперечисленные принципы являются неотъемлемыми элементами запрета произвольного прекращения гражданства, который обеспечивает

защиту субъективного права на гражданство каждого человека и стабильность его правового статуса. Поскольку право на гражданство является общепризнанным, все приведённые стандарты являются актуальными для всех конституционно-демократических государств, допускающих принудительное прекращение гражданства, независимо от того, закреплён ли соответствующий запрет в национальном законодательстве.

В действительности государственная защита права на гражданство затруднена из-за высокой политической значимости этого вопроса. В частности, это проявляется в административной деятельности миграционных органов, которые нередко наделяются более широким усмотрением по вопросам гражданства, нежели другие органы публичного управления. Вследствие этого судебный контроль за решениями о лишении гражданства, принятыми в рамках дискреционных полномочий, может утратить свою эффективность на этапе установления обстоятельств, служащих основаниями для лишения гражданства, особенно если они сформулированы в виде оценочных понятий.

Однако лишение гражданства не может быть произвольным, несмотря на его политико-правовую целесообразность в отдельных случаях. Независимо от наименования и юридической формы любые ограничения права на гражданство должны быть предусмотрены законом, иметь чёткое правовое основание, применяться с учётом соразмерности и минимальной необходимости лишения гражданства и сопровождаться надлежащими процессуальными гарантиями. Поскольку личность признаётся равноправным субъектом конституционно-правовых отношений, их судьба не может зависеть от одного лишь усмотрения государственных органов. Одностороннее прекращение гражданства помимо воли человека возможно в исключительных случаях, когда сохранение за ним данного статуса нанесёт правопорядку ущерб, несоизмеримо превышающий негативные последствия, с которыми может столкнуться индивид, в том числе в случаях, если прекращаемое гражданство является для него единственным.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о сокращении безгражданства (заключена в Нью-Йорке 30 августа 1961 года) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 года) // СПС «КонсультантПлюс».
4. European Convention on Nationality. Strasbourg, 6.XI.1997 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168007f2c8> (дата обращения: 13.05.2024).
5. American Convention on Human Rights «Pact of San Jose», Costa Rica // The Organization of American States. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_b-32_american_convention_on_human_rights.pdf (дата обращения: 13.05.2024).
6. Рекомендации по вопросам безгражданства № 5: Утрата и лишение гражданства по статьям 5-9 Конвенции 1961 года о сокращении безгражданства. Документ ООН HCR/GS/20/05, май 2020 года.
7. Права человека и произвольное лишение гражданства: Доклад Генерального секретаря ООН. Документ ООН A/HRC/25/28 от 19 декабря 2013 года.
8. Права человека и произвольное лишение гражданства: резолюции Совета по правам человека ООН. Документ ООН A/HRC/RES/32/5 от 15 июля 2016 года.
9. Opinion on the Draft Constitutional Law on «Protection of the Nation» of France adopted at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016) // The European Commission for Democracy through Law. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)006-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)006-e) (дата обращения: 13.05.2024).

10. Explanatory Report to the European Convention on Nationality of 6 November 1997 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16800ccde7> (дата обращения: 13.05.2024).
11. The European Court of Human Rights. *K2 v. The United Kingdom*. Application no. 42387/13. Judgment of 2 July 2017.
12. The European Court of Human Rights. *Ramadan v. Malta*. Application no. 76136/12. Judgment of 21 June 2016.
13. The European Court of Human Rights. *Ahmadov v. Azerbaijan*. Application no. 32538/10. Judgment of 30 January 2020.
14. The European Court of Human Rights. *Ghoumid and others v. France*. Application no. 52273/16. Judgment of 25 June 2020.
15. The European Court of Human Rights. *Usmanov v. Russia*. Application no. 43936/18. Judgment of 22 December 2020.
16. The European Court of Human Rights. *Karashev v. Finland*. Application no. 31414/96. Judgment of 12 January 1999.
17. Бабурина В.Л. Гражданство Российской Федерации (конституционно-правовая теория и практика) : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Воронеж, 2017. 22 с.
18. Белкин А.А. О некоторых доктринальных вопросах института гражданства // Правоведение. 1995. № 6. С. 2-12.
19. Bauböck R., Ersbøll E., Groenendijk K. *The Acquisition of Nationality in EU Member States: Rules, Practices and Quantitative Developments (NATAC). Summary and Recommendations* // Centre for Migration Law. URL: <https://cmr.jur.ru.nl/cmr/docs/natac-summary.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

Лебедева Анастасия Алексеевна

Федоров Вадим Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

nassstyalee@gmail.com

egorovd219@gmail.com

Levedeva Anastasia

Fedorov Vadim

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ИСПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО ОРГАНА ОБ ИЗМЕНЕНИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПРИВЕДЕНИЕ ИХ В
СООТВЕТСТВИЕ**

Аннотация: в данной статье рассматривается значение конституционного правосудия в современной России. Выделяются проблемные аспекты исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и зарубежных стран. Раскрывается сущностное влияние отдельных институтов на реализацию решений Конституционного Суда. Предлагаются возможности решения проблемы исполнимости решений Конституционного Суда в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, конституционный контроль, исполнение решений Конституционного суда,

ответственность за неисполнение решений Конституционного суда, конституционное правосудие.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES IN IMPLEMENTING DECISIONS

Annotation: this article discusses the significance of constitutional justice in modern Russia. Problematic aspects of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and foreign countries are highlighted. The essential influence of individual institutions on the implementation of decisions of the Constitutional Court is disclosed. The article offers opportunities to solve the problem of enforceability of decisions of the Constitutional Court in the Russian Federation.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional control, execution of decisions of Constitutional Court, responsibility for failure to comply with decisions of Constitutional Court, constitutional justice.

Один из главных конституционных принципов современных демократических государств является теория разделения властей. Теория разделения властей представляет собой структурно-организационное деление государства на три самостоятельные ветви власти (законодательную, исполнительную и судебную) и наличие системы сдержек и противовесов [1, с. 69]. Судебная власть в рамках триады разделения властей традиционно представляется Высокими судами: Верховными и Конституционными судами. Значимость выделения судебной власти в отдельную ветвь будет обусловлена лишь тогда, когда суд будет относительно самостоятелен при вынесении решения, а также отделен от исполнительной и законодательной властей. Бесспорен тот факт, что суд, выступая органом отправления правосудия, является одним из составляющих элементов правового государства, в рамках которого все вопросы права разрешаются независимым и беспристрастным

судьей, чьи решения являются обязательными для исполнения. Однако судебная власть значительно ослабевает и фактически сходит на нет, если судебные акты не исполняются. Сам факт того, что органы государственной власти или лица, связанные между собой судебным решением, отказываются исполнять судебное решение, ставит под вопрос существования права как такового [6].

В современных реалиях Российской Федерации одним из важнейших органов судебной власти является Конституционный суд. Закон определяет, что решения Конституционного суда РФ носят обязательный и окончательный характер, они непосредственны и не требуют подтверждения от других органов государственной власти. Однако, как уже было выше заявлено в статье, для торжества права в государстве нужно не только законодательно закрепить юридическую силу решений суда, но и наладить оптимальный механизм исполнения данных решений. Как же в Российской Федерации исполняются решения Конституционного суда?

По сведениям Секретариата Конституционного Суда, в настоящее время (за период с 2010 года) 48 решений подлежат исполнению в порядке статьи 80 ФКЗ о КС. Из их числа: 1 постановление, принятое в 2010 году; 1 – в 2011 году; 1 – в 2012 году; 1 – в 2013 году; 2 – в 2015 году; 1 – в 2016 году; 2 – в 2017 году; 1 – в 2018 году, 2 – в 2019 году; 4 – в 2020 году; 8 – в 2021 году; 18 – в 2022 году; 6 – в 2023 году [7].

По данным статистики исполнений решений Конституционного Суда можно выявить неутешительные результаты: многие решения суда не исполняются годами, что, безусловно, подрывает не только правовую надстройку российского государства, но статус Конституционного Суда как органа конституционного надзора.

Проблема неисполнения отдельных решений КС РФ кроется в законодательстве. Частично порядок исполнения решений Конституционного суда установлен ст. 80 и 81 ФКЗ “О Конституционном Суде Российской

Федерации”, однако нормативное регулирование данного вопроса в приведенных статьях видится неполным [5, с. 144].

Согласно ст. 80 вышеупомянутого ФКЗ Правительство не позднее 6 месяцев после опубликования постановления Конституционного Суда Российской Федерации вносит в Государственную Думу проект нового закона. Причем законодатель возложил данную обязанность исключительно на Правительство, минуя парламент страны, тем самым ограничив самостоятельность законодательных органов государственной власти и право законодательной инициативы депутатов Государственной Думы. Хотя некоторые исследователи не видят глобальной проблемы подобного упущения составителя закона (например, Леонтьев считает, что в силу ст. 104 Конституции РФ и ее прямого действия, данное право изначально подразумевается за депутатами Государственной думы), однако в силу того, что данная норма регулирует специфический вид правоотношений, вытекающих из необходимости исполнения решений Конституционного Суда, законодателю следовало указывать исчерпывающий список субъектов в силу специфики механизма реализации данного правоотношения [4, с. 16].

Следующая проблема, связанная с ненадлежащим исполнением решений Конституционного Суда РФ, вытекает из отсутствия предельных сроков на принятие соответствующего закона, вследствие чего процесс принятия закона может затягиваться и откладываться на неопределенное время [3, с. 95]. Процесс принятия соответствующего закона дополнительно осложняется тем фактом, что законопроект, вносимый Правительством, рассматривается в общем порядке, хотя прошлые редакции статьи 80 ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации” содержали правило о рассмотрении данного законопроекта во внеочередном порядке, что в значительной степени ускоряет процедуру принятия закона.

Одним из ключевых показателей формирования эффективного механизма конституционного контроля за исполнением решений Конституционного Суда -

применение мер юридической ответственности за нарушение исполнения решений Конституционного Суда [2, с. 189]. Недостаток же проработки современного российского законодательного регулирования в этой сфере обусловлен тем, что решения Конституционного Суда зачастую адресованы высшим органам государственной власти, которые являются субъектами только политической ответственности, что в значительной степени затрудняет применение нормы ст. 81 ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации” и, соответственно, ст. 315 УК РФ, в рамках которой к уголовной ответственности могут быть привлечены только физические лица.

Решение существующих проблем исполнения актов Конституционного Суда Российской Федерации можно найти в законодательствах зарубежных стран.

Так, интересным представляется опыт Австрии. С 1975 года Суд в каждом случае вправе определять действие своего решения во времени и может установить срок вступления его в силу, не превышающий, однако, 18 месяцев (абз. 5 ст. 150 Конституции). За счет подобной нормы законодателю предоставляется оптимальный временной промежуток для внесения изменений в антиконституционный закон. При этом выполнение актов органа конституционного контроля возложено на обычные суды и на Президента Республики (ст. 146 Федерального конституционного закона Австрии от 01.10.1920). Исполнение решений Конституционного суда производится уполномоченными по указанию главы австрийского государства органами Федерации или земель, а в исключительных случаях — с привлечением федеральной армии. Таким образом, в Австрии четко фиксируется как срок для принятия соответствующего закона, так и субъект, на которого возложена ответственность за исполнение решения Конституционного Суда.

Обращаясь к опыту Испании, следует отметить следующее: деятельность Конституционного суда организуется по регламенту, утвержденному на заседании Конституционного суда в полном составе 15 июля 1990 года. В

целях надлежащего исполнения решений конституционных судов и, соответственно, реализации принципов верховенства Конституции, защиты прав и свобод человека и гражданина на законы о конституционном суде различных стран, как правило, предусматривают санкции для органов и лиц, не исполняющих их решений. Согласно Закону о Конституционном Суде Испании на любое лицо, облеченное или не облеченное публичной властью, которое не выполняет предписаний Суда в указанные сроки, могут налагаться штрафы или любая другая форма ответственности, которую Суд сочтет необходимой (п. 4 ст. 95).

Законодательство Республики Беларусь предусматривает решение вопроса о привлечении к ответственности субъекта, неисполняющего решения Конституционного Суда. Согласно части пятой статьи 22 Кодекса о судоустройстве и статусе судей нормативные правовые акты, признанные согласно заключению Конституционного Суда Республики Беларусь не соответствующими Конституции Республики Беларусь или нормативным правовым актам, обладающим более высокой по отношению к ним юридической силой, считаются утратившими силу в целом или в определенной их части с момента внесения в них соответствующих изменений и (или) дополнений либо принятия новых нормативных правовых актов. Согласно части второй ст. 94 Конституции Республики Беларусь полномочия Палаты представителей либо Совета Республики могут быть досрочно прекращены на основании заключения Конституционного Суда в случаях систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции. Основанием для постановки вопроса о роспуске местного Совета могут быть не только результаты парламентской проверки его деятельности, но и решения Конституционного Суда вынесенные на основании ст. 146 или части четвертой ст. 123 Конституции, где закреплено право граждан на обращение в Конституционный Суд по поводу нарушения их прав и свобод местным Советом.

Исследовав зарубежное законодательство, можно прийти к выводу, что опыт зарубежных стран можно положить в основу решения проблем исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Представляется необходимым внести изменений в ФЗ “О Конституционном суде”, дополнительно закрепив, во-первых, обязанность Президента РФ как гаранта Конституции реагировать на все случаи неисполнения решений Конституционного суда, во-вторых, предельный срок на рассмотрение и принятие закона во исполнение решения Конституционного суда, который должен равняться не более 12 месяцев, и в-третьих, полномочия Государственной Думы по самостоятельному правовому регулированию предписаний Конституционного Суда.

Список литературы:

1. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. Москва., 2021. 552 с.
2. Конституционный судебный процесс / отв. ред. М. С. Саликов. Москва, 2023. 392 с.
3. Кокотов А.Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. №5. С. 90-101.
4. Леонтьев Е.И. Проблемы механизма исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционно-правовой ответственности за их неисполнение // Вестник ЧелГУ. 2012. №37. С. 15-20.
5. Белоногов Андрей Викторович, Стаценко Дарья Алексеевна Проблемы исполнения актов Конституционного Суда Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №5. С. 143- 145.
6. Заключение N 13 Консультативного совета европейских судей "О роли судей в исполнении судебных решений" (CCJE(2010)2) (Принято в г. Страсбурге 19.11.2010). [Электронный ресурс] // URL: <https://e->

ecolog.ru/docs/h7-

pJeJTGyvuGkLabSjBM?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F/

7. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2022 году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406782418/>

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ДВУХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация: в статье анализируется феномен организации местного самоуправления путем создания двух самостоятельных уровней муниципальной власти в пределах строго определенного закрытого перечня муниципальных образования. Рассмотрены преимущества и недостатки, выделяемые в научной литературе такого подхода к формированию местного самоуправления. Представлены выводы об эффективности и перспективах указанной системы.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, поселения, муниципальные районы, городские округа.

TWO-TIER SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Annotation: the article analyzes the phenomenon of organizing local self-government by creating two independent levels of municipal government within a strictly defined closed list of municipalities. The advantages and disadvantages highlighted in the scientific literature of this approach to the formation of local self-

government are considered. Conclusions about the effectiveness and prospects of this system are presented.

Key words: local government, municipal formation, settlements, municipal districts, urban districts.

Внедрение двухуровневого принципа территориальной организации МСУ считается в настоящее время весьма существенным достижением муниципальной реформы последних десятилетий. Законодательно провозглашенная автономия МСУ, введение институтов муниципальной собственности и муниципального бюджета, формирование демократических механизмов управления, регламентация форм участия граждан в МСУ создают основу для дальнейшего эффективного развития российской муниципальной системы. Развитие института местного самоуправления является важным аспектом поддержания устойчивых основ конституционного строя России. Именно он выступает одним из важнейших ресурсов повышения эффективности социально-экономического развития территорий [7, с. 121].

Принятие Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 131) положило начало самой крупномасштабной реформе системы местного самоуправления в России. Проводимая реформа была призвана сделать организацию власти на местах эффективной и отвечающей требованиям современного демократического, рыночного и социально ориентированного государства, потому что именно сельские и городские поселения «более ориентированы на самоорганизацию, нежели крупные муниципальные образования, обладают более высоким, чем муниципальные районы и городские округа, потенциалом личного участия жителей в делах местного сообщества» [1, с. 84].

С момента принятия этого федерального закона на территории России стала функционировать двухуровневая система местного самоуправления.

Первый уровень - поселения, второй – округа и районы. Важно отметить, что два этих уровня организационно и финансово полностью не зависимы друг от друга. В частности, такое положение отражено в пункте 3 статьи 17 Федерального закона № 131.

Нижний, первый уровень территориальной организации местного самоуправления составляют сельские и городские поселения, а также внутригородские районы городского округа. По своему назначению они обеспечивают реальную близость, доступность муниципальной власти для граждан. Органы местного самоуправления на этом уровне наделены полномочиями решать вопросы местного значения, связанные с обеспечением жизнедеятельности, проживающего на соответствующей территории населения.

Муниципальные районы и городские округа с внутригородским делением составляют верхний, второй уровень, состоящий из нескольких образований первого уровня. На них возложено решение вопросов межпоселенческого характера, обусловленного необходимостью разрешения проблем большего масштаба, затрагивающих более одного муниципального образования нижнего уровня. Например, к таким вопросам можно отнести транспортное сообщение или содержание общего для нескольких поселений мусорного полигона. Более того образования второго уровня могут выполнять как отдельные государственные полномочия, делегированные им законами соответствующего уровня, так и полномочия по решению вопросов местного значения, возложенные на поселения и переданные ими на договорной основе. На основе сказанного можно заключить, что муниципальные районы и городские округа с внутригородским делением предназначены для создания плавного перехода от государства к населению, связи между ними.

В качестве основного преимущества рассматриваемой системы выступает приближение публичной власти на муниципальном уровне к населению. Предполагается, что это позволяет повысить качество работы муниципальных

органов власти и демократизировать муниципальное управление, позволяет снизить степень централизации власти [6, с. 73-76]. Также ряд авторов отмечает, что внедрение двухуровневой системы местного самоуправления является существенным достижением, так как на ее основе возможно дальнейшее эффективное развитие муниципальной системы в России [4, с. 209-214].

С другой стороны, отдельные авторы выступают с критикой указанной системы. В качестве основного недостатка может быть выделено то, что двухуровневая система на практике становится фактором, осложняющим управление на местном уровне, так как она предполагает практически «полную независимость» местной поселковой и районной власти. В таком случае поселения, которые не обладают достаточной ресурсной базой, не могут из-за формальных требований закона получить помощь и от других муниципальных образований [2, с. 38-44]. С другой стороны, проблема отсутствия финансовой базы одновременно и формирует зависимость администрации поселения от региональных и федеральных бюджетов, что не позволяет говорить об автономности муниципальных образований. Также в научной литературе высказывается мнение, что такая система организации местного самоуправления убивает социальные признаки общины, путем искусственного разделения территории на муниципальные образования, разделяя единое территориально-поселенческое сообщество [3, с. 105]. В связи этими недостатками ряд ученых считает, что в большинстве регионов страны складывается процесс превращения местного самоуправления в элемент управления населением со стороны государства [5, с. 4-27].

Таким образом двухуровневая система местного самоуправления в России в научном сообществе подвергается существенной критике, ввиду обширного ряда проблем применения ее на практике. Однако внедрение двухуровневого принципа территориальной организации местного

самоуправления даже с учетом изложенных недостатков весьма существенным достижением муниципальной реформы последних десятилетий [4, с. 213].

Законодательно провозглашенная автономия местного самоуправления, введение институтов муниципальной собственности и муниципального бюджета, формирование демократических механизмов управления в перспективе являются фундаментом для дальнейшего эффективного развития российской системы местной власти.

Список литературы:

1. Васильев В. И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2017. №1 (241). С. 80-91.
2. Зазулина, М. Р. Коллизии реформирования местного самоуправления на селе (опыт экспертного опроса) // Социологические исследования. – 2010. – № 2(310). – С. 38-44.
3. Зинченко, Г. П. Сельская власть 20 лет спустя // Социологические исследования. 2013. № 7(351). С. 104-109.
4. Майкова, Э. Ю. Двухуровневая система местного самоуправления в современной России: проблемы и перспективы развития // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 16. С. 209-214.
5. Матвеев Д.Н. Институт местного самоуправления в политической системе современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. / Д.Н. Матвеев. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 28 с.
6. Нувахов Т.А. Проблемы реформирования местного самоуправления в России с экспертной точки зрения // Власть. 2010. № 5. С. 73-76.
7. Сираждинов, Р. Ж. Двухуровневая система местного самоуправления в России: развитие или топтание на месте // Муниципальная академия. 2016. № 1. С. 121-125.

УДК 342.41

Рысев Генрих Сергеевич
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева
Россия, Саратов
rg552@vk.com
Rysev Henry
Saratov State Law Academy
Department of Constitutional Law
named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabysheva
Russia, Saratov

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: в статье рассматриваются основные подходы к пониманию экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования. Основное внимание в научном исследовании уделяется анализу содержания экономических основ конституционного строя в Конституциях Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан. Анализируя конституционно-правовые нормы основного закона Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан в данном аспекте. Считается необходимым закрепить сформулировать конституционные положения, которые являются структурными элементами экономической основы конституционного строя в отдельной главе.

Ключевые слова: экономическая система как объект конституционно-правового регулирования, экономические основы конституционного строя, конституционная экономика, объекты экономической системы как объект

конституционно-правового регулирования, субъекты экономической система как объект конституционно-правового регулирования.

THE ECONOMIC SYSTEM AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION, THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Annotation: the article discusses the main approaches to understanding the economic system as an object of constitutional and legal regulation. The main attention in the scientific research is paid to the analysis of the content of the economic foundations of the constitutional system in the Constitutions of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Uzbekistan. Analyzing the constitutional and legal norms of the basic law of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan in this aspect. It is considered necessary to consolidate and formulate constitutional provisions that are structural elements of the economic basis of the constitutional system in a separate chapter.

Key words: economic system as an object of constitutional and legal regulation, economic foundations of the constitutional system, constitutional economy, objects of the economic system as an object of constitutional and legal regulation, subjects of the economic system as an object of constitutional and legal regulation.

С момента принятия Конституции Российской Федерации конституционно-правовое регулирование экономической системы претерпело серьезные изменения. В связи с этим, в конституционной правовой доктрине стало актуальным переосмыслить базисные положения [1].

По этой причине большинство ученых рассматривают экономическую систему как объект конституционно-правового регулирования через такие объекты как: отношения собственности, хозяйственный механизм и организационные формы хозяйствования и т.д. Представляется, что входящие в

экономическую систему структурные элементы являются объектами конституционно-правового регулирования.

В.М. Чиркин в своем научном исследовании пришел к тому, что экономическую систему как объект конституционно-правового регулирования следует рассматривать с нескольких позиций [2, с. 149]. Во-первых, экономическая система любого государства не может существовать без таких структурных элементов как производство, обмен, распределение. Данные объекты рыночной экономики закладывают основополагающие постулаты для развития социально-экономических отношений, которые важно урегулировать нормами конституционного права. Во-вторых, благодаря закрепленным в Конституции РФ экономическим основам, устанавливаются основополагающие положения, которые являются основой для дальнейшего развития рыночных отношений.

Представляется необходимым поддержать точку зрения ученого, потому что экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования является широким понятием, включающим в себя такие структурные элементы как: экономические основы конституционного строя и конституционные принципы экономической системы. В связи с этим экономическую систему как объект конституционно-правового регулирования важно рассматривать через парадигму соотношения между собой понятий «экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования», «экономические основы конституционного строя», «конституционные принципы экономической системы», «экономическая конституция».

После того как определились с пониманием понятия экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования, представляется логичным перейти к рассмотрению вопроса о соотношении понятий «экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования», «экономические основы конституционного строя»,

«конституционные принципы экономической системы», «экономическая конституция».

Конституционно-правовой доктрине сформировалось два основных подхода к пониманию соотношения вышеописанных понятий. Первая группа ученых (М.В. Саудаханов, В.И. Елинский, Л.Ю. Кузнецова, С.В. Розенко, Ю.И. Мхитарян, В.М. Кузнецов и др.) придерживается такого мнения, что «экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования» соотносится с понятием «экономическая конституция» как тождественные. При формулировании понятия «экономическая основа конституционного строя» нужно рассматривать в такой конфигурации, что «экономическая основа конституционного строя» является более широким понятием, а конституционные нормы, которое регулируют экономические отношения и конституционные принципы экономической системы являются структурными элементами, то есть, выделяются как часть и целое. Вторая группа (А.Д. Жусупов, Н.А. Аубакирова, Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин, А.Е. Курилов и др.), считают, под экономическими основами конституционного строя понимают, как систему конституционных принципов, которые регулируют социально-экономических отношений в государстве. Таким образом, основы конституционного строя это и есть нормы принципы, тем самым данные понятия отождествляют.

Исходя из проанализированных подходов к пониманию соотношения понятий «экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования», «экономические основы конституционного строя», «конституционные принципы экономической системы», «экономическая конституция» следует выделить авторскую позицию по данному вопросу. Представляется необходимым поддержать первую группу ученых, поскольку их тезисы следует считать более грамотными, потому что они основами на правильном толковании с точки зрения теории государства и права. В.С. Нерсесянц пишет, что нормы права и нормы-принципы необходимо между

собой разграничивать и в случае возникновения каких-либо коллизий между действующей нормой права и принципом, то конституционные принципы всегда имеют высшую юридическую силу [3, с. 152].

Г. А. Гаджиев в своем научном исследовании предложил заменить понятия «экономическая система», «экономическая основа» понятием «экономическая конституция». Судья Конституционного суда в отставке, аргументирует нормы экономической конституции не могут предопределять содержание других конституционных норм, поскольку их назначение заключается в том, что они закрепляют экономическую основу свободы личности, устанавливают границы свободы личности в экономической сфере, способствуют разрешению социальных конфликтов в сфере предпринимательства, помогают государству эффективнее осуществлять экономическую политику и грамотно распределять компетенции государственных органов в сфере экономики. На эту роль могут претендовать лишь нормы, закрепляющие права и свободы человека и гражданина [4, с. 85].

Безусловно, тут нельзя отчасти не согласиться с мнением Гадиса Абдуллаевича, поскольку в современной Конституции и в правовой доктрине отсутствует четкое понимание по поводу состояния и грамотного регулирования экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования. С одной точки зрения, действительно, необходимо отделять «плевна от зёрен» и при принятии норм конституционных норм правильно отграничивать сферы их применения и действия, но с другой стороны почему нужно ограничивать понимание экономической системы только нормами конституции! Экономическая система любого государства регулируются не только нормами конституционного права, но и нормами других подзаконных нормативно-правовых актов, которые не должны противоречить экономическим основам конституционного строя.

После того как определились с соотношением понятий «экономическая система государства как объект конституционно-правового регулирования»,

«экономические основы конституционного строя», «конституционные принципы экономической системы», «экономическая конституция». логичными будет перейти рассмотрению опыта Республики Казахстан и Республики Узбекистан к пониманию экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования и экономических основ конституционного строя.

После принятия 30 августа 1995 г. новой Конституции в Республике Казахстан была установлена либеральная модель конституционной экономики, которые ознаменовались серьезными изменениями в регулировании экономической деятельности. К.А. Мами выделил основные недостатки [5, с. 325]:

1) неплавный переход на принципы рыночной экономики, который привел к обесцениванию конституционных ценностей, лишил возможности рассчитывать гражданам на защиту и гарантию их прав и свобод в экономической и социальной сфере.

2) очень болезненно оказался для экономики процесс приватизации, который характеризовался внедрением залоговых аукционов и различных преференции в распределении государственной собственности отдельным физическим и юридическим лицам. Это привело к серьезному разделению общества на богатых и бедных.

3) вытекающая из второй проблемы стала развиваться монополизация, по причине того, что государство на много реже вмешиваться в регулирование экономических процессов. Все это привело к таким бюрократическим явлениям как укрепление и сращивание между собой предпринимательского и чиновнического аппарата, экономическому кризису.

Благодаря принятым в 2022 году конституционным поправкам, которые внесли значительные изменения в положительную сторону в понимание экономических основ конституционного строя [6].

Вышеупомянутые новеллы были воплощены в два этапа. Первый этап ознаменовался такими позитивными тенденциями как:

- иначе сформулированы положения в экономические основы конституционного строя регулирующие вопросы развитие рыночной экономики;
- провозглашается свобода экономической деятельности;
- значительно возрастает влияние государство на регулирование экономических процессов в стране, а именно, гарантируется защита от монополизации и в равной степени защищаются все виды собственности (частная, государственная).

Второй этап конституционной реформы характеризуется конституционным закреплением социального государства. Во-первых, была установлена нормами основного закона политико-правовая ответственность всех частных собственников. Этот шаг стал фундаментом для предупреждения развития монополизма. Во-вторых, данные поправки способствовали закреплению грамотного толкования идей социального государства.

Подводя промежуточные итоги краткого обзора действующей следует отметить следующее, что реформации понимания экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования претерпели серьезные изменения исключительно в положительную сторону. Удалось добиться экономической стабильности, благодаря проведенной правовой модификации. Успешно трансформировалось в конституционную модель принцип единого экономического пространства. Однако, несмотря на все вышеперечисленные грамотно реализованные конституционно-правовые новации имеется один серьезный недостаток, который приводит правовой неопределенности в понимании экономических основ конституционного строя.

Так, в Конституции Республики Узбекистан наблюдается грамотное построение структуры и толкование конституционно-правовых норм. Все положения, которые регулируют экономические основы находятся в отдельной главе № 9 [7]. Данная составляющая не наблюдается в Конституции

Республики Казахстан. В связи с этим, представляется необходимым пересмотреть содержание действующей конституции.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что понятие экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования имеет многогранный характер. Экономические основы конституционного строя как составная часть конституционной экономики отличается сферой регулирования, в которой значительную роль играют институты гражданского общества не только в упорядочении, но и в реализации самих отношений. Конституционные принципы, которые являются важным звеном в укреплении качественной правовой модификации обладают очень высокой юридической ценностью по отношению к другим нормам самой Конституции РФ, закрепляющим основополагающие начала гарантии защиты прав и свобод всех участников экономической деятельности, а также способствует совершенствованию грамотного толкования в отраслевом законодательстве. Исходя из этого следует, что при гармонично построенной иерархии регулирования экономической системы как объекта конституционно-правового регулирования зависит упорядоченность экономических правоотношений.

Анализируя нормы основного закона Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан в данном аспекте считается необходимым сформулировать следующие выводы:

Во-первых, важно пересмотреть фиксацию положений, составляющие экономическую основу конституционного строя, а именно, выделить их в отдельной главе как это реализовано в Конституции Республики Узбекистан.

Во-вторых, автономизация конституционных норм регулирующих экономическую систему, не раскрывают значимость частной собственности как объекта конституционно-правового регулирования. По причине этого возникают расхождения в толковании таких основ конституционного строя как: свобода экономической деятельности и поддержка добросовестной конкуренции. Этим пользуются многие предприниматели в нашей стране и

вышеупомянутый недостаток негативно влияет на экономическую ситуацию в стране и приводит к монополизации всех институтов финансовой и экономической деятельности.

В-третьих, необходимо вернуть практику преподавания в вузах юридической и экономической направленности учебную дисциплину «Конституционная экономика». Это будет драйвером для укрепления грамотного толкования норм конституционного права. Станет неким фундаментом для более детального рассмотрения и изучения экономических проблем, и послужит формированию у будущих юристов глубокого понимания экономических основ конституционного строя и подтолкнет в дальнейшем выступить с предложениями о необходимости пересмотра действующих положений и их совершенствования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 31. Ст. 4398.
2. Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зеркало. 1998. С. 149–150.
3. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник. М.: Норма. 2004. С. 152.
4. Гаджиев Г.А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Научно-теоретический журнал. Правоведение. 2009. № 2. С. 83-90.
5. Мами К.А. Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс: в 2-х томах. Нур-Султан: Алматы. 2021. Т.1. 630 с.

6. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 09.04.2024).

7. Конституция Республики Узбекистан ред. от 30 апреля 2023 г. <https://constitution.uz/ru>. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения: 09.04.2024).

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347

Ашкалова Елизавета Аркадьевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры и заочного обучения
Россия, Саратов
lizaabezb@gmail.com

Ashkalova Elizaveta
Saratov State Law Academy
Institute of Master's and Distance Learning
Russia, Saratov

**ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО
ДОГОВОРА В РОССИИ**

Аннотация: в статье автор исследует трудности и перспективы развития института брачного договора в России. Подчеркивается, что несмотря на значительную роль данного института в защите имущественных прав и интересов супругов, на сегодняшний день остается ряд неразрешенных проблем. В результате проведенного исследования автором делаются выводы и приводятся наиболее действенные пути их решения.

Ключевые слова: брачный договор, договорной режим имущества супругов, имущественные права, правовые проблемы, перспективы развития.

**CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF THE
INSTITUTE OF MARRIAGE CONTRACT IN RUSSIA**

Annotation: in the article, the author explores the difficulties and prospects for the development of the institution of marriage contract in Russia. It is emphasized that

despite the significant role of this institution in protecting the property rights and interests of spouses, today there are a number of unresolved problems. As a result of the research, the author draws conclusions and provides the most effective ways to solve them.

Key words: marriage contract, contractual regime of spouses' property, property rights, legal problems, development prospects.

На сегодняшний день брачный договор является одним из наиболее эффективных инструментов защиты имущественных прав лиц, состоящих в браке, что в полной мере отвечает актуальным особенностям экономических и связанных с ними отношений. Однако в Российской Федерации, как и в большинстве наиболее развитых стран мира, существуют определенные трудности развития института брачного договора. Причиной для этого служит низкий уровень правового просвещения российских граждан, а также отдельные морально-нравственные аспекты супружеской жизни [1, с. 3].

Поскольку институт брачного договора знаком российскому законодательству не столь продолжительное время, в гражданско-правовой доктрине и правоприменительной практике данный институт носит достаточно спорный характер. Но так как брачный договор является наиболее перспективным институтом цивилистического законодательства, существует объективная необходимость по решению существующих проблем и определению наиболее общественно значимых перспектив развития института брачного договора в России [6, с. 485].

Рассмотрим некоторые из существующих проблем и предложим пути их решения:

1) согласно ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) брачный договор подлежит заключению, в том числе, между «лицами, вступающими в брак» [4]. Определение данной категории и вызывает наибольшие трудности на практике, поскольку до сих пор ни в

законодательстве, ни на практике не выработаны критерии отнесения к ней лиц. Так, существуют следующие точки зрения:

- к «лицам, вступающим в брак» относятся исключительно лица, явно выразившие собственное желание заключения брака, что возможно определить путем его привязки к моменту подачи заявления в органы ЗАГС. Однако данная точка зрения не находит поддержки со стороны большинства представителей современной юридической науки, поскольку СК РФ не предусматривает требования о процедуре подачи заявления в ЗАГС как обязательного условия заключения брачного договора;

- к «лицам, вступающим в брак» относятся лица, имеющие намерение вступить в брачные отношения друг с другом без привязки к моменту подачи заявления в органы ЗАГС. Данная позиция имеет право на существование ввиду того, что брачный договор по своей сущности представляет собой сделку с отлагательным условием, возможность реализации которой зависит от факта заключения брака между сторонами договора.

Нам представляется наиболее правильным признавать в качестве «лиц, вступающих в брак» лиц, подавших соответствующее заявление в органы ЗАГС, поскольку до момента совершения данных действий в семейном законодательстве они именуется как «лица, желающие вступить в брак» (например, ст. 13 СК РФ). Именно с момента подачи заявления между лицами возникает определенная связь гражданско-правового характера.

2) прекращение брачного договора, согласно ст. 43 СК РФ, обусловлено расторжением брака. Если с общими случаями расторжения брака в органах ЗАГС или в суде всё очевидно (брачный договор прекращает действие со дня регистрации расторжения брака или вступления в законную силу решения суда), то касательно отдельных аспектов прекращения брачного договора возникают определенные трудности.

Так, законодательством не предусмотрены особенности и порядок прекращения брачного договора в случае смерти одного из супругов (или

объявления его судом умершим). При этом в литературе отмечается, что в брачный договор не могут быть внесены условия, касающиеся смерти одного из супругов, и как следствие, порядок наследования имущества, правовой режим которого установлен брачным договором, определен не может быть.

Вследствие чего представляется необходимым внесение изменений в п. 3 ст. 43 СК РФ путем добавления абзаца 2: «Действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака, за исключением тех прав и обязанностей, которые предусмотрены брачным договором на случай расторжения брака, а также тех положений брачного договора, применение которых к имущественным правам и обязанностям, связанным с прекращением брака, разумно вытекает из содержания брачного договора (положений о режиме имущества супругов и др.)» [5, с. 273].

3) ответственность сторон брачного договора не регламентирована СК РФ и на сегодняшний день устанавливается исходя из общих положений гражданского законодательства о договорах, что не всегда в полной мере отвечает специфике обязательств семейно-правового характера. Вследствие чего в случае развития конфликтной ситуации права и законные интересы супругов, заключивших брачный договор, являются наименее защищенными, что противоречит назначению брачного договора. Так, является необходимым в каждом случае заключения брачного договора регламентировать ответственность сторон, исходя из принципа индивидуализации семейно-правовых отношений.

Однако практикующие юристы не рекомендуют предусматривать в брачном договоре условия, связанные с установлением ответственности за измену или оскорбления. Поскольку в таком случае имущественные права одного из супругов могут быть значительным образом ухудшены даже по сравнению с законодательным режимом общей совместной собственности супругов [3].

Исходя из всего вышеперечисленного, нами делается вывод, что вопросы определения трудностей и перспектив развития брачного договора в Российской Федерации являются, несомненно, актуальными, что обусловлено их ролью в процессе регулирования имущественных отношений между супругами [2, с. 289].

Брачный договор в России применяется уже более 20 лет, однако до сих пор существуют определенные проблемы и пробелы правового регулирования, которые связаны, прежде всего, с: 1) определением категории «лиц, вступающих в брак», 2) установлением особенностей прекращения брачного договора в случае смерти одного из супруга или признания его умершим судом, а также наследования имущества, правовой режим которого установлен брачным договором, в подобном случае; 3) закреплением ответственности сторон брачного договора в случае нарушения одним из супругов его положений.

Указанные трудности отрицательно влияют на процесс развития института брачного договора в России и, как следствие, требуют незамедлительного решения, что представляется возможным, прежде всего, путем внесения изменений в действующее законодательство (в первую очередь, положений СК РФ), а также конкретизации отдельных его норм Верховным Судом Российской Федерации.

Перспективы развития брачного договора в России обуславливают процесс значительного повышения уровня защищенности имущественных прав, свобод и законных интересов супругов.

Список литературы:

1. Брыль Т. Л. Трудности и перспективы развития института брачного договора в России // Наука XXI века. № 9. 2017. С. 1 – 4.
2. Валов А. А. Становление правового института брачного договора в России // Молодой ученый. 2022. № 3 (398). С. 288 – 290.

3. Сазонова М. В. Брачный договор как защита и юридическая стабильность в семейных отношениях // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру».

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; 2023. – № 32 (Часть I). – Ст. 6139.

5. Токолова А. Ю., Русанов А. А. Актуальные проблемы института брачного договора и пути их решения // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых. 2022. С. 272 – 275.

6. Шевченко-Даниелян А. Ф. Проблемы и перспективы брачного договора в России // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 484 – 486.

УДК 347.2

Грамотчиков Владимир Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

VolodiaGE@yandex.ru

Gramatchikov Vladimir

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ЦИФРОВЫЕ ПОДПИСКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ

Аннотация: данная работа посвящена анализу актуальных аспектов защиты цифровых прав и прав потребителей в контексте платных цифровых подписок. Основное внимание уделяется роли уведомлений о подписке, механизмов отказа от подписки и полной прозрачности условий абонентского договора в обеспечении защиты интересов пользователей.

Ключевые слова: цифровые права, права потребителя, платные цифровые подписки, уведомления о подписке, отказ от подписки, условия абонентского договора, регулирование онлайн подписок.

DIGITAL SUBSCRIPTIONS: ENSURING TRANSPARENCY AND CONSUMER PROTECTION IN THE ONLINE ENVIRONMENT

Annotation: this paper is devoted to analyzing topical aspects of digital and consumer rights protection in the context of paid digital subscriptions. The main focus is on the role of subscription notifications, opt-out mechanisms and full

transparency of subscription contract terms and conditions in ensuring the protection of users interests.

Key words: digital rights, consumer rights, paid digital subscriptions, subscription notices, opt-out, terms of subscription agreement, regulation of online subscriptions.

Цифровые подписки представляют собой форму обслуживания, при которой пользователь получает доступ к определенным услугам или контенту в обмен на регулярные платежи. Такие подписки широко распространены в цифровой сфере и включают в себя доступ к потоковым видео, музыке, цифровым журналам, облачным хранилищам данных и многим другим онлайн-ресурсам.

В условиях растущей цифровизации общества большая часть общения происходит посредством социальных сетей, что формирует новое пространство социализации - цифровое, которые впервые определяются не только характеристиками социальной группы, но и технологической средой, цифровыми средствами общения [1], в это пространство также входят покупки (маркетплейсы), или другие способы развлечений, как кино, музыка и т.д., для которых используются цифровые подписки. Расширение рынка цифровых подписок является фактором, для которого защита прав потребителей становится ключевым вопросом. Эти проблемы подчеркивают важность разработки и внедрения механизмов, обеспечивающих прозрачность, доступность и защиту прав потребителей в сфере цифровых подписок.

Актуальность данной статьи обусловлена растущей популярностью цифровых подписок и необходимостью обеспечения защиты прав потребителей в этой сфере. Рост популярности подписок за 2022 согласно данным СМИ получился следующий [2]: «В 2022 году выручка от подписок на различный контент в России составила 180 млрд рублей, из них 59,4 млрд — мультиподписки. За 2022 год владельцами подписок на цифровой контент стали 24,9 млн россиян. Лидирующие позиции занимают онлайн-кинотеатры.

Их зрителями в 2022 году стали 11 млн человек, а выручка составила 40 млрд рублей. Подписчиков на музыкальные сервисы оказалось вдвое больше — 22,6 млн человек. В 2022 году такие платформы получили за подписки 7 млрд рублей».

Научная значимость работы заключается в системном анализе законодательных и технических аспектов защиты прав потребителей в сфере платных цифровых подписок. Работа предоставляет обзор существующих проблем и недостатков, а также предлагает конструктивные рекомендации для улучшения ситуации. Цель исследования данной статьи заключается в выявлении основных проблем и недостатков в защите прав потребителей в сфере платных цифровых подписок, а также предложении рекомендаций для их устранения и улучшения ситуации в целом.

Методология исследования включает в себя анализ законодательных актов, а также обзор существующих технических средств и практик компаний в области уведомлений о подписке, механизмов отказа от подписки и регулирования онлайн-подписок.

В Российской Федерации платные цифровые подписки регулируются несколькими законодательными актами.

Закон РФ «О защите прав потребителей» [3] устанавливает общие принципы и нормы, касающиеся прав потребителей, который по аналогии также распространяются на сферу цифровых подписок. Этот закон определяет, что потребители имеют право на полную и достоверную информацию о товаре или услуге, включая условия платных подписок, их стоимость, а также правила отмены и расторжения договора.

Также согласно ст. 32 закона «О защите прав потребителей» потребитель может отказаться от услуги в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных расходов. Аналогичное право отказаться от договора оказания услуг в одностороннем порядке в статье п.1 ст. 782 ГК РФ [4], а именно: заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного

оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, то есть в случае неиспользования подписки потребитель может без последствий отказаться от подписки.

ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] также имеет значение для регулирования платных цифровых подписок. Он устанавливает правила сбора, хранения и передачи информации, включая персональные данные пользователей, что может быть связано с использованием цифровых сервисов.

На данный момент нет норм в законодательстве, прямо регулирующего платные цифровые подписки, но законодателем рассматривается законопроект № 405607-8 [6], который нацелен на устранение пробелов в праве в отношении цифровых подписок в РФ.

Его основная цель заключается в защите интересов потребителей, обеспечивая им прозрачность условий и возможность контроля над своими подписками. Одним из ключевых аспектов законопроекта является требование предоставления полной и понятной информации о подписке до ее активации. Это включает в себя уточнение стоимости подписки, условий ее действия, а также процедур отмены или изменения условий. На данный момент процедура отмены подписки регулируется ГК РФ.

Законопроект также обращает внимание на проблему автоматического продления подписок без явного согласия пользователя. Он предлагает установить механизмы контроля и подтверждения подписки перед каждым автоматическим продлением, чтобы предотвратить непреднамеренные списания средств.

Другим важным аспектом является введение сроков действия подписок и установление механизмов их автоматического прекращения по истечении пробного срока. Это направлено на предотвращение случаев продолжения списаний за услуги, которые потребитель уже не использует или не желает продолжать.

Законопроект № 405607-8 о регулировании подписок представляет собой важный шаг в обеспечении защиты прав потребителей в цифровой сфере, устанавливая принципы прозрачности, контроля и соблюдения интересов пользователей.

В сфере цифровых подписок уведомления играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и защиты интересов потребителей. Они информируют пользователей о деталях подписок, таких как стоимость, частота платежей и условия отмены, что позволяет им принимать обоснованные решения и избегать неожиданных расходов. Регулярные напоминания о предстоящем продлении подписки помогают избежать автоматического продления без ведома пользователя, предоставляя возможность вовремя отменить подписку, если в ней больше нет необходимости. Поэтому уведомления играют ключевую роль, так как информируют о любых изменениях условий подписки, таких как изменение стоимости или обновление политики, что позволяет потребителям быть в курсе всех актуальных изменений и при необходимости корректировать свои действия.

Уведомления обеспечивают высокий уровень прозрачности и способствуют защите прав потребителей, поддерживая их информированность и контроль над своими подписками. Существует несколько видов уведомлений, каждый из которых содержит обязательные элементы.

Изначально, это уведомления о начале подписки, в которых должны быть указаны основные условия подписки, такие как стоимость, период действия и правила отмены. Далее идут уведомления о предстоящем списании средств, которые должны содержать информацию о сумме и дате списания, а также инструкции по отмене подписки. Также важны уведомления об изменениях в условиях подписки, которые должны быть предоставлены заранее, чтобы пользователи имели возможность принять решение о продолжении использования услуги.

Существует также проблема в виде недобросовестных практик отдельных субъектов использующих, мелкий шрифт или запутанные формулировки в своих положениях, чтобы скрыть информацию о подписке или усложнить процедуру отмены. Другой проблемой является недостаточная ясность и полнота информации о подписке в пользовательском соглашении или договоре, что может привести к недопониманию или недовольству со стороны пользователей. На данный момент в 18% случаев [7] потребители не получают от компаний (владельцев сервисов) соответствующих уведомлений о подписке и продолжают платить подписки. Поэтому в законе должны быть уведомления о предстоящем списании средств, которые должны содержать информацию о сумме и дате списания, а также инструкции по отмене подписки, чтобы для пользователя был прозрачен механизм подписки. Но на текущий момент такой механизм не предусмотрен законодательно.

Эффективность существующих механизмов отказа от подписки по моему мнению оценивается как недостаточная. Пользователи могут столкнуться с различными препятствиями при попытке отказаться от подписки, такими как скрытые или запутанные процедуры отмены, неясные инструкции или отсутствие соответствующих опций в интерфейсе. Именно на регулирование данных пробелов направлен законопроект.

Внедрение нового законопроекта, усиливающего требования защиты прав потребителей в сфере цифровых подписок, окажет влияние на компании. Компании будут вынуждены адаптировать свои практики и процессы в соответствии с новыми правилами и нормами, уделяя больше внимания прозрачности и доступности информации о подписках, а также обеспечивая удобные механизмы отказа для пользователей. Это может потребовать дополнительных затрат на обновление технической инфраструктуры и обучение персонала. Но существует также вероятность того, что компании напишут иное пользовательское соглашение и процедуру отказа, подпадающее

под новые поправки, при этом сохранив элементы, помогающие обогащаться на лени или невнимательности пользователей.

Однако при правильном подходе к внедрению новых требований защиты прав потребителей, компании также могут извлечь определенные выгоды [8]. Улучшение отношений с потребителями и повышение уровня доверия к бренду могут способствовать увеличению клиентской базы и укреплению позиций на рынке.

Кроме того, сокращение числа конфликтов и претензий со стороны потребителей помогает снизить риски юридических преследований и сохранить репутацию компании, а также уменьшить денежные юридические расходы.

Прогнозы развития рынка при усилении защиты прав потребителей также предполагают определенные изменения. Возможно, будет наблюдаться снижение числа недобросовестных поставщиков и повышение конкуренции за счет улучшения качества предлагаемых услуг и условий подписки. Также будет сохраняться тенденция на общий рост рынка цифровых подписок из-за не до конца освоенного рынка, в качестве примера активного роста рынка можно привести рынок онлайн-кинотеатров (ivi, Megogo и Okko), который растёт вследствие блокировки пиратских сайтов [9], а также выросшего интереса к рынку медиаконтента.

Потребители, в свою очередь, могут стать более активными и информированными, что сдерживает недобросовестные практики и стимулирует развитие инноваций в сфере цифровых подписок.

Усиление защиты прав потребителей в виде нового законопроекта не только представляет вызовы для компаний, но и открывает новые возможности для роста и развития на рынке цифровых подписок.

В заключение можно подвести итоги и сделать несколько ключевых выводов. Защита прав потребителей важна для обеспечения справедливых и прозрачных условий в сфере цифровых подписок. Правильное балансирование

интересов потребителей и поставщиков услуг способствует развитию доверия и устойчивости на рынке.

Развитие технологий и изменение потребительских предпочтений требует соответствующего реагирования со стороны законодателей и компаний [10]. Рекомендации для законодателей включают в себя не только усиление прав потребителей путём принятия новых законов и подзаконных актов, но и в регулярном мониторинге рынка и анализе эффективности действующего законодательства.

Для компаний рекомендуется активное внедрение лучших практик в области защиты прав потребителей, а также инвестирование в технологии и обучение персонала для обеспечения высокого уровня сервиса. Важно также открыто общаться с потребителями, учитывать их обратную связь и стремиться к непрерывному улучшению качества предоставляемых услуг [11].

Для потребителей важно осознавать свои права и быть информированными об условиях подписок, а также активно использовать предоставляемые законом механизмы защиты своих интересов.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что текущая правовая база и существующие механизмы защиты прав потребителей в сфере платных цифровых подписок требуют значительных улучшений для обеспечения справедливости и прозрачности. Законодательство должно более четко регламентировать обязательные элементы уведомлений о подписке, включая информацию о стоимости, сроках и условиях отказа от подписки. Важно также ввести поправки «О защите прав потребителей», добавляющий строгие требования к подтверждению согласия на автоматическое продление подписок, чтобы предотвратить случаи несанкционированного списания средств.

Компании, предоставляющие цифровые подписки, обязаны соблюдать эти правила и обеспечить доступные и понятные механизмы отказа от подписок. Это включает в себя разработку простых и интуитивных

интерфейсов для управления подписками и обязательное информирование пользователей о любых изменениях в условиях предоставления услуг.

Рекомендуется усилить контроль со стороны регулирующих органов за соблюдением данных требований и ввести соответствующие санкции для компаний за их нарушение. Потребители, в свою очередь, должны быть осведомлены о своих правах и иметь доступ к эффективным средствам защиты в случае конфликтных ситуаций. Введение таких мер законодателем будет способствовать созданию более справедливого и прозрачного рынка цифровых подписок, повысит уровень доверия потребителей к компаниям и обеспечит устойчивое развитие цифровой экономики и самих компаний.

Список литературы:

1. Чернов Илья Владимирович. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА. Гуманитарий Юга России, 2018, №10 (1), с. 121-132.

2. Наталья Гормалева. Почти 25 млн россиян пользовались платными подписками на контент в 2022 году / Новости [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rb.ru/news/subscription-services-russia/> (дата обращения: 01.05.2024 г.).

3. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.96 N 14-ФЗ

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 31, ст. 3448

6. Законопроект №405607-8 О внесении изменений в Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в части предоставления потребителям полной информации об условиях

абонентского договора (услугах цифровых подписок), предусматривающих оплату периодическими платежами) URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/405607-8> (дата обращения: 01.05.2024).

7. Немкин А.И. Законопроект о регулировании онлайн-подписок внесен в Госдуму. Единая Россия / Новости [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://permkrai.er.ru/activity/news/zakonoproekt-o-regulirovanii-onlajn-podpisok-vnesen-v-gosdumu> (дата обращения: 01.05.2024 г.).

8. Фролов И.В. Правовое регулирование дистанционной торговли товарами и услугами, в том числе связанными с объектами авторских и смежных прав: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: М., 2018. 166 с.

9. Наумов Иван Александрович Модель бизнеса по подписке в современных реалиях // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. №2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-biznesa-po-podpiske-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 03.05.2024).

10. Маткаримов Арслан Икрамович, Гурбанова Сульгун ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ // Всемирный ученый. 2023. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-i-izmenenie-potrebitelskih-predpochteniy> (дата обращения: 03.05.2024).

11. Николаев Д.М. Укрепление обратной связи взаимоотношений с клиентами как резерв наращивания объема продаж // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukreplenie-obratnoy-svyazi-vzaimootnosheniy-s-klientami-kak-rezerv-naraschivaniya-obema-prodazh> (дата обращения: 03.05.2024).

Киреев Ярослав Валерьевич
Челябинский государственный университет
Институт права
Россия, Челябинск
yarkir2001@gmail.com
Kireev Yaroslav
Chelyabinsk State University
Institute of Law
Russia, Chelyabinsk

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НОРМ О ПУБЛИЧНОМ ДОГОВОРЕ И ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические проблемы публичного договора в аспекте соотношения с принципом свободы договора, формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства о публичном договоре.

Ключевые слова: публичный договор, свобода договора, договор, экономически слабая сторона, предпринимательская деятельность.

PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP OF RULES ON PUBLIC CONTRACT AND THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT

Annotation: the article examines the theoretical and practical problems of a public contract in terms of the relationship with the principle of freedom of contract, and makes proposals for improving Russian legislation on a public contract.

Key words: public contract, freedom of contract, contract, economically weak party, entrepreneurial activity.

Конструкция публичного договора существует в российском законодательстве с момента принятия первой части Гражданского кодекса РФ. Учёные-юристы (как российские, так и зарубежные) неоднократно пытались разрешить проблему соотношения норм, регулирующих публичные договоры и принципа свободы договора, однако до сих пор не существует выработанной позиции по поводу 1) конкретных оснований для изъятий (исключений) из принципа свободы договора 2) конкретных оснований для изъятий (исключений) из публичного договора 3) приоритета одних норм над другими, если возникает коллизия между ними. Важно отметить, что законодательное предписание заключать договор с каждым лицом существенно ограничивает контрагента, поэтому даже при условии максимальной правовой определённости коллизии между принципом свободы договора и правовой конструкцией публичного договора неизбежны.

Определение понятия «публичный договор» закреплено в статье 426 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ). В соответствии с положениями ч.1 данной статьи, публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится. В этой же статье ГК РФ описываются те случаи, когда отказ в заключении публичного договора можно считать обоснованным. В соответствии со смыслом части 3 статьи 426 ГК РФ, отказ лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора не допускается, за исключением сферы воздушных перевозок, если пассажир внесен в реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена перевозчиком. Если руководствоваться положениями Воздушного кодекса РФ, то лицо может быть внесено в реестр по причине совершения им некоторых видов

административных правонарушений и преступлений. Представляется неясным, почему законодатель допускает существование подобных реестров только в сфере воздушных перевозок пассажиров и не допускает в иных сферах предпринимательской деятельности, в том числе и в связи с другими видами договорами перевозки (например, с договором железнодорожной перевозки пассажиров, которая является более доступной для потребителей, чем воздушный транспорт из-за низкой цены). Аналогичную проблему рассматривала в своей статье Закирова А.А., отмечая то, что отсутствие подобных реестров является «своего рода дискриминацией пассажиров воздушного транспорта» [1, с. 3], однако более существенной проблемой является отсутствие легальной возможности обеспечить безопасность на железнодорожном, водном и ином общественном транспорте, отказав в обслуживании незаконнопослушным лицам.

Проблема невозможности отказа в заключении договора также приобретает особую актуальность в сфере культурно-досуговых услуг, где на практике часто применяется «фейс-контроль», т.е. отказ в обслуживании тех клиентов, которые потенциально могут навредить, во-первых, самой организации, предоставляющей культурно-досуговые услуги, во-вторых, другим клиентам. Из положений современного российского законодательства сложно сделать однозначный вывод о том, является ли легальным в Российской Федерации фейс-контроль, т.к. с одной стороны, исполнитель услуг вправе устанавливать правила поведения для потребителей, с другой стороны, статья 426 ГК РФ запрещает отказывать клиентам в заключении публичного договора. Более того, из положений законодательства не ясно, в отношении каких именно категорий людей отказ в заключении договора не будет считаться дискриминацией (например, имеет ли право кафе не обслуживать любых людей, которые находятся в состоянии алкогольного опьянения на том основании, что любой человек с изменённым состоянием сознания несёт потенциальную угрозу).

В связи с подобными правовыми неопределённостями складывается неоднозначная судебная практика. Например, Центральный районный суд г. Твери [4] отказал истцу в возмещении морального ущерба за то, что его по причине агрессивного поведения не пустили в ресторан, ссылаясь на положения действовавшего на тот момент Постановления Правительства, в котором были закреплены правила оказания услуг общественного питания. В соответствии с данным постановлением, исполнитель вправе самостоятельно устанавливать в местах оказания услуг правила поведения для потребителей, не противоречащие законодательству РФ (аналогичные нормы содержатся и в ныне действующих подзаконных актах, закрепляющих правила оказания различных услуг). Однако, при аналогичных обстоятельствах (агрессивное поведение посетителей и наличие внутренних правил поведения ресторана) Кировский районный суд г. Екатеринбурга встал на сторону истца и обязал ресторан выплатить компенсацию морального вреда в размере 2000 рублей [5].

Многие учёные исследовали в юридической литературе проблему фейс-контроля. Т.В. Саенко в статье, посвящённой проблемам ограничения прав потребителей в сфере общественного питания, справедливо отмечает, что на администрациях развлекательных заведений лежит обязанность по обеспечению безопасного и комфортного времяпрепровождения посетителей и что в целях безопасности отказ в допуске на территорию развлекательных заведений лиц, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, является оправданным; однако, в той же статье отмечается, что на практике доказать клиенту свою адекватность представляется проблематичным [3, с. 393]. Таким образом, проблема неурегулированности вопросов, связанных с фейс-контролем, представляет особую актуальность и требует нормативной определённости.

Существуют также и другие проблемные вопросы и пробелы в законодательстве, связанные с конкуренцией принципа свободы договора и публичного договора. Изучив действующее на данный момент гражданское

законодательство, можно сформулировать несколько вопросов, однозначного ответа на которые не содержится ни в федеральных законах, ни в подзаконных актах: 1) возможно ли отказывать в обслуживании определённым группам лиц в том случае, если исполнитель услуг не обладает достаточными профессиональными навыками (например, некоторые мужские парикмахерские отказывают женщинам в обслуживании из-за отсутствия специалистов надлежащего уровня) 2) возможно ли отказывать в обслуживании лицам в связи с моральными или религиозными убеждениями лица, предоставляющего определённые услуги. Подобного рода пробельность является следствием того, что публичный договор в российском гражданском законодательстве понимается слишком широко, несмотря на то что современный гражданский оборот требует определённых изъятий из норм о публичном договоре.

Проблемы, касающиеся пределов свободы договора, являются не только юридическими, но и в том числе экономическими, этическими и политико-философскими. Эти проблемы во всех их аспектах (в том числе историческом и культурном) наиболее подробно исследованы в работе А. Г. Карапетова и А.И. Савельева «Свобода договора и её пределы» [2]. В связи с тем, что в современной мировой политике преобладают социально-демократические тенденции, на данный момент в законодательстве большинства государств мира существуют нормы о публичном договоре, однако есть ряд стран, в законодательстве которых принцип свободы договора имеет приоритет над нормами о публичном договоре (например, в отдельных штатах США имеется легальная возможность не обслуживать некоторых клиентов в тех случаях, когда это противоречит религиозным убеждениям человека [6]).

Исходя из анализа различных правовых ситуаций можно сделать вывод, что инклюзивность по отношению к контрагентам по договору не всегда благотворно влияет на развитие гражданско-правовых отношений, поскольку, во-первых, нормы о публичном договоре существенно ограничивают свободу договора и свободу предпринимательства, во-вторых, необходимость

возможности отказать некоторым контрагентам в заключении договора часто связана с безопасностью и комфортом для других клиентов. Таким образом, имеется общественная потребность в реформировании гражданско-правовых норм о публичном договоре в сторону расширения возможностей для обоснованного отказа в заключении публичного договора.

Список литературы:

1. Закирова А. А. Отказ в заключении договора перевозки пассажиров: новеллы Гражданского законодательства / А. А. Закирова // Вопросы современных научных исследований: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Кишинев, Молдавия, 14 апреля 2020 года / Под общей редакцией А.И. Вострецова. – Кишинев, Молдавия: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2020. С. 87-91.

2. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. 750 с.

3. Саенко Т. В. Проблемы ограничения прав потребителей в сфере общественного питания / Т. В. Саенко // Будущее науки - 2020 : сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 томах, Курск, 21–22 апреля 2020 года. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 391-397.

4. Решение № 2-983/2017 2-983/2017~М-518/2017 М-518/2017 от 17 апреля 2017 г. по делу № 2-983/2017. [Электронный ресурс]//URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ejmcNM9ZE8gJ/>

5. Решение № 2-10588/2014 2-584/2015 2-584/2015(2-10588/2014;)~М-9914/2014 М-9914/2014 от 23 марта 2015 г. по делу № 2-10588/2014. [Электронный ресурс]//URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sERwUQ2FUZ6b/>

6. Сайт Законодательного Собрания Аризоны [Электронный ресурс]//URL:

https://www.azleg.gov/legtext/51leg/2r/summary/s.1062ge_cow.doc.htm

Коада Анастасия Евгеньевна
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

nastiakoada@gmail.com

Koada Anastasiia

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Private Law

Russia, Moscow

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕКОМПИЛЯЦИИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ И БАЗЫ ДАННЫХ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы, возникающие при изучении такого способа свободного использования программ для ЭВМ и базы данных как декомпиляция. Исследованы подходы судов и законодателя к определению изменений в исходный текст и объектный код. Рассмотрены подходы законодательства зарубежных стран к определению понятия декомпиляции.

Ключевые слова: свободное использование произведений, программы для ЭВМ, базы данных, декомпиляция, право интеллектуальной собственности

ACTUAL PROBLEMS OF DECOMPILATION OF COMPUTER PROGRAMS AND DATABASES

Annotation: the article discusses the issues that arise when studying such a method of free use of a computer program and database as decompilation. The approaches of the courts and the legislator to determining changes to the source text and object code are investigated. The approaches of the legislation of foreign countries to the definition of the concept of decompilation are considered.

Key words: free use of works, computer programs, databases, decompilation, intellectual property law.

Программы для ЭВМ и базы данных получили правовую охрану сравнительно недавно. Правовое регулирование отношений по поводу таких объектов развивается стремительно, однако все еще остаются вопросы, требующие более детального изучения и регламентирования.

Немаловажным элементом в исследовании исключительных прав на программное обеспечение и базы данных является изучение разновидностей ограничений таких прав, благодаря которым устанавливается баланс между интересами общества и правообладателя.

В настоящей статье, мы рассмотрим тенденции развития случая свободного использования программ для ЭВМ и базы данных, закрепленного в пункте 3 статьи 1280 ГК РФ [3] - декомпиляция программы для ЭВМ, что подразумевает под собой преобразования объектного кода в исходный текст.

Стоит отметить, что термины “исходный текст программы” и “исходный код программы”, употребляемые в действующем законодательстве, являются равнозначными [4].

Согласно доктринальным позициям различия между внесениями изменений в объектный код или исходный текст довольно условны, и устанавливая факт внесения изменений в программу для ЭВМ, необходимо проверять вносились ли изменения как в исходный текст, так и в объектный код программы [10].

В судебной практике сложилась аналогичная позиция. Чтобы определить действительно ли осуществлялась переработка программного обеспечения суды назначают компьютерно-техническую экспертизу и сравнивают не только исходные коды, но и объектные. Перед экспертом ставятся вопросы: “Исходный текст и/или объектный код программы А является производным от исходного

текста и/или объектного кода программы В?”, “Являются ли программы А и В идентичными?” [9].

Если суд в ходе рассмотрения дела установит, что изменения не вносились ни в исходный код, ни в объектный, значит программное обеспечение не подвергалось изменениям. Однако если суд все-таки придет к выводу о внесении изменений в исходный или объектный код, будет установлено, что программа была переработана без согласия правообладателя, в результате чего неправомерно появился новый продукт [6].

Право пользователя на декомпиляцию программы закреплено и в законах в сфере интеллектуальной собственности зарубежных стран. Так, например, в законодательстве Казахстана [5], под термином “декомпилирование” понимается технический прием, который включает в себя преобразование объектного кода в исходный текст в целях изучения структуры и кодирования программы для ЭВМ. Законодательство Южной Кореи [1] более четко определяет цели преобразования кода, а именно с целью получения информации, необходимой для совместимости независимо созданных компьютерных программ с другими компьютерными программами. В швейцарском праве [2] не используется понятия “декомпиляция”, однако содержится схожее понятие “декодирование” (decoding), в статье про декодирование указано, что любое лицо, имеющее право на использование компьютерной программы, может получить лично или посредством третьего лица необходимую информацию об интерфейсах путем декодирования программного кода с использованием независимо разработанных программ.

С учетом изложенного стоит отметить характерные черты для декомпиляции, закрепленные как в российском законодательстве, так и зарубежом:

- преобразование объектного кода в исходный может осуществлять любой правомерный пользователь программного обеспечения или третье лицо,

действующее на основании его поручения, без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения;

- декомпиляция должна иметь исключительно цель достижения способности программы для ЭВМ к взаимодействию с другой независимо разработанной программой, то есть к способности совместного функционирования их частей, обмена информацией и возможности использования [7];

- декомпиляция должна осуществляться в разумных пределах, то есть преобразовываться может только та часть кода, которая необходима для достижения способности к взаимодействию;

- лицо, осуществляющее преобразование кода не имеет других способов для получения информации, необходимой для достижения способности программы к взаимодействию;

- информация, полученная в ходе декомпиляции может использоваться исключительно для разработки, сопровождения и применения совместимых программ для ЭВМ;

- установлен запрет на использование информации, полученной в ходе декомпиляции, для установления совместимости программой схожей с декомпилируемой;

- также установлен запрет на передачу информации третьим лицам, если это не связано с установлением способности к взаимодействию независимо созданной программы для ЭВМ с другими программами.

Существует и обратная сторона запрета на передачу исходных текстов программ третьим лицам, так, в одном из дел [8] по заявлению об обязанности передать имущество и промежуточные результаты работ по договору на выполнение работ по разработке и поставке программного тренажера суды установили, что при смене директора Ответчика, бывший директор не передал нематериальные активы общества в виде исходных кодов программ (7 позиций), которые являлись результатами работ по одному из договоров,

заклученных организацией. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что указанные составляющие программного комплекса (исходные тексты) не являются имуществом в понимании норм гражданского законодательства, обязанность по обеспечению сохранности которого возложена на руководителя общества, являющегося правообладателем программ для ЭВМ и отказал Истцу в удовлетворении требования. Таким образом, при несохранении исходных кодов программ должным правомерным образом у надлежащих лиц, разработанная программа может быть утрачена навсегда, однако данный пример отражает не столько проблемы законодательства, сколько недобросовестность сотрудников юридического лица - правообладателя.

Подводя итог, стоит еще раз отметить, что под декомпиляцией понимается как преобразование объектного кода в исходный текст, так и наоборот. Такой способ использования программы для ЭВМ должен осуществляться исключено в определенных целях, результаты не могут быть переданы третьим лицам, не принимающим участие в процессе декомпиляции, и не могут быть использованы в отрыве от декомпилируемой программы.

Список литературы:

1. Article 2 (34). Copyright Act (Act № 432 of January 28, 1957, as amended up to Act № 17592 of December 8, 2020) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21019> (дата обращения 07.05.2024).
2. Article 21 (34) of Federal Act of October 9, 1992, on Copyright and Related Rights (status as of April 1, 2020). URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/19679> (дата обращения: 07.05.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

4. Девлятшина М. Защита прав на компьютерную программу // "ЭЖ-Юрист" № 25 (976) 2017, <https://www.eg-online.ru/article/348888> (дата обращения 07.05.2024).

5. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. "Об авторском праве и смежных правах", пункт 41 статьи 2. URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения 07.05.2024).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2022 № 307-ЭС22-14196 по делу № А56-10049/2019 // СПС "КонсультантПлюс".

7. Полякова Т.А. Адаптация и иные исключения из прав правообладателя на компьютерную программу в России и зарубежных странах // Закониус: сайт. 2020. URL: <https://zakonius.ru/> // СПС "КонсультантПлюс".

8. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21.05.2019 № 08АП-4568/2019 по делу № А70-36/2019 // СПС "КонсультантПлюс".

9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.11.2016 № С01-328/2016 по делу № А56-21040/2015 // СПС "КонсультантПлюс".

10. Соколов Д.В., Шишенина И.В. К вопросу определения критериев изменений программы для ЭВМ // Ассоциация поставщиков программных продуктов: сайт. 2020. URL: <http://www.appp.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

УДК 347.151.4

Коваленко Ольга Андреевна

Уральский государственный экономический университет

Институт государственного, муниципального управления и права

Россия, Екатеринбург

kovolga04@yandex.ru

Kovalenko Olga

Ural State University of Economics

Institute of state, municipal management and law

Russia, Ekaterinburg

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЭМБРИОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: в данной статье исследуется вопрос о том, следует ли предоставлять нерожденным детям индивидуальные права, такие как право на жизнь, неприкосновенность и безопасность. Авторы приводят аргументы в пользу признания нерожденных детей субъектами определенных правоотношений, в частности, в сфере гражданского, семейного и медицинского права. Однако существуют вопросы, которые необходимо решить как в доктрине, так и в законодательстве, чтобы обеспечить эффективную защиту прав нерожденных детей.

Ключевые слова: нерожденный ребенок, гражданские права до рождения, эмбрион, правосубъектность, субъект правоотношений.

RESOLUTION OF THE ISSUE OF LEGAL PERSONALITY OF EMBRYO IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation: this article examines whether unborn children should be given individual rights such as the right to life, integrity and security. The authors argue in favor of recognizing unborn children as subjects of certain legal relations, in

particular, in the field of civil, family and medical law. However, there are issues that need to be addressed in both doctrine and law to ensure that the rights of unborn children are effectively protected.

Key words: unborn child, civil rights before birth, embryo, legal personality, subject of legal relations.

Согласно преамбуле Декларации прав ребенка эмбрион нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. В силу принципа четвертого данного документа ребенку должно принадлежать право на здоровый рост и развитие [3]. Матери и нерожденному ребенку должны быть обеспечены специальный уход и охрана, в том числе надлежащий дородовой и послеродовой уход. Такой уход должен включать: регулярные медицинские осмотры и обследования для выявления и предотвращения возможных осложнений, защита от вредных воздействий окружающей среды и насилия и так далее. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (Далее – Конвенция о правах ребенка), содержит в своей преамбуле положение о том, что «семье, как основной ячейке общества, и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов должны быть предоставлены необходимые защита и содействие для того, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества» [2]. Согласно статье 1 Конвенции о правах ребенка под ребенком понимается «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». Статья 3 данной конвенции указывает на приоритет интересов ребенка в отношении интересов иных субъектов семейных правоотношений. Главной функцией государства в отношении детей является обеспечение выживания и здорового развития ребенка, поддерживая его психический, эмоциональный, умственный, социальный и культурный уровень. Каждый ребенок с физическими или психическими недостатками имеет неотъемлемое право на

полноценную и достойную жизнь, обеспечивающую активное участие в жизни общества. Что касается незаконного распоряжение детьми, то в соответствии со статьей 35 «государства-участники принимают на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли детьми или их контрабанды в любых целях и в любой форме».

Безусловно, жизнь человека является высшей ценностью в любом современном цивилизованном обществе. С началом жизни ребенка связана статья 17 Конституции РФ, в которой говорится, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [1]. Стоит обратить внимание на то, что проблемы с неопределенностью правового положения эмбриона пропадают при закреплении правосубъектности человека с момента зачатия: эмбрион будет считаться уже живым существом, которое находится под правовой защитой.

Положения конвенции позволяют говорить некоторым авторам о правосубъектности эмбрионов. Многие считают, что эмбрион – это часть материи, однако, А.А. Мохов и А.В. Мелихов полагают, что «как биологическая структура, эмбрион является не женским органом, а определенным человеческим существом в зачаточном состоянии, которое растет в теле матери. Следовательно, эмбрион – это «потенциальный, но еще не родившийся человек» [15]. М. Клопфер и А. Кольбе приводят иные доводы в пользу правосубъектности эмбриона: в силу аргументов потенциальности и непрерывности, можно исходить из того, что с момента зачатия плод развивается непрерывно и не имеет морально значимых ограничений. Следовательно, еще не рожденный человек с самого начала в морально-практическом отношении, может считаться личностью [14].

Вместе с тем, в науке существует альтернативная точка зрения на вопрос о правосубъектности эмбриона. Так, Е. Тарасов утверждает, что ему близок так называемый «либеральный подход, в соответствии с которым эмбрион – это

часть материнского организма, а не самостоятельный субъект, поэтому установление каких-либо прав или признание его правосубъектности недопустимо» [17]. Советский цивилист С.Н. Братусь определял, что «зародыш не является субъектом права. Закон охраняет права лишь будущего возможного субъекта» [13, с. 51]. Г.Б. Романовский и О.Б. Романовская утверждали, что отрицание человеческого статуса эмбриона приведет к безграничной возможности манипуляций над ним [16].

Отдельные нормы действующего отечественного законодательства позволяют сделать вывод о наделении правосубъектностью неродившегося ребенка. За основу берется статья 1116 ГК РФ, в соответствии с которой в число лиц, которые могут призываться к наследованию, включаются граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [6]. Согласно пункту 2 статьи 48 Семейного кодекса РФ срок, в течение которого в круг наследников включаются лица, зачатые при жизни и родившиеся после открытия наследства, составляет 300 дней с момента смерти наследодателя [7]. Помимо этого, подзаконные акты также закрепляют некоторые аспекты в интересах плода. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 1 ноября 2012 г. N 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» закрепляет порядок оказания медицинской помощи беременным женщинам с врожденными пороками внутренних органов у плода [11]. Таким образом, действующее российское законодательство не содержит положений, которые бы свидетельствовали о наделении эмбриона характеристиками субъекта права. При этом оно не позволяет и приравнять эмбриона к объектам гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ.

Только правовое регулирование в сфере трансплантации органов и тканей человека не применяется к эмбрионам. В силу статьи 2 Закона РФ от 22 декабря 1992 года N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» его

положения не распространяются на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы) [10]. Стоит отметить, что Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит статью 105, в которой говорится, что убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности относится к числу отягчающих вину обстоятельств относится [8]. Согласно статье 111 УК прерывание беременности и лишение потерпевшего какого-либо органа, является причинением тяжкого вреда его здоровью. Таким образом, вред, причиненный плоду, считается вредом, причиненным его будущей матери, и обстоятельство, что плод фактически приравнивается к части ее тела, означает, что будущая мать имеет почти полную власть над не рожденным ребенком, такую же, как власть над собственным телом.

На территории Российской Федерации данный вопрос не рассмотрен полностью, по сравнению с зарубежными странами, где большинство судов выносят решение в пользу матери, в связи с тем, что эмбрион, находясь в утробе, уже развивается и дышит, что говорит о наличии деятельности и жизни. В 2004 г. в США было предъявлено обвинение в убийстве своего нерожденного ребенка 28-летней Мелиссе Энн Роуланд. Она отказалась от кесарева сечения в виду страха иметь шрамы, которые отрицательно повлияют на ее фигуру. В результате родов живым оказался только один ребенок из двойни. Обвинение посчитало, что мать руководствовалась только эгоистическим побуждениями, зная, какой результат будет в случае замедления принятия решения [12]. Во Франции пациентка на 7 месяце беременности пришла на прием к врачу-гинекологу, который при осмотре по неосторожности проткнул околоплодный пузырь. В результате случившегося пришлось делать срочный аборт, плод не выжил. Французские суды оправдали врача, сказав, что нерожденный ребенок не находится под защитой уголовного закона [5]. Нередко в качестве охранительного отношения к дородовой жизни человека приводят

законодательство Ирана: ответственность за причинение повреждений эмбриону делится в зависимости от стадии его развития и от пола плода [4].

Решения по делам, связанные с еще не родившимся ребенком, имеют полностью противоположные итоги. С одной стороны, верно утверждать о том, что эмбрион – это потенциальный человек. Объясняется тем, что человеком признается развивающийся организм. Эмбрион, априори, начинает свое развитие с момента зачатия, иначе эволюция его развития не привела бы к рождению «ребенка». В соответствии с этим, можно твердо утверждать о необходимости защиты еще неродившегося ребенка. Без регулирования данной отрасли потенциальные «родители» имеют право на совершение различных действий без учета интересов «будущего человека». Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» закреплено, что первоначально органы здравоохранения призваны обеспечивать защиту ребенка от произвольного вмешательства в осуществление его права на жизнь [9].

Таким образом, на основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в действующем законодательстве имеют место быть нормы, позволяющие косвенно сделать вывод о правосубъектности эмбриона. Вместе с тем, данное регулирование не снимает вопрос о том, что из себя представляет эмбрион? Представляется необходимым поставить точку в дискуссии о правовой природе эмбриона путём придания ему статуса субъекта правоотношений. В частности, необходимо внести изменения в формулировку части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации в части «принадлежат каждому от рождения» на «принадлежат с момента зачатия». Также следует принять отдельный федеральный закон, в котором будет содержаться помимо необходимых определений понятий «эмбрион» и «начало жизни», еще и основные права, защитные средства, а также ответственность за деяния в отношении рассматриваемого субъекта.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993 г.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета № 67. 05.04.1995 г.
4. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Науч. ред. А.И. Ахани. СПб, 2008. С. 225-227.
5. Browne A. Abortion error "shows foetus has right to life" // The Times. 2003. 11 December
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954
9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3802
10. Закон РФ "О трансплантации органов и (или) тканей человека" от 22.12.1992 N 4180-1 (последняя редакция) // Ведомость Съезда народных

депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 14.01.1993 г. № 2. Ст. 62. Российская газета от 9 января 1993 г. № 4.

11. Приказ Минздрава России от 01.11.2012 N 572н (ред. от 21.02.2020) "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий) (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2013 № 27960) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 11.12.2012 года. № 50.

12. В США роженице грозит пожизненный срок за отказ от кесарева сечения (новостная лента - 12 марта 2004 г.) [Электронный ресурс] // URL: www.newsru.com

13. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. 51 с.

14. Клопфер М., Кольбе А. Основы этики. Учебное пособие. – Мюнхен: фонд Ганса Зайделя, 1999. – 102 с.

15. Мохов А.А. Неродившийся ребенок - субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4.

16. Г.Б. Романовский. Статус эмбриона в современном праве. «Гражданин и право», № 12, декабрь 2011 г.

17. Тарасов Е. Не могут быть субъектами права // «Адвокатская газета». № 11. июнь 2020 г.

Корчагин Матвей Андреевич
Тюменский государственный университет
Институт Государства и Права
Россия, Тюмень
matvey.cor2016@mail.ru
Korchagin Matvey
Tyumen state University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ В МОСКВЕ С ИНСТИТУТОМ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация: в настоящей статье автор проводит сравнительно-правовой анализ программы реновации, действующей на территории г. Москвы, с институтом комплексного развития территории. Оценивается сфера их применения, при этом центр внимания фокусируется на степени защищённости жилищных прав и необходимости единообразной защиты прав собственников при реализации обоих инструментов редевелопмента.

Ключевые слова: реновация, комплексное развитие территории, защита жилищных прав, многоквартирный дом, редевелопмент.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RENOVATION PROGRAM IN MOSCOW WITH THE INSTITUTE OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Annotation: in this article, the author conducts a comparative legal analysis of the renovation program operating on the territory of Moscow with the Institute of Integrated Development of the territory. The scope of their application is evaluated,

while the focus is on the degree of protection of housing rights and the need for uniform protection of owners' rights in the implementation of both redevelopment tools.

Key words: renovation, complex development of the territory, protection of housing rights, apartment building, redevelopment.

Опыт «московской реновации» безусловно был положен в основу проектирования главы 10 ГрК РФ, посвященной комплексному развитию территории [1], [2]. КРТ в современном его виде уже более 3 лет, однако не утратила силу нормативная база реновации в Москве, также не была прекращена фактическая реализация проектов по данному механизму [3]. В связи с чем на сегодняшний день в отношении столицы Российской Федерации существуют два инструмента редевелопмента: реновация и КРТ, сравнительно-правовой анализ которых следует провести.

1. Сферы применения

ГрК РФ в рамках КРТ предусматривает четыре его вида, что в конечном счете относит большое количество видов объектов недвижимости в зону риска попадания в такое развитие. Это могут быть МКД (в том числе не только аварийные), объекты ИЖС и блокированной застройки, которые не соответствуют установленным требованиям, а также объекты коммерческого назначения, используемые не в соответствии с действующей градостроительной документацией.

В свою очередь, в программу московской реновации включаются только МКД, причем строго определенного вида (1-ого этапа индустриального строительства). Более того, в соответствующее Постановление Правительства Москвы включен конкретный список МКД, в которых собственники уже проголосовали за реновацию [4]. Таким образом, сфера применения КРТ кратно шире правовых возможностей реновации в Москве.

2. Подход к защите жилищных прав

Важно подчеркнуть ключевую разницу в подходе к защите жилищных прав при московской реновации и при реализации проектов КРТ. Так, в ходе реновации в качестве общего правила предоставляются жилые помещения, причем отвечающие требованиям к их равной ценности по площади, количеству комнат и местоположению с изымаемым помещением. Только в качестве исключения из общего правила собственник вправе требовать именно предоставления денежного возмещения.

Диаметрально противоположно действует правовое регулирование при КРТ, в ходе которого по общему правилу выплачивается денежное возмещение, вместо которого по заявлению собственника может быть предоставлено новое помещение, в счет размера компенсации [5]. Однако речь идет уже не о равноценном помещении.

Вышеуказанное отличие является краеугольным камнем, которое делает собственников, попавших под КРТ, менее защищенными по сравнению с реновацией. Несмотря на то, что оценка в любом случае осуществляется независимой организацией, объективно стоимость жилого помещения в устаревшем жилом фонде кратна меньше цены современного, аналогичного по размерам жилья. При реновации этот риск снимается собственников, с которыми фактически заключается договор мены без какой-либо доплаты за предоставления аналогичных квартир в современных жилых комплексах, именно поэтому преобладающее большинство соглашалось на получение обновленного жилья, а не денежной компенсации.

При КРТ, как было указано выше, все иначе: риск того, что возмещение за жилье не хватит для приобретения нового, такого же по площади помещения, перекладывается на собственников, попавших под КРТ.

Конечно, субъекты РФ вправе предусмотреть для КРТ подход, аналогичный подходу при реновации, однако на сегодняшний день совсем незначительное количество регионов последовало этому [6, с. 40].

3. Комплексность редевелопмента

У института КРТ достаточно говорящее название, так как благодаря широкой сфере его применения, в рамках одного проекта КРТ может развиваться одновременно большая территория (квартал, микрорайон, и даже район) с одновременным возведением детских садов, школ, больниц и иных социальных объектов [7, с. 24].

У московской реновации, как было сказано выше, сфера применения меньше – конкретный перечень МКД. В некоторых случаях такие МКД расположены в разных кварталах и микрорайонах, либо между ними построено иное, более современное жилье. В связи с чем в некоторых случаях реновация имеет характер точечной застройки, в рамках которой невозможно полноценное развитие современной инфраструктуры.

4. Сходство правового регулирования

Без каких-либо сомнений московскую реновацию можно назвать правопродшественником современного КРТ, поэтому концептуально аналогично регулируются многие аспекты (например, вопрос, посвященный порядку включения и исключения МКД из проекта).

При этом произошла и рецепция негативных (по мнению автора настоящей работы) подходов, связанных с игнорированием мнения владельцев коммерческих помещений в таких домах, которые, помимо этого, лишены права на предоставление иного объекта недвижимости, а уполномочены только требовать денежную компенсацию [8, с. 29].

5. Общий вывод

Регулирование вопросов КРТ в ГрК РФ носит рамочный характер, который создает только контур для продолжения правовой регламентации на уровне субъектов Российской Федерации.

В свою очередь, непосредственно уже на федеральном уровне регулирование московской реновации является достаточно подробным. Далее высший исполнительный орган г. Москвы в принятой программе ещё более

детально описывает данный механизм. С учетом того, что реновация в Москве поименована в качестве отдельной программы, в последней содержится:

- подробная вводно-описательная часть с «мотивами» её появления;
- большое количество декларативных норм с задачами, гарантиями и установленными стандартами, которые могут быть использованы заинтересованными лицами в качестве нормативной базы для защиты своих нарушенных прав.

При этом в вопросах КРТ субъекты РФ осуществляют менее детализированное правовое регулирование, регламентируя сугубо только те аспекты, которые им прямо необходимо разрешить [9], [10].

На основании вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: собственники жилых помещений, попавшие под московскую реновацию, находятся в более защищенном положении, чем собственники квартир, включенные в КРТ [11, с. 133]. С учетом того, что на всей территории Российской Федерации в равной степени признается и защищается частная собственность, регулирование редевелопмента в субъектах РФ должно быть единообразным [12]. В связи с чем, повышенная защищенность собственников жилых помещений при реновации должна быть рецептирована и на институт КРТ.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 33.

3. Закон РФ от 15.04.1993 № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // «Ведомости СНД РФ и ВС РФ». 1993. № 19. Ст. 683.

4. Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 № 497-ПП (ред. от 16.04.2024) «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. 01.08.2017. Режим доступа: www.mos.ru (дата обращения: 06.05.2024).

5. Жилищный кодекс Российской Федерации: от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

6. Прощалыгин Р.А., Игошкина М.Е. Некоторые аспекты реализации жилищной политики в рамках программы комплексного развития территории жилой застройки // Семейное и жилищное право. 2022. № 6. 40 с.

7. Трутнев Э.К. О рекомендациях по обеспечению комплексного развития территорий в период действия Закона № 494-ФЗ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 4. 24 с.

8. Ербягина М.В. Нормативно-правовое регулирование в вопросе комплексного развития городских территорий // Архитектура и дизайн. 2021. № 2. С. 29.

9. Постановление Правительства Тюменской области от 19.03.2021 № 135-п «О порядке осуществления комплексного развития территории» // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. 22.03.2021. № 7200202103220017. Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

10. Закон Свердловской области от 19.03.2021 № 19-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий в Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. 24.03.2021. № 6600202103240003. Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

11. Максимов, С.Н. Комплексное развитие территорий и проблемы собственности / С. Н. Максимов // Проблемы современной экономики. 2023. № 2(86). 133 с.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета». 1993. № 237.

Корякин Егор Владимирович
Финансовый университет при Правительстве РФ
Юридический факультет
Россия, Москва
ryzhiyg@mail.ru
Koryakin Egor
Financial University under the Government of the Russian Federation
Faculty of Law
Russia, Moscow

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В СВЕТЕ НОВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО
СУДА РФ ОТ 12.12.2023**

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы института самовольной постройки. Автор указывает на актуальность данной темы в связи с неоднозначным правоприменением статьи 222 ГК РФ. В настоящей научной работе анализируется понятие самовольной постройки, дается ее сравнение с объектами гражданского права, исследуется позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу. Автор приходит к выводу, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 не привносит кардинально что-то новое в сложившуюся судебную практику, но оно может выступить фундаментом для реформы норм, регулирующих самовольное строительство.

Ключевые слова: самовольная постройка, Верховный Суд РФ, объект гражданского права, самовольное строительство, правовое регулирование.

**LEGAL REGULATION OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION IN THE
LIGHT OF THE NEW DECISION OF THE PLENARY OF THE SUPREME
COURT OF THE RF DATED 12.12.2023**

Annotation: the article discusses modern issues related to unauthorized construction. The author emphasizes the importance of this topic, in connection with ambiguous enforcement of Article 222 of the Russian Civil Code. This scientific paper analyzes the concept of unauthorized construction, compares it to other objects of civil law, and examines the stance of the Supreme Court of Russia on this matter. The author concludes that while the resolution of the Plenum of the Supreme court dated 12.12.2023 does not introduce anything radically new to existing judicial practice, but it could serve as a basis for reforming the rules governing unauthorized construction.

Key words: unauthorized construction, Supreme Court of the Russian Federation, object of civil law, unauthorized building, legal regulation.

Институт самовольной постройки является одним из самых нестабильных – в гражданском праве [1, с. 46]. С этим трудно не согласиться, так как при решении судьбы самовольной постройки судам приходится учитывать не только публичные интересы, но и частные (интересы застройщика, собственника земельного участка, участника долевого строительства и других лиц, которые от каждого конкретного случая могут сильно меняться). В качестве примера, где фигурировали участники долевого строительства (70 дольщиков) можно привести дело, рассмотренное Шестнадцатым арбитражным апелляционным судом [2], где организация возвела два корпуса 8 и 4 этажей при этом на земельном участке, на котором происходило строительство не допускалось строительство зданий выше 4 этажей, суд принял решение о частичном удовлетворении требований муниципалитета, то есть о сносе восьмиэтажного корпуса. В последующем данное решение было отменено Арбитражным судом Северо-Кавказского округа [3]. В данном деле видно, что применение сноса здания в качестве меры гражданско-правовой ответственности приведет к значительному нарушению интересов участников долевого строительства. Проблемы в отношении самовольного строительства,

по мнению Кондратюк [4, с. 413], также возникают в связи с необходимостью применять многие нормы из разных отраслей права, например, земельного, гражданского, градостроительного и др. Подтвердить это можно тем, что в пункте 1 статьи 222 ГК РФ при перечислении признаков самовольной постройки указывается на то, какие требования нарушаются при возведении данных сооружений, а они в свою очередь определяются нормами вышеуказанных отраслей права. Как видно, определение правовой судьбы результатов самовольного строительства является очень сложным делом, судам приходится часто самолично заполнять пробелы, которые возникают при разрешении споров подобного рода. Именно по этим причинам вышло новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной застройке» (далее – ПП ВС РФ от 12.12.2023 г.), которое мы проанализируем и постараемся понять, разрешает ли оно накопившиеся проблемы в отношении правового регулирования самовольной постройки или нет.

Для того, чтобы охарактеризовать само ПП ВС РФ от 12.12.2023 г., нам необходимо прежде всего определить, что из себя представляет самовольная застройка и как ее идентифицируют суды и доктрина. Начнем с определения, которое дает нам Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ). Он говорит следующее [5]: «Самовольное же строительство представляет собой правонарушение, которое состоит в нарушении норм земельного законодательства, регулирующего предоставление земельного участка под строительство, либо градостроительных норм, регулирующих проектирование и строительство». КС РФ довольно точно указывает на суть самовольной постройки – нарушение различных отраслей права (земельного и градостроительного). Возникает вопрос, а можно ли считать самовольную застройку – объектом гражданского права? Исходя из законодательства (пункт 2 статьи 222 ГК РФ) и позиции КС РФ на это можно ответить однозначно нет,

нельзя. Причины почему это так мы установим на основании признаков объектов гражданского права.

В своей работе Шорников Д.М. подчеркивает, что для объектов гражданского права существуют две категории признаков, которым они должны удовлетворять: имманентные (внутренние) и опосредованные (внешние) [6, с. 40-41]. Первая категория указывает на то, имеет ли некий конструкт возможность в будущем стать объектом гражданского права, то есть данные признаки указывают на потенциал объекта стать частью гражданского оборота. Среди них Шорников [6, с. 41] выделяет дискретность (отделение объекта от других, для объектов материального мира это выражается в наличии у них определенных параметров: размера, веса, формы и т.д.) и полезность (способность удовлетворять потребности людей). Самовольная постройка отвечает этим двум признаком в полном объеме, но необходимо также и наличие внешних признаков, с которыми возникают трудности. Опосредованные признаки включают в себя юридическую привязку (признание блага объектом права по закону) и системность (взаимосвязь с другими объектами гражданского права, она проявляется прежде всего в способности обмена на иные объекты гражданского права, например, покупка вещи при помощи денег: один получает определенную вещь, а другой за нее деньги), эти категории, по мнению Шорникова [6, с. 42-43], очень взаимосвязаны, одна вытекает из другой. Самовольная постройка как раз и не обладает внешними признаками, так как ее возведение нарушает ряд требований, предъявляемых к ней в силу закона, что автоматически приводит к выпадению признака юридической привязки и как следствие – системности. На практике возникают ситуации, при которых суды неверно разрешают споры, связанные с самовольными постройками. Например, Миквабия Р. Р. в своей статье отмечает [7, с. 52-53] одно дело, проверенное ВС РФ. В нем суды нижестоящих инстанций удовлетворили требование истца о разделе совместного имущества супругов. Ключевым моментом было то, что к спорному имуществу относилась

самовольная постройка. В оправдание судов можно сказать, что иск содержал в себе одновременно и признание права собственности на самовольную постройку и ее последующий раздел. Но ВС РФ верно отметил [8], что суды нижестоящих инстанций допустили значительные ошибки при вынесении своих решений, поскольку они проигнорировали существенные факты, указывающие на то, что потенциальный объект собственности является самовольной постройкой, в частности, вид разрешенного использования земельного участка не допускал подобное строение. К тому же Миквабия Р. Р. указывает на то [7, с. 53], что иск истца нельзя было удовлетворять по причине разности субъектного состава и обстоятельств, требующих доказывания, для двух требований. В требовании о признании права собственности на самовольную постройку ответчиком должен выступать орган местного самоуправления, а не супруга. Фактически суды признали объектом гражданского права самовольную постройку, что является грубейшим нарушением норм материального права.

Таким образом, самовольная постройка занимает промежуточное положение между ничем и объектом гражданского права. Ее можно определить как благо (конструкция, сооружение), которое в связи с нарушением условий, установленных законом [1, с. 47-48], лишает ее возможности стать объектом гражданского права, но устранение нарушений приводит к возможности ввести данный объект в гражданский оборот. Самовольную постройку можно определить и как межотраслевой институт, в частности это можно сделать по тому, что ее правовое регулирование закреплено не только в статье 222 ГК РФ, но и в статье 55.32 ГрК РФ. К тому же особенно важную роль в спорах о самовольном строительстве играет статья 55 ГрК РФ, которая закрепляет такой комплексный акт, как разрешение на ввод объекта в эксплуатацию. Ихаров М.М. указывает [9, с. 52-53] на важность данного юридического документа в связи с тем, что он является существенным доказательством того, что определенное строение возведено на законных основаниях с выполнением

требований градостроительного и земельного законодательства, то есть он удостоверяет надлежащее предоставление документов, необходимых для ввода в эксплуатацию объекта завершенного строительства. При возникновении спора о самовольном строительстве заинтересованному лицу следует обращаться в суд сперва о признании незаконным данного акта, отмена которого может послужить основанием для признания постройки самовольной, за исключением случаев, когда данное строение создает угрозу жизни и здоровью людей, а также существует грубое нарушение строительных норм и правил.

Метелева Ю. А. в своей работе подмечает [10, с. 58], что многие дела относительно самовольной постройки рассматриваются Верховным судом РФ, поскольку статья 222 ГК РФ не дает полных ответов на вопросы, которые возникают при появлении споров. Поэтому для полного понимания правового регулирования такого явления как самовольная постройка необходимо обращаться не только к законодательству, но и к позиции ВС РФ, который считает, что снос самовольной постройки – крайней мерой [11]. ВС РФ закрепляет принцип пропорциональности (так или иначе он выражен в статье 1 ГК РФ), то есть устранение последствий нарушения должно быть соразмерно самому нарушению. Учитывается существенность нарушений посредством возведения самовольной постройки, поскольку, если нарушение признается незначительным, то есть не приводит к угрозе жизни и здоровью населения, не затрагивает законные интересы и права третьих лиц, то суды должны выносить решения о сохранении таких построек. Стоит отметить также, что если судами установлена возможность устранения нарушений, то при вынесении решений они должны формулировать оба варианта последствий в отношении самовольной постройки: снос или приведении в соответствии с законом.

Из вышесказанного можно заключить, что ВС РФ всячески старается легализовать самовольную постройку, а не просто снести ее. По своей сути это правильная мысль, поскольку новый объект недвижимости будет являться

новым источником доходов для государства. Интересы других лиц также необходимо брать во внимание, например, возможны такие случаи, когда граждане участвуют в долевом строительстве многоквартирного дома (ранее был упомянут подобный случай), сам застройщик мог незначительно нарушить законодательства при строительстве многоквартирного дома, что может выступить основанием для признания такого строения самовольной постройкой. Суды, чтобы не приводить к неблагоприятным последствиям для обычных граждан должны, если это возможно, требовать приведения самовольной постройки в соответствии с законодательством. Стремление ввести самовольную постройку в гражданский оборот имеет ряд серьезных проблем, которые, по мнению Кондратюк Д. Л. [4, с. 414], выражается в том, что судебные органы достаточно часто отказывают в сносе самовольной постройки, возведенной с заступом на чужой земельный участок. Кондратюк обращает внимание на злоупотребление правом и недобросовестность лиц, возводивших такие самовольные постройки в связи с их явным желанием завладеть частью земельных участков своих соседей. Судам необходимо оценивать поведение субъектов гражданского права, занимающихся самовольным строительством, в отрыве от тенденции к полной легализации самовольных построек. Это важно, поскольку необходимо устранять назревшую возможность злоупотреблять своим правом со стороны застройщиков, ведь в противном случае это может вызвать недовольство со стороны лиц, чьи права были нарушены и не были восстановлены. Неполучение разрешения на строительство или ненаправление уведомления о строительстве не может служить основанием [11] для признания объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома самовольной постройкой, данная возможность действует до 1 марта 2031 года. Следует учитывать, что необходимо соблюдать другие условия, установленные законом, чтобы постройку не признали самовольной, например, строительство данных объектов должно происходить на участке, правовой режим которого допускает

индивидуальное жилищное строительство и т.д. Как уже ранее отмечалось самовольная постройка не является объектом гражданского права, поэтому в отношении нее не может быть правопреемства, но возможность признать право собственности на такую постройку может перейти, если к наследнику перейдет соответствующее вещное право на земельный участок с самовольной постройкой [11]. ПП ВС РФ от 12.12.2023 г. указывает на перечень объектов недвижимости [11], которые не могут быть снесены или приведены в соответствии установленным законом требованиями, но при этом данные сооружения могут отвечать признакам самовольной постройки. Этот запрет распространяется на те объекты, которые в силу своей значимости не должны подвергаться изменению, в частности, объекты культурного наследия, объекты, обладающие признаками культурного наследия и др. Учитываются случаи, когда в признанной самовольной постройке проживают граждане на законных основаниях [11]. В данной ситуации судам при принятии решения о сносе самовольной постройке необходимо разрешить вопрос о выселении таких лиц, в рассмотрении подобных дел обязательно привлекается прокурор для дачи заключения о выселении. По общему правилу [11] в деле о сносе самовольной постройки или приведении ее в соответствии с законом ответчиком выступает тот, кто ее возвел, если привлекался подрядчик, то ответчиком – заказчик. При приобретении самовольной постройки, правопреемстве или ином ее отчуждении от лица, которое осуществило ее постройку, ответчиком выступает то лицо, которое при нормальных условиях гражданского оборота могло бы стать ее законным собственником, например, приобретатель самовольной постройки в результате купли-продажи и др. Верховный Суд таким образом делает мысленное допущение, по которому суды должны будут определить надлежащего ответчика. Подобное допущение ни в коей мере не приводит к тому, что самовольная постройка признается объектом гражданского права. При невозможности установить лицо, построившее самовольную постройку, ответчиком по делу будет выступать тот, кто обладает соответствующим

вещным правом на земельный участок, на котором располагается такое незаконное сооружение. ВС РФ [11] закрепляет то, что постройку не могут признать самовольной в том случае, если она возведена в соответствии разрешенным использованием земельного участка, но используется не по назначению. В данном случае предусмотрен механизм борьбы с данными нарушениями, который определен в статье 287.7 ГК РФ, вплоть до продажи имущества с публичных торгов в случае неисполнения требований власти по целевому использованию помещений. Арендатор [11] имеет ограничения в отношении строительства на предоставленном ему земельном участке, они устанавливаются не только правовым режимом самого земельного участка, но и договором аренды, в котором могут быть прописаны условия, еще более ограничивающие использование предоставленного земельного участка. Строительство объектов в нарушении арендного договора является основанием для признания постройки самовольной. В отношении обладателя публичного сервитута действуют также ограничения на строительство тех или иных объектов. В 22 пункте ПП ВС РФ от 12.12.2023 г. [11] предусмотрено, что сама по себе невозможность получения сведений об ограничении земельного участка (например, отсутствие сведений о зоне с особыми условиями использования территории в ЕГРН) не препятствует истцу в деле о самовольной постройке представить доказательства того, что ответчик знал о таком ограничении и все равно возвел постройку, которую по закону нельзя было строить на данной территории. В пункте 28 ПП ВС РФ от 12.12.2023 г. [11] предусматривается необходимость судами решить вопрос о перераспределении долей собственников при признании права собственности на самовольную реконструкцию объекта общей собственности. Верховный суд указывает на то [11], что нарушения градостроительных норм при возведении самовольных построек должно носить существенный характер, например, превышение предельного количества этажей или предельной высоты. Важным критерием определения того является ли нарушение градостроительных норм

существенным зависит от безопасности объекта, в остальных случаях нарушения будут признаваться скорей всего несущественными, а значит, они не могут препятствовать сохранению постройки. В каждом отдельном случае установление существенности нарушений будет зависеть от экспертизы и решения суда. Запись в ЕГРН о праве собственности на самовольную постройку [11] аннулируется при вступлении в силу решения суда о сносе самовольной постройки, при этом фактическое исполнение решения не имеет никакого значения. ВС РФ говорит о наличии процессуального правопреемства [11] в случае отчуждения земельного участка, на территории которого расположена самовольная постройка, которая должна быть снесена или приведена в соответствии с законными требованиями в силу решения суда. Таким образом, лицо, приобретающее такой земельный участок должно понимать, что оно будет обязано исполнить судебное решение. Ранее поднятая Кондратюк проблема недобросовестности застройщиков, возводивших самовольные постройки, Верховным Судом РФ разъясняется в новом ПП ВС РФ от 12.12.2023 г [11]., в котором указывается на то, что признание права собственности на самовольную постройку как исключительный способ защиты права может применяться только при удовлетворении двух условий: во-первых, отсутствие явной недобросовестности со стороны истца и, во-вторых, отсутствие признаков самовольной постройки, за исключением отсутствия необходимых в силу закона согласований и разрешений, для получения которых истец принимал надлежащие меры.

В целом можно отметить, что институт самовольной постройки до сих пор остается до конца не урегулированным, многие пробелы в законе судам приходится устранять самостоятельно [4, с. 413]. Принятие ПП ВС РФ от 12.12.2023 г. в большей степени закрепляет уже сложившуюся судебную практику, нежели привносит что-то новое [12]. Несмотря на это, мы все же можем видеть, что Верховный суд в действительности обеспокоен правовым регулированием самовольного строительства, он стремится указать судам на

что они должны обращать внимание при вынесении своих решений. Таким образом, из всего вышеназванного мы видим один из ключевых недостатков правового режима самовольной постройки – его неопределенность в нормах ГК РФ, а именно в статье 222 ГК РФ, хотя в отношении нее принимались реформы в 2015 и 2018 году [13, с. 169], это приводит к тому, что суды не могут основываться исключительно на законодательстве, им приходится обращаться к легальному толкованию норм высшими инстанциями. Глеба О.В. считает [14, с. 65], что из-за особенностей нашей системы права, которая в большей степени относится к романо-германской, где основным источником права выступает прежде всего нормативно-правовые акты, мы не можем полагаться на судебный прецедент при решении спорных вопросов, ответственность за надлежащее регулирование самовольного строительства должна лежать на законодателе. Бурное развитие градостроительства оживляет применение статьи 222 ГК РФ, которая на практике часто не дает исчерпывающих ответов при возникновении споров. Новый ПП ВС РФ от 12.12.2023 г. может стать основой для будущих преобразований нынешнего законодательства, которое, как можно заметить, нуждается в совершенствовании.

Список литературы:

1. Клименкова, С. В. Место самовольной постройки в системе объектов гражданских прав / С. В. Клименкова // Вестник магистратуры. – 2018. – № 3-1(78). – С. 46-49. – EDN EMWKCL.
2. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2020 N 16АП-2061/2017 по делу N А63-2078/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.05.2021 N Ф08-2178/2019 по делу N А63-2078/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кондратюк, Д. Л. Самовольная постройка: проблемы определения

юридической судьбы / Д. Л. Кондратюк // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 412-417. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-412-417. – EDN VSNXUE.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 N 2803-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шитиковой Светланы Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

6. Шорников, Д. В. Еще раз о признаках объектов гражданских прав / Д. В. Шорников // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 1(36). – С. 40-44. – EDN JXCYVF.

7. Миквабия, Р. Р. Правовой статус самовольной постройки при разделе имущества супругов / Р. Р. Миквабия // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2022. – № 4. – С. 50-55. – EDN JIUDX.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2020 N 18-КГ20-34-К4 // СПС «Консультант плюс»

9. Ихаров, М. М. Правовое значение акта ввода объекта в эксплуатацию при признании объекта недвижимости самовольной постройкой / М. М. Ихаров // Legal Bulletin. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 50-55. – EDN HURIDC.

10. Метелева, Ю. А. Самовольные постройки: проблемы правоприменения / Ю. А. Метелева // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 5(186). – С. 53-62. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.186.5.053-062. – EDN OLKZFA.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 44 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке" // СПС «КонсультантПлюс».

12. Юминов, А.Ю. Обзор постановления Пленума Верховного суда про самовольные постройки [Электронный ресурс] // Взгляд со стороны владельца проблемного объекта // Информационно-правовой портал «Закон.ру» // URL: https://zakon.ru/discussion/2023/12/21/obzor_postanovleniya_plenuma_verhovnogo_

suda_pro_samovolnye_postrojki__vzglyad_so_storony_vladelca_p (дата
обращения: 09.03.2024).

13. Лунев, К. А. Самовольная постройка в гражданском праве РФ / К. А. Лунев // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 164-171. – EDN WCMAQD.

14. Глеба, О. В. Признание объекта самовольной постройкой: проблемы правоприменительной практики / О. В. Глеба // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 5(126). – С. 63-69. – DOI 10.17803/1994-1471.2021.126.5.063-069. – EDN SHWTMV.

Кудник Елизавета Алексеевна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

elizavetakudnik@gmail.ru

Kudnik Elizaveta

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ САМОВОЛЬНОМ ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ И ПЕРЕПЛАНИРОВКЕ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Аннотация: одним из случаев, при котором правообладателю жилого помещения необходимо согласование совершения им определенных действий в таком помещении, является осуществление переустройства и перепланировки жилого помещения. Однако зачастую собственники жилых помещений нивелируют юридическую сторону этого вопроса, в связи с чем автор выделяет ряд проблем в правовом регулировании последствий самовольного переустройства и перепланировки путем анализа сложившейся судебной практики и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: необходимость согласования, переустройство и перепланировка, самовольность действий, правообладатели жилых помещений, баланс интересов сторон.

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN UNAUTHORIZED RECONSTRUCTION AND REDEVELOPMENT OF RESIDENTIAL PREMISES

Annotation: one of the cases in which the right holder of a residential premises needs to coordinate the commission of certain actions in such a room is the implementation of reconstruction and redevelopment of a residential premises. However, often the owners of residential premises neutralize the legal side of this issue, in connection with which the author identifies a number of problems in the legal regulation of the consequences of unauthorized reconstruction and redevelopment by analyzing the established judicial practice and suggests ways to solve them.

Key words: the need for coordination, reconstruction and redevelopment, unauthorized actions, right holders of residential premises, balance of interests of the parties.

В соответствии с положениями ст.29 Жилищного кодекса РФ, незаконность или самовольность переустройства и перепланировки заключается в совершении указанных действий без согласования принятого таким субъектом решения с органом местного самоуправления либо же с нарушением проекта, представленного для согласования [1]. Такая обязанность не является ограничением прав собственника, поскольку направлена не только на поддержание помещения в надлежащем состоянии, но и на обеспечение безопасности иных лиц, в частности проживающих в многоквартирном доме.

Стоит обратить внимание на аспект определения обязательных условий осуществления переустройства и перепланировки. В ЖК РФ отсутствует достаточная информация о видах работ, которые относятся к переустройству и перепланировке, что, в свою очередь, делает данные категории оценочными и создает дополнительные трудности для правоприменительной практики. Более того, Карпухин Д.В. указывает, что запреты на осуществление переустройства и перепланировки могут быть не только прямо сформулированы в законе, но и вытекать из смысла разрешительных условий их осуществления [2]. Соответственно, отсюда возникает неопределенность по поводу того, какие

именно действия проживающих в жилом помещении лиц следует считать самовольно осуществленными.

Опираясь на положения статьи 29 ЖК РФ, следует отметить, что при наличии хотя бы одного из двух условий, действия по изменению объектов недвижимости, выраженного в переустройстве и перепланировке жилых помещений, можно признать самовольными. Среди таких условий законодатель называет, во-первых, отсутствие документов, подтверждающих разрешение действий по перепланировке и переустройству помещения от соответствующих органов (ч. 5, ч. 6 ст. 26 ЖК РФ) и, во-вторых, нарушение утвержденного проекта перепланировки или переустройства помещения, которое выдается соответствующим органом на основании п. 3 ч. 2 ст. 26 ЖК РФ.

Важно подчеркнуть, что граждане наделяются правом оспорить «самовольность» переустройства или перепланировки жилого помещения в случае, если они считают их законными. Так, согласно ст. 29 ЖК РФ, данный процесс может быть признан законным в судебном порядке при условии, если это не затрагивает права и законные интересы граждан либо не влечет за собой угрозу их жизни и здоровью. При этом, в доктрине подчеркивается необходимость правильного истолкования данной нормы: законодатель, употребляя союз «либо» в указанном правовом положении, имеет в виду наличие сразу двух перечисленных условий в качестве обязательного условия [3].

Более того, правоприменитель отмечает, что нормы рассматриваемой статьи не запрещают, а, напротив, наделяют орган местного самоуправления полномочием в виде согласования самовольно выполненных переустройства и (или) перепланировки и сохранения помещения в существующем состоянии. Отказ органа, уполномоченного принимать решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки помещения, может быть признан судом неправомерным, если представлены все необходимые документы, а произведенные переустройство и перепланировка соответствуют требованиям

законодательства [4]. Следовательно, проблема легализации самовольного переустройства и перепланировки в многоквартирном доме решается только в том случае, если выполненные работы не затрагивают целостность несущих конструкций и перекрытий, не затрудняют доступ к коммуникациям и при этом значительно не увеличивают нагрузку на инженерные системы дома. Этот факт должен быть подтвержден актом строительно-технической экспертизы, выполненной экспертным учреждением или экспертом.

Переустройство и перепланировка жилого помещения проводятся в соответствии с требованиями законодательства по согласованию с органом местного самоуправления на основании принятого им решения по заявлению собственника или уполномоченного им лица. Такое заявление подается в форме, утвержденной Правительством РФ [5].

Заявителем в законе назван лишь собственник жилого помещения или иное уполномоченное им лицо. При этом в утвержденной в Постановлении Правительства РФ форме заявления о переустройстве или перепланировке жилого помещения, помимо названных выше субъектов указаны также наниматель, арендатор, собственник жилого помещения, которые обладают жилым помещением по договору найма, аренды и на праве собственности соответственно. Упомянутые лица, в соответствии с заявлением, выступают от своего имени. Такая коллизия подзаконного акта положениям ЖК РФ создает противоречия и вызывает вопросы по поводу законности решений органов о согласовании переустройства и перепланировки, принятых по заявлениям вышеупомянутых обладателей жилищных прав.

Кроме того, в доктрине отмечается, что в статье, посвященной последствиям самовольного переустройства и перепланировки, отсутствует важнейшее положение – указание на недопустимость совершения сделок с самовольно перепланированными и самовольно переустроенными жилыми помещениями [6]. По мнению Грызихиной Е.А., невключение в состав ст. 29 ЖК РФ данного положения, лишь ухудшает ситуацию проведения работ по

переустройству и перепланировке жилых помещений в соответствии с требованиями закона. В результате – большое число самовольно переустроенных и перепланированных жилых помещений, собственники которых не обращаются ни в органы местного самоуправления, ни в судебные органы. Бетхер В.А. указывает, что законодателю для решения указанной проблемы следует ввести норму, закрепляющую необходимость проведения в отношении таких жилых помещений государственной регистрации права, что может иметь место при наследовании, осуществлении сделок купли-продажи, мены, дарения и иных сделок [7]. Так, например, приобретая квартиру с незаконной перепланировкой, покупатель принимает на себя все риски, связанные с дальнейшими требованиями о приведении жилого помещения в прежнее состояние, что возлагает на него дополнительные обязанности.

Помимо этого, интерес вызывает вопрос квалификации действий правообладателя при объединении квартир. Так, в п.1 ст. 40 ЖК РФ законодатель закрепил за собственником смежных помещений в многоквартирном доме право их объединения в одно по правилам согласования перепланировок без получения согласия иных собственников помещений, в том случае, если такое объединение не влечет изменение других помещений, границ и размера общего имущества многоквартирного дома. Однако судебная практика по данному вопросу противоречива.

Так, Свердловский областной суд признал несостоятельным вывод суда первой инстанции о том, что объединение квартир путем сноса смежной кирпичной перегородки является реконструкцией. При этом произведенная перепланировка была признана самовольной и, как следствие, требующей получения согласия иных собственников помещений [8].

В то же время Воронежский областной суд квалифицировал подобные действия иначе. В частности, суд пришел к выводу о том, что присоединение квартиры к подвальному помещению посредством демонтажа монолитной плиты перекрытия и организации сообщения между ними представляет собой

реконструкцию, произведенную в отсутствие разрешения и согласия собственников помещений многоквартирного дома [9].

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют неопределенность судов по поводу квалификации соответствующих работ в качестве перепланировки или реконструкции. Возникает вопрос о том, чем именно нужно руководствоваться собственникам, владельцам помещений, которые планируют перестроить свою недвижимость. Для того, чтобы прийти к однозначному выводу в правовой квалификации рассматриваемых действий, законодателю следует конкретизировать положения жилищного законодательства. Однако, полагаем, затрагивание несущих стен здания, его перекрытий и прочих конструктивных элементов по признакам в большей степени отвечает признакам реконструкции, нежели перепланировки.

Исходя из вышеизложенного следует, что в настоящее время сложилась разнообразная судебная практика по узаконению самовольной перепланировки или переустройства жилых помещений, обусловленная фрагментарным регулированием рассматриваемых отношений, отсутствием четкой правовой регламентации данных социальных связей, а также разрозненностью нормативных актов федерального и муниципального уровня.

В заключение стоит отметить, что сущность института самовольного переустройства и (или) перепланировки состоит во взаимном учете интересов сторон, в осуществлении баланса интересов не только собственника жилого помещения, но и иных лиц, а значит соответствует принципу равенства прав всех перед законом и судом. Однако для дальнейшего усовершенствования жилищного законодательства целесообразно конкретизировать ряд положений.

Список литературы:

1. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14.

2. Карпухин Д.В. Проблемы правового регулирования переустройства и перепланировки жилых помещений / Д.В. Карпухин; – Москва: Жилищное право. —2009. —№5. — 6 с.

3. Бетхер В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект): монография / В. А. Бетхер; – Москва: Юстицинформ, 2017. – 312 с.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу №305-КГ15-20305: [принято: 24.05.2016] // Документ опубликован не был. — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

5. Постановление Правительства РФ от 28.04.2005 N 266 (ред. от 21.09.2005) «Об утверждении формы заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и формы документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения» // «Российская газета», N 95, 06.05.2005.

6. Грызыхина Е. А. Приобретение права собственности на вновь возведенную недвижимость: монография / Е.А. Грызыхина; – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2017. – 78 с.

7. Бетхер В.А. Сравнительный анализ правовых режимов самовольной постройки и самовольно переустроенных, перепланированных жилых помещений // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2016. — № 3. — 109 с.

8. Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу №33-13682/2019: [принято: 21.08.2019] // Документ опубликован не был. — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

9. Апелляционное определение Воронежского областного суда по делу №33-6110/2019: [принято: 12.09.2019] // Документ опубликован не был. —

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 31

Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст:
электронный.

Купцова Арина Сергеевна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Высшая школа права

Россия, Москва

ASKupcova@yandex.ru

Kupcova Arina

Plekhanov Russian University of Economics

Higher School of Law

Russia, Moscow

ДОГОВОР ПОСТАВКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕАЭС. ЧТО УЧЕСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ?

Аннотация: санкционное давление со стороны стран Запада способствовало углублению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, включая увеличение процентного соотношения заключаемых торговых контрактов на поставку различных категорий товаров. Однако взаимодействие государств-членов ЕАЭС усилило старые и выявило новые барьеры и ограничения для эффективного развития торговых отношений.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, договор поставки, проблемы ЕАЭС, риски.

THE SUPPLY AGREEMENT BETWEEN THE EEU MEMBER STATES.

WHAT SHOULD BE TAKEN INTO ACCOUNT IN MODERN REALITIES?

Annotation: sanctions pressure from Western countries contributed to the deepening of integration processes within the EEU, including an increase in the percentage of concluded trade contracts for the supply of various categories of goods. However, the interaction of the EEU member States has strengthened old and revealed new barriers and restrictions for the effective development of trade relations.

Key words: EEU, integration, supply agreement, problems of the EEU, risks.

Согласно опросу, проводимому в рамках совместного проекта Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (далее – «ЕАБР») и Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор», дана оценка информированности представителей крупного и среднего бизнеса Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана о евразийской интеграции, барьерах и мерах возможной поддержки в области внешнеэкономического сотрудничества.

В сентябре 2021 г. было опрошено 337 компаний из государств-членов ЕАЭС, также в их число входили компании из Таджикистана. В среднем 73 % опрошенных придерживаются мнения, что евразийская интеграция создает благоприятные условия, облегчающие ведение бизнеса на территории государств-членов ЕАЭС. При этом в Беларуси и Казахстане отсутствуют компании, которые придерживались бы мнения относительно того, что работа ЕАЭС усложняет бизнес-процессы. В качестве эксперимента в опросе участвовала республика Таджикистан, респонденты которой также считают, что ЕАЭС облегчает ведение бизнеса на территории государств-членов ЕАЭС, при этом часть опрошенных высказали мнение о желании видеть республику в числе членов союза [1].

Как показал опрос, ключевым фактором, препятствующим масштабным и прогрессивным тенденциям в области развития торговых отношений с участием государств ЕАЭС, является наличие определенных барьеров. Среди них: 1) технические барьеры (маркировка, сертификация и т.д.); 2) высокий уровень конкуренции; 3) финансовые меры (валютный контроль, регулирование условий оплаты и т.д.); 4) ограниченный доступ к информации о внешних рынках и потенциальных партнерах; 5) ограничения в области сбыта товара.

Мерами, позволяющими устранить названные выше препятствия, могут являться: 1) разработка в рамках ЕАЭС собственных новых регламентов и стандартов, унифицированных требований и способов обращения товаров; 2) гармонизация правил и норм маркировки; 3) взаимное признание процедур оценки продукции. При этом страны отмечают, что наиболее эффективной мерой для решения ряда проблем будет являться цифровая трансформация процессов [2].

В сложившихся условиях прослеживается тенденция наращивания торговых отношений между государствами-членами ЕАЭС. Кроме того, взаимные прямые иностранные инвестиции стран ЕАЭС по данным ЕАБР к середине 2022 г. оценены в 24,5 млрд долл.[3].

В 2021 г. и начале 2022 г. во всех государствах-членах в значительной степени увеличился объем взаимной торговли и объем внешней торговли, по Союзу данные показатели составляют 31,9 % и 35,1 % соответственно [4]. Экономические системы государств, входящих в ЕАЭС, интегрированы в систему мировых хозяйственных связей и имеют зависимость от поставок из третьих стран. Внешними рисками при данных обстоятельствах могут стать усиление санкционного и геополитического давления на некоторые государства Союза, технологический разрыв с торговыми партнерами-третьими странами и продолжение роста мировых цен.

Сложившаяся экономическая реальность порождает не только определенные риски для экономики Союза, но и открывает ряд возможностей. Эффективное использование внутреннего потенциала Союза позволит обеспечить устойчивость экономических систем отдельных государств-членов ЕАЭС [5]. В рамках Союза выработан перечень мер по обеспечению устойчивости экономик его государств-членов, данные меры охватывают следующие области: таможенное регулирование; внутренний рынок и кооперацию; финансовые и валютные рынки; экономическое сотрудничество с третьими странами [6]. Помимо всего прочего в качестве одной из мер по

повышению эффективности и устойчивости экономики государств, входящих в ЕАЭС, является обеспечение оперативной поставки товаров во взаимной торговле. Таким образом, на сегодняшний день перед ЕАЭС стоит задача внутреннего обеспечения экономик государств-членов Союза.

Развитие взаимодействия между субъектами торговых отношений происходит преимущественно в рамках заключаемых договоров поставки. При возрастающей роли данного рода отношений закономерно встает вопрос о том, что сегодня нужно учитывать в рамках соответствующих договорных конструкций, реализуемых между государствами-членами ЕАЭС.

Обращаясь к стандартной конструкции любого договора, остановимся на наиболее важных вопросах, которые стоит учитывать при заключении договора поставки между государствами рассматриваемого союза.

Предмет договора. Условие о предмете договора поставки между государствами-членами ЕАЭС является существенным и должно быть сформулировано конкретно, исключая неоднозначное понимание содержащихся в договоре правоотношений. Предметом договора поставки являются товары, производимые или закупаемые поставщиком и приобретаемые покупателем для использования в предпринимательской деятельности и в иных целях, не связанных с личным, семейным и другим подобным использованием. В данном случае также важно отразить в договоре, где конкретно согласуются условия о наименовании, ассортименте, количестве и цене поставляемого товара.

Условие о способе поставки товара. Поскольку в настоящей работе рассматривается поставка в рамках территории нескольких государств, то важно заранее в договоре согласовать условие о способе доставки. Сразу стоит отметить, что в рамках договора поставки между государствами-членами ЕАЭС широко применяются Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс-2010» [7] и «Инкотермс-2020» [8]. Несмотря на то, что с «01» января 2020 г. действует «Инкотермс-2020», применение старой редакции

также пока возможно. Однако при заключении договора необходимо указывать в соответствии с какой редакцией Инкотермс осуществляется поставка. В Российской Федерации Инкотермс носит рекомендательный характер. Существует 11 базисов поставки в соответствии с Инкотермс. Остановимся на наиболее часто включаемых в договор условиях и наиболее подходящих для рассматриваемых государств:

1) EXW (EX WORKS / ФРАНКО ЗАВОД) или аналог самовывоза. В соответствии с данным условием товар предоставляется в распоряжение покупателя на складе или в ином помещении продавца. При использовании данного способа есть определенные риски для каждой из сторон. Во-первых, продавец не имеет обязанности по погрузке товара, даже если погрузка товара продавцом будет согласована сторонами, то оплачивает ее все равно покупатель. Во-вторых, у продавца отсутствуют обязанности по выполнению таможенных формальностей. В-третьих, обязанности покупателя по информированию продавца о вывозе товара ограничены, в то время как последнему может быть необходима такая информация, например, для целей налогообложения или внутренней отчетности. В-четвертых, покупателю необходимо детально уточнить характеристики товара, его габариты и т.д., поскольку при вывозе товара своими силами и за свой счет нужно определить вид транспорта. В-пятых, заключение любых сопутствующих договоров, например, договора страхования груза или договора перевозки, также осуществляется покупателем. И наконец, что наиболее важно, право собственности, риск случайной гибели или случайного повреждения переходят от продавца к покупателю в момент передачи товара на складе продавца.

2) FCA (FREE CARRIER / ФРАНКО ПЕРЕВОЗЧИК) – продавец передает товар перевозчику или иному лицу, уполномоченному покупателем, передача товара осуществляется в помещении продавца или в ином согласованном сторонами месте. В целом риски при данном способе поставки сопоставимы с рисками при поставке на условиях EXW, однако правоотношения в рамках FCA

осложняются третьим лицом в виде перевозчика. При этом право собственности, риск утраты и повреждения товара переходят от продавца к покупателю в момент передачи товара перевозчику или иному уполномоченному лицу.

3) DAP (DELIVERED AT PLACE / ПОСТАВКА В МЕСТЕ НАЗНАЧЕНИЯ) означает, что продавцом выполнены условия по поставке с момента, когда товар предоставлен в распоряжение покупателя в согласованном сторонами месте назначения. При это все риски, связанные с доставкой товара таким способом, ложатся на продавца. Кроме того, продавец также выполняет все таможенные формальности, которые связаны с вывозом товара. Договор перевозки также заключает продавец при необходимости, однако заключение договора страхования груза не входит в его обязанности.

Сумма договора. Между членами Таможенного союза валютный контроль не отменен. Обязанность резидентов, осуществляющих в Российской Федерации валютные операции, вести в установленном порядке учет и составлять отчетность по проводимым ими валютным операциям предусмотрена Федеральным законом от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [9]. Резиденты обязаны осуществить постановку экспортных контрактов, по которым сумма обязательств эквивалентна 10 млн руб. и более, на учет в уполномоченных банках [10]. В самом договоре рекомендуется прописать сумму договора и указать на основании чего она определяется, наиболее удобным способом определения данной суммы являются накладные на товар.

Также важно отметить, что при экспорте товаров между государствами-членами ЕАЭС применяется нулевая ставка по НДС [11]. Однако для подтверждения ставки 0 % одновременно с налоговой декларацией в налоговый орган предоставляются копии следующих документов: договор (контракт); заявление о ввозе товаров и уплате косвенных налогов, составленное по утвержденной форме (представляет налогоплательщик государства-члена

ЕАЭС, на территорию которого ввезены товары, с отметками его налогового органа) [12]; товаросопроводительные документы, подтверждающие перемещение товара с территории одного государства на территорию другого. Товаросопроводительные документы могут не предоставляться в налоговый орган одновременно с другими, однако при запросе налогового органа они должны быть предоставлены в 30-дневный срок. При не предоставлении вышеперечисленных документов нулевая ставка по НДС считается неподтвержденной.

Поскольку наличие большего числа документов зависит и от другой стороны договора, во избежание возможных рисков, следует предусмотреть в договоре обязательства контрагента по предоставлению как скан-копий, так и последующее предоставление оригиналов документов. Также рекомендуется предусмотреть ответственность контрагента за не предоставление и несвоевременное предоставление указанных документов.

Приемка товара и сроки предъявления претензий. Как правило для поставки товара характерно два этапа его приемки – по количеству и по качеству.

Приемка товара по количеству тарных мест осуществляется в момент передачи товара поставщиком покупателю. В договоре рекомендуется указать в течение какого срока поставщик принимает от покупателя претензии по внутритарному количеству и качеству (в данном случае речь идет о видимых недостатках).

Приемка по качеству товара нацелена на выявление товара ненадлежащего качества, например, бракованного товара. Данный вид приемки и предъявление возможных претензий по качеству товара также возможно ограничить конкретным сроком. При отсутствии в договоре условия о сроке для предъявления претензии относительно качества товара в соответствии с законодательством в зависимости от вида товара такие претензии могут предъявляться в течение срока годности (службы) или гарантийного срока.

Помимо всего прочего в договор данного вида также рекомендуется включить раздел об ответственности сторон за нарушение своих обязательств, условие о подсудности, о действиях при наступлении форс-мажорных обстоятельств и др.

Сотрудничество в рамках ЕАЭС играет важную роль для разработки и реализации инвестиционных и торговых стратегий компаний [13]. Функционирование ЕАЭС как интеграционного объединения укладывается в исторически короткий процесс, с этим связан ряд препятствий и ограничений во взаимодействии между государствами-членами ЕАЭС. На сегодняшний день экономические связи в рамках данного Союза являются стратегически важными.

В перспективе следует наиболее активно стимулировать взаимную торговлю государств ЕАЭС. Следовательно, необходима согласованная политика государств-членов Союза в различных областях взаимодействия, включая торговые отношения по поставке различных видов товаров и правильное единое юридическое оформление данных отношений. Правовая сторона эффективного взаимодействия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей из ЕАЭС играет важную, а в большинстве случаев решающую роль в построении отношений.

Список литературы:

1. Доклад Евразийского банка развития «Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР» 25 января 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-biznes-barometr-eabr-2022/ (дата обращения: 17.05.2024 г.).
2. Кныш Р.Д. Развитие правового обеспечения налогового стимулирования Сферы электронной коммерции стран ЕАЭС на примере Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении // Финансовое право, Россия, том. 1. 2022. С. 33-46.

3. Доклад Евразийского банка развития «Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2022» от 20 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2022/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 27.05.2022 г. № 7 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2022 - 2023 годы» // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

5. Дибиров А.А., Морева А.В. Торговля как базовый фактор интеграции субъектов СЗФО со странами ЕАЭС в сфере продовольственного обеспечения // Экономика нового мира, Россия, том. 1. 2018. С. 5-29.

6. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 г. № 12 (ред. от 17.10.2022 г.) «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств - членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // URL: <http://eaeunion.org/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

7. Инкотермс 2010 (Incoterms 2010)/ICC Russia. Международная торговая палата в России [Электронный ресурс] // URL: <https://iccwbo.ru/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

8. Инкотермс 2020 (Incoterms 2020)/ICC Russia. Международная торговая палата в России [Электронный ресурс] // URL: <https://iccwbo.ru/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

9. Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

10. Инструкция Банка России от 16.08.2017 г. № 181-И (ред. от 25.01.2022 г.) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным

банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 г. № 48749) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2022) // Вестник Банка России. № 96-97. 2017.

11. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 24.03.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2024 г.).

12. Протокол от 11.12.2009 г. (ред. от 31.12.2014 г.) «Об обмене информацией в электронном виде между налоговыми органами государств-членов Евразийского экономического союза об уплаченных суммах косвенных налогов» // Финансовая газета. № 30. 2010.

13. Евченко Н.Н. Внешнеэкономическое сотрудничество ЕАЭС – ЕС: стратегия, динамика и условия развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, Россия, том 1, 2021. С. 198-203.

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

Kushnarev Alexander

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНОГО, КОНТРОЛЯ, СПОСОБАХ ЕГО ПРИОБРЕТЕНИЯ

Аннотация: в настоящей работе исследователем подвергается критическому анализу существующие в отечественной и зарубежной доктрине подходы к определению понятия «корпоративный контроль». Дополнительно автором рассматриваются различные способы приобретения корпоративного контроля, достоинства и недостатки каждого из них.

Ключевые слова: корпоративный контроль, приобретение акций, способы установления контроля, «ценный актив», экономическая власть.

ON THE LEGAL NATURE OF CORPORATE CONTROL, WAYS OF ACQUIRING IT

Annotation: in this paper the researcher critically analyzes the existing approaches to the definition of the concept of "corporate control" in domestic and foreign doctrine. In addition, the author considers various ways of acquiring corporate control, advantages and disadvantages of each of them.

Key words: corporate control, acquisition of shares, methods of establishing control, "valuable asset", economic power.

Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах» - сей постулат французского мыслителя Вольтера представляется наиболее уместным для темы настоящей работы, ибо определение понятия «корпоративный контроль» непосредственно не следует из положений российского корпоративного законодательства, а существующие в отечественной и зарубежной доктрине различные трактовки дефиниции лишь подтверждают многоаспектность данного понятия.

Впервые словосочетание «корпоративный контроль» возникло в 1965 году в работах Г. Манна и было расшифровано автором как «ценный актив», в содержание которого входит «право назначения менеджеров корпорации» [3]. Однако на сегодняшний день в теории корпоративного права сложилось два основных подхода к определению понятия «корпоративный контроль» - подход континентального права и подход общего права. В данном контексте наиболее точным подтверждением сложившихся подходов является мнение И.С. Шиткиной, согласно которому в континентальном праве под контролем понимается надзор, проверка деятельности определенных лиц, а в общем праве контроль понимают как результат распределения сил, позиций, возможностей, власти среди субъектов корпоративных отношений [8, с. 283].

Поскольку институт корпоративного контроля был привнесен в отечественную юриспруденцию из стран англо-американской правовой семьи, то предлагается начать анализ понятия с опыта именно этих стран. Так, видный американский экономист, профессор Д. Бэйн, рассматривает корпоративный контроль как экономическую власть акционера над юридическим лицом, выражающуюся в осуществлении корпоративных правомочий [1, с. 447]. По мнению Бэйна, в рамках таких правоотношений акционер несет доверительные обязанности, аналогичные обязанностям органов управления корпорации. В конечном итоге корпоративный контроль сводится к тем правомочиям, которые

позволяют акционерам предопределять управленческие решения в акционерном обществе.

В диаметрально противоположном подходе континентального права, как уже отмечалось выше, корпоративный контроль рассматривается как надзор за деятельностью определенных лиц компании, а не экономическая власть, которая напрямую зависит от размера доли в уставном капитале общества и выражается в возможности предопределять решения всей корпорации или ее отдельных видов [5, с. 96]. Сходное понимание сущности корпоративного контроля демонстрирует и российская судебная практика. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2017 г. по делу N 309-ЭС14-923 приводится позиция, согласно которой основой корпоративного контроля являются "права, связанные с собственностью на доли, в частности, право избирать уполномоченные органы управления и осуществлять властно-распорядительные полномочия в отношении подконтрольного хозяйствующего субъекта" [2].

Помимо перечисленных основных теорий корпоративной контроля, в зарубежной доктрине распространена теория корпоративного контроля как «корпоративного актива» (corporate asset), т.е. актива, принадлежащего корпорации [7, с. 154]. В соответствии с данной теорией корпоративный контроль является самостоятельным видом имущества, принадлежащим корпорации, поскольку он представляет собой деловые возможности корпорации. Иными словами, акции компании помимо собственно имущественной ценности за каждую из них вне зависимости от количества, принадлежащего конкретному акционеру, обладают также дополнительной ценностью, когда наряду со стандартным набором корпоративных прав, принадлежащих каждому акционеру, отдельные акционеры получают дополнительные права, связанные с участием в управлении, в зависимости от размера принадлежащих им акций.

Интересным в данном контексте выступает изучение решений американских судов, анализирующих корпоративный контроль в качестве отдельного актива, который мажоритарный акционер может продать наряду со своим пакетом акций. Так, в деле *Perlman vs. Feldmann*, суд первой инстанции установил, что спорные правомочия (в частности, возможность назначать менеджмент корпорации) неотделимы от обладания акциями корпорациями, однако апелляционный суд не согласился с данными выводами и отправил дело на пересмотр для выявления «стоимости» таких правомочий в составе цены сделки и распределения прибыли между акционерами. Безусловно, такая теория имеет право на существование, однако она слаба применима к российскому правопорядку. Единственной правовой категорией, отвечающей признакам «корпоративного актива», может выступать блокирующий пакет акций. В свою очередь, готовность покупателя отдать более высокую цену за пакет акций, который предоставляет право блокировать определенные корпоративные решения или вовсе достаточен для их принятия, автоматически не превращает эту воплощенную в акциях совокупность правомочий в отдельный объект гражданского оборота в понимании ст. ст. 128 и 129 ГК РФ.

С учетом анализа перечисленных подходов к определению понятия «корпоративный контроль», согласимся с наиболее распространенной точкой зрения, согласно которой под корпоративным контролем понимают контроль акционеров над компанией, выражающийся в экономической власти над ней и возможности навязывать свою волю как самой корпорации (в лице ее органов управления), так и другим акционерам, обладающим меньшими пакетами акций и, соответственно, меньшим влиянием на принятие управленческих решений.

Корпоративный контроль условно можно разделить на акционерный, управленческий (менеджеральный) и финансовый, каждый из которых может быть реализован юридическими и физическими лицами.

Акционерный контроль предполагает возможность принять или отклонить акционерами, имеющими необходимое количество голосов, те или иные решения. Для акционерного контроля характерна высокая концентрация акционерного капитала в руках средних и крупных акционеров, а также широкая практика перекрестного владения акциями. Возможность осуществления акционерного контроля зависит от числа акций, который принадлежат участнику, так называемый «пакет акций».

Управленческий контроль дает возможность физическим и/или юридическим лицам обеспечивать управление хозяйственной деятельностью корпорации и преемственность управленческих решений и структуры. Менеджеральный контроль предполагает передачу деятельности по управлению делами общества органам управления корпорацией (почти всего это совет директоров). Акционеры в данном случае в силу того, что обладают незначительным количеством акций, не являются центральной фигурой управления деятельностью корпораций, напротив, они практически полностью отстраняются от управления обществом, оставаясь лишь собственниками акционерного капитала и сохраняя за собой право на получение дивидендов. Для управленческого вида корпоративного контроля характерно незначительная роль крупных акционеров, в руках которых сосредоточено от 2 до 5% акций компании, в роли основных собственников акционерного капитала выступают множественные институциональные и миноритарные частные инвесторы.

Финансовый контроль представляет возможность влиять на решения корпорации путем использования финансовых инструментов и специальных средств (банковского кредитования, факторинга). Появление этого вида контроля связывают с повышением роли внешнего финансирования деятельности компаний.

Стоит добавить, что в зависимости от вида корпоративного контроля определяется и положение системы управления корпорацией. Так, для

акционерного контроля характерно наличие однозвенной системы управления, при которой совет директоров сосредоточивает функции управления и надзора. Управленческому контролю модели присуще наличие двухзвенной структуры, которая состоит из наблюдательного совета и коллегиального исполнительного органа, между которыми установлено четкое разделение функций надзора и управления.

В связи с разными видами корпоративного контроля в разных странах имеется специфика и в способах установления корпоративного контроля.

Предлагается остановиться на анализе основных механизмов приобретения корпоративного контроля:

- «покупка голосов», заключающаяся в выдаче доверенностей на право участия в общем собрании акционеров (участников) общества;
- реорганизация общества (прежде всего присоединение или слияние);
- покупка активов;
- прямое приобретение акций.

I. Покупка голосов (*proxy contest*). Суть данного механизма установления корпоративного контроля сводится к противостоянию двух групп: контролирующих акционеров и менеджеров с одной стороны, и миноритариев, желающих сменить членов совета директоров и установить контроль над советом директоров акционерной корпорации, с другой стороны. Иными словами, это практика сбора или покупки прав на голосование миноритарных акционеров перед заседанием общего собрания акционеров, которые передают их права на голосование по конкретным вопросам повестки дня доверенному лицу, действующему по собственному усмотрению [6, с. 320]. Целью покупки голосов является не смена акционеров общества, а смена членов совета директоров.

Необходимо отметить, что данный способ применяется в основном в США, в российских условиях применение этого способа контроля получило распространение относительно недавно, в связи с внесением изменений в закон

об акционерных обществах положений, регулирующих заключение акционерных соглашений. Под акционерным соглашением понимается договор об осуществлении прав, удостоверенный акциями, и (или) особенностей осуществления прав на акции, составляемый в письменном виде, обязывающий стороны, подписавшие его осуществлять свои права определенным образом, прописанном в нем, как голосовать определенным образом, согласовывать голосование с другими акционерами, приобретать и отчуждать акции по заранее оговоренной цене и иные действия, либо отказываться от осуществления своих прав (п. 1 ст. 32.1 ФЗ «Об АО»). Посредством акционерного соглашения можно установить обязанности сторон голосовать определенным образом на общем собрании акционеров, согласование варианта голосования с другими акционерами, а также ограничение права голосования акционеров на общем собрании акционеров. Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что данный способ приобретения корпоративного контроля является относительно недорогим механизмом приобретения корпоративного контроля, поскольку нет необходимости являться владельцем крупного пакета акций корпорации для его использования.

II. Реорганизация общества в форме слияния или присоединения (нередко описывается таким англо-американским термином, как M&A (mergers and acquisitions – слияние и присоединение). Слияния и присоединения представляют собой сделки, которые наряду с переходом права собственности подразумевают, прежде всего, смену контроля над предприятием (corporate control).

Институт реорганизации в данном случае рассматривается как «инструмент имущественного и прежде всего делового оборота», выступает разновидностью сделок с имущественными комплексами [4, с. 96].

Слияние – сделка, в результате которой происходит объединение двух и более компаний в одну, сопровождающееся конвертацией акций сливающихся компаний, сохранением состава собственников, при этом сливающиеся

компании прекращают свою деятельность. Под присоединением понимается сделка, в результате которой происходит объединение нескольких фирм, однако лишь одна фирма сохраняет свое положение, остальные прекращают свое положение. Непосредственной целью реорганизации общества в форме слияния или присоединения является объединение обществ как хозяйствующих субъектов, их капиталов и хозяйственной деятельности, состав собственников при этом не меняется.

Особенность данного механизма корреспондирует нормам гражданского законодательства и состоит в том, что провести реорганизацию невозможно без согласия всех участников корпоративных отношений. Отсюда вытекает особенность данного механизма приобретения корпоративного контроля, заключающаяся в том, что при реорганизации контроль над акционерным обществом устанавливается только по воле его совета директоров и контролирующих акционеров.

Помимо добровольного характера установления корпоративного контроля, реорганизация также имеет преимущества в плане финансирования, поскольку источником финансирования выступают преимущественно акции реорганизуемых обществ, у акционеров присоединяемого общества не возникает обязанности по уплате налогов, в отличие от продажи акций и др.

Однако нередки ситуации, когда лицо сначала устанавливает контроль над акционерным обществом посредством прямого приобретения акций, а после этого проводит реорганизацию. В таком случае реорганизация не является самостоятельным способом установления корпоративного контроля, она выступает лишь последней стадией процесса интеграции компании-цели в структуры компании-покупателя.

III. Приобретение всех или части активов. Данный способ установления корпоративного контроля заключается в том, что объектом приобретения контроля выступает не сама компания, а ее актив. Так, например, к данному способу можно отнести приобретение предприятия в целом как

имущественного комплекса. Значение данного способа в том, что компания, продающая активы, не прекращает свою деятельность и сохраняет статус юридического лица.

Отличительной особенностью данного механизма является то, что акционеры не получают средства от продажи активов напрямую, продавцом выступает компания, которая может в последующем распределить полученные средства между акционерами.

К недостаткам данного способа приобретения активов относится высокое налоговое бремя, поскольку сделки с активами облагаются высокими налоговыми ставками, которые отсутствуют, например, при покупке акций компании. Так, в Российской Федерации, сделки с активами подлежат обложению налогом на прибыль организаций и налогом на добавленную стоимость.

Несмотря на то, что законодательство не позволяет прямо говорить о том, что приобретение активов является инструментом перераспределения корпоративного контроля, однако фактическое содержание данной сделки и ее результат приводит к таким же последствиям, как и иные механизмы установления корпоративного контроля.

IV. Прямое приобретение акций. Согласно позиции, поддержанной Верховным Судом Российской Федерации, корпоративным контролем обладает каждый акционер пропорционально доле его участия в капитале компании. Это обусловлено тем, что каждый акционер обладает некоторой степенью контроля над обществом, учитывая возможность наличия корпоративных действий, для осуществления которых требуется единогласное решение всех акционеров. Таким образом, приобретая акции компании, покупатель также получает определенный уровень контроля над ней, который реализуется через осуществление корпоративных прав.

Список литературы:

1. Bayne D.C. The Definition of Corporate Control. P. 447 - 448.
2. Berle A.A., Jr., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1932. Цит. по: Jennings R.W. Trading in Corporate Control // California Law Review. 1956. Vol. 44. No. 1. P. 9.
3. Manne H.G. Mergers and the Market for Corporate Control. 73 Journal of Political Economy 110 (1965).
4. Архипов Б.П. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ. С. 11, 96 – 107.
5. Божко М.П., Галанцев Д.А. Семь уроков корпоративных конфликтов. М.: Проспект, 2018. 96 с.
6. Гомцяи С.В. Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 320 с.
7. Зотова Е.К. Пределы использования иска о восстановлении корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2019. N 3. С. 154.
8. Корпоративное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Отв. Ред. И.С. Шиткина. М., 2007. – С. 283.
9. Определение ВС РФ от 28.11.2017 № 305-ЭС17-17897 по делу № А40-198749/2016. СПС «КонсультантПлюс».
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2018)// "Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340.
11. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об акционерных обществах" // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 1.

Манько Ольга Владимировна
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра гражданского права
Россия, Саратов
manko.ov@mail.ru

Ураева Елизавета Юрьевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
Lizauraeva236@gmail.com

Manko Olga
Saratov State Law Academy
Department of Civil Law
Russia, Saratov
Uraeva Elizaveta
Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

ЦИФРОВОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация: статья рассматривает проблему наследования аккаунтов в социальных сетях в современном мире, где все больше людей хранят свои ценные активы в электронном виде. Однако в России пока нет четкого понимания возможности наследования аккаунтов в социальных сетях. В статье представлены основные плюсы и минусы наследования аккаунта в социальных сетях, приведена официальная статистика по рассматриваемой теме. Авторы

считают необходимым более четко определиться со статусом «аккаунта в социальных сетях» и решить вопрос о возможности его наследования.

Ключевые слова: наследование, аккаунты в социальных сетях, цифровое наследование, бизнес-аккаунты, цифровые активы.

DIGITAL INHERITANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROS AND CONS

Annotation: the article examines the problem of inheritance of social media accounts in the modern world, where more and more people store their valuable assets electronically. However, in Russia there is still no clear understanding of the possibility of inheriting accounts on social networks. The article presents the main pros and cons of inheriting an account on social networks, and provides official statistics on the topic under consideration. The authors consider it necessary to more clearly define the status of the "social media account" and resolve the issue of the possibility of its inheritance.

Key words: inheritance, social media accounts, digital inheritance, business accounts, digital assets.

Цифровое наследование – это процесс передачи цифровых активов и данных умершего человека его наследникам. В современном мире, где все больше людей хранят свои ценные активы в электронном виде, вопрос о передаче этих активов становится все более актуальным.

Почти пять миллиардов человек, или чуть больше 60% мирового населения, активно пользуются социальными сетями, показало исследование цифровой консалтинговой фирмы Kerios. В нем отмечается, что количество пользователей соцсетей с 2022 года выросло на 3,7% и приблизилось к численности всей интернет-аудитории (5,19 млрд человек) [6].

В современных реалиях существует большое количество аккаунтов в социальных сетях, которые так или иначе используются в

предпринимательской деятельности. Люди делятся различными элементами творческого труда, такими как фотографии, видеозаписи, стихотворения, иные тексты литературного содержания, которые в дальнейшем используются в качестве источника заработка. Ведь количество заработанных денежных средств находится в прямой зависимости от количества зрителей аккаунта в социальных сетях и качества выставляемого контента. Однако сейчас все больше предпринимателей начинают коммерциализировать свои результаты творческого труда через свои аккаунты в социальных сетях.

Бизнес-аккаунты в социальных сетях стали мощным инструментом для продвижения товаров и услуг. Предприниматели могут создавать профессиональные страницы, на которых они могут представить свою компанию, продукты или услуги. Они могут делиться информацией о своих новинках, проводить акции, рассказывать о достижениях и успехах своей компании. Благодаря этому, бизнес-аккаунты в социальных сетях помогают предпринимателям привлекать новых клиентов и увеличивать продажи. Кроме того, бизнес-аккаунты в социальных сетях позволяют предпринимателям анализировать свою целевую аудиторию и получать ценную информацию о ее предпочтениях и потребностях. Это помогает предпринимателям разрабатывать более эффективные маркетинговые стратегии и адаптировать свои продукты или услуги под требования клиентов.

В юридической литературе аккаунты определяют по-разному. Так, например, некоторые авторы отмечают, что аккаунты представляют собой совокупность данных о пользователе (информация, которая содержится в учетной записи о конкретном пользователе) либо элемент сетевой инфраструктуры, который служит для обмена информацией и данными [5]. Однако в настоящее время в Российской Федерации нет четкого понимания того, возможно ли наследование аккаунта в социальных сетях. В мировой же практике понятие «наследования аккаунта в социальных сетях» рассматривается в различных аспектах, но не существует единого мнения по

данному вопросу. Вместе с тем, согласно ч. 4 ст. 35 Конституции Российской Федерации право наследования гарантируется [1]. Это в первую очередь означает, что граждане РФ могут свободно участвовать в наследственных правоотношениях, но вопрос наследования аккаунта в современных реалиях до сих пор не решен. Однако на самом деле существует проблема сохранения ценных данных, передачи ее своим потомкам посредством передачи аккаунта в социальных сетях родственникам погибшего. Именно поэтому необходимо более четко определиться со статусом «аккаунта в социальных сетях» и решить вопрос о возможности его наследования.

Например, в мировой практике аккаунты в интернете не рассматриваются как имущество и не передаются по наследству. Поэтому владельцы серверов могут отказать родственникам доступа к учетным записям умершего. Исключениями являются некоторые законы, например, в штате Делавэр в США существует закон о наследовании аккаунтов в онлайн-сервисах, но это является редкостью.

Следует особо отметить, что в нотариальной практике в случае использования лицом аккаунта в социальных сетях, его рассматривают как цифровые активы. Такие активы в первую очередь включают в себя те результаты творческой и интеллектуальной деятельности, которые создаются людьми в процессе их повседневной жизни и деятельности. Это могут быть фото различного содержания, видео на разнообразную тематику, тексты постов, отражающие личные события лиц, использующих аккаунт, или рекламу товаров. Последнее в свою очередь на настоящий момент представляет особую ценность для людей или интернет-магазинов, пользующихся аккаунтом для получения прибыли.

Социальные сети частично регулируют вопросы наследования аккаунта в социальных сетях. В социальной сети «ВКонтакте» не предусмотрено право завещателя передать аккаунт наследникам. Учетную запись можно либо

удалить, либо заморозить с присвоением памятного статуса по запросу родственников умершего [4, с. 55].

Позиция «Яндекса» сходна с пользовательскими соглашениями иных социальных сетей, где отмечается право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки. Доступ к аккаунтам не предоставляется в случае смерти владельца, поскольку, помимо фото-, видеоматериалов, в аккаунте содержится личная переписка по электронной почте, доступ к которой компания не предоставляет. С учетом этого можно сделать вывод, что в случае смерти владельца аккаунта у наследников есть несколько вариантов действий: увековечить память и оставить аккаунт со специальной пометкой либо обратиться за блокировкой и удалением аккаунта [2, с. 134].

Для решения вопроса о цифровом наследовании аккаунта в социальных сетях, необходимо обозначить основные плюсы и минусы такой процедуры. Одним из главных плюсов цифрового наследования является возможность сохранить и передать ценные активы и данные умершего человека его наследникам. Ведь сегодня все больше людей хранят свои фотографии, документы, видео и другие ценные данные в электронном виде. Благодаря цифровому наследованию эти данные могут быть сохранены и переданы следующим поколениям, что позволяет сохранить историю и наследие семьи.

Еще одним плюсом цифрового наследования является возможность сохранить финансовые активы умершего человека. Ведь сегодня многие люди хранят свои деньги и инвестиции в цифровом виде, например, на банковских счетах или в криптовалютах. Цифровое наследование позволяет передать эти финансовые активы наследникам, что обеспечивает сохранность семейного наследия.

Однако, введение цифрового наследования имеет и свои минусы. Одной из главных проблем является отсутствие законодательной базы в России, регулирующей этот процесс. В настоящее время законодательство РФ не предусматривает четких правил и процедур по передаче цифровых активов и

данных умершего человека. Это может привести к сложностям и спорам между наследниками при разделе наследства.

Еще одним минусом цифрового наследования является проблема безопасности данных. Передача цифровых активов и данных умершего человека требует высокого уровня защиты от несанкционированного доступа. Ведь данные могут содержать личную информацию, финансовые средства и другую конфиденциальную информацию. Если эти данные попадут в руки злоумышленников, это может привести к финансовым потерям и утечке конфиденциальной информации, которая может быть использована в мошеннических целях в дальнейшем.

Аккаунт в социальных сетях может рассматриваться как объект, требующий самостоятельного правового регулирования или отражения, например, в рамках более общей категории – «цифровое имущество или актив» [3, с. 48].

Таким образом, введение цифрового наследования аккаунта в социальных сетях в РФ имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, это позволяет сохранить и передать ценные активы и данные умершего человека его наследникам. С другой стороны, отсутствие законодательной базы и проблемы безопасности данных могут создать сложности и споры при передаче цифрового наследства. Важно разработать соответствующие правила и процедуры, чтобы обеспечить справедливое и безопасное цифровое наследование аккаунтов в России.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. - 2020 г. - № №144(8198).

2. Гринь Е. С. НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ // Актуальные проблемы

российского права. 2022. №2 (135). URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-akkauntov-v-sotsialnyh-setyah-rossiyskiy-i-zarubezhnyu-opyt> (дата обращения: 05.11.2023).

3. Кирсанова Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е.Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 2. – С. 44-48.

4. Костина Ольга Владимировна, Черненко Алина Игоревна, Омарова Лейла Алиевна НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ // Юридическая наука. 2022. №6. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-akkauntov-v-sotsialnyh-setyah-kak-sredstvo-obespecheniya-balansa-interesov-grazhdan-i-predprinimateley> (дата обращения: 05.11.2023).

5. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, – 2020. – 304 с.

6. Более 60% человечества используют социальные сети // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/world/912624> (дата обращения: 05.11.2023).

Марчукова Анастасия Витальевна
Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
Россия, Москва
marchukova_01@mail.ru
Marchukova Anastasia
Russian State University of Justice
Faculty of Training specialists for the judicial system
Russia, Moscow

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ

Аннотация: участники корпорации оказывают большое влияние на ее деятельность в рамках корпоративного управления и контроля, что повышает значение института ответственности участников корпорации как защитного механизма прав и интересов самого общества. Однако, в юридической литературе нет единого и общепризнанного понимания сущности и правовой природы ответственности участников корпоративной организации, оснований и условий ее наступления. В данной статье рассматриваются характерные особенности гражданско-правовой ответственности участников корпорации.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, корпорация, участники корпорации, субсидиарная ответственность, неустойка.

PECULIARITIES OF CIVIL LIABILITY OF CORPORATE PARTICIPANTS

Annotation: participants in a corporation exert significant influence on its activities within the framework of corporate governance and control, which enhances the importance of the institution of participant liability as a protective mechanism for the rights and interests of the corporation itself. However, in legal literature, there is no

unified and universally recognized understanding of the essence and legal nature of participant liability, nor the grounds and conditions for its occurrence. This article examines the characteristic features of the civil liability of corporate participants.

Key words: civil liability, corporation, participants in a corporation, subsidiary liability, penalty.

Гражданско-правовая ответственность участников корпорации является важным аспектом корпоративного права, регулирующим отношения между участниками (акционерами, учредителями) корпорации и самой корпорацией, а также отношения с третьими лицами.

В результате проведенной в 2014 году масштабной реформы гражданского законодательства в ГК РФ появилась ст. 53.1, устанавливающая универсальные правила основания и порядка привлечения к ответственности за причинение любому юридическому лицу убытков членами органов управления, а также иными лицами, которые имеют фактическую возможность определять действия юридического лица [1]. До этого соответствующие положения содержались только в специальных законах об отдельных видах юридических лиц и распространялись на иные юридические лица по аналогии закона в силу актов судебного толкования. Оценивая данное законодательное нововведение, следует обратить внимание на стремление законодателя упростить процедуру привлечения к ответственности лиц, причинивших убытки юридическому лицу, сделать ее более понятной и прозрачной.

Основанием гражданско-правовой ответственности следует признавать гражданское правонарушение. Применительно к ответственности участников корпорации следует говорить о наличии особого правонарушения – корпоративного правонарушения, которое состоит в нарушении субъективных корпоративных прав и неисполнении субъективных корпоративных обязанностей, носящих управленческий характер.

При привлечении участников корпорации к гражданско-правовой ответственности выделяются следующие функции:

1) карательная, сущность которой сводится к применению в отношении правонарушителя специальных мер лишений и ограничений, имеющих персональное значение, которые носят имущественный характер;

2) восстановительная, исходящая из необходимости обеспечения условий к возврату в прежнее состояние до момента совершения правонарушения, что может выражаться, например, в компенсации причиненного ущерба;

3) регулятивная, которая предназначена для поддержания в стабильном и нормальном состоянии корпоративных отношений;

4) превентивная, направленная на создание необходимых условий и предприятия соответствующих действий, которые бы не допускали совершение правонарушений. По-другому ее еще именуют предупредительной функцией;

5) стимулирующая, побуждающая участников корпоративных правоотношений соблюдать нормы действующего законодательства и находиться в рамках правового поля при совершении действий;

6) воспитательная, осуществляющая специальное воздействие на внутреннее состояние правонарушителя. Воспитательная функция наряду с компенсационной носит преобладающее значение при гражданско-правовой ответственности участников корпорации.

Другой особенностью гражданско-правовой ответственности участников корпорации следует назвать то обстоятельство, что источником установления мер ответственности к участникам корпорации выступают не только нормы законодательства, но и договор, устав и внутренние документы корпорации. Так, например, договор о создании общества может предусматривать ответственность учредителя за действия, связанные с учреждением общества.

Акционерное соглашение выступает особой гражданско-правовой сделкой, что позволяет ее сторонам предусматривать в соответствующем

соглашении меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающие из данного соглашения.

Вопрос ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из акционерного соглашения, является одним из самых дискуссионных и неоднозначных в научной литературе, что во многом обусловлено его недостаточной регламентацией нормами действующего законодательства. В абз. 1 ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО говорится только о том, что акционерным соглашением могут предусматриваться способы обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения, и меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств [2]. В абз. 2 ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО законодатель перечислил лишь некоторые из мер гражданско-правовой ответственности. Этим правовое регулирование рассматриваемой сферы отношений нормами корпоративного права фактически ограничивается.

Как пишет Д.Е. Захаров, «меры ответственности стимулируют должника не непосредственно своим применением, а угрозой этого, способы же напротив, обеспечивают обязательство при правом воздействии нормы на общественное отношение» [10, с. 83-86]. Помимо этого, меры гражданско-правовой ответственности призваны удовлетворить законный имущественный интерес лица, чье право было нарушено вне зависимости от того, является он кредитором или должником, что характерно для способов обеспечения обязательств.

В качестве меры гражданско-правовой ответственности ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО предусматривает взыскание неустойки (штрафа, пеней) [2]. Согласно ст. 330 ГК РФ неустойкой считается денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства [1].

Неустойка является наиболее удобной мерой ответственности по сравнению с убытками, поскольку для ее применения стороне акционерного

соглашения достаточно только доказать факт совершения правонарушения. Размер неустойки определяется корпоративным соглашением, однако, суд вправе принять решение о ее снижении, что также нивелирует значение и эффективность неустойки как меры гражданско-правовой ответственности по акционерным соглашениям [6, с.35]. В тоже время суды при рассмотрении корпоративных споров об условиях исполнения положений акционерного соглашения обращают внимание на необходимость предоставления ответчиком доказательств явной несоразмерности заявленной ко взысканию неустойки, а само по себе заявление о применении ст. 333 ГК РФ не является основанием для ее уменьшения, в связи с чем, отсутствуют основания для применения ст. 333 ГК РФ [4].

В этой связи можно высказать предположение о необходимости закрепления в ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО императивного положения, не допускающего возможность снижения судом размера неустойки, тем более, что такая практика уже успешно внедрена в законодательстве ряда зарубежных стран. В данном случае необходимо исходить из специфики корпоративных отношений, характеризующихся наличием не только имущественных, но и неимущественных отношений, которые достаточно часто являются предметом акционерного соглашения. В этой связи невозможность снижения размера неустойки должна привести к большей заинтересованности сторон акционерного соглашения к его соблюдению и не нарушению его условий. Помимо этого, будет реализовываться и предупредительная функция гражданско-правовой ответственности.

Следующей мерой гражданско-правовой ответственности, отдельно обозначенной законодателем в ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО, является компенсация, которая может быть определена либо в твердой денежной сумме, либо в порядке, указанном в акционерном соглашении [2].

По мнению ряда исследователей, закрепление в ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО возможности выплаты компенсации в твердой денежной форме фактически

говорит о презюмировании данным законом принципа «твердых убытков». Противники подобного рода подхода определения суммы взыскания в установленном размере придерживаются мнения, что в силу норм гражданского законодательства провозглашен принцип полного возмещения убытков, в связи с чем, установление порядка компенсации твердых убытков входит в противоречие с правовыми нормами. Полагаем последнюю точку зрения не вполне обоснованной, поскольку никакого противоречия в данном вопросе нет, так как компенсация признается отдельной мерой гражданско-правовой ответственности, отличной от неустойки. В тоже время в ГК РФ нет специальных правовых норм, регламентирующих применение компенсации как меры гражданско-правовой ответственности, в связи с чем, суды порой применяют положения о неустойки по аналогии к правоотношениям с компенсацией, вытекающих из акционерных соглашений. Законодатель при конструировании ч. 7 ст. 32.1 Закона об АО исходил из особого правового характера компенсации, отличного от неустойки, прежде всего, в вопросе определения ее в твердой денежной сумме. В этой связи вопрос допустимости снижения судами размера компенсации носит весьма неоднозначный характер.

Многие исследователи утверждают об отсутствии каких-либо законодательных препятствий для того, что использовать компенсацию наряду с иными возможными мерами гражданско-правовой ответственности по акционерным соглашениям. Компенсация имеет совершенно другую правовую природу и предназначение по сравнению с возмещением убытков и неустойкой, в связи с чем она может применяться в совокупности с ними. Нет соответствующих ограничений в данном вопросе и в нормах действующего законодательства.

В результате нарушений условий акционерного соглашения могут быть затронуты права и законные интересы третьих лиц. В качестве примера можно привести ситуацию, когда один из акционеров в нарушение условия ранее заключенного акционерного соглашения проголосовал проведение

реорганизации корпорации, хотя принимал на себя обязательства не голосовать за принятие такого решения. Результатом реорганизации может быть причинение убытков не только самой корпорации, но и ее кредиторам. Кредиторы могут требовать возмещения убытков, причиненных им в результате проведения реорганизации.

В зависимости от характера ответственности выделяют:

- 1) долевую ответственность;
- 2) солидарную ответственность;

3) субсидиарную ответственность. При субсидиарной ответственности есть основной и дополнительный должники. Кредитор может обратиться с требованием к дополнительному должнику только после того, как обратился с этим требованием к основному должнику и тот, к примеру, отказался его исполнить.

Вопрос, связанный с привлечением к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, является одним из самых дискуссионных и малоизученных в процедуре банкротства, что во многом обуславливается тем обстоятельством, что он относительно недавно был закреплен в нормах действующего законодательства. Данный вид ответственности можно отнести к разновидности корпоративной ответственности.

Следует выделить 2 вида субсидиарной ответственности. Первый представляет собой субсидиарную ответственность учредителей (участников) юридического лица, которая наступает согласно положениям ГК РФ [1, ст. 399]. Второй вид находит свое закрепление в ст. 61.11 Закона о банкротстве, именуемый в научной литературе как «снятие корпоративной вуали», проявляемой действиями контролирующих лиц, определяющей деятельность юридического лица. В делах о банкротстве к субсидиарной ответственности могут привлечь, в частности, лицо, которое контролирует должника-банкрота, если полное погашение требований кредиторов невозможно из-за поведения контролирующего лица [3, п. 1, ст. 61.11]. Этот вид ответственности является

самостоятельной (основной) ответственностью данного лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

Участники корпорации могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства. А.Е. Молотников разделяет субсидиарную ответственность акционеров по обязательствам общества и ответственность основного общества по обязательствам дочернего. В первом случае имеются в виду акционеры, которые могут и не входить в группу лиц, но они просто пришли к выводу о необходимости принятия определенного решения, которое впоследствии и привело к несостоятельности общества (по другим вопросам акционеры могут и не голосовать согласованно) [12, с.18].

По мнению Ю.С. Жаренцовой, привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [9, с.26].

Об этом же говорится в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, согласно которому привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [5].

По мнению К.И. Евтеева, при определении квалифицирующих признаков субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства:

- субъект ответственности является специальным. Им признается исключительно контролирующее должника лицо;
- характеризуется внедоговорными обязательствами, что означает практически 100% обжалование соответствующих заявлений заинтересованных лиц;
- одним из обязательных условий привлечения к ответственности закон называет установление вины [7, с.53].

Некоторые авторы обращают внимание на то обстоятельство, что институт субсидиарной ответственности был заимствован отечественным законодателем из англо-саксонской правовой системы, где данный вид ответственности выступает в качестве сдерживающего фактора от возможных форм злоупотреблений со стороны участников юридических лиц, возлагая на них несение мер ограниченной ответственности [8, с. 21].

На протяжении последних лет ведутся активные дискуссии относительно необходимо имплементации зарубежного опыта в вопросе ответственности за нарушение условий акционерного соглашения и его внедрения в отечественную правовую систему. В частности, отмечается, что перечень мер ответственности, закрепленный в Законе об АО, является узким и требует своего расширения, например, за счет принудительного выкупа доли, возмещения потерь, исполнения обязательства в натуре [11 с. 78]. В судебной практике уже выработана позиция о допустимости широкого трактования перечня мер ответственности за неисполнение обязательств по корпоративному договору. В качестве таковых, например, арбитражные суды признают упущенную выгоду [5].

В тоже время, не все предлагаемые в литературе меры гражданско-правовой ответственности могут иметь должный эффект в практической деятельности. Например, стороны акционерного соглашения могут столкнуться с существенными сложностями при исполнении такой меры как исполнение обязательства в натуре ввиду того обстоятельства, что практическая необходимость ее применения может уже отпасть по прошествии определенного времени.

Итак, гражданско-правовая ответственность участников корпорации обладает только ей свойственными признаками и характеристиками, отличными от договорной и внедоговорной гражданско-правовой ответственности, что проявляется в особом основании ее наступления – совершении корпоративного деликта, связанного с неисполнением

корпоративной обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, причинившего юридическому лицу убытки. Таким образом, совершаемое участником корпорации правонарушение связано не с неисполнением договорных обязательств, а с ненадлежащим исполнением корпоративных прав и обязанностей.

В нормах действующего законодательства отсутствует легальное определение интересующей нас правовой дефиниции, в связи с чем, авторы приводят самые разнообразные трактовки и определения гражданско-правовой ответственности участников корпорации, которые подчас носят совершенно противоречивый характер.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. 29 декабря.
3. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.07.2017 № 09АП-26361/2017 по делу № А40-56423/14 . [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»// URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1276440#YYGr2DUypzdIH5W5>
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2019 № 13АП-10805/2019. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»// URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=279035#abzr2DUt6HHtavc8>

6. Глушецкий А.А. Корпоративный договор хозяйственного общества - новации его регулирования // Слияния и поглощения. 2012. № 12(118). — С. 35

7. Евтеев К.И. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). — С. 53.

8. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. — С. 21 - 24.

9. Жаренцова Ю.С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. — С. 26 - 32.

10. Захаров Д.Е. К вопросу о соотношении способов обеспечения обязательств и мер гражданско-правовой ответственности // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 83-86.

11. Леонов А.А. Правовые последствия неисполнения условий корпоративного соглашения // Молодой ученый. 2022. № 9 (404). — С. 77-79.

12. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах / А. Е. Молотников. – М.: ВолтерсКлувер, 2006. — С. 18.

Патракова Софья Станиславовна
Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
Россия, Москва
sofiapatrakova@mail.ru
Patrakova Sofia
Russian State University of Justice
Faculty of training of specialists for the judiciary
Russia, Moscow

РАЗДЕЛ АКТИВОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в данной статье рассматривается институт раздела имущества индивидуального предпринимателя в бракоразводном процессе. В работе подробно анализируется законодательство Российской Федерации в части определения активов индивидуального предпринимателя и возможности их отнесения к общему имуществу супругов для дальнейшего раздела. На примере конкретных дел из судебной практики рассмотрены актуальные вопросы и сделаны выводы о возможности раздела конкретного имущества индивидуального предпринимателя в бракоразводном процессе.

Ключевые слова: раздел имущества, активы, бракоразводный процесс, раздельная собственность супругов, совместная собственность супругов, индивидуальный предприниматель.

DIVISION OF ASSETS OF A SOLE PROPRIETOR IN DIVORCE PROCEEDINGS

Annotation: this article considers the institution of division of individual entrepreneur's property in divorce proceedings. The paper analyzes in detail the

legislation of the Russian Federation in terms of determining the assets of an individual entrepreneur and the possibility of their attribution to the common property of spouses for further division. On the example of specific cases from judicial practice the actual issues are considered and conclusions are drawn about the possibility of division of specific property of an individual entrepreneur in divorce proceedings.

Key words: division of property, assets, divorce proceedings, separate property of spouses, joint property of spouses, individual entrepreneur.

За 2023 г. российскими судами было рассмотрено 28507 дел о разделе совместно нажитого имущества, общая сумма исковых требований по всем делам составила 33 945 175 рублей [1]. Около половины из данных дел были прекращены по причине отказа истцов от иска и заключения мировых соглашений. Следует отметить, что в данной статистике не учтено количество заключённых соглашений о разделе имущества в досудебном порядке.

В главе 7 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) содержатся положения о разделе общего имущества супругов, об имуществе каждого из супругов и определении долей каждого из супругов в совместно нажитом имуществе. В ч. 2 ст. 34 СК РФ к общему имуществу супругов помимо прочего относятся доходы, полученные от предпринимательской деятельности [2].

Предпринимательской деятельностью помимо юридических лиц могут заниматься индивидуальные предприниматели (далее – ИП) и к их деятельности, согласно п. 3 ст. 23 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), применяются положения ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц [3]. Однако, так как ИП в законодательстве РФ имеет статус гражданина, то он отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, что создает проблему разграничения имущества ИП от имущества, не связанного с предпринимательской деятельностью, при разделе имущества между супругами.

При разделе имущества между супругами важным является момент приобретения имущества, которое предпологаемо подлежит разделу. В случаях, когда индивидуальную предпринимательскую деятельность один из супругов начал вести до вступления в брак, то активы ИП могут не подлежать разделу, если только второй супруг не докажет, что в период брака стоимость данных активов была значительно увеличена за счет вложений другого супруга, данное положение следует из статей 36 и 37 СК РФ.

Когда индивидуальную предпринимательскую деятельность один из супругов начал вести в период брака, то все активы должны быть поделены поровну между супругами.

Нередки случаи, когда второй супруг, который не ведет предпринимательскую деятельность, не имеет всей информации о доходах супруга-предпринимателя, чем последний может злоупотреблять. По мнению Е.Г. Григорьева это может выражаться в невключении доходов от предпринимательской деятельности в состав общего имущества супругов, подлежащего разделу, когда предпринимаются различные действия по отсрочке исполнения обязательств третьими лицами по оплате услуг/работ или товаров, исполненных со стороны супруга до раздела имущества [4, с. 34].

Верховным Судом РФ была рассмотрена ситуация, описанная выше. В своем определении от 1 октября 2019 г. № 78-КГ19-41 Верховный суд РФ, рассматривая дело о разделе совместно нажитого имущества, в частности денежных средств, полученных от контрагента по договору после расторжения брака, сделал следующий вывод. Ссылки судов о том, что спорные денежные средства являются доходом ИП, полученным после фактического прекращения между сторонами брачных отношений, поэтому данный доход является личной собственностью и разделу между бывшими супругами не подлежит, основаны на ошибочном толковании норм материального права. Дело было направлено на новое рассмотрение [5].

Анализ данного определения Верховного суда РФ дает сделать вывод о том, что те денежные средства, которые получены от предпринимательской деятельности одним из супругов после развода, могут быть поделены между супругами, но лишь в случае, если второй супруг докажет, что обязательства, за которые получены эти денежные средства, исполнены в период брака.

Также, как считает В.А. Усанова необходимо отдельно отметить и ситуацию, когда супруги ведут совместную предпринимательскую деятельность [6, с. 18]. В случае раздела активов ИП будет еще более сложным вопрос о их распределении.

Интересную мысль по данному вопросу также высказал А.Н. Левушкин, который указывает на то, что под семейным бизнесом следует понимать бизнес, который в части или полностью принадлежит семье с правом наследования и передаче членам семьи по желанию или завещанию [7, с. 4]. Позже профессор Левушкин конкретизировал свои же положения, указав, что имущество предпринимательского назначения, обязательства, возникшие из предпринимательской деятельности супругов, рассматриваются (судами) не как единый комплекс - бизнес супругов, а как самостоятельные, не связанные между собой объекты, подлежащие разделу [8, с. 10].

В определении Судебной коллегии по гражданским делам № 81-КГ19-2 от 26 марта 2019 г. Верховный Суд РФ указал, что бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также осуществляется индивидуальными предпринимателями [9]. Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, сама по себе индивидуальная предпринимательская деятельность не может быть объектом права, в связи с чем не подлежит разделу между супругами.

Как считает А.С. Ворожевич, данное определением Верховного суда РФ является обоснованным [10, с. 15]. С чем не следует полностью соглашаться,

так как в случаях, когда предпринимательская деятельность супругами ведется совместно, то и раздел «бизнеса» должен учитывать вложение каждого из супругов в него несмотря на то, что индивидуальную предпринимательскую деятельность по документам ведет только один из супругов. Когда же предпринимательскую деятельность ведет один из супругов, то второй супруг может претендовать лишь на часть прибыли, которую супруги совместно нажили в браке до момента прекращения брачных отношений.

Активы ИП в случае совместного ведения предпринимательской деятельности супругами, когда один супруг имеет статус ИП, а второй нет, должны рассматриваться как единый совокупный объем имущества в виде имущественного комплекса, который не подлежит дроблению на составные части. Поэтому и раздел данного комплекса должен быть произведен с учетом вложения каждого из супругов. Для защиты второго супруга, который фактически не является ИП, но принимал активное участие в предпринимательской деятельности, предлагается внести в статью 37 СК РФ изменение, изложив её в следующей редакции:

«Имущество либо имущественный комплекс, используемый в предпринимательской деятельности, каждого из супругов могут быть признаны судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов либо труда одного из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества либо имущественного комплекса (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование, помощь в ведении предпринимательской деятельности и другие)».

Список литературы:

1. Гражданское судопроизводство. Семейные споры 2023 г. // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/21> (дата обращения 12.05.2024).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Российская газета. 1994. № 238-239.
4. Григорьев Е. Г. К вопросу о проблемах раздела общего имущества супругов при ведении одним из них предпринимательской деятельности // ПРЭД. 2022. № 4. С. 30–37.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2019 г. № 78-КГ19-41 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=603118#8bcbaCUTzgA3jRgJ> (дата обращения 12.05.2024).
6. Усанова В.А., Кайль Я.Я. Бизнес индивидуального предпринимателя как объект раздела общего имущества супругов // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 15–21.
7. Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. 2020. № 2. С. 3–7.
8. Левушкин А.Н. Проблемы применения прав супругов при осуществлении предпринимательской деятельности // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 10–13.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2019 г. №81-КГ 19-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577272#8QJsZCUW95XrlBm01> (дата обращения 12.05.2024).
10. Ворожевич А.С. Верховный Суд разъяснил, что следует учитывать при разделе бизнеса в случае развода, если он принадлежит супругу-ИП // ЭЖ-Юрист. 2019. № 23. С. 12–16.

Пухкоева Алина Алексеевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
pukhkoeva@mail.ru
Pukhkoeva Alina
Saratov State Academy of Law
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПОРОКА ВОЛИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СДЕЛОК

Аннотация: в данной статье автор анализирует некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок. Приводятся примеры судебной практики, связанные с рассмотрением случаев недействительности сделок, совершенных с пороком воли. Делается вывод о сложности предмета доказывания по рассмотренной категории дел. Подчеркивается важность судебного анализа обстоятельств каждого конкретного дела.

Ключевые слова: сделки, порок воли, волеизъявление, доказывание, свидетельские показания.

SOME PROBLEMS OF PROVING THE VICE OF WILL IN MAKING DEALS

Annotation: in this article, the author analyzes some of the problems of proving the vice of the will when concluding transactions. Examples of judicial practice related to the consideration of cases of invalidity of transactions made with a defect of will are given. The conclusion is made about the complexity of the subject of proof in the

considered category of cases. The importance of judicial analysis of the circumstances of each specific case is emphasized.

Key words: transactions, vice of the will, expression of will, proof, testimony.

Совершение сделок, то есть законных юридических действий, направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, доступно не каждому участнику гражданского оборота, а лишь тем, кто обладает сделкоспособностью [1, с. 293].

Сделка должна представлять собой гармонию внутренней воли и внешнего выражения воли [2, с. 152]. Отсутствие воли или волеизъявления либо их несоответствие друг другу лишает сделку юридической силы [3, с. 90].

В соответствии с п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса РФ, сделка, совершенная гражданином, хоть и обладающим дееспособностью, но находившимся в момент ее совершения в состоянии, когда он не мог осознавать значение своих действий или контролировать их, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина или других лиц, чьи права или законные интересы нарушены в результате такой сделки [4].

Любой порок воли требует надлежащего доказывания посредством применения разнообразных законных способов. Определение фактического состояния лица, лишённого способности осознавать значение или руководить своими действиями, представляет собой значительное испытание на практике. При рассмотрении гражданских дел о признании недействительности сделки суд должен осуществить всеобъемлющий анализ обстоятельств и средств доказывания. Это обусловлено тем, что состояние индивида, совершившего сделку, зависит от различных факторов, не ограничивающихся лишь психическим расстройством.

Среди принимаемых во внимание средств доказывания в подобных кейсах выделяются свидетельские показания, медицинские документы и целый ряд судебных экспертиз, на что прямо указал Пленум Верховного Суда РФ [5].

В практике Шестого кассационного суда общей юрисдикции имеется дело, где возник спор относительно действительности сделки по продаже недвижимости, так как истец утверждал, что в момент ее заключения не осознавал смысла своих действий. Для проверки данного утверждения было проведено судебное экспертное исследование, которое выявило, что С.А.В. из-за ее заболевания (легкой умственной отсталости) присущи такие индивидуально-психологические особенности, как примитивность психического склада, вспыльчивость, недоверие, эмоциональная лабильность, нарушение критических и прогностических способностей, а также слабость интеллектуального контроля поведения. Эти особенности в совокупности привели к тому, что она не могла осознавать смысл предоставленных документов и реальную стоимость имущества [6].

Интересным для рассмотрения с точки зрения отрицательной практики признания порока воли кажется дело, по которому в отношении истца была назначена амбулаторная комплексная судебно-психиатрическая экспертиза с целью выяснения его психического состояния на момент совершения сделки. Согласно заключению экспертов, особенности психики данного лица не сопровождались серьезными нарушениями мышления, памяти, интеллекта или критических способностей, не выявлено наличие психотической симптоматики, такой как бред или галлюцинации. Все это в совокупности, как постановил суд, не мешало истцу понимать значение своих действий и руководить ими во время заключения договора дарения [7].

Свидетельские показания, способные доказать, что гражданин не понимал значение своих действий в момент заключения сделки, могут включать высказывания свидетелей (родственников, друзей, знакомых, соседей и т.д.), наблюдавших за состоянием этого гражданина в указанный период либо в течение продолжительного периода времени до и после.

Оценка этих свидетельских показаний судом зависит от ряда факторов. Суд учитывает степень близости отношений между свидетелями и

гражданином, а также их объективность и независимость. Чем ближе свидетель к гражданину и чем больше у него мотивов оказать влияние на результат дела, тем критичнее суд может отнестись к его показаниям.

Суды действительно не всегда принимают во внимание показания свидетелей. Например, в решении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции подчеркнуто, что ссылка заявителя на свидетельские показания, подтверждающие дееспособность истца в момент заключения сделки, подлежит отклонению. Это обосновывается тем, что свидетели, допрошенные в судебном заседании, не обладают специальными знаниями в области психиатрии, что делает их неспособными объективно оценить психическое состояние лица на момент совершения им оспариваемой сделки [8].

Таким образом, мы можем говорить о сложности предмета доказывания по рассмотренной категории дел. Оценка обстоятельств, связанных с неспособностью лица понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения сделки, во многом зависит от судебного усмотрения, а потому носит вероятностный характер.

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 1040 с.
2. Харсеева В.Л. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 152-156.
3. Гутников, О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2005. 381 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 12. Ст. 1572.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. 2008. 2 июля; 2012. 17 фев.

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2022 г. по делу № 88-6481/2022, 2-2214/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2021 г. № 88-27254/2021 по делу № 2-506/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2022 г. по делу № 88-27232/2022, 2-2/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Скоморохова Маргарита Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

margsko@yandex.ru

Skomorokhova Margarita

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация: актуальность исследования обусловлена ростом оборота игровых площадок в Российской Федерации, и как следствие, возникновением противоречий относительно правового режима виртуального игрового имущества. В статье рассмотрены подходы к разрешению споров между оператором и пользователем посредством анализа судебной практики и доктринальных позиций, предложен способ разрешения возникших противоречий посредством временного отнесения этого вида имущества к иным объектам гражданского права и введения легальной дефиниции для виртуального и виртуального игрового имущества.

Ключевые слова: Гражданский Кодекс, объект гражданского права, виртуальное имущество, виртуальное игровое имущество, компьютерные игры.

VIRTUAL GAME PROPERTY AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Annotation: the relevance of the research is due to the growing trade turnover of playgrounds in the Russian Federation, and as a result, the emergence of contradictions regarding the legal regime of virtual gaming property. The article

considers approaches to resolving disputes between the operator and the user through the analysis of judicial practice and doctrinal positions, suggests a way to resolve the contradictions by temporarily classifying this type of property to other objects of civil law and introducing a legal definition for virtual and virtual gaming property.

Key words: The Civil Code, the object of civil law, virtual property, virtual gaming property, computer games.

Информационные технологии с каждым годом всё крепче связываются с нашей повседневной жизнью, сильнейший импульс этому процессу дала пандемия коронавируса, не начав, но форсировав его. Большая часть человеческого общества уже не мыслит свой досуг без компьютерных или мобильных игр. В 2023 году количество потребителей по всему миру существенно возросло - оно составляет уже 3,38 млрд (по сравнению с прошлым годом прирост составил 6,3%). Причем именно мобильные игры начиная с 2023 года в силу своей доступности являются лидерами на рынке игровой индустрии. Применительно к России следует отметить также такую тенденцию, как рост оборота игровых площадок (за 2023 он вырос на 68% относительно 2022 года, число покупок увеличилось на 44% согласно данным, предоставленным ЮKassa (сервис для приёма онлайн- и офлайн-платежей финтех-компании ЮMoney) [8]. Оборот игровых площадок включает так же покупку пользователями, например, виртуального игрового имущества. Кроме того, это имущество пользователи могут получить в процессе игры, выполняя определенные задания, вкладывая в это свои силы и время. Таким образом, в обществе ученых-правоведов активно обсуждается возможность отнесения такого имущества к объектам гражданского права.

Можно выделить ряд признаков, присущих виртуальному игровому имуществу, а именно его можно назвать нематериальным объектом, оно непосредственно связано с играми (игровыми аккаунтами), не может

существовать вне зависимости от них [1, с. 278]. Виртуальное игровое имущество представляется одним из видов виртуального имущества.

При этом легального определения и правового регулирования виртуального имущества и виртуального игрового имущества в настоящий момент не существует, что представляется упущением законодателя, учитывая возникающие проблемные вопросы. В настоящее время пользователи сталкиваются с такими проблемами, связанными с защитой своего внутриигрового имущества, как блокировка аккаунта правообладателем и вследствие этого потеря пользователем такого имущества, взлом аккаунта пользователя и вследствие взлома утрата либо самого аккаунта, либо имущества, к нему привязанному и т.д.

А.И. Савельев выделяет четыре варианта оценки возникающих отношений:

1. Право в принципе не должно вмешиваться в подобного рода отношения.

2. Применить аналогию и распространить на виртуальные объекты нормы о вещах и праве собственности.

3. Квалифицировать данные отношения в контексте существующих лицензионных и иных соглашений между пользователем и оператором виртуального пространства (правообладателем).

4. Виртуальные объекты следует классифицировать как «иное имущество», для которых будут применимы нормы о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении [3, с. 131].

Отечественный и зарубежный подходы судебной практики в части регулирования подобных правоотношений существенно различаются. При анализе существующей практики возможно проследить следующую закономерность. Отечественные суды в склонны придерживаться позиции, согласно которой уместно полное саморегулирование игрового мира, и такая точка зрения успешно коррелирует с той частью отечественной судебной

практики, согласно которой отношения по поводу игрового имущества рассматриваются в контексте законодательства об азартных играх. В европейских и некоторых азиатских странах популярна теория «магического круга» - “magic circle”, которая регулярно анализируется учеными и в актуальном ее понимании виртуальный мир даёт возможность игроку действовать так, как он не стал бы действовать в реальном мире. Но при этом, когда в реальности уже возникает нарушение чьего-либо права в результате игровых действий - правовое вмешательство становится необходимым, отмечает Б. Т. Дюранске в своей работе «Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds »[4, с. 122].

Говоря о проблемах, упомянутых ранее представляется необходимым проанализировать существующую судебную практику. Наиболее распространенной практикой в рассматриваемой сфере - разрешение споров по поводу игрового имущества в контексте законодательства об азартных играх. В качестве примера можно привести одно из судебных решений, которых на данный момент существует множество. И все они, имея свои особенности и нюансы в рамках интересующей нас проблемы сводятся к одной особенности. Например, в 2013 г. пользователь несколько раз лишился права пользоваться своим аккаунтом и привязанными к нему игровыми предметами вследствие его блокировки оператором, в дальнейшем спор разрешался пользователем и оператором самостоятельно, но после последней блокировки пользователя без объяснения причин последний обратился в суд с иском к компании, являющейся организатором игрового процесса с требованием обязать ответчика снять ограничения с персонажа в онлайн-игре, взыскании с ответчика 1 000 000 руб.

Однако истцом по словам ответчика были нарушены правила игры, на основании чего суд отказался в удовлетворении требований истца. Более того, судом было установлено, что истец не использовал платный функционал игры, в следствии чего Закон о защите прав потребителей не применим к разрешению

возникшего спора. В соответствии с внутриигровыми правилами и лицензионным соглашением суд сделал вывод, что «любые устанавливаемые ответчиком правила поведения игроков внутри игры являются обязательными для всех игроков без исключения (независимо от того, использует игрок платный или только бесплатный функционал игры), а применяемые ответчиком в процессе игры санкции, в том числе различные негативные игровые эффекты (внутриигровые санкции), являются лишь элементами самой этой игры, ее сценария и реализуются ответчиком только в рамках игрового процесса». Суд также сослался на законодательство о проведении игр, следовательно при разрешении споров о возмездно приобретённых в игре правах, имуществе (и прочем) не применяется ни законодательство о купле-продаже, ни законодательство об обязательствах вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Такая точка зрения представляется некорректной, поскольку в таких отношениях отсутствует соглашение о выигрыше, необходимое для применения ст. 1062 ГК к рассматриваемым ситуациям [6].

Возникает закономерный вопрос о том, к каким нормативно-правовым актам в таком случае вообще следует обращаться. Зарубежная практика идёт по пути применения к виртуальному игровому имуществу норм о реальном имуществе по аналогии, но это как правило касается уголовного права (например, один из первых известных судебных прецедентов произошел в Нидерландах - подсудимые посредством угроз ножом и побоев принудили потерпевшего к передаче «виртуального амулета и виртуальных масок» в игре RuneScape их аккаунтам, а суд пришел к выводу, что «вещи не обязаны быть материальными для того, чтобы право признало их похищенными» Верховный Суд одобрил приговор нижестоящего суда [7]. В России подобный подход встречается в доктринальных источниках. В частности К.Е. Коган считает, что следует приравнивать виртуальные объекты к нормативно закреплённым

объектам, например, базам данных или программному обеспечению для ЭВМ [2, с. 307].

Ещё одна точка зрения отечественной практики, заслуживающая анализа родилась при рассмотрении судом налогового спора между Мэйл.РуГеймз (подразделение Mail.ru) и налоговым органом. Так, согласно деятельности компании в рамках отношений по предоставлению игрокам дополнительного игрового имущества за плату должна квалифицироваться как передача ограниченных договором прав на программу для ЭВМ, поскольку предоставление виртуального имущества для облегчения процесса игры является самостоятельной услугой по организации игрового процесса. Эту позицию разделяет и Верховный Суд РФ, однако он не применим в случае, если подобные услуги будут оказываться на безвозмездной основе [5].

Обсуждается так же путь дополнения нормы статьи 128 ГК об объектах гражданских прав «виртуальными вещами», однако представляется, что при его реализации возникнут сложности, связанные с разграничением прав на данные виртуальные объекты и программное обеспечение, благодаря которому они возникают. Это обусловлено тем, что регулирование правоотношений в данной сфере для пользователя в первую очередь происходит в соответствии с пользовательским соглашением, а согласно пользовательскому соглашению у игрока отсутствуют права на внутриигровые ценности и сам аккаунт. «Виртуальные объекты, которые пользователь может покупать за реальные деньги и продавать, являются объектами интеллектуальных прав, которые участник использует на основании неисключительной лицензии, о которой говорится в статье 1236 ГК РФ. Рассмотрим данный аспект на примере лицензионного соглашения Blizzard. Так, принадлежат Blizzard или лицензируются ею такие компоненты платформы, как, например, предметы: виртуальные товары, цифровые карты, валюта, зелья, и т.д. (пп. 1 ч. 4 разд. 2 Собственность Blizzard)». И такие положения довольно обоснованны - внутриигровые предметы являются не самостоятельным объектом

собственности, а фактически частью программного кода, интерфейса и т.д., принадлежащей разработчику [9].

Таким образом, считаем отнесение виртуального игрового имущества к иным объектам гражданского права решением возможным, поскольку подобный подход будет меньше противоречить самой природе виртуального игрового имущества, чем применение к нему законодательства об играх и пари. Однако такое имущество не полностью вписывается в существующие в настоящий день гражданско-правовые конструкции. Представляется, что для начала следует определиться с дефиницией виртуального игрового имущества, отражающим его характерные черты, в частности: это нематериальные объекты, существование, а также возникновение отношений по поводу которых невозможно вне игрового аккаунта, а в дальнейшем подобрать соответствующее правовое регулирование данного вопроса.

Список литературы:

1. Гаразовская Н. В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-Scio. 2020. № 4 (43). С. 276-290.
2. Коган, К. Е. К вопросу о правовом режиме виртуальных объектов права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы международной VI научной конференции молодых учёных (г. Самара, 28–29 апреля 2006 г.) — Самара: «Универс-групп», 2006. С. 307–309.
3. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. №1. С. 127-150.
4. Перевод по: Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago // ABA Publishing, - 2008. P. 115-134.
5. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 N 305-КГ15-12154 по делу N А40-91072/14

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33- 21065/2019 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/0de6b77e-95c8-4707-8921-f762e36dd67d> (дата обращения: 24.03.2024)

7. Решение районного суда города Леувардена от 21.10.2008 г. по делу № 17 / 676123- 07 //Архив Верховного суда Нидерландов: заявления и новости. URL: ECLI:NL:HR:2012:BQ9251, ранее LJV BQ9251, Верховный суд, 10/00101 J (rechtspraak.nl) (дата обращения: 24.03.2024)

8. Cossa.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cossa.ru/>

9. Blizzard.com [Электронный ресурс] // URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglashenie-s-konechnym-polzovatelem-dlya-emea-blizzard>

УДК 347.626.2

Сорокина Арина Вадимовна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

sorokina.arina2002@gmail.com

Sorokina Arina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

**ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ РАВЕНСТВА ДОЛЕЙ ИЛИ БРАЧНЫЙ ДОГОВОР,
СТАВЯЩИЙ СУПРУГА В КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ: ГДЕ ГРАНЬ?**

Аннотация: заключение брачного договора является определенной гарантией соблюдения имущественных интересов обоих супругов при разделе совместно нажитого имущества. Несмотря на это, достаточно часто наблюдается практика признания недействительными брачных договоров при наличии в нем условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. В настоящей работе исследуются критерии определения крайне неблагоприятного положения, существующие в судебной практике, на основании проведенного анализа автором сделан вывод о недопустимости существенного нарушения имущественных прав супругов при заключении брачного договора.

Ключевые слова: брачный договор, крайне неблагоприятное положение, супруги, недействительность, существенная непропорциональность долей.

**RETEAT FROM EQUAL SHARES OR A MARRIAGE AGREEMENT
PUTTING THE SPOUSE IN AN EXTREMELY UNFAVORABLE SITUATION:
WHERE IS THE LINE?**

Annotation: the conclusion of a marriage agreement is a certain guarantee of observance of the property interests of both spouses when dividing marital property. Despite this, quite often there is a practice of declaring marriage agreements invalid if there are conditions in it that put one of the spouses in an extremely unfavorable situation. This work examines the criteria for determining an extremely unfavorable situation that exist in judicial practice; based on the analysis, the author concluded that a significant violation of the property rights of spouses when concluding a marriage agreement is inadmissible.

Key words: marriage contract, extremely unfavorable situation, spouses, invalidity, significant disproportionality of shares.

Институт брачного договора позволяет учитывать имущественные интересы обоих супругов, в связи с чем все больше вступающих или вступивших в брак лиц желают его заключить. Так, по данным Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации за последние 5 лет число брачных договоров увеличилось на 67%, а за последнее десятилетие показатель вырос почти в 3 раза [1].

Брачный договор, упрощая процедуру раздела совместно нажитого имущества, является определенной гарантией соблюдения баланса интересов супругов в бракоразводном процессе. Несмотря на это, на практике возникает достаточно большое количество судебных разбирательств по признанию брачных договоров недействительными.

Наиболее популярным основанием является п. 2 ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), позволяющий оспаривать брачный договор при наличии в нем условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [2]. Необходимость закрепления данного

специального основания обусловлена особенностью брачно-семейных отношений, имеющих лично-доверительный характер [3, с. 156].

Правовую неопределённость, в частности, вызывает наличие в указанной норме оценочного понятия, именно поэтому ее толкование и применение напрямую зависит от судебного усмотрения, что и подтверждается существующей практикой.

В соответствии с разъяснениями Конституционного суда Российской Федерации, закрепление в законе исчерпывающего перечня обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов невозможно [4]. Использование законодателем подобной оценочной характеристики преследовало цель применения нормы к неограниченному числу ситуаций.

По-нашему мнению, закрепление единого понятия крайне неблагоприятного положения также не представляется практически целесообразным, поскольку каждая ситуация отличается своей индивидуальностью, имущественное состояние супругов может быть различным от случая к случаю.

Судебная практика, в свою очередь, к условиям, ставящим одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, относит, например, лишение права собственности на все совместно нажитое имущество, существенную непропорциональность долей в общем имуществе [5], передачу имущества одному из супругов, являвшегося для другого супруга единственным жильем [6], или добрачного имущества, и подобные им условия.

Отступление от равенства долей посредством заключения брачного договора непосредственно предусмотрено семейным законодательством, поэтому сама по себе несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества не является основанием для признания недействительным брачного договора [7]. Значение в данном случае имеет именно «существенная» непропорциональность, которая выясняется судами в каждом конкретном

случае индивидуально с учетом конкретных обстоятельств и на основании тех доказательств, которые были представлены каждой из сторон.

Особый интерес представляют несколько дел, рассмотренных Верховным судом Российской Федерации (далее – ВС РФ).

ВС РФ отказал в удовлетворении требований супруги о признании брачного договора недействительным, несмотря на то, что стоимость перешедшего имущества после расторжения брака была в десять раз меньше, чем у супруга. Обосновывая свои требования, она указала, что супруг принудил ее заключить брачный договор, угрожая расторжением брака и определением места жительства двух несовершеннолетних детей с ним. ВС РФ отметил, что супруга принимала активное участие в переговорах при заключении брачного договора, а значит, была осведомлена о составе имущества, переходившего в ее собственность, среди которого были дорогостоящие картины, квартиры в Санкт-Петербурге и Лондоне, а также значительная денежная компенсация. По мнению суда, в данном случае при оценке крайне неблагоприятного положения должна учитываться не стоимость имущества, а его вид и количество, поэтому принцип соразмерности нарушен не был [8].

На наш взгляд, вывод суда является обоснованным. Противоположное решение не отвечало бы сущности и целям закрепления подобного основания в СК РФ, направленного на защиту прав и интересов добросовестных супругов, оказавшихся в безвыходной ситуации. Крайне неблагоприятное положение предполагает лишение одного из супругов значительной части имущества, его же стоимость не имеет юридического значения.

В другом деле супруг пытался признать недействительным пункт брачного договора, согласно которому после расторжения брака к его супруге переходят купленные на совместно нажитые средства земельный участок и находящийся на нем дом, являвшийся его единственным жильем. Отказывая в удовлетворении требований, ВС РФ отметил, что положения СК РФ при изменении супругами режима общей собственности не предусматривают

обязательного соблюдения требований об обеспеченности супругов жильем [9]. При заключении брачного договора, он осознавал, что спорный жилой дом переходит в единоличную собственность супруги, данный факт им не оспаривался.

По-нашему мнению, подобный вывод является достаточно противоречивым. Действительно, установление определенного режима имущества посредством заключения брачного договора предусмотрено СК РФ, а соблюдение и обеспечение жилищных прав не гарантируется в рамках регулирования института брачного договора. Однако в данном случае истец все же лишился своего единственного жилья, в котором в период брака он проживал совместно с супругой. Остается открытым вопрос, как в таком случае все-таки защищать свои имущественные интересы «пострадавшей» стороне при расторжении брака?

К примеру, суды нередко в своих решениях отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на то, что при заключении брачного договора супруги были ознакомлены нотариусом с содержанием, условиями и правовыми последствиями избранного ими правового режима имущества, определили все условия в соответствии со своей волей и интересами, собственноручно и добровольно подписали договор [10]. Полагаем, что подобные выводы не всегда являются обоснованными. Брачно-семейные отношения отличаются личным, доверительным и длительным характером. Брачный договор зависит от тех обстоятельств, изменение которых при его заключении предусмотреть достаточно трудно. Таким образом, по истечении определенного времени может возникнуть ситуация, когда сторона оказывается в крайне неблагоприятном положении [11, с. 26].

Более того, одна из сторон под воздействием чрезмерного доверия или личной зависимости может подписать договор, который в дальнейшем приведет к существенному нарушению ее прав.

Так, например, в одном деле, которое также рассматривалось ВС РФ, брачный договор все же был признан недействительным. Он содержал условие о том, что все имущество переходит в собственность того из супругов, на чье имя оно было зарегистрировано, однако за 18 лет брака на имя супруги не приобреталось никакое имущество. Она занималась ведением домашнего хозяйства и, более того, о действительном составе имущества узнала уже при рассмотрении дела в суде [12].

В ряде случаев суды мотивируют отказ в признании брачного договора недействительным из-за установленной СК РФ возможности его изменения по соглашению сторон в любое время [13]. Соответственно, если положения договора не изменялись и не дополнялись, то супруг осознавал все условия и был с ними согласен. Но, как уже было указано ранее, супруги могут находиться в обстоятельствах, при которых они не задумываются о своем положении, пока не узнают, что брачный договор нарушает их интересы.

Стоит отметить, что данная норма с момента введения в действие СК РФ не поддавалась изменению. Именно поэтому до сих пор подвергается критике среди множества юристов, поскольку практика ее применения достаточно противоречива [14, с. 30].

Инициаторами законопроекта, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации в 2019 году, предлагалось исключить этот пункт из СК РФ [15]. В пояснительной записке отмечается, что данная норма применяется судами в отношении обстоятельств, сложившихся спустя продолжительное время после заключения брака, а возможность признания договора недействительным создает неопределенность не только в правоотношениях между супругами, но и с их контрагентами, которые полагаются на существование брачного договора, вступая с ними в правоотношения.

Данное обстоятельство также заслуживает внимания, поскольку наличие у супруга права оспаривать брачный договор спустя длительное время может ставить под угрозу стабильность гражданского оборота. Однако анализ

судебной практики позволяет сделать вывод, что суды действительно достаточно редко удовлетворяют требования супругов, вставая на защиту добросовестных контрагентов.

Несомненно, условия брачного договора не должны противоречить основным началам семейного законодательства (ст. 1 СК РФ) и ставить супругов в неравное положение. Данная норма направлена на защиту имущественных интересов супругов, а ее исключение может повлечь ряд злоупотреблений при заключении брачных договоров.

Неопределенность, вероятно, вызывает противоречивая судебная практика, а не недостаточность законодательного регулирования [16]. Несмотря на то, что суды редко признают брачные договоры недействительными по данному основанию, такая практика все же встречается. С учетом специфики семейных отношений, полагаем, не существует более действенного механизма для защиты прав супругов, несмотря на то, что субсидиарно применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом по-нашему мнению супруги не должны злоупотреблять своими правами и применять данный способ защиты в корыстных целях. Возможно, дополнительное разъяснение высших судебных инстанций позволит более точно ориентироваться судам в применении данной нормы.

Смысл института брачного договора заключается в добровольном и обоюдном желании обоих супругов изменить свое имущественное положение, определяемое законом. Однако к заключению брачного договора необходимо подходить с должной ответственностью, не злоупотребляя доверительным отношением между супругами.

Список литературы:

1. Обзор материалов СМИ [Электронный ресурс] // URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-na-brachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-oboroty-2202> (дата обращения: 01.05.2024).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16.
3. Семейное право: учебник // М. В. Антокольская. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: Инфра-М, 2013. 432 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации») // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, 1999.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 февраля 2023 г. по делу № 33-7325/2023 // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88-7332/2023 // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 33-КТ22-5-КЗ // СПС «Консультант Плюс».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 33-КГ23-2-КЗ // СПС «Консультант Плюс».
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2022 по делу № 88-7138/2022; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.06.2019 № 33-13995/2019 по делу № 2-762/2019 // СПС «Консультант Плюс».
11. Черепанова О.С. Крайне неблагоприятное положение супруга как основание признания брачного договора недействительным // Нотариус. 2022. № 1. С. 24 - 27.

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 78-КГ20-14 // СПС «Консультант Плюс».

13. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 № 88-6594/2022 // СПС «Консультант Плюс».

14. Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н., Петров Е., Архипов Д., Федорова О., Алейникова В., Дергунова В. Реформа режима супружеской собственности // Закон. 2019. № 12. С. 20 – 32 // СПС «Консультант Плюс».

15. Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 01.05.2024).

16. Богданова О.В. Брачный договор: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2, С. 19-24.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

Чобанян Арпине Камоевна
Волгоградский государственный университет
Институт права
Россия, Волгоград
arpine.chobanyan@list.ru
Chobanyan Arpine
Volgograd State University
Institute of law
Russia, Volgograd

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация: данная работа посвящена субсидиарной ответственности в рамках банкротства физических и юридических лиц. В работе производится анализ основных аспектов субсидиарной ответственности, а также ее применение в различных юридических ситуациях и последствиях для сторон, производится анализ юридических норм по данной тематике. Автор исследует нормы, регулирующие субсидиарную ответственность, и анализирует судебную практику в данной области. В статье также рассматриваются некоторые, выявленные исследователем проблемы при привлечении к субсидиарной ответственности в процессе процедуры банкротства.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, физические лица, юридические лица, риски, законодательство.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SUBSIDIARY LIABILITY OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES

Annotation: this work is devoted to subsidiary liability in the framework of bankruptcy of individuals and legal entities. The work analyzes the main aspects of subsidiary liability, as well as its application in various legal situations and consequences for the parties, and analyzes legal norms on this topic. The author examines the rules governing subsidiary liability and analyzes judicial practice in this area. The article also discusses some of the problems identified by the researcher in bringing to subsidiary liability during bankruptcy proceedings.

Key words: subsidiary liability, bankruptcy, individuals, legal entities, risks, legislation.

Актуальность темы банкротства с каждым годом все более и более возрастает, а вместе с ним и выявляются и правовые пробелы в законодательстве при реализации самой процедуры. Так на данный момент малоисследованной является тема субсидиарной ответственности в отдельности физических и юридических лиц при процедуре признания несостоятельным. Для того, чтобы конкретнее разобрать проблемы, имеющиеся в данном правовом субинституте, необходимо иметь представление, что под собой подразумевает сама правовая категория «субсидиарная ответственность».

К сожалению, в законодательстве нет прямого определения термина «субсидиарная ответственность», но есть признаки, описанные в статье 399 Гражданского кодекса Российской Федерации. Также мы можем обратиться к юридической доктрине для определения и понятия вышеописанного термина.

Так, например, такие ученые, как Горбашев И. В., Поздеева Е.А. под такой ответственностью понимают дополнительную ответственность, которая может возникнуть в случае, если у лица (должника) нет возможности исполнить свои обязательства в полном объеме [1, с. 154]. Данное означает, что третьи лица могут быть привлечены к дополнительной (субсидиарной ответственности) для исполнения обязательств должника в случае банкротства последнего [2, с. 404].

Перейдем теперь к конкретным проблемам субсидиарной ответственности при банкротстве физических лиц, затем юридических.

По своей правовой природе субсидиарная ответственность является способом защиты прав и интересов кредиторов. Однако, если мы обратимся к законодательству РФ, то при банкротстве физических лиц не предусмотрена закрепленная субсидиарная ответственность, что в свою очередь является одной из важнейших проблем на данный момент. Однако, в одном из основных законов при признании несостоятельным, а именно в Федеральном законе № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» не имеется прямых запретов на привлечение при банкротстве физического лица других лиц к субсидиарной ответственности. Таким образом, мы наблюдаем такую картину, что законодательство не регулирует данный вопрос и он стоит в очереди не закрытых Гештальтов.

Однако, если обратиться к судебной практике, мы увидим совсем иную картину. Часто возникают случаи, когда к такой ответственности привлекают членов семьи гражданина-должника: жену, сына, дочь. Но данное не всегда венчается успехом, так, например, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в деле № А11-8680/2019 вынес решение о том, что сын бывшего руководителя не обязан быть привлеченным к ответственности солидарно своему отцу, в силу отсутствия доказательств о его вмешательстве и схемах по выводу имущества [3].

Еще одним из интересных примеров из практики может послужить дело № А07-1646/2016, в котором к солидарной ответственности были привлечены бывшая супруга, дочь, а также зять. Однако судом в данном деле была замечена аффилированность и финансовые махинации.

Таким образом, исходя из судебной практики, мы приходим к логическому умозаключению о том, что призвать к солидарной ответственности могут и как близких родственников, так и не очень, однако важно проследить главную мысль суда, которая заключается в необходимости

доказать вмешательство и заинтересованность таких лиц в финансовых махинациях, установить факт материальной выгоды [4, с. 116].

Однако, существуя в романо-германской правовой системе, мы не можем ссылаться на только лишь судебную практику, необходимо так же закрепление правовых норм в нормативно-правовых актах.

Приведенные выше примеры также доказывают, что даже при банкротстве юридического лица к субсидиарной ответственности могут быть привлечены и физические лица. Такое наталкивает нас на следующую мысль, подтверждающую вышеописанный вывод: физическое лицо, может быть призвано к солидарной ответственности наравне с юридическим лицом в случае, если у конкурсного управляющего или же суда имеются веские объективные доводы, основанные на нормах российского законодательства.

Вопрос по субсидиарной ответственности при признании юридического лица несостоятельным так же представляется неоднозначным. Проблема заключается в отсутствии точно определенной статьи, по которой судьи будут выносить приближенные к друг другу решения.

Согласно п. 2 статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации осуществление предпринимательской деятельности через юридическое лицо не влечет к дополнительной ответственности участников юридического лица, собственника его имущества, а также учредителя. При этом вышеуказанная статья в тандеме с законом о банкротстве предусматривает ряд исключений из сказанного правила.

По своей сути субсидиарная ответственность есть ничто иное, как возможность взыскания долга полностью с контролирующих должника лиц в том случае, если само юридическое лицо не в состоянии удовлетворить требования кредиторов.

Так, например, в своей научной работе Чигарских А. Д. анализирует два вида субсидиарной ответственности, указанной в ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве):

-первое заключается в невозможности полного погашения требований кредиторов;

-второе заключается в ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления должника [5, с. 572].

Данная мысль подтверждается в определении Верховного суда № 308-ЭС17-6757, когда к солидарной ответственности при банкротстве был привлечен также банк наряду с косвенным выгодоприобретателем [6].

Вновь наблюдаем проблему отсутствия точного определения законом разрешения той или иной ситуации, что в свою очередь приводит также и к такой проблеме, как риск быть привлеченным к субсидиарной ответственности практически любых лиц, хоть как-то взаимодействующих с юридическим лицом. Данное может так же привести к упадку экономического роста. Однако и в данной ситуации есть исключения, например, субсидиарная ответственность по налогам.

В таком случае привлечь ответственных лиц работающей компании к солидарной ответственности по налоговым долгам в общем случае нельзя. Данный вывод был сделан Конституционным судом в Постановлении № 39-П.

Таким образом, мы приходим к выводу, что отсутствие многих точно закрепленных норм не приводят суды единообразному решению по сходным делам, что некорректно влияет на судебную практику, лиц, участвующих в судебных заседаниях, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и др.

В связи с этим, автором предлагается внести в сам закон о несостоятельности ряд изменений, а конкретно: определить и закрепить перечень ответственных лиц, в случае банкротства физических и юридических лиц; возможно определить очередность привлечения к ответственности.

В свою очередь Пленуму Верховного суда вынести Постановление о определении круга обстоятельства, обобщении ситуаций, которую будут

определять кого в каком случае можно будет привлечь к субсидиарной ответственности.

Список литературы:

1. Горбашев, И. В. «О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ» [Текст] / И. В. Горбашев // «Вестник гражданского права». — 2018. — № 4. — С. 154.
2. Поздеева, Е. А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц [Текст] / Е. А. Поздеева // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 12 (40). — С. 404.
3. Постановление Арбитражного Суда РФ от 6 марта 2019 г. по делу № А11-8680/2019
4. Коваленко С. П. Некоторые проблемы применения арбитражным судом упрощенных процедур в деле о банкротстве // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 116–120. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.17>
5. Чигарских, А. Д. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве: тенденции и проблемы судебной практики / А. Д. Чигарских // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 5 (69). — С. 572.
6. Zakon.ru [Электронный ресурс] // URL:https://zakon.ru/blog/2023/05/02/osobennosti_privlecheniya_k_subsidiarnoj_otvetstvennosti_pri_bankrotstve

УДК 347.453.3

Шихмагомедов Рустам Абдулкадырович
Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов
rustam-shikmagomedov@mail.ru
Shikmagomedov Rustam
Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Аннотация: в данной статье автором затронута специфика договора строительного подряда. Рассмотрены проблемы при заключении данного договора между сторонами, проанализирована судебная практика по спорам, вытекающим из договоров строительного подряда, а также приведены примеры решения спорных ситуаций, возникающих в судебной практике.

Ключевые слова: строительный подряд, незаключенность договора, стороны договора строительного подряда, суд, существенные условия договора.

PROBLEMS OF EXECUTION OF THE CONSTRUCTION CONTRACT

Annotation: in this article, the author touches upon the specifics of the construction contract. The problems of non-conclusion of this agreement between the parties are considered, judicial practice on disputes arising from construction contracts is analyzed, and examples of resolving disputable situations arising in judicial practice are given.

Key words: construction contract, non-conclusion of the contract, the parties to the construction contract, the court, the essential terms of the contract.

Все большую популярность приобретает договор подряда в гражданско-правовом обороте. Исследуемый договор является важным юридическим инструментом, который регулирует отношения между заказчиком и подрядчиком при выполнении работ. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрено несколько видов подряда, каждый из которых является специфическим, но все они направлены на выполнение работ с целью достижения овеществленного и отделимого от исполнителя результата [1].

Каждому из закрепленных в ГК РФ видов договора подряда присущи специфические особенности, влияющие на практику правоприменения. Так, договор строительного подряда считается заключенным тогда, когда между сторонами будет достигнуто соглашение по предмету договора (строительство определенного объекта либо выполнение иных строительных работ), по срокам и по цене.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что суды при рассмотрении гражданских дел все чаще признают договоры строительного подряда незаключенными в связи с несогласованностью существенных условий. Отсутствие в данных договорах соглашения по всем существенным условиям обусловлено либо незнанием или упущением сторон, либо недобросовестным поведением одной или обеих сторон договора и умышленного невключения того или иного условия в договор.

Как поступить судам в том случае, когда при разрешении споров, вытекающих из договоров строительного подряда, суд придет к выводу, что хотя между сторонами не было достигнуто соглашения по всем существенным условиям договора строительного подряда, но фактически между ними сложились подрядные отношения по выполнению работ, что свидетельствует о наличии волеизъявления контрагентов на исполнение договорных обязательств.

Нужно ли будет в этом случае судам признавать договоры строительного подряда незаключёнными?

Мнения авторов по данному вопросу разделились на две позиции. Одни авторы считают, что недостижение между контрагентами согласования по всем существенным условиям договора строительного подряда является основанием для признания судом данного договора незаключенным. Так, Мандрюков А.В. в своей статье утверждает, что отсутствие в договоре существенных условий о предмете и сроке является основанием для признания такого договора незаключенным. Но при этом данный автор отмечает, что признание договора строительного подряда незаключенным не освобождает лицо от обязанности оплатить фактически выполненные работы [2, с. 24].

Позиция других авторов состоит в том, что если стороны хотя и не указали в договоре строительного подряда существенные условия, но они совершили действия по исполнению договорных обязательств, то данный договор не может быть признан незаключенным. В.В. Витрянский считает, что отсутствие в договоре строительного подряда всех существенных условий может быть компенсировано наличием фактических действий по исполнению договорных обязательств [3, с. 32]. Такой же позиции придерживается и В. Кияшка, который утверждает, что недостижение сторонами договора строительного подряда такого существенного условия, как предмет договора, может иметь значение лишь до момента выполнения строительных работ по такому договору. «Если договор исполнен, а стороной принято исполнение, значит, и предмет договора сторонами согласован, а договор заключен» [4].

В соответствии с п. 3 ст. 432 ГК РФ «сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (ст. 10 ГК РФ)». Исходя из буквального толкования данной нормы считаем, что

вторая позиция представляется нам наиболее верной. Также данный подход подтверждается и п. 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными», в котором содержится указание на то, что если подрядчиком были выполнены работы, а заказчиком они приняты, то договор не может быть признан незаключенным ввиду отсутствия соглашения по всем существенным условиям, а обязательства не возникшими [5].

Таким образом, п. 3 ст. 432 ГК РФ и п. 7. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 устранили некоторые неясности в правоприменительной практике, возникающие при разрешении судами споров о признании строительного подряда незаключенным. В случае, если одна сторона по договору строительного подряда требует признать данный договор незаключенным ввиду отсутствия согласованности о существенных условиях, то необходимо применить ст. 10 ГК РФ о добросовестности и п. 3 ст. 432 ГК РФ. Данные нормы позволяют защититься одной стороне, которая выполнила по договору строительного подряда определенные работы, от недобросовестных действий другой стороны, которая отказывается их оплачивать.

Однако данные правовые нормы не устранили всех проблем в судебной практике. Определенные вопросы вызывает такая ситуация, когда подрядчик начал строительные работы и выполнил определённую часть работ до подписания договора строительного подряда, а заказчик отказался от подписания акта выполненных работ и, следовательно, от их оплаты.

В судебной практике данная проблема решалась следующим образом. Согласно позиции Арбитражного суда Уральского округа, наличие подрядных отношений между сторонами может быть установлено путем представления доказательств фактического использования заказчиком непринятых им работ [6]. Также в постановлении от 10.11.2015 Арбитражный суд Уральского округа

указал, что наличие фактических подрядных отношений может быть установлено путем представления переписок сторон или претензий, предъявленных друг другу [7]. Считаем, что данные позиции Арбитражного суда Уральского округа являются правомерными.

Однако в другом решении того же Арбитражного суда Уральского округа содержится противоположная позиция. В постановлении данный суд указал, что акт выполненных работ, подписанный в одностороннем порядке подрядчиком, не может служить доказательством наличия фактических подрядных отношений между сторонами, если между ними не был заключен договор [8].

Сходная правовая позиция содержится и в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.12.2015 по делу № А33-11343/2015 [9]. Считаем, что позиции данных судом противоречат п. 3 ст. 432 ГК РФ и п. 7. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165, так как суд не должен ограничиваться рассмотрением только текста договора и акта выполненных работ, а должен исследовать все сложившиеся обстоятельства дела.

Наиболее правомерным решением по рассматриваемой проблеме будет выступать Определение ВАС РФ от 21.06.2010 № ВАС-6393/10 по делу № А12-12230/2009, который снова указал на необходимость исследования и оценки всех обстоятельств дела [10]. Согласно позиции данного суда, если сторона не подписала акт выполнения работ и не смогла привести мотивы отказа от подписания, то у другой стороны имеется возможность взыскать денежные средства за проделанную работы. Но если подрядчик не направил акт выполненных работ другой стороне, то он теряет возможность отстоять свои интересы.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующий вывод. При решении вопроса о возможности признания договора строительного подряда незаключенным ввиду отсутствия в договоре одного из

существенных условий либо неподписания одной из сторон договора, судам необходимо учитывать и оценивать все обстоятельства дела, а не ограничиваться только текстом договора и актом о принятии работ.

Список литературы:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // "Собрание законодательства РФ", 29.01.1996, N 5, ст. 410.

2. Мандрюков, А.В. Договор строительного подряда: основания расторжения, изменения и одностороннего отказа от исполнения / А.В. Мандрюков // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2012.- № 9. - С. 23-27.

3. Витрянский, В.В. Договор в Гражданском кодексе России и в практике его применения / В.В. Витрянский // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 29-37.

4. Кияшко, В. Отсутствуют существенные условия. Заключен ли договор? / В. Кияшко// <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»// <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2017 № Ф09-12435/16 по делу № А60- 11898/2016// <http://fasuo.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.11 2015 г. № Ф09-7858/15 по делу № А60- 57128/2014// <http://fasuo.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

8. Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 31.12. 2014 г. № Ф09-14176/13 по делу № А50-5583/2013// <http://fasuo.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.12.2015 по делу № А33- 11343/2015//<http://www.fassko.arbitr.ru/>(дата обращения: 15.04.2024).

10. Определение ВАС РФ от 21.06.2010 № ВАС-6393/10 по делу № А12-12230/2009// <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 349.41

Горбунова Анастасия Геннадиевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

Gorbunovaag@mail.ru

Gorbunova Anastasia

Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЛЕСОВ КАК
ОТДЕЛЬНОЙ «КАТЕГОРИИ» ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация: леса, как один из элементов, составляющих экосистему нашей планеты, имеют особую экологическую важность. Городские леса, как особый вид рассматриваемого компонента, выполняют эстетическую, оздоровительную и культурно-просветительскую функцию. Однако для того, чтобы они выполняли свои функции в полном объеме, необходимо установление четких критериев правового режима. На сегодняшний день регулирующие эту область законодательство характеризуется существенными противоречиями и пробелами, которые необходимо устранить. Представляется важным определить и закрепить определение данного института, отразить в законе его отличительные характеристики, позволяющие четко устанавливать правовой режим.

Ключевые слова: городские леса, рекреационные зона, зоны рекреационного назначения, защитные леса, правовой режим.

LEGAL PROBLEMS OF ALLOCATING URBAN FORESTS AS A SEPARATE “CATEGORY” OF LEGAL REGULATION

Annotation: forests, as one of the elements of ecosystem of our planet, have particular ecological importance. Urban forests, as a special type of component under consideration, perform an aesthetic, health-improving, cultural and educational function. However, in order for them to fulfill their functions in full, it is necessary to establish clear legal regime. Today, the legislation regulating this area is characterized by significant contradictions and gaps that need to be eliminated. It seems important to define and consolidate the definition of this institution, to reflect in the law its distinctive characteristics, which make it possible to clearly establish the legal regime.

Key words: urban forests, recreational zones, zones of recreational purpose, protective forests, legal regime.

На сегодняшний день существует не малое количество проблем, которые затрагивают не только государства, но и каждого человека в отдельности. Одними из них являются загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов. Негативными последствиями являются изменение природных условий (например, вымирание видов растений и животных, изменение климата и др.), а также – нехватка полезных материалов, воды и продовольствия для обеспечения жизнедеятельности людей.

Поскольку подобные глобальные проблемы касаются каждого государства, они объединяются для борьбы совместными усилиями. Отправной точкой принятия на себя общих обязательств по снижению воздействия на окружающую среду, уменьшения накопления отходов, переход на энерго- и ресурсо- сберегающие технологии является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 2015 году, по итогам которой были определены цели по устойчивому развитию [18]. Одна из таких целей заключается в охране и защите наземных экосистем, то есть в рациональном использовании ее

компонентов (одним из которых является городской лес), в сохранение качественных и количественных характеристик лесов, а также в поддержании и улучшении их биоразнообразия [17].

Со своей стороны Россия, как член международного сообщества, способствует тому, чтобы эти цели были реализованы. Это происходит посредством их включения в задачи социально-экономического развития государства. К примеру, Указом Президента от 7 мая 2018 года была утверждена разработка и доработка национального проекта. «Экология», где в свою очередь, закреплена как общая задача – снизить уровень загрязнения атмосферного воздуха, так и уделено особое внимание данной проблеме в населенных пунктах, в том числе городах, поскольку на данных территориях большое количество объектов, негативно влияющих на его качество [8].

Леса являются одним из компонентов суши, который имеет важное экологическое значение. Они способствуют улучшению качества воздуха, выделению кислорода, уменьшают шумовое воздействия и силы потоков ветра, а также сохраняют качественное состояния почв [15]. В населенных пунктах, где сосредоточено большое количество объектов, имеющих негативное влияние на окружающую среду, леса (в том числе городские) приобретают особую актуальность и важность, в том числе и для очищения воздуха. Более того, прогноз ООН гласит о том, что к 2050 году увеличится как количество населения, так и повысится процесс урбанизации (то есть большая часть населения Планеты переселится в города) [14]. Это, в свою очередь, повысит важность и спрос на такой компонент природной среды как городские леса, а их защита и контроль, в том числе за рациональным использованием станут более жесткими и регламентированными.

Для того, чтобы это реализовать, необходимо установить понятное, непротиворечивое законодательное регулирование, в том числе необходимо четко определить правовой режим городских лесов, а также – запреты и ограничения на использование рассматриваемых территорий в других целях.

Речь идет о том, что, по мнению автора, требуется понимание специфики таких лесов, признаков, отличающих его от других видов лесов, ограничения видов деятельности и др. Регламентация городских лесов в современном законодательстве РФ крайне скромна и запутана, что влечет за собой снижение качества надзора и контроля в данной сфере и, как следствие, уменьшению их площадей, уничтожению их природных свойств.

Сам термин «Городские леса» впервые появился в 1923 году, в первом Лесном кодексе. Данная категория в нем определяется как «Состоящие при городах и поселениях городского типа лесные площади на бывших городских землях». Она также именовалась лесами особого назначения. Однако в то время, их правовое регулирование было еще крайне скудно [16].

Значимое нововведение было сделано с принятием основ лесного законодательства в 1977 году [3]. С введением данного закона городские леса были внесены в состав лесного фонда. Более того, они были отнесены к первой группе, так как они выполняли санитарно-гигиенические и оздоровительные функции. Отнесение к первой группе придавало им статус государственного значения.

С введением Лесного кодекса РСФСР в 1978 году положение городских лесов не менялось [6]. Он полностью повторял положения своего предшественника в вопросе регулирования городских лесов.

С введением в действия Земельного кодекса РСФСР 1991 года, земли населенных пунктов были официально разделены на 3 вида: сельские населенные пункты, поселки, города [2]. Городские леса при этом располагались исключительно на территориях последних – городов, что следует из статьи 71.

Лесной кодекс, принятый в 1997 году, внес существенные изменения в управление городскими лесами [4]. Следствием введения в действие этого закона описываемая категории исключается из состава лесного фонда. Более того, городскими лесами теперь считаются не только леса, расположенные в

пределах городов, но и леса, расположенные на других типах земель населенных пунктов. Закон также расширил законодательно закрепленные функции городских лесов (санитарно-гигиенические и оздоровительные функции били заменены функциями для культурно-оздоровительной и спортивной деятельности, рекреационной, и также отдельно выделялась функция по защите благоприятной экологической ситуации).

Нынешнее нормативно-правовое регулирование РФ определяет городские леса как леса, расположенные на землях населенных пунктов в пределах одного муниципального образования. Но, данное понятие не дает понимание сущности городских лесов. Оно не определяет характерные, отличительные признаки данного института, не позволяет определить его функционирование, законодательные ограничения и дозволения их использования. В подтверждение данному тезису следует обратиться к статье 122 Лесного кодекса Российской Федерации (далее - ЛК). Она гласит о нахождении в населенных пунктах помимо городских лесов еще и других их видов [5]. Следовательно, исходя исключительно из одной данной статьи напрашивается вывод о необходимости и важности закрепления такого определения, которое будет содержать отличительные признаки городского леса, которые позволят более просто и четко отделять их от других видов лесов.

По мимо указанных в законе характеристик, городские леса имеют схожие с другими видами лесов черты, к которым можно отнести такие как: границы, экосистему, рекреационное назначение, а также они являются средообразующим фактором. Однако, какие-либо отличительные черты выделить крайне трудно, если вообще возможно. Наряду с этим, рассматриваемый вид лесов подразумевает наличие особенностей в их использовании и охране.

Начнем с того, что законодатель не проводит четкого разграничения между схожими понятиями «рекреационные зоны» и «земли рекреационного назначения», при этом периодически встречается «подмена» одного термина

другим, что вызывает правовые коллизии, порождая трудности и на практике правоприменения. Проблема заключается в том, что упомянутые понятия имеют абсолютно разное значение при том, что, на первый взгляд, очень схожие по целям. Что характерно, определение данных понятий в законодательстве Российской Федерации отсутствует.

Для наиболее четкого понимания необходимо обратиться к Земельному кодексу Российской Федерации (далее - ЗК) [1]. При сопоставлении статей 85 и 98 данного законодательно акта, при сравнении понятий рекреационной зоны и зоны рекреационного назначения можно предположить, что вторая категория является более широкой по отношению к первой (первые зоны используются исключительно для отдыха и туризма, когда вторые реализуют помимо данных функций еще и физкультурно-оздоровительные и функции по поддержание спортивной деятельности граждан), что вызовет ошибочное суждение.

Кроме того, рекреационные зоны в соответствии со статьей 15 ФЗ № 33 - ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее - ООПТ) выделяются на территориях национальных парков [9]. Исходя из этого возможно вывести тезис о том, что рекреационные зоны могут быть выделены на землях ООПТ, а они в свою очередь, относятся к такой категории земель как особо охраняемая территория (далее – ООТО) в соответствии со статьей 94 ЗК. Из данного суждения возникает вопрос: могут ли городские леса входить в состав ООПТ? На практике видно, что да. Наглядным подтверждением этому может служить закон города Москвы № 48 «Об ООПТ» от 26.09.2001 года, в статье 2 которого установлено, что городской лес является одной из категорий ООПТ [11]. Такое же отнесение можно увидеть и в законе Красноярского края № 7-175, где говорится о том, что городские леса и городские парки являются категорией ООПТ (пункт 1 статья 1) [12].

Градостроительный кодекс тоже констатирует факт возможности включения городских лесов в состав зон рекреационного назначения (статья 35) [7]. В приказе Минграда Мурманской области, утверждающем ПЗЗ наглядно

видно непонимание разницы между данными понятиями. Так, в нем указано, что городские леса могут быть расположены в зонах рекреационного назначения, и наряду с этим, в разделе «Кодировка территориальных зон» они отнесены к рекреационным зонам [13].

Так, из анализа, представленного выше, может сложиться мнение, что городские леса могут быть отнесены как к зонам рекреационного назначения, так и к рекреационным зонам, в том числе в составе ООПТ. При этом, обе указанные территории (рекреационного назначения и ООПТ) составляют земли, относящиеся к ООТО. Вместе с этим, из определения городских лесов, четко видно, что они не могут находиться на территории ОТОО, они должны быть расположены в пределах населенных пунктов.

Одновременно с этим необходимо учитывать правило, что земельный участок может относиться только к одной категории земли (172-ФЗ и ЗК указывают на то) [10]. Следовательно, городские леса располагаться на территории ООТО и на территории населенных пунктов не могут. Вдобавок, теоретически данная категория вообще не может находиться на территориях ООТО, что следует из определения, закрепленного в статье 116 ЛК (городские леса - леса на землях населенных пунктов).

Из вышесказанного автор делает вывод, что необходимо четко разграничить все вышерассмотренные понятия, чтобы у правоприменителя не возникало вопросов в правильности применения закона.

Противоречивая практика правоприменения также может возникнуть по следующим причинам. Так, статья 111 ЛК указывает на то, что городские леса являются видом защитных лесов. А в статье 97 ЗК говорится, что защитные леса, которые не относятся к ООПТ, могут входить в состав земель природоохранного назначения. Получается, исходя из данных норм, законодатель допускает возможность нахождения городских лесов на землях природоохранного назначения. Однако, данное суждение не представляется верным. Более того, территории природоохранного назначения также входят в

состав ООТО, а городские леса в данную категорию входить не могут, о чем было сказано ранее.

Таким образом, проанализировав законодательство, можно прийти к выводу, что существует не мало неопределенностей, противоречий и пробелов, что в последствии оказывает влияние и на практику правоприменения. Автор статьи приводит пример того, что из-за отсутствия надлежащего законодательного определения городских лесов (сейчас оно крайне размыто), а также из-за того, что «городские леса» имеют признаки иных категорий, часто возникают противоречия, путаница в терминах, подмена одного другим, что непосредственно оказывает воздействие на регулирование. Следовательно, для того, чтобы городские леса выполняли свои функции в полном объеме (снижали негативное воздействие, удовлетворяли потребности граждан в рекреационном и эстетическом смысле, выполняли иные функции) необходимо более четкое и конкретное законодательное регулирование. Усовершенствование нормативно-правовой базы позволит более эффективно проводить лесоустройство, создавать грамотные генеральные планы и иную градостроительную документацию, что в итоге приведет к повышению качества и количества городских лесов, вариативности биологических элементов (в том числе различных типов деревьев) на их территориях, что непосредственно оказывает эффект на поддержание здорового населения. По мнению автора следует закрепить такое понятие «городские леса», которое добавит больше специфики, характеристик, свойственных только данной категории, четко определит их правовой режим, включая, запреты и ограничения в использовании таких территорий в других целях. Также необходимо разграничить понятия «рекреационная зона» и «зона рекреационного назначения», что также решит проблему в неоднозначном регулировании режима их охраны. Более того, выделение четких критериев для обозначения правового режима тех или иных территорий, установление

дефиниций схожих, но с правовой точки зрения, совершенно разных понятий будет способствовать принципу единства правоприменения.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
2. Земельный кодекс РСФСР от 25 апреля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 22. – Ст. 768.
3. Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. Законом СССР от 17 июня 1977г.) // Свод законов СССР. – 1990. – Т.4. – Ст. 337.
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – №5. – Ст. 610.
5. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
6. Лесной кодекс РСФСР от 8 августа 1978 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1978 – № 32. – Ст.846.
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 № 190 – ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – №1. – Ст. 16.
8. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 " О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" // СЗ РФ. – 2018– №20. - Ст. 2817.
9. Федеральный закон Российской Федерации № 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 // СЗ РФ. – 1995 – №12. – Ст. 1024.
10. Федеральный закон Российской Федерации № 172-ФЗ "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую " от 21.12.2004 // СЗ РФ. – 2004 – №52. – Ст. 5276.

11. Закон города Москвы от 26 сентября 2001 года № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» // Вестник мэрии Москвы, № 43, ноябрь, 2001 год.

12. Закон Красноярского края от 28 сентября 1995 года № 7-175 «Об особо охраняемых природных территориях в Красноярском крае» // «Красноярский рабочий», № 195-196, 14.10.1995.

13. Приказ министерства градостроительства и благоустройства мурманской области от 15 февраля 2021 года № 14 «Об утверждении Правил землепользования и застройки муниципального образования город Мурманск» // «Электронный бюллетень Правительства Мурманской области» <http://www.gov-murman.ru>, 20.02.2021, «Вечерний Мурманск», спецвыпуск № 354, 25.03.2021, С. 1-194.

14. Дмитриева О.В., Кузнецов Д.К. Современные городские леса: состояние и перспективы в городе Москве // Научно-практическая конференция, Воронеж, 21–22 октября 2021 года. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2021. – С. 460-465.

15. Кичигин Н.В. Городские леса: режим охраны и использования // Журнал Российского права. – 2001. – № 6 (174). – С. 28-34.

16. Нарышева Н.Г. Развитие законодательства о городских лесах / Н.Г. Нарышева // Экологическое право. – 2012. – № 1. – С. 7 - 13.

17. Организация объединенных наций: официальный сайт // Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Цели в области устойчивого развития. // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 07.03.2024) – Текст: электронный

18. Преобразование нашего мира: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 70/1 от 25 сентября 2015 г.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 31

A/RES/70/1 // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2024)

Петрова Антонина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
ant.petrova13@gmail.com
Petrova Antonina
St. Petersburg State University
Law Faculty
Russia, St. Petersburg

**ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 11-13
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ» ОТ
10.01.2002 N 7-ФЗ**

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены вопросы судебного применения статей 11-13 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ, которые коррелируют статьей 42 Конституции Российской Федерации. Автором проведен анализ судебной практики за 2023-2019 годы, выявлены основные тенденции и категории дел. Ключевым выводом из исследования стало то, что экологические права граждан могут быть отнесены к коллективным правам человека, наиболее эффективным способом защиты которых являются иски в защиту неопределенного круга лиц.

Ключевые слова: экологические права, мониторинг правоприменения, иски в защиту неопределенного круга лиц, причинение ущерба, защита гражданских прав, ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ.

**PECULIARITIES OF JUDICIAL APPLICATION OF ARTICLES 11-13 OF
THE FEDERAL LAW ‘ON ENVIRONMENTAL PROTECTION’ DATED
10.01.2002 N 7-FZ**

Annotation: this article considers the issues of judicial application of Articles 11-13 of the Federal Law “On Environmental Protection” dated 10.01.2002 N 7-FZ, which correlate with Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. The author analyzed the judicial practice for 2023-2019 years, identified the main trends and categories of cases. The key conclusion of the study was that the environmental rights of citizens can be attributed to collective human rights, the most effective way to protect which are lawsuits in defense of an indefinite number of persons.

Key words: environmental rights, monitoring of law enforcement, lawsuits in defense of an indefinite number of persons, causing damage, protection of civil rights, Federal Law “On Environmental Protection” of 10.01.2002 N 7-FZ.

Выработка эффективных механизмов защиты экологических прав на сегодняшний день представляет важную правовую задачу, стоящую перед юристами практиками и теоретиками [1]. Доказывание нарушения прав весьма затруднительно, поскольку причинная связь между причинением вреда и нарушением природоохранного законодательства порой неочевидна [2]. В этой связи наиболее часто встречающимися делами были решения, связанные с несоблюдением нормативных положений законодательства об отходах. Доказать угрозу причинения вреда имуществу и здоровью в таком случае бывает проще.

Ввиду того, что последствия могут к моменту совершения правонарушения не проявиться, иски в защиту неопределенного круга лиц признаются весьма эффективным способом защиты экологических прав [3].

Среди дел, которые были рассмотрены в рамках настоящего исследования, все решения относились к решениям судов общей юрисдикции. Такая выборка была не случайна: ввиду того, что экологические права являются личными правами человека, то механизмы их защиты чаще всего реализуются в рамках гражданского судопроизводства [4].

При выборке судебных актов для настоящей статьи были использованы следующие критерии: а) подсудность дела суду общей юрисдикции; б) упоминание статей 11, 12 и 13 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»). Правовой базой для поиска судебных актов стали интернет-ресурс «СудАкт» и «КонсультантПлюс».

§1. Судебные акты по статье 11 ФЗ «Об охране окружающей среды».

Для всех дел, рассмотренных автором в рамках данной статьи, характерно отсылочное упоминание статьи 11 ФЗ «Об охране окружающей среды». Причиной данного явления можно назвать то, что статья 11 – статья общего применения. В рамках данной статьи конкретизированы экологические права граждан, наличие которых проистекает из статьи 42 Конституции (право на благоприятную окружающую среду). Содержание отдельных прав, перечисленных в указанной статье Федерального закона, судами не устанавливалось, а принималось как императивно установленное.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что приведение статьи 11 ФЗ «Об охране окружающей среды» является важным обоснованием применения других более отраслевых федеральных законов. Рассмотрим на конкретных примерах данные выводы.

Иск в рамках изучаемого дела [5] был подан прокурором в защиту неопределенного круга лиц, поскольку ответчик, МБОУ «Быдыпиевская основная общеобразовательная школа», допустил ряд нарушений российского законодательства об отходах, а «негативными последствиями выявленных нарушений законодательства стали угроза жизни и здоровью несовершеннолетних, нарушение права на образование в условиях безопасности».

Ответчик не выполнял обязанности по заключению договора на оказание услуг по обращению (передаче, транспортированию) с отходами I и II классов опасности.

Не заключение договора само по себе не влечет нарушение экологических прав. Однако отсутствие договора приведет к скоплению отходов I и II классов опасностей на территории школы (или за ее пределами). Ввиду высокого класса опасности отходов их не утилизация может привести к образованию выделений в воздух, загрязнения почвы и иным последствиям, которые негативно отразятся на жизни и здоровье не только обучающихся и сотрудников школы, но и других людей. В целях обоснования наличия нарушения не только законодательства об отходах, но и права на благоприятную окружающую среду, которое будет нарушено вследствие а) размещения отходов; б) возникновения негативных последствий такого размещения, прокурор привел ссылку на статью 11 ФЗ «об охране окружающей среды». Суд согласился с прокурором, вследствие чего указал: «указанное [ранее приводимые доказательства несоблюдения школой обязанности по заключения договора] свидетельствует о несоблюдении МБОУ «Быдыпиевская основная общеобразовательная школа» обязанности по заключению договора на оказание услуг по обращению (передаче, транспортированию) с отходами I и II классов опасности, что нарушает права воспитанников на защиту и охрану их жизни и здоровья»

В рамках данного дела суд пришел к выводу, что способом защиты прав неопределенного круга лиц является пресечение действий (бездействия), нарушающих право и или создающих угрозу его нарушения по смыслу статьи 12 ГК РФ.

Выбранный судом способ защиты выбран потому, что незаключение договора как таковые права еще не нарушило, с другой стороны, создает угрозу их нарушения.

В данном случае возникает теоретико-правовая коллизия объеме экологических прав. С одной стороны, право на благоприятную окружающую среду по смыслу статьи 42 Конституции и статьи 11 ФЗ «об охране окружающей среды» не зависит от наступления негативных последствий, а

потому факт незаключения договора, в целом, можно признать уже нарушением экологических прав. С другой стороны, негативные последствия для жизни и здоровья человека еще не наступили, в связи с чем незаключение договора может быть признано только угрозой нарушения. Негативных последствий нет и в плане создания несанкционированной свалки, а значит, вновь нет нарушения права на благоприятную среду, ведь утилизация могла происходить вне договорных отношений.

На мой взгляд, в рассматриваемом деле, действительно, была именно угроза нарушения права. Факт незаключения договора не свидетельствует о том, что право на благоприятную окружающую среду, ибо, как выше мною уже было оговорено, утилизация могла осуществляться без заключения договора.

Таким образом, статья 11 ФЗ «об охране окружающей среды» в рассмотренном деле обосновывала возможность обращения прокурора с иском, а также определяла, какие и в чем права граждан могли быть нарушены.

В другом деле [6] некоторые элементы обстоятельств совпадают с предыдущим, а именно: обращение прокурора с иском в защиту неопределенного круга лиц, нарушение права на благоприятную окружающую среду вследствие нарушения законодательства об отходах.

Применение статьи 11 ФЗ «об охране окружающей среды» также используется в качестве обоснования применения законодательства об отходах и выявления нарушения прав граждан. Однако данное дело отличается от рассмотренного выше рядом ключевых фактов.

Во-первых, в соответствии с материалами дела, на территории муниципального образования уже была размещена несанкционированная свалка.

Во-вторых, ответчиком по данному делу является муниципальное образование, то есть публично-правовой субъект.

Из этого следует, что право на благоприятную среду уже нарушено, возникновение негативных последствий для жизни и здоровья граждан не

является обязательным. В этой связи суд принял решение принудить администрацию сельского поселения (ответчика по делу) ликвидировать незаконную свалку.

В отличие от многих других дел, в данном деле [7] прокурор, также подав иск в защиту неопределенного круга лиц, обосновал влияние несанкционированных свалок на здоровье человека в контексте статьи 11 ФЗ «об охране окружающей среды».

Невыполнение мероприятий по сбору и вывозу бытовых отходов, регулярной очистке от отходов территории лесного фонда способствует образованию несанкционированных свалок, существование которых оказывает негативное воздействие на окружающую природную среду и создает реальную опасность для жизни и здоровья жителей Гайнского района, а также влечет риск возникновения лесных пожаров. Наличие несанкционированных свалок на землях лесного фонда в границах Гайнского муниципального района подвергает отрицательному воздействию качество жизни и благополучия неопределенного круга лиц, может повлечь возникновение лесного пожара, инфекционных заболеваний, размножения паразитных животных и насекомых, являющихся разносчиками опасных болезней, оказывает негативное влияние на состояние окружающей природной среды и благополучия человека [8].

Однако в удовлетворении требований прокурору было отказано ввиду недостаточности доказательств. Суд указал, что «поименованные в иске и актах проверок координаты мест захламления, не позволяют установить ни в пределах какого земельного участка они расположены, ни площадь спорной свалки, ни объем размещенных отходов, которые прокурором заявлены к сбору и вывозу» [8].

Из приведенного дела сложно сделать вывод автору аналитической записки о действительной недостаточности доказательств. Вместе с тем, суд не отрицал факт того, что несанкционированная свалка является нарушением экологических прав граждан. Однако для вынесения решения о ликвидации

свалки силами Министерства природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края и ГКУ Пермского края «Управление лесничествами Пермского края» недостаточно одного только факта нарушения экологических прав.

Нижнеудинский межрайонный прокурор в интересах неопределенного круга лиц, обратился в суд с административным иском к администрации Замзорского муниципального образования – администрации сельского поселения о признании незаконным бездействие администрации Замзорского муниципального образования, выразившееся в непринятии достаточных мер по созданию и содержанию с 01.01.2019 мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов на территории Замзорского муниципального образования; возложении обязанности на администрацию Замзорского муниципального образования – администрацию сельского поселения в срок до 28.02.2021 создать на территории Замзорского муниципального образования мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов [9].

В ранее изучаемых делах автор аналитической записки обратила внимание, что прокуроры шли от общего к частному при аргументации своей позиции. Из наличия общей нормы – статьи 11 ФЗ «об охране окружающей среды», – они выводили нарушение отраслевого законодательства. В данном деле прокурор прежде доказал нарушение норм СанПин и законодательства об отходах и лишь затем обратился к праву на благоприятную экологическую среду, которое нарушается вследствие доказанного им ранее бездействия органа публичной власти и несоблюдения законодательства об отходах.

Нарушение экологических прав в данном случае выразилось именно в бездействии: «непринятие администрацией Замзорского муниципального образования надлежащих мер к созданию и содержанию мест (площадок) накопления ТКО, бесконтрольное накопление коммунальных отходов вне специально оборудованных мест влечет угрозу причинения вреда окружающей среде вследствие несоблюдения предусмотренных природоохранным

законодательством требований к порядку накопления отходов, а также захламление территории муниципального образования отходами. Бездействием органа местного самоуправления ущемляются права граждан на сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности».

В данном деле суд не исследовал влияние на нарушение экологических прав факта неисполнения обязанности по утилизации отходов ООО «ЭкоЛайф» (ответчик по делу): «ООО «ЭкоЛайф» осуществляет складирование твердых бытовых отходов на открытой площадке для накопления с нарушениями требований к объекту накопления».

В данном деле суд признал, что нарушения права на благоприятную среду еще не возникло, поскольку суд анализировал действия ответчика и полномочия прокурора через призму «опасности причинения вреда».

Важно, что во всех исследованных делах именно в рамках гражданского производства суд не усматривал нарушения экологических прав без наступления негативных последствий. В административных процессах суды, наоборот, вменяли нарушение экологических прав без наступления негативных последствий.

В еще одном деле [10] прокурор обратился с иском в защиту неопределенного круга лиц к ОАО «Нижегородский водоканал», поскольку в нарушение требований закона проект строительства либо эксплуатации указанных очистных сооружений, обоснование экологической безопасности данной деятельности у эксплуатирующей организации ОАО «Нижегородский водоканал» отсутствуют, администрацией Кстовского муниципального района Нижегородской области Обществу не передавались, в связи с чем, на сегодняшний день не установлены какие-либо критерии экологической безопасности данного объекта, к которому применяются конкретные нормы и стандарты, предусмотренные СНиП 2.04.03-85 «Канализация. Наружные сети и сооружения», вошедшими в утвержденный Распоряжением Правительства

Российской Федерации от 21.07.2010 г. № 1047-р «Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

Кроме того, прокуратурой в ходе проверки установлено, что Обществом при эксплуатации указанных очистных сооружений сброс сточных (канализационных) вод фактически осуществляется на рельеф местности, что является следствием нарушений требований вышеуказанного законодательства.

Одной из причин выявленных нарушений закона явилась ненадлежащая организация администрацией Кстовского муниципального района Нижегородской области деятельности по водоотведению канализационных вод от населения с. Работки Кстовского района Нижегородской области.

Таким образом, администрацией Кстовского муниципального района Нижегородской области наравне с ОАО «Нижегородский водоканал» допущена ненадлежащая организации водоотведения, не соответствующая требованиям статьи 2 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении», согласно которой водоотведение – это прием, транспортировка и очистка сточных вод с использованием централизованной системы водоотведения

В силу статьи 42 Конституции Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В данном деле суд пошел, на мой взгляд, весьма нетривиально.

Применение статьи 11 ФЗ «об охране окружающей среды» суд вывел из статей 34 и 39 ФЗ «об охране окружающей среды».

Несмотря на признание наличия нарушения экологических прав граждан, суд, тем не менее, вынес решение в первую очередь ввиду нарушения технических требований и правил.

Прокурор Заларинского района Иркутской области в интересах РФ, неопределенного круга лиц, предъявил иск к Администрации Новочеремховского муниципального образования об обязанности устранить нарушения требований природоохранного законодательства [11].

В Новочеремховском муниципальном образовании не созданы места (площадки) накопления ТКО, отвечающие Правилам благоустройства территории муниципального образования, санитарно-эпидемиологическим и иным требованиям законодательства РФ, в сфере обращения с отходами.

Один лишь факт бездействия уже признается ущемляющим права граждан и интересы РФ на сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности.

Данное дело подтверждает ранее сделанный вывод о моменте нарушения экологических прав. В административном производстве моментом нарушения является совершение действий или бездействия, в гражданском суды принимали во внимание наличие негативных последствий для граждан.

В данном деле, несмотря на его гражданский характер, судьи признали факт наличия свалки нарушением экологических прав граждан. Тем не менее, содержимое свалки имеет важное значение и обосновывает причину подобного решения суда.

Нижнетагильский межрайонный природоохранный прокурор, действуя в интересах неопределенного круга лиц, обратился в суд с иском к ООО «Аркадий» и ООО «Гастроном Запад», в котором просит обязать ответчиков не позднее ДД.ММ.ГГГГ ликвидировать несанкционированное размещение отходов нефтепродуктов площадью 1 000 кв.м, расположенное на территории земельного участка с кадастровым номером №, земельного участка с кадастровым номером № с географическими координатами изменности с южной стороны 57°50'835" с.ш., 60°01'371" в.д., с северной стороны 57°50'855" с.ш., 60°01'359" в.д.

Негативные последствия ввиду нарушения свалки еще не наступили, по крайней мере, иного в материалах дела нет. Однако суд признал нарушение экологических прав.

При невыполнении вышеназванных требований закона нарушаются конституционные права граждан, неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим преступлением (ст. 42 Конституции), <...>, т.к. возникает потенциальная угроза причинения вреда жизни и здоровью граждан в связи с несоблюдением ответчиком требований законодательства, которые предъявляются к хозяйственной и иной деятельности, обязательных условий ограничений или их совокупности, установленных законами, иными нормативно - правовыми актами, природоохранными нормативами и иными нормативами в области охраны окружающей среды с целью исключения негативного воздействия на среду жизнедеятельности и здоровье населения.

Суд признал, что нарушение права на благоприятную окружающую среду уже имело место, подтверждением чему служит потенциальная угроза причинения вреда здоровью.

§2. Судебные акты по статье 12 ФЗ «Об охране окружающей среды».

В рамках рассматриваемой категории дел статья 12 ФЗ «Об охране окружающей среды» использовалась общественными объединениями и некоммерческими организациями в целях обоснования своих полномочий при подаче иска в защиту неопределенного круга лиц. Суды не исследовали конкретные экологические права организаций. В связи с этим можно сделать вывод, что пока суды не принимают за юридическими лицами наличие экологических прав. Вместе с тем, сами организации не подавали иски в защиту своих экологических прав. Указанный вывод ограничен рассмотренными автором аналитической записки делами: они были исключительно подсудны

судам общей юрисдикции. В случае проведения самостоятельного исследования в рамках дел арбитражных судов сделанный автором вывод в настоящей аналитической записке может быть скорректирован.

Истцом по делу выступала Межрегиональная общественная благотворительная организация «Общество защиты прав потребителей и охраны окружающей среды «ПринципЪ» [12].

Административный истец Межрегиональная общественная благотворительная организация «Общество защиты прав потребителей и охраны окружающей среды «ПринципЪ» просит признать недействующими отдельные положения решения Совета депутатов Богородского городского округа Московской области № 387 «Об утверждении Генерального плана Богородского городского округа Московской области» от 25.08.2020г., ссылаясь на то, что оно является незаконным, создает препятствия для реализации прав неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, санитарно-эпидемиологическое благополучие, охрану здоровья.

Межрегиональная общественная благотворительная организация «Общество защиты прав потребителей и охраны окружающей среды «ПринципЪ» уполномочена на предъявление иска в защиту неопределенного круга лиц о защите окружающей среды потому, что в соответствии с пунктом 1 статьи 12 ФЗ «об охране окружающей среды» общественные объединения и некоммерческие организации имеют право осуществлять деятельность в области охраны окружающей среды, в том числе: обращаться в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные организации с жалобами, заявлениями, исками и предложениями по вопросам, касающимся охраны окружающей среды, негативного воздействия на окружающую среду, и получать своевременные и обоснованные ответы.

Однако по итогам анализа доказательств сторон, суд признал, что оспариваемый в части нормативный правовой акт принят уполномоченным

органом в пределах предоставленной компетенции, в установленной форме, процедура принятия и опубликования не нарушена; соответствует нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу и не нарушает права и законные интересы административных истцов.

Причиной отказа в удовлетворении исковых требований являлось то, что административный истец требовал признать незаконным такой акт, который по своей сути не может нарушать экологические права. Указание в Генеральном плане как документе долгосрочного планирования, утверждаемом на срок не менее чем двадцать лет (часть 11 статьи 9 ГрК РФ) функциональной зоны данного земельного участка, носящее информационный характер и отражающее планируемые изменения границ населенного пункта, положениям градостроительного законодательства не противоречит.

Новосибирская региональная общественная организация по охране окружающей среды «Сибирское экологическое содружество» обратилась в суд с административным исковым заявлением и просила признать не действующим Закон Новосибирской области от 25.02.2021 N 59-ОЗ «О внесении изменений в Закон Новосибирской области «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области» [13].

Свои полномочия на подачу иска в защиту неопределенного круга лиц истец обосновал статьей 12 ФЗ «об охране окружающей среды»: общественное объединение вправе обратиться в суд общей юрисдикции с административным исковым заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части в защиту прав, свобод и законных интересов членов данного общественного объединения или в защиту неопределенного круга лиц в случае, если это предусмотрено федеральным законом (например, абзац восьмой пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 10 января 2002 года N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Общественные объединения и некоммерческие организации имеют право осуществлять деятельность в области охраны окружающей среды, в том числе

обращаться в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные организации с жалобами, заявлениями, исками и предложениями по вопросам, касающимся охраны окружающей среды, негативного воздействия на окружающую среду, и получать своевременные и обоснованные ответы (абзац восьмой пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 10 января 2002 года N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Согласно уставу НРОО «СЭС» целями деятельности Организации являются, в том числе, сохранение природы и экологии; осуществление мероприятий по охране окружающей среды.

Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии (статья 42), и действующее законодательство об охране окружающей природной среды не содержит ограничений этого права в зависимости от организационно-правовых форм организаций, состоящих из физических лиц и осуществляющих через них свою деятельность.

Поскольку благоприятная окружающая среда понимается как комплексное и устойчивое развитие населенных пунктов, а также улучшение жилищных, социально-экономических и экологических условий проживания граждан, административный истец не может быть ограничен в праве оспорить в суде нормативный правовой акт органа государственной власти Новосибирской области, затрагивающий вопросы в области особо охраняемых природных территорий Новосибирской области.

Истец последовательно обосновывал незаконность принятого закона. Однако не все оспариваемые истцом положения закона были признаны незаконными. Суд обратил внимание, что введение легальной дефиниции «лесной парк» являлось правомерным, поскольку у субъекта Российской Федерации наличествуют такие полномочия. Введение более точной

формулировки не только не нарушает права граждан на благоприятную окружающую среду, но и обеспечивает данное право [13].

Истец полагал, что оспариваемый закон ограничивает учет мнения граждан. Однако суд исследовал соответствующие положения закона и решил, что вопреки позиции административных истцов в оспариваемом законе содержится механизм учета мнения граждан при создании ООПТ лесной парк, так как введенный Законом № 59-ОЗ пункт 1 части 1 статьи 12.1 предусматривает возможность для группы граждан инициировать создание природно-рекреационных местностей и лесных парков.

Суд проанализировал право создания особо охраняемых природных территорий, обратился к Распоряжению Правительства РФ от 22.12.2011 N 2322-р утверждена Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года (вместе с «Планом мероприятий по реализации Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года»), отметил высокую значимость деятельность, направленную на создание особо охраняемых природных территорий. На основе этого суд пришел к выводу об отсутствии нарушения экологических прав граждан и юридических лиц.

Интересен и следующий вывод суда: «Правовые нормы, регулирующие оборотоспособность земельных участков в ООПТ, используются вместе с правовыми нормами об охране их как ограниченном природном ресурсе. По этой причине законодателем установлен приоритет публичного экологического интереса перед частным экономическим интересом» [13].

Решение суда заключалось в частичном удовлетворении требований истцов, однако часть закона Новосибирской области, признанная недействительной, не относится к настоящему мониторингу.

§3. Судебные акты по статье 13 ФЗ «Об охране окружающей среды».

Дел по рассматриваемой статье автором аналитической записки было найдено соответствующими теме мониторинга немного – 4 из просмотренных

50. В приведенных ниже делах (раскрыто одно, три других чрезвычайно похожи, в них сделаны аналогичные выводы).

Общий вывод для рассмотренных дел по 13 статье ФЗ «об охране окружающей среды» заключается в том, что прокурор, действуя в защиту неопределенного круга лиц, предъявляет гражданский иск к публично-правовому субъекту в целях понуждения о ликвидации несанкционированной свалки. Исследовательская ценность данных дел состоит в том, что суд признает нарушением не сами права граждан, а несодействие им в реализации их прав.

Прокурор Семилукского района Воронежской области обратился в суд с иском в интересах неопределенного круга лиц к администрации Стрелицкого городского поселения Семилукского муниципального района Воронежской области о понуждении к исполнению природоохранного законодательства, в котором просит обязать администрацию Стрелицкого городского поселения Семилукского муниципального района Воронежской области организовать деятельность по транспортированию (вывозу) твердых коммунальных отходов, размещенных на свалке [14].

В результате проверки было установлено, что свалка в указанном муниципальном районе не была санкционированной.

Ранее автор аналитической записки не однократно встречала дела, весьма похожие на данное решение, однако ни в одном из них не встречалось ссылки на 13 статью ФЗ «об охране окружающей среды». Вместе с тем, отсылка именно к ней, на мой взгляд, весьма важна и интересна. Суд в рассматриваемом деле счел возможным такую отсылку сделать.

Суд указал следующее: «В статье 42 Конституции Российской Федерации, а также в статье 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду.

Статьей 13 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закреплено, что органы местного самоуправления и

должностные лица обязаны оказывать содействие гражданам в реализации их прав в области охраны окружающей среды. Указанные обстоятельства ведут к нарушению конституционного права как жителей Стрелицкого городского поселения, так и иных граждан на благоприятную окружающую среду».

Иначе говоря, в данном деле суд подчеркнул не наличие нарушение прав граждан на благоприятную окружающую среду, но обязанность публичных органов власти содействовать в реализации прав граждан. Факт неустранения несанкционированной свалки не содействует гражданам в реализации их экологических прав, хотя и не нарушает их.

Аналогичные дела с таким же выводом:

- Решение № 2-930/2023 2-930/2023~М-687/2023 М-687/2023 от 10 июля 2023 г. по делу № 2-930/2023 [15];

- Решение № 2-902/2021 2-902/2021~М-776/2021 М-776/2021 от 29 июня 2021 г. по делу № 2-902/2021 [16];

- Решение № 2-1218/2020 2-1218/2020~М-1132/2020 М-1132/2020 от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1218/2020 [17].

Заключение

Во-первых, все дела содержали отсылку к статье 11 ФЗ «об охране окружающей среды», хотя отнюдь не всегда предметом иска была именно защита нарушенных прав. Зачастую суды не исследовали конкретно содержание экологических прав, полагая их неотъемлемыми конституционными правами. Нарушение экологических прав было факультативным, относилось к а) обоснованию компетенции прокурора или общественной организации; б) основанию для признания нарушения иных норм отраслевого законодательства; в) укрепления позиции истца при доказывании неправомерности поведения ответчика.

Во-вторых, все рассмотренные дела являлись исками в защиту неопределенного круга лиц. Данное умозаключение свидетельствует о следующем: а) такая защита экологических прав на сегодняшний день наиболее

эффективна; б) экологические права являются коллективными правами человека; в) защита экологических прав человека зачастую лежит в публично-правовом поле (истцом в большинстве дел выступал прокурор).

В-третьих, большая часть была посвящена нарушению законодательства об отходах. Это значит, что проблема несанкционированных свалок, отсутствие соответствующих полигонов и иные вопросы, в Российской Федерации стоят наиболее остро. Причинами данных проблем могут быть не только экономические, но и правовые: возможно, подлежит пересмотру региональное регулирование.

В-четвертых, применение статьи 12 ФЗ «об охране окружающей среды» носила отсылочный и вспомогательный характер. Общественные объединения, подававшие иски в защиту неопределенного круга лиц, посредством ссылки на статью 12 обосновывали свое право на защиту граждан. Из этого можно сделать вывод, что пока что экологические права признаются правами именно гражданскими, которыми не пользуются юридические лица и объединения. С другой стороны, автор признает некоторую ограниченность данного вывода вследствие определенной выборки судебных решений по критерию подсудности суду общей юрисдикции.

В-пятых, применение статьи 13 ФЗ «об охране окружающей среды» обусловлено тем, что прокурор, действуя в защиту неопределенного круга лиц, предъявляет гражданский иск к публично-правовому субъекту в целях понуждения о ликвидации несанкционированной свалки. Исследовательская ценность данных дел состоит в том, что суд признает нарушением не сами права граждан, а несодействие им в реализации их прав.

Список литературы:

1. Игнатьева Т. А. Теория и практика систематизации экологического законодательства России. Монография. – Московский государственный университет имени МВ Ломоносова, 2007. – 384 с.

2. Фицай Д. А. Защита экологических прав: некоторые проблемы теории и практики //Журнал российского права. – 2018. – №. 3. – С. 127-135.
3. Фоменко В. Л. Способы защиты экологических прав граждан //Вестник краснодарского университета МВД России. – 2014. – №. 4 (26). – С. 33-35.
4. Мелентьев И. С. и др. Общая характеристика подведомственности гражданских дел. Понятия и виды подведомственности //Приоритетные направления развития образования и науки. – 2017. – С. 309-311.
5. Решение № 2-424/2023 2-424/2023~М-375/2023 М-375/2023 от 9 августа 2023 г. по делу № 2-424/2023
6. Решение № 2А-2-130/2023 2А-2-130/2023~М-2-96/2023 М-2-96/2023 от 14 июля 2023 г. по делу № 2А-2-130/2023
7. Решение № 2-1742/2020 2-1742/2020~М-147/2020 М-147/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 2-1742/2020
8. Решение № 2А-2-130/2023 2А-2-130/2023~М-2-96/2023 М-2-96/2023 от 14 июля 2023 г. по делу № 2А-2-130/2023
9. Решение № 2А-314/2020 2А-314/2020~М-160/2020 М-160/2020 от 25 февраля 2020 г. по делу № 2А-314/2020
10. Решение № 2-721/2019 2-721/2019~М-143/2019 М-143/2019 от 19 августа 2019 г. по делу № 2-721/2019
11. Решение № 2-245/2019 2-245/2019~М-168/2019 М-168/2019 от 12 июля 2019 г. по делу № 2-245/2019
12. Решение № 3А-858/2021 3А-858/2021~М-459/2021 М-459/2021 от 23 сентября 2021 г. по делу № 3А-858/2021
13. Решение № 3А-66/2021 3А-66/2021~М-85/2021 М-85/2021 от 25 августа 2021 г. по делу № 3А-66/2021
14. Решение № 2-941/2023 2-941/2023~М-688/2023 М-688/2023 от 25 июля 2023 г. по делу № 2-941/2023
15. Решение № 2-930/2023 2-930/2023~М-687/2023 М-687/2023 от 10 июля 2023 г. по делу № 2-930/2023

16. Решение № 2-902/2021 2-902/2021~М-776/2021 М-776/2021 от 29 июня 2021 г. по делу № 2-902/2021

17. Решение № 2-1218/2020 2-1218/2020~М-1132/2020 М-1132/2020 от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1218/2020

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.163

Андреева Анастасия Юрьевна

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Юридический институт им. М.М. Сперанского

Россия, Владимир

andreeva21anastasia@yandex.ru

Andreeva Anastasia

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Law Institute named after M.M. Speransky

Russia, Vladimir

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПРОКУРОРУ СУДОМ**

Аннотация: в статье рассматривается институт возвращения уголовного дела прокурору. Исследуются предусмотренные статьей 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основания для возвращения судом уголовного дела прокурору, а также оценивается реализация положений указанной статьи в рамках правоприменительной практики. Выявляются основные недостатки, допускаемые правоохранительными органами в ходе дознания и предварительного следствия, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, а также предлагаются мероприятия по минимизации случаев допущения таких недостатков.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, прокурорский надзор, возвращение уголовного дела, государственный обвинитель.

ON THE QUESTION OF THE GROUNDS FOR RETURNING A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR BY THE COURT

Annotation: the article examines the institution of returning a criminal case to the prosecutor. The grounds for the court to return a criminal case to the prosecutor, provided for in Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, are examined, and the implementation of the provisions of this article within the framework of law enforcement practice is assessed. The main shortcomings committed by law enforcement agencies during the inquiry and preliminary investigation, which lead to the return of the criminal case to the prosecutor, are identified, and measures are proposed to minimize cases of such shortcomings.

Key words: criminal process, prosecutor, prosecutorial supervision, return of a criminal case, public prosecutor.

Возвращение уголовного дела прокурору судом является институтом уголовного процессуального права, его правовое регулирование осуществляется статьей 237 УПК РФ. Основной задачей механизма возвращения уголовного дела является устранение препятствий его рассмотрения судом, причем такие препятствия должны обладать признаком неустранимости при рассмотрении уголовного дела в суде. Возвращение уголовного дела судом является одним из проявлений принципа разделения государственной власти на три ветви, поскольку правоохранительная деятельность относится к системе исполнительной власти, с которой органы судебной власти могут взаимодействовать, но не вправе вмешиваться в ее деятельность [1, с. 144].

Препятствия рассмотрения уголовного дела судом, приводящие к его возвращению прокурору, связаны с процессуальными нарушениями, допущенными органами дознания и предварительного следствия на досудебной стадии уголовного процесса.

Основания для возвращения уголовного дела прокурору перечислены в статье 237 УПК РФ. При этом в ряде случаев возвращение уголовного дела может осуществляться исключительно по ходатайству сторон. К таким основаниям относится наступление новых общественно опасных последствий после направления уголовного дела в суд, поскольку в данном случае может быть поставлен вопрос о переквалификации преступления на более тяжкий состав. Также основанием для возвращения уголовного дела прокурору по ходатайству сторон является отмена приговора по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, которые, в свою очередь, также являются основанием для изменения позиции стороны обвинения.

Вместе с тем, большинство оснований для возвращения уголовного дела прокурором допускают совершение такой процедуры не только по ходатайству сторон, но и по инициативе суда. Данные основания так или иначе связаны с процессуальными ошибками, допущенными органами предварительного следствия. Так, уголовное дело может быть возвращено прокурору в случае нарушения требований УПК РФ при составлении обвинительного заключения, в том числе в случае невручения его копии обвиняемому. Также основаниями для возвращения уголовного дела прокурору могут послужить возможность соединения уголовных дел, нарушения прав обвиняемого при ознакомлении с материалами дела, и другие [2, с. 657].

Отдельно следует остановиться на ситуации, когда обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела не были разъяснены его право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, коллегией из трех судей, о применении особого порядка судебного разбирательства, а также о проведении предварительных слушаний. Допущенные при разъяснении обвиняемому его прав нарушения можно условно разделить на две группы. К первой группе относится разъяснение прав обвиняемого относительно выбора порядка судопроизводства без соблюдения принципов полноты и ясности. В данном случае суд может прийти к выводу об

отсутствии факта учета органами предварительного следствия прав обвиняемого.

Вторая группа нарушений сводится к формальному разъяснению обвиняемому его прав, при котором последний вряд ли сможет с надлежащей степенью ясности понимать их содержание и значение. Данная проблема должна быть разрешена путем участия защитника при разъяснении обвиняемому его прав [5, с. 89].

Как следует из содержания положений ст. 237 УПК РФ, возвращение уголовного дела прокурору может быть связано с определенными недостатками обвинительного заключения. В этой связи представляется необходимым определить основные недостатки обвинительного заключения, приводящие на практике к возвращению судом уголовного дела.

Первым таким недостатком является отсутствие четкого и полного изложения фактов преступления в обвинительном заключении. Так, в заключении может быть некорректно отражена суть обвинения, а также может отсутствовать четкая и точная информация о месте и времени совершения преступления. Объективная сторона преступления также представлена действиями обвиняемого, поэтому их описание в обвинительном заключении также должно соответствовать критерию достаточности [3, с. 48].

Также обвинительное заключение может содержать некорректные сведения о личности обвиняемого, в том числе неверный адрес регистрации по месту жительства. Кроме того, неверное указание фамилии, имени и отчества обвиняемого приведет к созданию препятствий в получении им судебной корреспонденции.

В обвинительном заключении также указываются обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе уголовного дела. Они должны быть ясно изложены, в противном случае уголовное дело может подлежать возвращению судом.

Наконец, в обвинительном заключении должен быть отражен характер и размер причиненного преступлением ущерба личности или имуществу потерпевшего. Необходимость его указания объясняется учитыванием данной характеристики при оценке характера и степени общественной опасности совершенного деяния [4, с. 241].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что возвращение уголовного дела прокурору как институт уголовно-процессуального права призвано устранить допущенные в ходе дознания и предварительного следствия недостатки, которые, в свою очередь, сводятся преимущественно к неполноте обвинительного заключения и недостаточно ясному и подробному разъяснению обвиняемому его процессуальных прав при ознакомлении с уголовным делом. Несмотря на кажущуюся незначительность каждого из рассмотренных оснований, любое из них на практике может привести к возвращению уголовного дела прокурору по инициативе суда, что приведет к увеличению сроков рассмотрения дела и его затягиванию фактически по вине органов дознания и предварительного следствия. Во избежание таких последствий представляется необходимым разработать универсальную памятку по составлению обвинительного заключения в соответствии с нормами УПК РФ, которая позволит избежать возвращения уголовного дела прокурору по формальным основаниям.

Список литературы:

1. Бегова Д.Я., Магомедов С.М. Основания возвращения судом уголовного дела прокурору // Закон и право. – 2022. – №7. – С. 143-145.
2. Борисов Н.А. Несоответствие обвинительного заключения требованиям УПК РФ – основание для возвращения уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ // Первые шаги в науку третьего тысячелетия. – 2017. – №1. – С. 655-660.

3. Дяденькин С.В. Основания для возвращения уголовных дел прокурору // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 28 (128). – С. 46-50.

4. Ибрагимов С.И., Асадуева С.А. Проблемы возвращения уголовного дела прокурору // Закон и право. – 2024. – №3. – С. 239-243.

5. Юрков Н.С. Технические ошибки при оформлении доказательств по уголовному делу, влекущие возвращение уголовного дела судом прокурору // Научный компонент. – 2022. – № 2 (14). – С. 87-93.

УДК 343.359

Вальтер Александр Валерьевич

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз

Россия, Тюмень

T89612047813@gmail.com

Walter Alexander

Tyumen Advanced Training Institute of the MIA Russia

Department of Organization of Crimes and Forensic Expertise

Russia, Tyumen

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ В НОРМАХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. СТ. 198-199.4 УК РФ: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: в статье представлен кибернетический и лингвистический анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. ст. 198-199.4 УК РФ. Исследована терминология по ст.ст.198-199 УК РФ. Исследование проведено с использованием методологии и математических моделей по семантическому анализу текста правовых норм. Проведен анализ семантики и удобочитаемости текста уголовно-правовых норм. Представлены некоторые экспериментальные данные по совершенствованию уголовного законодательства по налоговым преступлениям, ссылки на математические формулы подсчета текста правовых норм. Выделены наиболее актуальные дефекты исследуемых уголовно-правовых норм, представлены конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, основанные в том числе на логических и математических методах.

Ключевые слова: налоговые преступления, семантика, кибернетика, дефекты права по налоговым составам преступления, налоговая бланкетность.

**SEMANTIC ANALYSIS OF TERMINOLOGY IN THE STANDARDS
PROVIDED BY ART. 198-199.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION: CYBERNETIC APPROACH**

Annotation: the article presents a cybernetic and linguistic analysis of criminal law provisions provided for in Art. 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The terminology under Articles 198-199 of the Criminal Code of the Russian Federation has been studied. The study was conducted using methodology and mathematical models for semantic analysis of the text of legal norms. An analysis of the semantics and readability of the text of criminal law norms was carried out. Some experimental data on improving criminal legislation on tax crimes are presented, along with links to mathematical formulas for calculating the text of legal norms. The most relevant defects of the studied criminal law norms are highlighted, specific proposals for improving criminal legislation are presented, based, among other things, on logical and mathematical methods.

Key words: tax crimes, semantics, cybernetics, defects of law regarding tax elements of crime, tax blanketing.

Отметим, что общей проблематике в контексте используемой терминологии и соответственно касательно смысловой нагрузки используемых терминов в текстах закона, было посвящено не так много отечественных работ, среди авторов которых возможно выделить: А.С. Пиголкин, Г.И. Шаткова, Е. Прянишникова, Д.А. Керимов, В.М. Баранов, А.Ф. Черданцев, И.П. Михальчук, Д. Милославский, Ю.С. Ващенко, Е.А. Крюкова, Мизернов И.Ю., Гращенко Л.А., Мацковский, Оборонева И.В. и др.

Отдельно отметим и в полной мере неустановленный характер семантики, которая развивается фактически в нескольких направлениях, это и математика, психология, филология, при том, что в 80-х годах прошлого века возникла когнитивная наука, включающая семантику, которая развивалась на стыке 4-х

дисциплин: психологии, компьютерной науки, лингвистики и философии [1, с. 37-38].

Как верно отметила Петрова И.Л. в своей пояснительной записке к проекту закона, что «Правовая природа юридического текста требует особой точности и тщательности в формулировке правовых предписаний, продуманности и логичности структуры документа, не допускает многозначности, расплывчатости, противоречивости его норм. Законодательная и юридическая техника тесно связана с организацией лексико-юридического материала, его синтаксической структурой и семантикой, направлена на внешнее изложение, призвана совершенствовать язык юридического документа, делать его более понятным, точным и грамотным» [2].

Как отмечает А. С. Ребер о неоднозначности термина читабельность в отечественной лингвистике. С одной стороны, читабельность – «мера доступности для понимания письменного текста, определяемая анализом ряда факторов, включая синтаксическую сложность, лексику, выраженность темы, связность тем и т.п.», а с другой – «измерение того, насколько читабелен текст, основанное на среднем уровне подготовки читателей, способных его прочесть и понять» [3].

Мы полностью согласны с Волосюк Е.А. о том, что к «предложениям в нормативно-правовом тексте предъявляются определенные правила, обуславливающие прежде всего правильное понимание смысла правовой нормы и верное ее толкование, а значит, эффективное ее применение. Предложение должно быть построено грамматически безупречно, с соблюдением законов его конструирования, установленного с учетом специфики законодательного текста порядка слов» [4, с. 46-48]

Исследуя текст уголовно-правовых норм по налоговым преступлениям, с точки зрения их сложности отметим следующие элементы: проблемы системности, повышенная динамика и организация текста и др.

Тексты исследуемых уголовно-правовых норм имеют высокую сложность с точки зрения системности, динамичности, организации так как связывают различные отрасли права в ходе квалификации уголовно-правового деяния, это длящийся характер в ходе неуплаты налогов (период неуплаты налогов до 3-х лет); имеющаяся сложность в организации межотраслевого законодательства с учетом предоставляемых налогоплательщикам разъяснений фискальными органами: Министерство Финансов РФ и ФНС РФ, имеющих зачастую спорный подзаконный нормативный характер[5]; проблемы толкования терминов и терминологических единиц по ст.198-199.4 УК РФ, а именно:

- Недостаточно эффективные и размытые оценочные термины, использованные в ст.199.1 УК РФ – «личный интерес» в ходе неисполнения обязанностей налогового агента;

- Усложненная семантика бланкетной диспозиции ст.199.2 УК РФ. Толкование нормы в виде «двойного способа» совершения налогового преступления «денежные средства и имущество были намерено сокрыты с целью уклонения от взыскания недоимки» [6]. При чем обстоятельства, указывающие на сокрытие денежных средств или имущества раскрыты и указаны в отдельном письме ФНС РФ от 02.06.2016 № ГД-4-8/9849, а вопросы по уплате задолженности налогоплательщиком в виде «недоимки» раскрыты в ст.ст. 69, 47, 48 НК РФ;

- Усложненная семантика о способах совершения налоговых преступлений в совокупности с неподходящим термином - «уклонение» в контексте ст.ст. 198, 199, 199.3, 199.4 УК РФ;

- Некорректная терминология относительно вопросов причиненного ущерба бюджетной системе РФ в результате налоговых преступлений, предусмотренных ст.ст. 198-199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ.

В нашем исследовании именно толкование нормы как внутреннее (непосредственно субъектов воспринимающим норму), так и внешнее имеет высокую зависимость особенно от синтаксиса, семантики, а также прагматики

языка, терминов и их отдельных единиц, используемых в области налогообложения, с учетом того, что ст.198-199.4 УК РФ - это бланкетные уголовно-правовые нормы отсылающие нас к налоговому законодательству, так как именно НК РФ устанавливает ответственность в отношении налогоплательщиков за нарушения, в части исчисленных [7] и начисленных налогов, сборов, страховых взносов.

Так ввиду множества норм, регулирующих налоговые правоотношения (порой имеющих размытый, противоречивый характер), которые вплетены в уголовный кодекс особенной части (ст.ст. 198-199.4 УК РФ), необходим эффективный порядок исследования смыслового «вхождения» и восприятия текста бланкетных норм по налоговым преступлениям.

С целью установления легкости чтения и понимания семантических особенностей текста уголовно-правовых норм, предусмотренных ст.198-199.4 УК России, мы воспользовались показателями Рудольфа Флэша: «FleschReadingEase» - лёгкость чтения и понимания письменного материала (далее – показатель «FRE») и Дж. Питер Кинкейда «Flesch–KincaidGradeLevel» - уровень образования, необходимый для понимания текста (далее – показатель «FKGL»).

Также по мнению исследователя в указанной области - Оборневой И.В [8] (адаптировавшей американские формулы к русскоязычному тексту) именно формулы, связанные со сложностью слов в тексте, используемых структур в предложениях, а также от количественных характеристик текста (средняя длина предложения и средняя длина слога в слове), влияют на читабельность текста.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета специальных прикладных программ автоматического подсчета показателей с учетом автоматизированных формул подсчета - «FleschReadingEasescore» и «Flesch-KincaidGradeLevel» [9].

В ходе математического моделирования текста, его анализа на составные части и подсчета слогов, предложений, сложных слов и т.д., для облегчения процесса исследования был использован автоматизированный продукт работающий на интернет платформе «INtexty»[10] со встроенной формулой «FRE», скорректированной под русскоязычный текст по индексу удобочитаемости «FRE». Таким образом текст уголовно-правовых норм предусмотренных ст.ст.198-199.4 УК РФ был исследован в полном объеме для установления взаимосвязи его имеющейся сложности и толкования.

В ходе проводимого математического моделирования в целях более детального исследования текста и подтверждения гипотезы о сложности текста бланкетных норм по налоговым преступлениям (семантической составляющей в том числе) - текст ст.ст.198-199.4 УК РФ был исследован дополнительно с учетом следующих общепринятых мировых индексов семантики и синтаксиса текста:

- Индекс читабельности «Automated readability index»;
- Индекс туманности текста по «Ганнингу» «Gunning fog readability»;
- Легкость чтения по «Флэшу-Кинкейду» «Flesch-Kincaid grade level»;
- Индекс чтения по «Коулману-Лиану» - «Coleman-liau readability index»;
- Индекс «туманности текста» - «Smog index readability score»;
- Формула читаемости линейности письма – «Linsear write readability formula»;
- Индекс по формуле прогнозируемого письма – «forecast readability formula»,

а также произведен консенсусный расчет среднего уровня сложности текста на основе всех перечисленных индексов.

Так консенсусный расчет среднего уровня чтения на основе вышеуказанных формул удобочитаемости текста представил нам окончательный результат: Оценка: 17. Сложность чтения: чрезвычайно сложный.

Для чистоты эксперимента, с целью подтверждения гипотезы о лишних, оценочных терминах, слов, не несущих позитивной нагрузки на текст закона, мы изменили текста уголовно-правовой нормы, удалив следующие термины и терминологические единицы в виде: «уклонение», «заведомо», «таких документов», а также удалив примечание о физическом лице, так как полное разъяснение предоставлено в налоговом кодексе и не требует излишней смысловой нагрузки на уголовно-правовую норму.

Экспериментальная и упрощенная диспозиция ст.198 УК РФ приобрела следующий вид: «Статья 198 УК РФ. неуплата налогов, сборов, страховых взносов физическим лицом. Неуплата физическим лицом налогов, сборов, страховых взносов путем непредставления налоговой декларации, представление которой в соответствии с налоговым кодексом Российской Федерации является обязательным или включение в налоговую декларацию ложных сведений, совершенное в крупном размере....».

Несомненно, указанная диспозиция еще нуждается в определенной семантической доработке, однако после проведенного семантического и математического моделирования по индексу «FRE» (с учетом адаптирования на русский язык), - текст получил 7 баллов (вместо прежних 17 баллов), т.е. результаты улучшились удобочитаемости текста улучшились более чем в половину, что подтверждает нашу гипотезу об излишней смысловой нагрузке на уголовно-правовые нормы предусмотренные ст.ст.198-199.4 УК РФ.

Дальнейшее исследование семантических особенностей текста уголовно-правовых норм по налоговым преступлениям будет продолжено, с учетом анкетирования и интервьюирования представителей фискальных ведомств осуществляющих осуществление мер налогового контроля, а также правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям, что позволит очертить наиболее сложные элементы в ходе квалификации и документирования налоговых преступлений. Однако уже на данном этапе исследования имеется определенное убеждение о необходимости дальнейшего

применения кибернетических методов по бланкетным налоговым преступлениям с целью установления семантического ядра для перехода к внедрению машиночитаемого текста при автоматизированной (полуавтоматизированной) квалификации налоговых преступлений.

Список литературы:

1. «Формальная семантика как порождение лингвистики и философии» лекция Барбары Парти от 19.04.2012 г. [Электронный ресурс] URL: www.metaslov.blogspot.com
2. Петрова И.Л. Правовой синтаксис. Дисс. К.ю.н., 12.00.01., г. Владимир, 2006 г.
3. Ребер А. С. Оксфордский толковый словарь по психологии. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/chitabelnost> (дата обращения: 13.08.2023).
4. Волосюк Е.А. Синтаксические особенности толкования норм уголовного кодекса // Юридические исследования. 2013 № 2 С. 46-48.
5. М. Кузьмина. Письма Минфина и ФНС: точка зрения или закон? // СПС Гарант
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 "О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления" // СПС Консультант +.
7. Ст. 166 НК РФ «Порядок исчисления налога» // СПС Консультант +.
8. Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров (Дис. ... канд. пед. наук). Москва, 2006.
9. Автоматизированный индекс удобочитаемости текста - [Электронный ресурс] URL: <https://readabilityformulas.com/flesch-grade-level-readability-formula.php>

10. Автоматизированный индекс удобочитаемости текста - [Электронный ресурс] URL: <https://intexty.com/chitabelnost-teksta/?ysclid=lp2m9dm5d855181829>

УДК 343.1

Вострикова Анастасия Михайловна

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ruf Vladislav

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ТАЙНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ОСМОТРЕ ТЕЛЕФОНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация: в статье анализируется проблема осмотра содержимого телефона сотрудниками правоохранительных органов при проведении следственных действий через призму защиты конституционных прав гражданина. Рассмотрены преимущества и недостатки сложившейся практики проведения осмотра средств сотовой связи. Представлены предложения по защите прав человека, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное преследование, следственные действия, осмотр, выемка, судебное разрешение.

PROSPECTS FOR PROTECTING THE RIGHT TO PRIVACY WHEN EXAMINING A PHONE DURING INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation: the article analyzes the problem of examining the contents of the phone by law enforcement officers during investigative actions through the prism of protecting the constitutional rights of a citizen. The advantages and disadvantages of the current practice of conducting an inspection of cellular communications are considered. Proposals for the protection of the rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation are presented.

Key words: criminal prosecution, investigative actions, inspection, seizure, court approval.

Столкновение публичного и частного интересов представляет собой одну из самых старых, объемных и спорных тем современного права. Вопрос разграничения публичного и частного можно найти в каждой отраслевой юридической науке. С появлением компьютерной техники, повсеместной информатизацией и трансформацией общественных отношений под условия качественно нового технологического пространства важность правильного определения приоритета интересов возводится в абсолют.

Так, например, уже долгие годы идут дискуссии о соотношении ряда конституционных прав граждан, содержащихся в ст. 23 Конституции РФ (право на личную и семейную тайны, тайну частной жизни, телефонных, телеграфных переговоров и почтовых отправлений) и необходимости обеспечения публичного интереса по уголовно-правовой охране общества от преступных посягательств с применением новых информационных технологий, например, «электронной почты» [5, с. 46].

Сегодня огромную роль в жизни практически каждого современного человека играет его мобильный телефон, оснащенный выходом в Интернет и самостоятельной операционной системой. Технические особенности устройства, его компактность и относительная финансовая доступность, возможность практически моментальной передачи информации разного

характера между пользователями нарекли мобильные телефоны самым популярным средством связи.

Ввиду того что мобильные телефоны стали нашими постоянными спутниками, мы постепенно превратили их в хранилище колоссального объема разнообразной информации: список контактов, смс-переписка, переписка в мессенджерах и социальных сетях, письма в электронной почте, личные фотографии, копии документов (в том числе содержащих персональные данные, врачебную, служебную, налоговую, банковскую и иную охраняемую законом тайну), аудио- и видеозаписи (в том числе записи телефонных разговоров) и многое другое [2, с. 185]. Более того, современный мобильный телефон (смартфон), имеет особое значение, также и потому, что совмещает в себе возможности диктофона, фотоаппарата и массы других устройств. Все перечисленное требует придание ему дополнительного статуса, направленного на охрану прав на личную тайну, изображение, переписки, частную жизнь и иную охраняемую законом тайну информации [3, с. 25].

Важно понимать, что такое устройство может иметь непосредственное значение для органов следствия и последующего расследования преступления в двух качествах: вещественное доказательство (сам телефон, как, например, предмет хищения), материальный носитель электронной информации, который самостоятельного доказательственного значения не несет, а интерес представляют только хранящиеся в нем данные.

Безусловно, порядок осмотра мобильного телефона в первом качестве не требует дополнительной регламентации и полностью регламентируется ст. 177 УПК РФ, так как в таком случае охраняемые Конституцией тайны о частной жизни человека никак не затрагиваются.

С другой стороны, осмотр памяти и мобильных приложений телефона так или иначе предполагает получение различного рода информации, которая может составлять одну из охраняемых законом тайн, доступ к которой ограничен и требует особого порядка его получения. Говоря о мобильных

телефонах, первыми возникают ассоциации с тайной переписки и телефонных переговоров.

Однако Конституционный суд РФ в своем Определении от 25.01.2018 №189-О отразил противоположную позицию, отметив, что какая-либо дихотомия при осмотре телефона отсутствует. Осмотр мобильного телефона, в том числе, его памяти достаточным образом регламентированы в УПК РФ, дополнительно в отдельных случаях судебное разрешение не требуется, лица, чьи права, по их мнению, нарушены, могут обратиться в суд в порядке ст. 125 УПК РФ [5].

Такой подход с последующей, а не предварительной судебной защитой видится не совсем оправданным с учетом того, что при проведении иных следственных действий, затрагивающих конституционные права личности судебный контроль в порядке ст. 165 УПК РФ именно предварительный. Так, например, он предусмотрен при осмотре и выемке почтовых сообщений (передачи информации аналоговым путем), контроле и записи переговоров (получение аудиозаписей разговоров) в соответствии со ст. 185 и 186 УПК РФ. При проведении указанных следственных действий предварительный судебный контроль обязателен, так как это прямо предусмотрено в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Однако по какой-то причине при передаче информации электронно, и получении аудиозаписей, в том числе переговоров, хранящихся в памяти мобильного устройства, когда владелец и получатель информации, ее содержание и назначение могут полностью совпадать с традиционными способами обмена, конституционное положение о предварительном судебном контроле не применяется.

И ведь на самом деле существо отношений по передаче информации между людьми не изменились. Произошла замена лишь технических средств передачи этой информации, их форма (из аналоговой переписки в электронную, телеграфное сообщение на телефонное). Однако независимо от этих факторов конституционные права человека и гражданина должны соблюдаться в полной

мере, независимо от формы их реализации должна быть обеспечена равная, соответствующая Конституции РФ правовая охрана этих прав. Оправдан ли дифференцированный подход, отраженный в УПК РФ, закрепляющий разный уровень правовой охраны одним и тем же правам человека в зависимости от проводимого следственного действия? Такой подход подвергается обширной конструктивной критике в научном сообществе [1, с. 140-144; 2, с. 190-195; 3, с. 24-25; 5, с. 48]

Так на данный момент следственная практика осмотра мобильного телефона (смартфона), фактически одобренная правовой позицией Конституционного суда РФ, и положения УПК РФ, регулирующие иные следственные действия, направленные на получение информации идентичного с точки зрения конституционного смысла содержания (личная тайна, тайна частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров) вступают в логическое противоречие. Тем не менее в целях обеспечения надлежащей и равной защиты конституционных прав личности, предусмотренных ст. 23 Конституции РФ, в ст. 177 УПК РФ при осмотре отдельной категории предметов, а именно технических средств (планшет, смартфон, ноутбук) должен присутствовать предварительный судебный контроль.

В УПК РФ присутствует достаточно большое количество следственных действий, требующих по общему правилу предварительного судебного разрешения, а в исключительных случаях – последующего. В связи с этим видится разумным распространить уже сложившуюся практику получения судебного разрешения, например, при аресте почтовой корреспонденции или записи телефонных и телеграфных переговоров, на осмотр телефона (иного технического устройства) как носителя электронной информации ввиду их содержательного сходства и характера ограничиваемых частных интересов.

С другой стороны, ввиду того, что современные технологии обладают огромным потенциалом по передаче и хранению информации, дистанционным управлением других технических устройств, для осмотра памяти телефона и

установленных на нем электронных необходимо предусмотреть возможность его проведения в исключительных случаях без судебного контроля.

В качестве случаев, не терпящих отлагательства, следует рассматривать ситуации, когда имеющаяся в памяти мобильного телефона информация позволит пресечь совершение новых преступлений или предотвратить наступление иных тяжких последствий [1, с. 143].

Следовательно, в целях установления единого подхода к защите конституционных прав личности, предусмотренных ст. 23 Конституции РФ, видится целесообразным ч. 2 ст. 29 УПК РФ дополнить пунктом 8.1 следующего содержания: «о производстве осмотра памяти и мобильных приложений технического устройства (мобильного телефона, смартфона или компьютера, включая планшетный компьютер)».

В ч. 5 ст. 165 УПК РФ, посвященную исключительным случаям проведения следственных действий при обстоятельствах не терпящих отлагательств, добавить в перечень следственных действия осмотр памяти и мобильных приложений технического устройства (мобильного телефона, смартфона или компьютера, включая планшетный компьютер).

Статью 177 УПК РФ дополнить пунктом 7 следующего содержания: «Осмотр памяти и мобильных приложений технического устройства (мобильного телефона, смартфона или компьютера, включая планшетный компьютер) производится только с согласия его владельца или на основании судебного решения. Если владелец технического устройства возражает против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со статьей 165 настоящего Кодекса».

Список литературы:

1. Грачев С. А. Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших

судебных инстанций России требует законодательного разрешения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. №3 (94). С. 134-145.

2. Иванов В. В. Защита охраняемых законом тайн при производстве следственных действий с мобильным телефоном и иными электронными носителями информации // Правовое государство: теория и практика. 2021. №4 (66). С. 183-195.

3. Когосов А. П. Отдельные проблемы обеспечения конституционных прав при осмотре сотового телефона // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 4. С. 23–26.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 N 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из системы КонсультантПлюс.

5. Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: "электронная почта" // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 42-48.

УДК 343.98

Ганеева Светлана Вячеславовна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

svetlanaganeeva2002@mail.ru

Ganeeva Svetlana

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Moscow

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается криминалистическая характеристика преступления как элемент частной методики расследования преступлений, анализируются подходы к ее определению, структуре, а также значению в расследовании преступлений. Делается вывод о том, что криминалистическая характеристика преступления отражает признаки и свойства конкретной категории преступлений, определенные на основании установленных закономерностях их совершения, а также является основой для построения методики расследования преступлений, которая предоставляет необходимый массив информации, способствующий выработке рекомендаций по сбору, проверке и оценке доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, структура криминалистической характеристики, обстановка преступления, способ совершения и сокрытия преступления, частная методика расследования, личность преступника, закономерности формирования комплекса обстоятельств преступления.

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF A CRIME

Annotation: the article examines the forensic characteristics of a crime as an element of a private methodology for investigating crimes, analyzes approaches to its definition, structure, as well as its significance in the investigation of crimes. It is concluded that the forensic characteristics of a crime reflect the signs and properties of a specific category of crimes, determined on the basis of established patterns of their commission, and also form the basis for constructing a crime investigation methodology that provides the necessary array of information that facilitates the development of recommendations for the collection, verification and evaluation evidence in a criminal case.

Key words: forensic characteristics of the crime, the structure of the criminalistic characteristics, the setting of the crime, the method of committing and concealing the crime, private methods of investigation, the identity of the criminal, the patterns of formation of a set of circumstances of the crime.

Каждое преступление представляет собой реальное событие, которое характеризуется совокупностью присущих ему признаков и отличительных свойств, являющихся важными при разработке методики выявления, расследования и раскрытия преступления. С определением типичных, повторяющихся признаков отдельного вида преступления связано понятие «криминалистическая характеристика преступления», его автором признается А. Н. Колесниченко, который в автореферате докторской диссертации писал, что существенным положением, общим для всех частных методик, является общая криминалистическая характеристика данного вида преступления [1, с. 10]. Высказанная идея заложила фундамент для дальнейшей разработки научных положений авторов о понятии, структуре содержания, значении криминалистической характеристике преступления.

В доктрине можно встретить множество различных подходов к определению термина «криминалистическая характеристика преступления», стоит сказать, что большинство из них, особенно на начальном этапе развития этой концепции формулировались через перечисление ее элементов, что представляется нецелесообразным, так как, во-первых, понятие должно отражать сущность категории, быть конкретным и лаконичным, во-вторых, состав элементов криминалистической характеристики может варьироваться в зависимости от вида преступлений.

Наиболее универсальным, отражающим все аспекты рассматриваемого явления представляется понятие, предложенное Н. П. Яблоковым, который указал, что под типовой криминалистической характеристикой вида преступления необходимо понимать систему научного описания криминалистически значимых признаков вида, группы преступлений и проявляющихся в таких ее элементах, как способ, механизм и обстановка их совершения, личность их субъекта и иных свойственных для характеризуемого вида преступления элементах с раскрытием корреляционных связей и взаимозависимостей между ними, знание которых обеспечивает успешное расследование преступлений [2, с. 64]. В приведенном определении автор оставляет незакрытым перечень элементов криминалистической характеристики преступления, делает акцент на важности установления связей между ними, а также подводит к практическому назначению в целом такой характеристики.

А.Н. Колесниченко под криминалистической характеристикой преступления понимал систему сведений о криминалистически значимых признаках преступлений определенного вида, отражающую закономерные связи между ними и служащую построению и проверке следственных версий для решения задач расследования [3, с. 30]. Приведенное определение менее объемное по структуре, однако также отражает сущность рассматриваемого явления.

Дискуссии о значении и содержании рассматриваемого понятия не прекращаются в течение долгого времени, за этот период выработались различные подходы, в том числе и не разделяющие мнения о значимости криминалистической характеристики преступления в общем понимании правоведов. Так, Р. С. Белкин в своей монографии подверг критике данное явление, указав, что оно изжило себя, не оправдав возложенных на криминалистическую характеристику преступления надежд, из реальности, которой представлялась в своем первоначальном виде, превратилась в «криминалистический фантом» [4, с. 223]. Стоит сказать, что такое мнение криминалиста скорее вызвано подходом ученых, которые в трудах лишь по собственной схеме описывали элементы характеристики, а не занимались более трудоемким процессом, а именно, установлением корреляционных зависимостей между этими элементами, что и приобретало бы практическое значение для следственной практики. Важность выявления таких закономерностей отмечали и другие ученые, например, Н. А. Селиванов писал, что объективные показатели закономерностей связей призваны ознаменовать качественно более высокую ступень в развитии частным методик расследования [5, с. 57]. Таким образом, можно заключить, что в каждом отдельном виде преступлений будет характерная ей структура криминалистической характеристики, однако во всех случаях необходимо устанавливать закономерности их связей на основе анализа практических материалов дел.

Криминалистическая характеристика определенного вида преступлений представляет собой комплекс выявленных взаимосвязанных криминалистически значимых особенностей. При формировании элементов, составляющих структуру такой характеристики, необходимо учитывать, как общую структуру преступной деятельности, так и характерную для ее соответствующего вида исходя из объекта криминалистического изучения. Криминалистическая характеристика преступления – важная структурная

составляющая частных методик расследования, которая имеет самостоятельные задачи при организации расследования преступлений, особенно ее роль существенна при определении первоначальных следственных действий.

С момента возникновения института криминалистической характеристики единого мнения относительно ее структуры не сложилось, однако эта проблема принципиальна для решения вопроса о назначении, функциях, природе научной категории и ее роли в формировании частных криминалистических методик. Если проанализировать развитие теории по этому вопросу, то можно выявить, что в структуру включались признаки, которые имеют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую природу [6, с. 53]. Вероятно, такая ситуация была вызвана сложностями с пониманием сущности самой научной категории, а также выявлением критериев для включения того или иного элемента в криминалистическую характеристику. В содержание криминалистической характеристики должны входить только криминалистически значимые признаки, под ними стоит понимать закономерно повторяющиеся признаки, характеризующие основные стороны преступления, изучение которых используется для достижения целей расследования в рамках уголовного судопроизводства [7, с. 46]. Включение элементов в характеристику должно быть обусловлено теоретической доказанностью, подтвержденной практикой органов предварительного следствия и дознания; относимостью к механизму совершения преступления; закономерной повторяемостью, а также их значимостью для решения задач по выявлению, расследованию и раскрытию преступления.

При анализе перечней элементов, которые включаются в содержание криминалистической характеристики, а в дальнейшем могут использоваться для разработки новых и совершенствования существующих криминалистических рекомендаций, стоит остановиться на следующих признаках: обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства),

способ совершения и сокрытия преступления, типичные материальные следы и места их нахождения, предмет преступного посягательства и (или) личность потерпевшего и личность преступника. Стоит отметить, что механизм совершения преступления детерминирован особенностями последнего, эти особенности в своей совокупности составляют характеристику преступного деяния в криминалистическом ракурсе. Указанные выше элементы в полной мере могут отражать как механизм конкретного преступления, так и отдельной их группы.

Способ совершения преступления в криминалистическом смысле представляет собой систему поведения субъекта до, во время и после совершения преступления, которая оставляет во внешней среде характерные следы, позволяющие представить события произошедшего, особенности совершения преступных действий, отдельные данные о личности преступника, и определить оптимальные методы расследования преступления [2, с. 65]. Информация о типичных способах совершения преступления позволяет получить данные об особенностях обстановки преступления, применяемых средствах совершения преступления, физических свойствах лица, совершившего преступление.

Криминалистическая важная информация также содержится в обстановке совершения преступления, так как подготовка, само преступное действие и этап сокрытия его следов происходят в конкретных условиях с определенной вещественной обстановкой, характеризующейся временным периодом, пространственным расположением и иными факторами окружающей среды. Можно сказать, что обстановка совершения преступления – это система взаимодействующих между собой процессов, явлений и объектов, отражающих место, время, вещественные, производственные и иные условия окружающей среды, а также психологические связи между участниками действий, особенностями их поведения и другие факторы объективной реальности, которые в совокупности определяют условия и иные обстоятельства

совершения преступления [2, с. 68]. Указанный элемент криминалистической характеристики преступления является системообразующим началом в рамках такой характеристики, так как определяет способ совершения преступного деяния, предопределяет механизм совершения преступления, отражает важные личностные черты преступника, который приспосабливается под указанные окружающие внешние факторы.

Информация о типичных следах преступления в структуре криминалистической характеристики неразрывно связана с другими элементами, она способствует выдвижению версий относительно времени и конкретного места совершения преступного посягательства; определения круга лиц, которые могут быть причастны к его совершению, а также свидетелей произошедшего; выявления средств и орудий преступлений, а также механизма криминального деяния и сопутствующих ему событий.

Криминалистическая характеристика преступлений не будет полноценной без учета информации о личности субъекта преступления. Результат преступной деятельности отражает некоторые признаки личности человека, его совершившего, которые несут в себе сведения о его личных социально-психологических свойствах, качествах, наличии специальных знаний, преступном опыте, особенностях взаимоотношений с жертвой преступления и иную информацию, способствующую расследованию и раскрытию преступления. Анализ информации о субъекте преступления, содержащей криминалистически значимые данные, позволяет выявить общие и индивидуальные черты личности преступников, а также установить связь между этими особенностями и способом, обстановкой и механизмом совершения преступления. Это дает возможность получить новую информацию, необходимую для определения эффективных методов расследования конкретного преступления. Таким образом, личность преступника является важным элементом криминалистической характеристики

преступления и самостоятельным объектом криминалистического исследования.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой совокупность данных о существенных признаках преступлений определённого типа, которые отражают существующие между ними закономерности. Эта система информации используется для составления и проверки следственных версий с целью оперативного раскрытия преступлений. Помимо определения содержания каждого признака структуры криминалистической характеристики важным является установление и изучение связей элементов характеристики, которые часто проявляются не между двумя элементами, а между их взаимосвязанными совокупностями.

Стоит добавить, что между элементами криминалистической характеристики преступления можно выявить как корреляционные, так и вероятностные закономерные связи. Корреляционные – однозначные связи, которые могут определить безусловную зависимость одного элемента от другого, вероятностные позволяют только с определенной степенью достоверности установить зависимость между элементами характеристики. Корреляционные зависимости между элементами криминалистической характеристики имеют практическое значение для следственной практики, которые, как правило, носят закономерный характер и могут быть выражены в количественных показателях. Также необходимо обращать внимание на нетипичные особенности отдельных элементов и их связи с другими признаками, что может существенным образом повлиять на определение хода расследования преступления.

Анализ изложенных выше положений позволяет сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика преступления как элемент частной методики расследований противоправных деяний отражает признаки и свойства конкретной категории преступлений, определенные на основании установленных закономерностей их совершения. Важно отметить, что

качественные изменения преступности, характеризующиеся ростом ее организованности, увеличением связи с коррупционными составляющими предопределяют дальнейшее совершенствование частных методик расследования преступлений и разработку новых методик для новых составов преступлений, основу таких методик составляет криминалистическая характеристика преступлений, которая определяет вектор для выработки рекомендаций по сбору, проверке и оценке доказательств по расследуемому делу, а также определяет закономерности формирования комплекса обстоятельств события преступления, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Список литературы:

1. А. Н. Колесниченко Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений / Автореф. дисс. докт. юрид. наук Харьков, 1967.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Юристъ, 2005. 781 с.
3. Светская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений; под ред. В.К. Колесниченко. Киев, 1988.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА М), 2001.
5. Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2.
6. С.А. Бессонов. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник ПАГС. 2014. №4 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-i-prirode-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy>.

7. С.Г. Павликов К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Российский судья. 2012. № 10.

УДК 343.9

Грязюк Анна Сергеевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

agryazyuk@yandex.ru

Gryazyuk Anna

Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Public Law and Management

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМА ВИКТИМНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье обсуждается проблема виктимности среди сотрудников органов внутренних дел и ее влияние на преступность. Указывается на необходимость ранней диагностики виктимности. Рассматриваются различные психодиагностические методики, которые могут быть использованы для выявления виктимогенных факторов. Выявляется необходимость анализа поведения пострадавших и очевидцев преступлений. В заключении подчеркивается значимость дальнейшего исследования виктимогенных факторов и активного применения новейших методов диагностики для профилактики виктимности среди сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, психологическое поведение, виктимогенные факторы, безопасность, методика психологической диагностики, профессиональная виктимность.

THE PROBLEM OF VICTIMIZATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Annotation: the article discusses the problem of victimization among law enforcement officers and its impact on crime. The need for early diagnosis of victimization is indicated. Various psychodiagnostic techniques are considered that can be used to identify victimogenic factors, including the methodology of communicative tolerance and the diagnosis of aggression. It reveals the need to analyze the behavior of victims and work with eyewitnesses of crimes. In conclusion, the importance of further investigation of victimogenic factors and the active use of the latest diagnostic methods for the prevention of victimization among law enforcement officers is emphasized.

Key words: employees of the internal affairs bodies, psychological behavior, victimogenic factors, safety, methods of psychological diagnosis, professional victimization.

На настоящий момент в научных исследованиях все больше внимания уделяется изучению виктимности и виктимного поведения, как факторов, способствующих росту количества совершаемых преступлений. В науке «под виктимностью понимается комплексное психологическое образование, содержащее потенциальную возможность для личности или группы людей, находящихся в критической жизненной ситуации и условиях реальной опасности различной модальности стать жертвой, понести определенные физические и психологические потери, а также имущественный ущерб» [1, с. 83].

Поскольку виктимность способна оказывать влияние на потенциальное совершение преступлений, то, по нашему мнению, непосредственное изучение причин такого психологического поведения способно помочь выявить новые пути предотвращения и сдерживания преступности.

Особенно интересным в данном контексте представляется обращение к виктимогенным факторам среди сотрудников органов внутренних дел, которые

самым тесным образом влияют на динамику раскрытия и пресечения преступлений.

Так, по статистике МВД РФ, представленной на пресс-конференциях, отмечается, что за 2019 год при исполнении служебных обязанностей погибло 60 сотрудников органов внутренних дел, а более трех тысяч правоохранителей были ранены [2].

Становление виктимного поведения каждого сотрудника органов внутренних дел связано с различным детерминантами и может иметь свою индивидуальную динамику, на которую влияют как субъективные причины (психологические особенности, предрасположенность и склонность к виктимизации), так и объективные, то есть конкретные жизненные обстоятельства, в которых появляется риск жизни и здоровью лица, поскольку характер деятельности данной профессии напрямую связан с взаимодействием с лицам, нарушающими законодательство РФ.

Например, в июле 2021 года при исполнении служебных обязанностей погиб оперативный дежурный Дежурной части отдела полиции №2 МУ МВД России «Власиха», сделав замечание гражданам, которые распивали алкогольные напитки на детской площадке. Правоохранитель скончался от полученных ударов ножом в грудь.[3]

Виктимность сотрудников органов внутренних дел относится к профессиональной и характеризуется определенными элементами. В первую очередь это психологические причины, к которым относят: 1) возможные пробелы в профессиональной подготовленности; 2) личные качества, имеющие отрицательное влияние на исполнение обязанностей; 3) психические состояния, сказывающиеся на продуктивности выполняемых задач.

Профессор А. М. Столяренко отмечал, что по содержанию виктимность сотрудников органов внутренних дел включает в себя в основном потерю внимания и бдительности в нестандартных ситуациях, затруднения с определением степени опасности, игнорирование потенциальных рисков и

угроз, переоценка уровня профессиональной подготовки, уверенность в невозможности стать объектом нападения или насилия [4].

При возникновении чрезвычайных, стрессовых и внезапных ситуаций вероятность непрофессиональных или несоответствующих действий сотрудников существенно возрастает.

Например, в 2018 году был застрелен сотрудник полиции, остановивший гражданина для проверки документов в метро и сопроводивший его в подсобное помещение [5]. По оценке экспертов имела место психологическая неподготовленность сотрудника для своевременного предупреждения нападения.

Очевидно, что деятельность сотрудников органов внутренних дел преимущественно связана с повышенной опасностью для жизни и здоровья, поэтому психологическое состояние зачастую характеризуется стрессом, паникой и утомлением, что в свою очередь негативно сказывается на деятельности правоохранительных органов.

Второй элемент отвечает непосредственно за уровень виктимного поведения. В психологических исследованиях отмечается, что незначительный уровень профессиональной виктимности наблюдается у многих и сам по себе не ведет к обязательным отрицательным последствиям, когда как высокий или повышенный показатель, наоборот, активно влияет на служебную деятельность.

Также в структуру профессиональной виктимности входит реализованная виктимность, которая отражает серьезность психологических и физических травм, связанных с виктимным поведением. Как раз на основании данного элемента производятся исследования по нахождению путей снижения виктимологических факторов среди сотрудников органов МВД РФ.

Кудин Н. С. справедливо отмечал, что «виктимологический аспект создания системы правоохранительных органов предполагает, что работать в них должны лица, прошедшие специальное обучение и подготовленные, в

соответствии с разработанными методиками аттестации сотрудников МВД, отвечающие высоким нравственным принципам, для которых соблюдение мер собственной виктимологической безопасности во время служения закону и народу - показатель высокого профессионализма» [6, с. 1003-1006].

По нашему мнению, одним из основных шагов к предотвращению виктимного поведения сотрудников органов внутренних дел является ранняя диагностика виктимности каждого отдельного лица, ведь как отмечалось ранее, наблюдаются различные уровни склонности и предрасположенности в зависимости от индивидуальных психологических качеств, которые могут проявляться в определенных ситуациях.

Целесообразным было бы введение специальных методик диагностики еще на этапе профессионально-психологического отбора в органы внутренних дел, по результатам которого можно было бы разделять сотрудников на группы по наличию предпосылок к виктимному поведению и проводить психологическую работу, соответствующую особенностям такой группы еще до попадания сотрудников в нестандартную ситуацию, представляющую риск для жизни и здоровья.

Анализируя научные публикации, можно отметить, что психодиагностика виктимности проводится с разными целями: а) при первичном собеседовании для определения степени пригодности лица к потенциально опасной или экстремальной работе; б) при повторном исследовании, если существует необходимость перевода лица с одной должности на другую или возникает внеплановая критическая ситуация; в) при реализации специального тестирования или психологических исследований для входного и выходного контроля.

В современной науке, на наш взгляд, существуют достаточно эффективные методы диагностирования виктимогенных факторов в поведенческой психологии сотрудников органов внутренних дел. Так, например, правоохранительными органами активно используются методика

коммуникативной толерантности В.В. Бойко, методика диагностики агрессии А. Бассаи А. Дарки, методика диагностики степени готовности к риску Шуберта, методики оценки депрессивных состояний, Фрайбургский личностный опросник (FPI).

Также представляется целесообразным внедрение изучения поведения потерпевших в связи с совершением преступлений. В науке высказывается мнение об эффективности работы и беседы с очевидцами противоправных действий, тщательный анализ действий сотрудников, пострадавших на месте преступления в совокупности с сопоставлением их состояния до возникновения опасной ситуации и сразу после. С недавнего времени уделяется большое внимание изучению и сравнению типовых поведенческих аспектов в работе сотрудников, которые попадали в чрезвычайные ситуации и для которых наступали негативные последствия в виде физических или психологических травм, и сотрудников, работающих более продуктивно, с целью выявления закономерностей и отличий. Результаты исследования ложатся в основу разработки эффективных психологических тренингов и методик обучения сотрудников органов внутренних дел для снижения виктимогенных факторов.

Таким образом, рассмотрев структуру профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел, а также актуальные пути предотвращения такого психологического поведения, можно сделать вывод, что на настоящий момент с научной точки зрения существуют достаточные возможности для изучения виктимогенных факторов и разработки методов диагностики. Для более эффективной работы в данной сфере необходимо дальнейшее активное внедрение новейших способов выявления на ранних стадиях психологических особенностей поведения кандидатов и текущего контроля уровня виктимности сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Энциклопедия юридической психологии /Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко.- М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003, С. 83.
2. Online news [Электронный ресурс] // URL:
<https://www.kp.ru/online/news/3778382/>
3. Мвд.рф [Электронный ресурс] // URL:
<https://50.мвд.рф/news/item/24939111>
4. Экстремальная психопедагогика. Учеб. пособие для вузов. А. М. Столяренко – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
5. Ria.ru [Электронный ресурс] // URL:
<https://ria.ru/20180903/1527696914.html>
6. Кудин, Н. С. Профессиональная виктимность сотрудников органов внутренних дел // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 4-6. – С. 1003-1006.

УДК 343.140.02

Дулдуев Рамзан Арбиевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

Raalihanov@gmail.com

Dulduev Ramzan

Moscow state academy of law

Institute of Public Law and Administration

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена отсутствием единого мнения относительно роли защитника в уголовном судопроизводстве в процессе доказывания. Способы участия защитника в ходе доказывания, которые регламентированы в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, считаются предметом активной дискуссии. При этом институт адвокатского расследования является доктринальным положением. Доказательства, собираемые адвокатом, могут и не приобщаться к материалам уголовного дела на стадии предварительного следствия. Адвокат выявляет лишь такую информацию, которая бы опровергала выводы стороны обвинения о исследуемом.

Ключевые слова: адвокат, защитник в уголовном процессе, предварительное расследование, способы участия защитника в процессе доказывания, субъект доказывания.

PROBLEMS OF COLLECTING AND PRESENTING EVIDENCE BY THE DEFENDER AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation: the relevance of the research topic is due to the lack of consensus on the role of the defender in criminal proceedings in the evidentiary process. The methods of participation of the defender in the course of evidence, which are regulated in Part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, are considered the subject of active discussion. At the same time, the institution of legal investigation is a doctrinal provision. The lawyer reveals only such information that would refute the conclusions of the prosecution about the investigated.

Key words: lawyer, defender in criminal proceedings, preliminary investigation, ways of participation of the defender in the proof process, the subject of proof.

Согласно ч. 3 статьи 123 Конституции РФ для реализации, поставленных задач в сфере доказывания стороны обвинения и защиты, имеют равные права, данный конституционный принцип конкретизируется в статьях 15 и 244 УПК РФ. Исходя из этого следует, что защитник должен быть полноправным субъектом доказывания. Необходимость наличия права участвовать в доказывании объясняется, с той точки зрения что, если сторона обвинения сформулирует доказательства для суда, которые будут обуславливать обвинительный уклон, то согласно принципам состязательности и равноправия сторон у защиты тоже должна быть возможность представить полноценную позицию, подкрепленную соответствующими доказательствами, обеспечивающую интересы обвиняемого, подозреваемого.

Необходимо обратить внимание на то, что согласно нормам Конституции РФ, бремя доказывания должно возлагаться на сторону обвинения. На защитника не может быть возложена обязанность по доказыванию. Но при этом, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не

запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Говоря о необходимости указания защитника в качестве субъекта доказывания, стоит упомянуть о том, что с учетом принципа презумпции невиновности, безусловно бремя доказывания не может быть возложено на сторону защиты, однако возможность полноценно участвовать в процессе доказывания наравне с другими участниками процесса, у которых присутствуют такие полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации, объясняется целями, которые стоят перед защитником в ходе уголовного процесса, а именно по ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также по Кодексу профессиональной этики адвоката, он обязан участвовать в доказывании, с максимальной активностью доказывая невиновность или меньшую виновность доверителя при согласовании с последним позиции защиты. Таким образом, можно отметить, что наиболее эффективно отстаивать права подсудимого, обвиняемого адвокат сможет именно при отсутствии нормативных ограничений, связанных с исключением его из перечня субъектов доказывания.

Несколько иную точку зрения высказывал в своем выступлении вице-президент ФПА РФ, первый вице-президент АП г. Москвы Генри Резник, указав, что существует юридическое и фактическое бремя доказывания. Как отмечалось ранее, на адвоката не может быть возложена юридическая обязанность по доказыванию. Однако фактическое бремя доказывания будет нести любой участник уголовного судопроизводства, который утверждает некий факт. Это фактическое бремя может переходить с одной стороны на другую в течение процесса несколько раз. По мнению Генри Резника, адвокат не является субъектом обязанности доказывания, являясь при этом, как и любой участник уголовного судопроизводства, субъектом доказывания в целом [1].

На данный момент у защитника отсутствуют полномочия по приданию сведениям, свойства допустимости, тогда как данное свойство является чрезвычайно важным. С учетом того, что для приобщения доказательств к

материалам уголовного дела, защитнику необходима санкция стороны обвинения, то представляется наличие потенциально возможных проблем, связанных со злоупотреблением полномочиями обвинителем.

Рассматривая допустимость в качестве одного из свойств доказательств, необходимо отметить, что оно определено законным способом получения, а также субъектом, которое имеет на это право.

Проблема собирания доказательств в уголовном процессе адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования и судебного следствия обсуждается отечественными юристами довольно давно. Так профессор Е.Г. Мартыничик считает, что адвокатское расследование — это «Вся профессиональная деятельность адвоката в уголовном процессе, является односторонним, нацеленным на выявление, установление и закрепление обстоятельств и доказательств, имеющих существенное значение для защиты интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или представительства интересов жертвы преступления, а также обосновывающих наличие оснований для реабилитации подзащитного. Собранные в ходе адвокатского расследования доказательства не составляют отдельного уголовного дела, а после приобщения их к нему составляют его неотъемлемую часть» [2].

Одним из способов сбора доказательств защитником выступает опрос граждан, согласно статье 6 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [3, с. 191-195].

Адвокат также может получить информацию, которая в последствие станет доказательством из пояснений, которые дает его подзащитный, из копий различных протоколов следственных действий, которые проводятся по данному уголовному делу.

В свою очередь, защитник вправе получить сведения, которые в будущем станут доказательствами (по его ходатайству) из объяснений, которые дала потерпевшая сторона, свидетели по делу, либо лица, которые также обвиняются

по тому же уголовному делу (в случае совершения преступления группой лиц) и так далее.

Адвокат может ходатайствовать о проведении следственных действий в случае такой необходимости, когда их результат может быть потенциально положен в основу позиции защиты. Таким образом, вышеперечисленные действия адвоката по сбору доказательств могут помочь защитнику по уголовному делу. Но каждый из источников информации в редком случае дает полную и достоверную информацию [4].

Рассматривая деятельность защитника в уголовном процессе, стоит отметить, что в настоящее время он не вправе фактически участвовать в доказательственной работе, в его правомочие входит лишь предоставление информации, которая только обладает определенным потенциалом доказательства. Он не имеет права осуществлять различные следственные действия, поскольку это является прерогативой органов предварительного расследования, но может обжаловать решение, вынесенное органами предварительного расследования об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств.

Согласно статье 159 УПК РФ стороне не может быть отказано в допросе свидетелей, экспертизе, приобщении доказательств, заключений специалистов при условии, что эти доказательства или следственные действия необходимы для установления фактов или обстоятельств, имеющих значение для дела. Соответственно такой отказ должен быть мотивированным и обоснованным.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. N 1904-О [5] указано, что законом исключается произвольный отказ как в получении доказательств, так и в приобщении к материалам уголовного дела и исследовании представленных доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты. Однако также Конституционный Суд отмечает, что такой отказ не может расцениваться как затруднение доступа граждан к правосудию, так как сторона защиты не лишена возможности заявлять

ходатайства при разбирательстве в суде первой инстанции. Из-за этого на практике возникают трудности с обжалованием таких отказов в порядке, предусмотренным статьей 125 УПК РФ.

Исследуя судебную практику, стоит отметить, что как правило при рассмотрении таких жалоб суды ссылаются на право следователя, предусмотренное п.3 ч.1 статьи 38 УПК РФ, самостоятельно направлять ход расследования, и указывают как раз, что немотивированность такого отказа не является основанием его отмены, поскольку не нарушаются конституционные права и свободы и не затрудняется доступ граждан к правосудию [6].

Согласно закону, одним из способом сбора доказательств адвокатом является получение предметов, которые могут выступать в роли вещественных доказательств только после их приобщения в качестве таковых, то есть после обращения к следственному органу с ходатайством с указанием источника получения. Иными словами, получить предмет адвокат может только в добровольном порядке, не имея права на принудительное изъятие.

На сегодняшний день права, принадлежащие защитнику в уголовном процессе, отождествляются с правами его участников, которые имеют права на сбор и представление документов и предметов для приобщения к материалам дела в качестве доказательств.

На досудебной стадии уголовного судопроизводства адвокат имеет право не осуществлять сбор доказательств, а только представлять следователю сведения, которые только потенциально, при условии положительного решения следователя, могут быть приобщены к делу в качестве доказательств.

Для реализации принципа равенства между стороной обвинения и стороной защиты, на мой взгляд, необходимо регламентировать в законе обязанность органов предварительного расследования приобщать к материалам дела предоставленный адвокатом протокол опроса лица.

Другими словами, надлежит поставить вопрос о придании такому документу силы доказательств. Такие изменения в законодательстве будут

обеспечивать принцип процессуального равенства сторон в уголовном судопроизводстве.

Исходя из предложения, внести в нормативный акт изменения об обязанности приобщить протокол опроса лица с его согласия, необходимо также законодательно урегулировать право адвоката составлять данный протокол с согласия опрашиваемого лица [7].

Стоит отметить, что на сегодняшний день существует Федеральный закон от 02.06.2016 N 160-ФЗ "О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" [8].

Данный проект внес изменения в статью 5.39 КоАП РФ, которая теперь регламентирует ответственность в том числе и за отказ в предоставлении сведений по адвокатскому запросу.

Целесообразно было бы регламентировать уголовную ответственность за невыполнение требований адвоката в получении необходимых ему сведений, аналогично ответственности по КоАП РФ, а именно внести изменения в статью 140 УК РФ с отдельным указанием на адвокатский запрос. Таким образом, решение проблемы участия защитника в процессе доказывания по уголовному делу будет способствовать фактической реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что к актуальным проблемам участия адвоката в процессе доказывания следует относить то, что он находится в неравном положении по сбору доказательств по сравнению с другими участниками процесса, которые имеют государственно – властные полномочия.

Поэтому в целях реализации принципа состязательности и равенства сторон процесса необходимо наделить защитника правом собирать и представлять доказательства наравне со стороной обвинения.

Вышеуказанные проблемы собирания и представления защитником доказательств на стадии предварительного расследования говорят о необходимости внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы:

1. Адвокатская газета [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rol-advokata-v-dokazyvanii/>
2. Мартынчик, Е.Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) [Текст] / Е.Г. Мартынчик // Адвокатская практика. — 2005. — № 1. С. 16-21.
3. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / И.В. Данько и др. — Минск: Академия МВД, 2017. 478 с.
4. Баева К.М. «Собирание доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения» // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 178-183.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2013 г. № 1904-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17, пунктом 3 части второй статьи 38 и статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70447894/>
6. Апелляционное постановление № 22К-432/2019 от 12 марта 2019 г. по делу № 22К-432/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/guCGJXph7FVM/?ysclid=lw5c9ra8n4451080782>
7. Водяник Е.А. Опрос защитником лица с его согласия // Адвокат. 2013. № 11. С. 20-24.
8. Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и

Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" от 02.06.2016 N 160-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198845/

УДК 343.71

Кузнецов Сергей Карлович

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

s.k.kuznetsov@uslu.su

Kuznetsov Sergey

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ

Аннотация: в данной статье раскрывается понятие и признаки игрового имущества, осуществляется анализ существующих доктринальных подходов к правовой квалификации игрового имущества и отношений, которые возникают по поводу игрового имущества, а также предлагаются способы переосмысления понимания такой правовой конструкции, как предмет хищения с учётом современных особенностей правоприменительной практики.

Ключевые слова: предмет преступления, хищение, игровое имущество, виртуальное имущество, кража, нематериальные блага.

GAMING PROPERTY AS A SUBJECT OF THEFT

Annotation: this article reveals the concept and characteristics of gaming property, analyzes existing doctrinal approaches to the legal qualification of gaming property and the relationships that arise regarding gaming property, and also suggests ways to rethink the understanding of such a legal structure as the subject of theft, taking into account modern features of law enforcement practice.

Key words: subject of crime, theft, game property, virtual property, theft, intangible goods.

Ни для кого не секрет, что игры сейчас занимают одно из главенствующих положений на рынке развлекательных услуг. Всё больше и больше девушек и юношей погружаются с головой в мир виртуальных приключений. Однако для некоторых игры выступают не только лишь в качестве способа развлечься, но и возможностью для инвестиций.

Тенденции развития сферы игрового имущества набирают обороты. И действительно - некоторые игровые позиции, такие, как, например, раскраска ружья или раритетный танк, могут достигать десятков, сотен тысяч, а иногда и миллионов рублей. Известный прецедент баснословной цены на игровой лот - ружьё «AWP» в раскраске «Dragon Lore» из игры «Counter Strike: Global Offensive», стоимость которого может достигать до \$226 тысяч долларов США.

Игровое имущество, как и любое другое имущество, также может выступать в качестве объекта внутриигрового оборота и, как следствие, выступать предметом преступления. Любой правосознательный гражданин, несущий ответственность за сохранность своего имущества, в том числе игрового, должен задуматься о том, как обезопасить своё богатство. Однако правовое регулирование игрового имущества пока не нашло свое отражение в действующем российском законодательстве и, к большому сожалению, не является объектом охраны уголовного права. И как быть?

Прежде чем определить, что понимать под игровым имуществом, необходимо разобраться, что такое имущество в классическом его понимании

Итак, гражданское законодательство, а именно - статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [7] (далее - ГК РФ), которая включает в себя перечень объектов гражданских прав, определяет их, как движимые и недвижимые вещи, имеющие стоимостную оценку, количественные и качественные характеристики, а также нематериальные блага, которые допустимы к гражданскому обороту.

Уголовно-процессуальное законодательство, а именно - пункт 13.1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8] (далее - УПК РФ), даёт определение того, что понимать под имуществом в целях уголовного и уголовно-процессуального законодательства и, в отличие от гражданского законодательства, отмечает необходимость материального признака имущества.

Как было отмечено ранее, понятие игрового имущества не закреплено в действующем законодательстве. Итак, чтобы определить, что такое игровое имущество, необходимо отметить его существенные признаки:

1) Игровое имущество - не право собственности. Зачастую, атрибутика, которую игроки покупают за внутриигровую валюту или настоящие деньги, неразрывно связана с игровым процессом, то есть, находится в прямой зависимости от компьютерной игры. Необходимо отметить, что сама компьютерная игра - это результат интеллектуальной деятельности разработчика, то есть, осуществлять правомочия собственника игры (а именно - владеть, пользоваться и распоряжаться) будет именно разработчик, а не игрок. Отсюда вытекает следующее - игрок, учитывая, что он приобретает право пользования игрой, а также учитывая, что внутриигровая атрибутика находится в прямой зависимости от самой игры, приобретает внутриигровую атрибутику лишь во владение;

2) Игровое имущество обладает признаком стоимостной оценки;

3) Игровое имущество может выступать объектом внутриигрового оборота. Игроки, приобретая во владение ту или иную атрибутику за реальные деньги, располагают возможностью распорядиться ею, например - продать на внутриигровых платформах.

Исходя из вышеперечисленного, можно вывести дефиницию игрового имущества. Итак, игровое имущество - это нематериальные блага, приобретаемые субъектами виртуального мира в рамках той или иной

компьютерной игры, имеющие стоимостную оценку и выступающие объектом внутриигрового оборота.

Существует несколько основных подходов к пониманию игрового имущества как явления. Так, например, Мартьянова Е. Ю. выделяет следующие 5 подходов деления правового режима виртуальных объектов [2, с. 98-105]:

- 1) вещно-правовая концепция;
- 2) признание виртуальных объектов интеллектуальной собственностью;
- 3) применение режима, аналогичного оказанию услуг;
- 4) применение положений ГК РФ об играх и пари (отказ от применения какого-либо правового режима, оставление виртуальных объектов вне правового поля);
- 5) отнесение виртуальных объектов к иному имуществу в порядке статьи 128 ГК РФ.

Вкратце рассмотрим каждую из них.

Первая - вещно-правовая концепция. Основывается на сопоставлении трёх основных признаков вещи - телесности, ценности для её обладателя и служения ему, а также несовпадения объекта с личностью, с признаками игрового имущества, а соответственно - признания такового вещью.

Вторая - концепция признания виртуальных объектов интеллектуальной собственностью. Видится в следующем - необходимо признать игровое имущество в качестве интеллектуальных цифровых прав разработчика либо путём признания такового, как интеллектуального цифрового права (посредством внесения изменений в статью 128 ГК РФ), либо позиционирования такового, как частью программ для электронно-вычислительных машин. В таком случае разработчику будет предоставлена свобода саморегулирования игрового пространства, разработчик сможет устанавливать права и обязанности для игроков, определять их объём, устанавливать случаи, когда на выполнение определённых действий в рамках игры будет необходимо согласие разработчика и так далее.

Третья - концепция применения режима, аналогичного оказанию услуг. Под ней следует понимать следующее - ситуация, когда приобретение игровых объектов выступает в качестве оказания услуги, сторонами которой выступают разработчик (как правообладатель игры) в качестве исполнителя и игрок (как пользователь игры) в качестве заказчика.

Четвертая - концепция применения положений ГК РФ об играх и пари. Состоит она в том, чтобы применять к отношениям, возникающим по поводу игрового имущества, главу 58 ГК РФ, регулиющую игры и пари, которая предполагает, что данные объекты гражданских прав не могут выступать объектом судебной защиты.

Пятая - концепция отнесения виртуальных объектов к иному имуществу в порядке статьи 128 ГК РФ. Предполагает отнесение виртуального имущества в категорию «иного имущества», либо внесение изменений в настоящую статью путём добавления отдельной категории объектов гражданских прав - виртуального имущества.

Для того, чтобы признать игровое имущество предметом хищения, необходимо выделить признаки такового.

В учебнике «Уголовное право. Особенная часть в 2 Т.» под реакцией Козаченко И. Я. и Новоселова Г. П. [6, с. 155-156], предложены следующие признаки предмета хищения.

Экономический признак - предполагает наличие стоимостной оценки похищаемого имущества, а также необходимость человеческого труда с целью вычленения предмета хищения из естественного состояния.

Юридический признак - предполагает законность нахождения предмета хищения во владении, пользовании либо распоряжении потерпевшего, а также акцентирует внимание на том, что похищаемое имущество должно быть чужим для виновного.

Физический - предполагает объективное существование предмета хищения в реальном мире, а также акцентирует внимание на том, что предмет

хищения должен обладать количественными (вес, объём, число) и качественными (отличительные свойства) признаками.

На первый взгляд, все признаки предмета хищения присущи игровому имуществу, кроме одного - физического. И действительно - объекты игрового мира не имеют физического обличия. Исходя из этой точки зрения, в условиях действующего на данный момент законодательства, объекты игрового мира невозможно признать предметом преступления, соответственно - уголовно-правовая охрана отношений, возникающих по поводу данного вида имущества просто невозможна.

В связи с этим, назрела необходимость корректировки уголовно-правовой доктрины и содержания главы 21 УК РФ.

Обратимся к опыту зарубежных государств, а именно - к законодательным подходам и судебной практике.

Достаточно яркий пример, демонстрирующий необходимость уголовно-правовой охраны отношений, возникающих по поводу игрового имущества - уголовное дело «RuneScape» в отношении нескольких подростков, возбуждённое в Нидерландах в 2012 году [11]. Подростки, узнав о том, что у их товарища появились дорогостоящие игровые объекты, совершили разбойное нападение на последнего. Судья квалифицировал действия подростков, как разбой, то есть, применение насилия к потерпевшему с целью изъятия имущества. Интересна мотивировка суда - судья сопоставил признаки игрового имущества с признаками имущества в классическом цивилистическом его понимании. То есть, объективная экономическая ценность (игровые объекты действительно имели стоимость, выраженную в реальных деньгах), ценность имущества для его владельца, а отнесение игровых объектов к предмету преступного посягательства, несмотря на признак нематериальности, был обоснован тем, что в классическом цивилистическом понимании имущество может быть нематериальным.

Также регулирование отношений, возникающих по поводу игрового имущества, нашло свое отражение в законодательстве ряда азиатских стран. Так, например, в Тайване установлена уголовная ответственность за кражу игрового имущества, поскольку та, в понимании законодательства Тайваня, является собственностью игрока.

Американская концепция регулирования отношений, возникающих по поводу игрового имущества, предлагает так называемый Magic Circle [14], суть которой заключается в следующем - всякое действие в «виртуальном» мире, вызвавшее последствия в «реальном» мире, надлежит квалифицировать согласно законодательству «реального» мира, и правовые последствия в «реальном» мире будут иметь те действия игрока, которые выходят за рамки игрового процесса.

Однако не стоит думать, что в российском законодательстве вовсе отсутствует упоминание игрового имущества.

Ярким примером действительно рабочего механизма защиты отношений, возникающих по поводу игрового имущества, выступает статья 272 УК РФ [9], которая устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. В частности Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" [10] в пункте 21 настоящего акта даёт разъяснения по поводу того, что понимать под средством, обеспечивающим завладение доступом к компьютерной информации. К таковым относятся в том числе онлайн-игры, как программы, с использованием которых можно завладеть доступом к компьютерной информации.

Судебная практика показывает, что виновные в хищении игрового имущества действительно могут понести наказание. Подтверждением тому

выступает Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 22.03.2018 по делу № 22-1216/2018 [13]. По обстоятельствам данного дела следует, что в сети «Интернет» были размещены логины и пароли от почтовых ящиков игроков. Виновный, будучи игроком в «LineAge 2», заинтересовавшись возможностью взлома аккаунтов игроков данной игры, осуществил взлом и неправомерное присвоение одного из аккаунтов себе, вследствие чего понёс наказание в виде выплаты штрафа в размере 100 тысяч рублей в порядке статьи 272 УК РФ. Украденные вследствие неправомерного присвоения аккаунта злоумышленником игровые объекты потерпевшего были в полном объёме возмещены технической поддержкой игры. Примечательно то, что потерпевший, до момента взлома его аккаунта, вложил в своего персонажа около 2 тысяч рублей.

Итак, мы разобрались в подходах к пониманию игрового имущества в доктрине, рассмотрели правовую практику зарубежных стран, а также российскую правовую практику.

Исходя из всего вышеперечисленного, предлагаю следующий вариант урегулирования вопросов о признании игрового имущества в качестве предмета хищения, а именно - введение в российскую правовую действительность аналогию концепции Magic Circle [14], разработанной американцами, суть которой, напомню, в том, чтобы обеспечивать законодательной защитой лишь те действия игроков, которые выходят за рамки игрового процесса и имеют последствия в реальном мире. Почему?

Во-первых, отношения, возникающие по поводу игрового имущества, имеют свою классификацию, которая является достаточно внушительной. Исходя из этого, чтобы урегулировать их, необходимо фундаментально перестраивать всю законодательную систему, регулиующую отношения, возникающие по поводу нематериальных благ. В этом смысле концепция Magic Circle позволит оптимизировать действующее законодательство под специфику отношений по поводу игрового имущества, не прибегая к фундаментальному

перестроению системы законодательства, поскольку последствия, возникающее в рамках реального мира и имеющие значение именно для реального мира, возможно урегулировать в порядке действующего законодательства без серьёзного его перестроения.

Во-вторых, разработчикам будет предоставлен достаточно широкий простор для саморегулирования платформ. Таким образом, отношения, возникающие в рамках сугубо игрового процесса, будут регулироваться самими разработчиками игр, а также операторами игровых платформ, на которых они размещены, путём пользовательских соглашений, а отношения, имеющие последствия в реальном мире, будут разрешаться согласно законодательству.

В-третьих, необходимо переосмыслить понимание предмета хищения, как уголовно-правовой конструкции. Считаю необходимым включение в предмет хищения нематериальных благ.

Учитывая высокий темп всеобщей глобализации и компьютеризации повседневных отношений, дел, возникающих по поводу игрового имущества будет все больше и больше, что вызывает объективную необходимость переосмысления понимания предмета хищения.

Список литературы:

1. Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Анализ современного права / IP & Digital Law, 2020. № 16. С. 5-78.
2. Мартянова Е. Ю. Договоры, опосредующие использование объектов онлайн игр // Хозяйство и право, 2019. № 7 (510). С. 97-106.
3. Гаразовская Н. В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-Scio, 2020. № 4 (43). С. 276–290.
4. Васильев А. М., Козырин А. А. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов // Уральский журнал правовых исследований, 2019. №. 1. С. 14–44

5. Хилюта В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права, 2021. № 5. С. 68-82.

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник. В 2 т. / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. 351 с.

7. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, С. 3301.

8. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. 1), С. 4921.

9. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, С. 2954.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" // «Бюллетень Верховного суда», № 3, март, 2023.

11. [Zakon.ru](https://zakon.ru) [Электронный ресурс]. Дело о волшебной маске, или можно ли украсть несуществующее? // URL: https://zakon.ru/blog/2017/5/10/delo_o_volshebnoj_maske_ili_mozhno_li_ukrast_nesuschestvuyushee. (дата обращения: 15.03.2024)

12. [Stopgame.ru](https://stopgame.ru) [Электронный ресурс]. Внутриигровое имущество пользователей в онлайн-играх: особенности правового регулирования // URL: https://stopgame.ru/blogs/topic/109695/vnutriigrovoe_imuschestvo_polzovateley_v

onlayn_igrah_osobennosti_pravovogo_regulirovaniya. (дата обращения:
15.03.2024)

13. Sudact.ru [электронный ресурс]. Апелляционное постановление № 22-1216/2018 от 22 марта 2018 г. по делу № 22-1216/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/QZbcQM3R4XIJ/?regular-txt=®ular_case_doc=%E2%84%96%E2%80%AF22-1216%2F2018®ular_lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=20®ular-area=1007®ular-court=®ular-judge=&_=1710521035033. (дата обращения: 15.03.2024)

14. Roni Linser, Nina Ree-Lindstad, Tone Vold. The Magic Circle - Game Design Principles and Online Role-play Simulations // URL: <https://www.simplay.net/papers/MagicCircle-Linser-Lindstad-Vold08.pdf>. (дата обращения: 15.03.2024)

УДК 343.915

Лебедева Валентина Сергеевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

vlebedeva1303@mail.ru

Lebedeva Valentina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: в статье рассматривается проблема влияния социальных медиа на формирование преступного поведения несовершеннолетних. Автор исследует как социальные сети, блоги, видеохостинги и другие платформы могут воздействовать на психику подростков, приводя к стрессу, тревоге, депрессии и агрессии, что в некоторых случаях влечёт за собой преступные действия. Особое внимание уделяется также иным факторам, под воздействием которых социальные медиа могут оказывать более деструктивное влияние на несформированную психику несовершеннолетних.

Ключевые слова: социальные медиа, несовершеннолетние, преступное поведение, контент, отрицательное влияние, профилактика.

THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE FORMATION OF CRIMINAL MINORS BEHAVIOR

Annotation: the article deals with the problem of the influence of social media on the formation of criminal minors behavior. The author explores how social networks,

blogs, video hosting and other platforms can affect the psyche of teenagers, leading to stress, anxiety, depression and aggression, which in some cases eventually leads to criminal acts. Special attention is also paid to other factors, under the influence of which social media can have an even more destructive effect on the not fully formed psyche of minors.

Key words: social media, minors, criminal behavior, content, negative impact, prevention.

В современном мире социальные медиа стали неотъемлемой частью жизни людей всех возрастов. Они предоставляют широкие возможности для доступа к информации, развлечениям и общению, но также могут оказывать негативное влияние на психическое и эмоциональное состояние пользователей. Особенно уязвимыми к такому влиянию являются несовершеннолетние. Они, в отличие от взрослых, не обладая достаточным уровнем критического мышления, являются более уязвимыми к внешней информации из-за отсутствия жизненного опыта и неустойчивости психики. Их восприятие мира может быть искажено вследствие влияния различных факторов, включая эмоциональное состояние, а также психофизиологические особенности. В методических рекомендациях Центра изучения и сетевого мониторинга молодежной среды ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» отмечается, что «деструктивное поведение, проявляющееся в возрасте несовершеннолетия под воздействием информации негативного характера, распространяемой в сети «Интернет», связано с комплексом психологических, поведенческих и внешних факторов риска» [6, с. 10].

В данной статье будет проанализирован вопрос о том, как социальные медиа могут влиять на формирование преступного поведения у несовершеннолетних и какие меры можно предпринять для предотвращения или, как минимум, для минимизации такого влияния.

Можно выявить несколько аспектов влияния социальных медиа на состояние преступности среди несовершеннолетних.

В первую очередь стоит отметить, что социальные медиа предоставляют доступ к огромному количеству информации, в том числе к материалам, поощряющим насилие, азартные игры, употребление алкоголя и наркотических средств и преступные действия. Такие материалы в настоящее время содержатся практически в любом имеющемся в сети «Интернет» контенте: социальных сетях, виртуальных играх, блогах, видеохостингах и на других доступных каждому пользователю платформах. Несовершеннолетние, находясь в поиске своего места в социуме и имея не до конца сформированное понимание «хорошего» и «плохого», могут подвергаться воздействию негативных образцов поведения, представленных в сети, и перенимать их.

Особое внимание стоит уделить вопросу влияния компьютерных игр на неокрепшее сознание несовершеннолетних. Этот вопрос в науке является весьма дискуссионным и по нему высказывается 2 мнения: одни исследователи считают, что видеоигры не являются источником появления агрессии у подростков и, соответственно, не могут считаться причиной формирования их преступного поведения, другие – занимают диаметрально противоположную позицию. Активным сторонником второй позиции является профессор психологии Айовского университета Крейг Андерсон, который в 2010 году представил исследование, в результате которого пришёл к выводу о негативном воздействии компьютерных игр со сценами насилия и иной жестокости на поведение несовершеннолетних. Согласно данному исследованию «воздействие жестоких видеоигр увеличивает вероятность агрессивного поведения как в краткосрочном, так и в долгосрочном контексте. Такое воздействие также усиливает агрессивное мышление и агрессивный аффект и снижает просоциальное поведение» [13]. Приверженцы противоположной точки зрения выступают за отсутствие взаимосвязи между воздействием насильственного содержания компьютерных игр на игрока и его агрессивным

поведением в реальности. Одним из представителей данной позиции является К.Дж. Фергюсон. Он считает слабо обоснованной теорию «Общая модель агрессии» («General Aggression Model»), базирующуюся на положении о значительном влиянии виртуального пространства на сознание и поведение людей, согласно которой потребители цифрового контента способны перенимать модели агрессивного виртуального поведения и переносить их в реальную жизнь. Вместо этого он придерживается фрустрационной теории агрессии, связывающей агрессию с переживанием фрустрации (состояния разочарования, недостижения какой-либо значимой цели) в процессе игры, а не с её насильственным содержанием [12].

Материалы, содержащие в себе прямое или косвенное одобрение и поощрение преступных действий, могут быть запрещены или ограничены в доступе в соответствии с законодательством. В Российской Федерации действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [10], который регулирует порядок распространения информации, способной нанести вред здоровью и развитию детей. В соответствии с этим законом, материалы, содержащие сцены насилия, жестокости, употребления наркотиков и алкоголя, а также информацию об азартных играх, должны иметь ограничения по возрасту.

Кроме того, побудить лицо к совершению каких-либо незаконных действий может поведение других участников интернет-пространства. В данном случае речь идёт преимущественно о таком явлении как кибербуллинг, получившим достаточное распространение в связи с активным развитием информационно-телекоммуникационных технологий в последнее десятилетие. Современные технологии предоставляют широкие возможности их пользователям, в том числе и возможность оставаться анонимными в сети. Анонимность в интернете уменьшает ощущение ответственности и наряду с сопутствующими факторами, о которых далее пойдет речь, способствует преступному поведению. Кибербуллинг может иметь серьёзные последствия

для психического и эмоционального состояния потерпевшего, в том числе приводить к развитию у него агрессии, трансформирующейся впоследствии в преступные действия.

Одним из ярких примеров негативного влияния социальных медиа, а именно социальных сетей, на сознание и поведение несовершеннолетних, являются получившие своё распространение в 2015-2017 годах группы смерти, известные под различными названиями, например, «Синий кит». Подобные группы побуждали подростков выполнять опасные и деструктивные задания, обещая им принадлежность к таинственной «группе». Согласно статистике, опубликованной изданием «Новая газета» (*признана иностранным агентом на территории Российской Федерации), около 130 детей погибло, участвуя в этой «онлайн-игре» с 2015 по начало 2016 года [2]. Однако, как сообщил заместитель начальника Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка МВД РФ, по официальным данным «подростковые самоубийства лишь в 1% случаев связаны с так называемыми группами смерти» [5]. Всё же возникновение данной проблемы в России привело к изменению законодательства – в 2017 году в Уголовном кодексе закрепили уголовную ответственность за: 1) склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), 2) организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Помимо этого, посредством социальных медиа несовершеннолетние могут быть вовлечены в различные запрещённые в Российской Федерации организации. Е.С. Абрадова отмечает: «Интернет-эра открыла перед человеком не только новые возможности, но и новые угрозы. Многие террористические и экстремистские организации используют интернет-пространство, чтобы распространить радикальные взгляды и завербовать новых сторонников из числа молодёжи» [1, с. 152]. В настоящее время наблюдается значительное распространение различных форм экстремизма среди несовершеннолетних, что

представляет серьёзную угрозу для национальной безопасности. Так в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года указывается, что причиной этому является то, что несовершеннолетние лица «не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определённых обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности» [9]. Существует тенденция увеличения количества преступлений, совершаемых через информационно-телекоммуникационные сети. Некоторые категории преступных действий на данный момент в основном осуществляются именно таким образом, например, вовлечение в деятельность экстремистских организаций или в участие в несанкционированном собрании, митинге и других несогласованных акциях. Из этого следует, что интернет в настоящее время становится одним из ключевых способов коммуникации для представителей экстремизма, которые используют его в качестве средства привлечения в преступные сообщества новых членов, координации противозаконных действий и распространения своей идеологии [3, с. 121].

Вышеперечисленные факторы, безусловно, не всегда оказывают на несовершеннолетних деструктивное влияние и подталкивают их к совершению преступных действий. Для такого эффекта необходима совокупность условий - к виртуальному воздействию на психику подростка должны добавляться травмирующие факторы из реальной жизни. Таковыми часто выступают следующие:

1) Проблемы в семье. Среди неблагоприятных факторов выделяют, прежде всего, «аморальный образ жизни родителей, их низкий общеобразовательный уровень, эмоционально-конфликтные отношения, жестокость и насилие в семье, плохое материальное положение» [4, с. 845-847];

2) Влияние окружения. Сверстники играют важную роль в жизни подростков, поскольку они формируют их социальную идентичность и помогают им развивать навыки общения и взаимодействия с окружающими. Однако такое влияние может быть как положительным, так и отрицательным.

Отрицательное влияние, в свою очередь, может проявляться в том, что, во-первых, подростки могут подвергаться давлению со стороны сверстников, чтобы соответствовать определённым стандартам поведения или внешнего вида. Кроме того, возможно влияние со стороны лиц, имеющих преступные наклонности и занимающихся различными видами антисоциального поведения. Такое поведение может стать привлекательным для подростков, которые ищут своё место в социуме и пытаются самоутвердиться;

3) Эмоциональные и психологические проблемы. Это могут быть проблемы социальной адаптации, низкая самооценка, депрессия, тревога, эмоциональное одиночество вследствие отсутствия друзей;

4) Потребность в заработке денег.

Данные факторы в совокупности с отрицательным воздействием социальных медиа могут в итоге поспособствовать формированию преступных наклонностей у несовершеннолетних, которые ввиду своих психофизиологических особенностей очень восприимчивы к любым внешним изменениям. Борьба с этим требует комплексного подхода. Можно выделить несколько мер, способных эффективно предупреждать или минимизировать подобное влияние.

Во-первых, необходимо проводить образовательные и просветительские мероприятия, информационные кампании среди несовершеннолетних, посвящённые цифровой грамотности, критическому мышлению и безопасному использованию социальных медиа.

Во-вторых, необходимо осуществлять мониторинг и контроль за активностью несовершеннолетних в виртуальном информационном пространстве. Это возможно сделать путём внедрения фильтров и блокировщиков контента для ограничения доступа к материалам, содержащим информацию, способную деструктивно повлиять на психику несовершеннолетнего.

В-третьих, безусловно, необходимо работать также и с поддержанием психологического здоровья несовершеннолетнего - предоставлять доступ к консультациям психологов для подростков, испытывающих негативное воздействие социальных медиа, создавать группы поддержки для тех, кто стал жертвой онлайн-издевательств или других форм цифрового насилия.

В-четвёртых, эффективным может стать сотрудничество с интернет-платформами для разработки политики безопасности и предотвращения распространения негативного контента. Это может быть осуществлено путём введения возрастных ограничений для доступа к определённым видам контента, а также контроля за размещением недопустимого материала, своевременного обнаружения и блокирования информации, пропагандирующей преступное поведение, и нарушающей закон.

Данные меры при их реализации в совокупности способны помочь в борьбе с негативным воздействием социальных медиа на несовершеннолетних и поспособствовать формированию здорового и безопасного онлайн-поведения.

Подводя итог, следует подчеркнуть важность и актуальность исследования вопроса преступности несовершеннолетних, в том числе причин её происхождения. Согласно отчёту МВД о состоянии преступности в Российской Федерации за 2023 год [11] в период с января по декабрь 2023 года зарегистрировано 1947,2 тыс. преступлений, каждое тридцать седьмое (2,7%) совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Поэтому можно согласиться с утверждением В.В. Попандопуло, который писал: «Преступность несовершеннолетних представляет не только насущную государственную и общественную проблему, но и стратегическую угрозу безопасности России в будущем» [7]. Стоит ещё раз отметить значительное влияние социальных медиа на процесс формирования ценностей и поведения несовершеннолетних. Понимание механизмов этого влияния позволит разработать эффективные стратегии по профилактике преступного поведения среди подростков и созданию безопасной онлайн-среды для них. Данная проблема является

актуальной и требующей внимания и комплексного подхода со стороны общества, родителей, образовательных учреждений и правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Абрадова Е.С. Молодежь в социальных сетях // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 150-153.
2. Группы смерти (18+) // Электронное периодическое издание «Новая газета» // [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160808200012/http://www.novayagazeta.ru/society/73089.html?p=20> (дата обращения: 14.05.2024 г.).
3. Демидова-Петрова Е.В. Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России // Вестник СГЮА. 2022. №4 (147). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-ih-vliyanie-na-prestupnost-nesovershennoletnih-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.05.2024).
4. Камбиева Мадина. Факторы, влияющие на формирование противоправного поведения подростков // Молодой ученый. — 2014. — № 4 (63). С.845-847. // URL: <https://moluch.ru/archive/63/10123/> (дата обращения: 12.05.2024).
5. Лишь 1% подростковых суицидов в России оказался связан с «группами смерти» // Официальный портал информационной группы «Интерфакс» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/556076> (дата обращения: 14.05.2024 г.).
6. Методические рекомендации АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» «Алгоритм действий для родителей, обучающихся по раннему выявлению и реагированию на деструктивное поведение несовершеннолетних, проявляющееся под воздействием информации негативного характера, распространяемой в сети «Интернет» // [Электронный ресурс]. URL:

https://fcprc.ru/media/media/mediacia/Algoritmy-roditelyam-2020-10-01_h4yLTYn_ewSPUaC.pdf (дата обращения: 12.05.2024 г.).

7. Попандопуло В.В. Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 24 с.

8. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

9. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344) // Собрание законодательства РФ, 01.06.2020, N 22, ст. 3475.

10. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета, № 297, 31.12.2010.

11. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // Официальный интернет-сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

12. Ferguson, C.J. Video games, frustration, violence, and virtual reality: Two studies // British journal of social psychology // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.christopherjferguson.com/VR%20Study.pdf> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

13. ISU study proves conclusively that violent video game play makes more aggressive kids // News service of Iowa State University. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.news.iastate.edu/news/2010/mar/vvgeffects> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

УДК 343.132.1

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru
Sariev Georgy
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация: автором исследованы проблемы, возникающие в связи с изъятием предметов при проведении осмотра места происшествия. На основе мнений ученых-правоведов и анализа практики по процессуальным нарушениям, исключающим возможность приобщения к вещественным доказательствам предметов, изъятых в ходе данного следственного действия, автором делается вывод о необходимости разработки и строгого соблюдения стандартов и методик изъятия предметов, а также повышении квалификации и компетентности сотрудников, осуществляющих предварительное расследование.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, изъятие предметов и документов, протокол, следственное действие, вещественные доказательства

PROBLEMS OF REMOVING OBJECTS DURING THE INSPECTION OF THE SCENE

Annotation: the author has explored the problems that arise in connection with the seizure of objects during an inspection of the crime scene. Based on the opinions of

legal scholars and an analysis of practice on procedural violations that exclude the possibility of including items seized during this investigative action in material evidence, the author concludes that it is necessary to develop and strictly adhere to standards and methods for seizing items, as well as to improve the qualifications and competence of employees carrying out preliminary investigation.

Key words: inspection of the crime scene, seizure of objects and documents, protocol, investigative action, physical evidence

Соблюдение требований закона о порядке изъятия предметов при проведении осмотра места происшествия - это актуальная проблема, которая влияет на справедливость и эффективность расследования преступлений. Обосновывается необходимость более тщательного подхода к изъятию и обработке вещественных доказательств, а также предлагаются некоторые варианты урегулирования данного вопроса [1].

В уголовно-процессуальном кодексе (далее - УПК РФ) закреплены следственные действия, проводимые уполномоченными лицами. В ходе таких действий могут быть обнаружены и изъяты следы, предметы, документы, которые могут иметь отношение к преступлению и, соответственно, иметь доказательственное значение. В частности, этими действиями являются обыск (ст. 182 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ), в ходе которого возможно как обнаружение следов преступления, но и выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [4].

Стоит отметить, что проведение осмотра места происшествия до самого возбуждения уголовного дела, не является редкостью или исключением. Указанное следственное действие проводится в отношении места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, и во всех названных случаях - для обнаружения следов преступления. Прежде всего, стоит отметить, что для того, чтобы осуществить осмотр, необходимость

в вынесении постановления для этого, отсутствует. Иначе дела обстоят с осмотром жилища, в отношении которого законом установлен особый порядок. Качественным результатом осмотра выступает наличие сформированного пласта сведений, отражающих признаки состава преступления. Как правило, это обеспечивается путем фиксации обнаруженных на доказательствах и признанных впоследствии вещественными, следов. Такие следы, наряду с предметами и документами, могут быть изъяты и надлежащим образом оформлены в качестве вещественных доказательств, в порядке, предусмотренном законодателем в УПК РФ. Наряду с этим, на практике существует проблема изъятия предметов до возбуждения уголовного дела, если в последующем эти предметы могут стать вещественными доказательствами. В доктрине данный вопрос поднимался неоднократно и, несмотря на внушительное количество правоведов, посвятивших ей свои научные труды, она остается актуальной и сегодня. Арсланова А. Р. своих научных трудах указывает на то, что «на сегодня единственный процессуальный способ изъятия до возбуждения уголовного дела, кроме изъятия образцов для сравнительного исследования, — это осмотр места происшествия» [1, с. 248]. Аналогичное мнение высказывает Е. А. Бравилова, отмечая, что «основным способом изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела по-прежнему остается (и даже получило более широкое распространение) такое следственное действие, как осмотр места происшествия» [2, с. 44].

Бравилова Е.А. также ссылается на уголовно процессуальное законодательство, отмечая, что, «в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе провести осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, а также освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и производства экспертизы. Изъятие же предметов и документов закон допускает лишь при производстве осмотра места происшествия, освидетельствовании и получении образцов для сравнительного исследования. Однако освидетельствование и

получение образцов для сравнительного исследования носят ограничительный характер» [2, с. 46].

Приводя вышеизложенное к общему знаменателю, а равно принимая ко вниманию и законодательные нормы, регулирующие данный вопрос, и доктринальные подходы к его изучению, можно делать вывод о том, что из следственных действий, проводимых следователями или дознавателями до того, как дело будет возбуждено, и в ходе которых возможно «изъятие предметов и документов, обладающих признаками вещественных доказательств, остается осмотр места происшествия» [7, с. 52-53]. Нужно отметить, что недостаточное внимание к процессу изъятия предметов может привести к потере их ценности и непригодности в дальнейшем использовании. Кроме того, нарушение правил и процедур изъятия может спровоцировать возможные обвинения в неправомерном действии правоохранительных органов или оперативных служб. Поэтому, осмотр места происшествия должен проводиться квалифицированными специалистами, обладающими глубоким пониманием предмета расследования.

Важно разработать и строго соблюдать стандарты и методики изъятия предметов. Необходимо проводить подробную документацию каждого действия: фиксировать место и время изъятия, основания для его проведения, предметы и материалы, подлежащие изъятию, а также их состояние и упаковку. Такой подход позволит гарантировать сохранность доказательств и пригодность в дальнейшем юридическом процессе [3].

Кроме того, необходимо обратить особое внимание на обучение правоохранительных органов и оперативных служб правилам и методам изъятия вещественных доказательств. Специальные тренинги и семинары помогут повысить качество работы с вещественными доказательствами, а также содержать сотрудников в курсе последних изменений и рекомендаций в сфере судебной экспертизы.

Для усиления эффективности процесса изъятия предметов следует также

улучшить сотрудничество между различными органами и службами, занимающимися предварительным расследованием. Регулярные встречи, обмен опытом и информацией между специалистами помогут снизить количество ошибок и улучшить качество работы по изъятию и использованию вещественных доказательств.

Вместе с тем, нередко на практике происходят процессуальные нарушения, которые в дальнейшем исключают возможность признания приобщения к вещественным доказательствам тех предметов, которые были изъяты в ходе следственного действия.

По данному вопросу также изложил свою позицию Пленум Верховного Суда РФ в п.13 постановления от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», отмечая, что доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления [8]. Очевидно, что сложившаяся правоприменительная практика идет по пути дифференциации существенных и несущественных отступлений от установленного порядка судопроизводства органами следствия и суда. Баранова В.А. и Григорян В.Л. в своих научных трудах также указывают, что «не всякое нарушение требований УПК РФ влечет признание доказательства недопустимым» [9, с. 123-124]. Тем не менее, нарушения в ходе осмотра места происшествия влекут за собой недопустимость полученных доказательств достаточно часто. Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу, следователь произвел осмотр места происшествия, изъяв некоторые предметы, содержащие на себе следы преступления, и приобщил их к вещественным доказательствам. Однако, несмотря на то, что другие лица подписали составленный им протокол осмотра места происшествия, подпись обвиняемого отсутствовала. Это, в свою очередь, послужило основанием для признания протокола судом недопустимым и,

соответственно, повлекло недопустимость всех вещественных доказательств, полученных следователем в ходе осмотра [6].

Судебная практика свидетельствует также о том, что помимо названного нами выше нарушения, существуют и иные нарушения УПК РФ, допущенные в период предварительного следствия по уголовному делу. В чем они могут заключаться? Распространенным типом нарушений является само отсутствие постановления следователя о признании предмета вещдоком. Нередки также случаи отсутствия в протоколе осмотра места происшествия времени и даты его проведения, а также наличие в содержании текста протокола неоговоренных и неустойчивых исправлений. Все перечисленные нами нарушения, как в своей совокупности, так и отдельно друг от друга взятые, могут быть основаниями для оправдательного приговора. Это тоже находит отражение в случаях на практике. В частности, перечисленные нами выше нарушения, вытекающие из ошибочных действий следователя, осуществлявшего осмотр места происшествия, повлияли на вынесенный присяжными вердикт, на основании которого Санкт-Петербургским городским судом бы 10 становлен оправдательн 22 приговор в отношении лиц, обвинявшихся по пп. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ [10].

Резюмируя вышесказанное, стоит согласиться с мнением Поповой О.А. о том, что «ошибки, допускаемые при производстве таких процессуальных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка, крайне негативно сказываются на качестве расследования: нарушения уголовно-процессуального закона влекут недопустимость доказательств, а упущения в организации и тактике следственных действий создают пробелы в расследовании, которые не всегда удается восполнить» [11, с. 120].

Кроме того, сама проблема изъятия предметов при проведении осмотра места происшествия имеет серьезное значение для достижения задач, стоящих перед стадией предварительного расследования. Необходимым условием решения этой проблемы является повышение квалификации и компетентности

специалистов, разработка и соблюдение стандартов и методик изъятия, а также улучшение сотрудничества между различными органами и службами, занимающимися расследованием преступлений. Только таким образом мы сможем гарантировать законность и надежность собранных доказательств и обеспечить справедливость в юридическом процессе.

Список литературы:

1. Арсланова, А. Р. Проблемы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 1. С. 247–248.

2. Бравилова, Е. А. Осмотр места происшествия как способ изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 44–52.

3. Перякина, М. П. Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2014. № 4 (71). С. 22–25.

4. Судницын, А. Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4 (25). С. 26–32.

5. Шашин, Д. Г. Проблемы изъятия предметов, веществ и документов при проведении обследования жилых помещений оперативными подразделениями по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 54–58.

6. Шувалова А. М. Ошибки, допускаемые следователями, при изъятии предметов, исключающие признание их вещественными доказательствами // Актуальные исследования. 2023. №2 (132). Ч. II. С. 45-48.

7. Дылгыров, А. Ч. Осмотр места происшествия: проблема изъятия предметов / А. Ч. Дылгыров. // Молодой ученый. 2021. № 45 (387). С. 52-56.

8. Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике

применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 3, март 2018 г.

9. Баранова В. А., Григорян В. Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №1 (35). С. 122-127.

10. Обзор практики признания доказательств по уголовным делам недопустимыми за 1 полу-годие 2007 года // Бюллетень практики участия прокуроров в рассмотрении дел судами / под ред. С. П. Зайцева, Н. П. Дудина. 2007. Вып. 2. С. 19.

11. Попова О.А. Типичные ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие материальных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. С. 119-124.

Незнамова Юлия Николаевна

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Neznamova Yuliya

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье авторами исследуется такой нетрадиционный метод расследования преступлений, как использование полиграфа, рассматриваются различные точки зрения, существующие в теории и судебной практике, относительно возможности признания результатов психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическая экспертиза, расследование преступлений, доказательство, уголовный процесс.

PROBLEMS OF USING THE POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation: in the article, the authors explore such an unconventional method of investigating crimes as the use of a polygraph, and discuss various points of view that exist in theory and judicial practice regarding the possibility of recognizing the

results of a psychophysiological examination using a polygraph as evidence in a criminal case.

Key words: polygraph, psychophysiological examination, investigation of crimes, evidence, criminal proceedings.

В настоящее время при расследовании и раскрытии преступлений следователи и дознаватели все чаще начинают применять нетрадиционные методы расследования преступлений. Одним из таких методов является использование полиграфа.

К полиграфам относятся приборы, используемые для фиксации психофизиологических параметров (реакций) человека посредством датчиков [7]. В ходе проведения исследования на теле человека размещаются датчики, регистрирующие изменения дыхания, пульса, кожно-гальванической реакции, электрического сопротивления кожи, артериального давления и т.д. [8, с. 21].

Полиграф часто применяют в различных сферах деятельности. Например, полиграф активно используется при отборе кандидатов на замещение ряда должностей в государственных органах, на службу в правоохранительных органах, при проверке показаний допрашиваемых лиц.

В правоохранительной деятельности полиграф используют при проведении в основном допроса лиц, правдивость показаний которых требуется проверить. С его помощью следователю удастся установить, правдивые ли показания дал тот или иной участник уголовного судопроизводства в процессе допроса или скрывает необходимую информацию для раскрытия уголовного дела [1, с. 142].

В 2010 году в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О применении полиграфа». Законопроект устанавливал принципы, правила, порядок проведения опросов с использованием полиграфа, основания и способ использования результатов таких опросов. Однако в 2012 году законопроект был возвращен субъекту права

законодательной инициативы. Таким образом, в настоящее время так и не принят нормативно-правовой акт, регулирующий порядок применения полиграфа для получения доказательств по уголовному делу. Наличие правового пробела в данной области усугубляется тем, что использование полиграфа на практике в деятельности правоохранительных органов показало высокую эффективность при проверке различных версий совершенного преступления [2, с. 231].

Правовую основу применения полиграфа, как одного из технико-криминалистических средств, при расследовании уголовного дела составляет Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где регламентировано использование технических и иных средств при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, а также положения ч. 6 ст. 164 УПК РФ, в соответствии с которыми определена роль технических средств в расследовании преступлений.

В теории мнения исследователей расходятся по вопросу о том, можно ли использовать результаты психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в качестве доказательства по уголовному делу.

Так, например, М.Р. Арпентьева и И.А. Макаренко отмечают, что использование полиграфа открывает возможность объективно обнаруживать и исследовать хранящиеся в памяти человека следы событий, имевших место в его жизни ранее, либо устанавливать отсутствие таких следов. Осуществление экспертиз, в том числе и с применением полиграфа, для установления наличия либо отсутствия в памяти человека (как подозреваемого/обвиняемого, так и потерпевшего/свидетеля) идеальной следовой информации может иметь доказательное значение для уголовного дела [3, с. 22].

Напротив, А.Н. Халиков полагает, что выводы исследования с применением полиграфа являются предположительными, так как основаны на интерпретации полиграфологом поступающих сигналов, то есть главную роль в этом исследовании играет субъективный фактор, что противоречит основному

принципу любой экспертизы — объективности. Кроме того, он полагает, что в данном случае опрос с помощью полиграфа противоречит статье 51 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает право каждого не свидетельствовать против самого себя [4, с. 13].

Далее хотелось бы обратиться к позициям, существующим в судебной практике, по вопросу о том, можно ли признать доказательством результаты психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

Верховный Суд РФ в кассационном определении от 11.09.2012 № 41-О12-57СП указал на то, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ. Данные использования полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством [5].

Кроме того, в судебной практике отмечается, что статья 74 УПК РФ, определяющая понятие и перечень допустимых доказательств по уголовному делу, не дает оснований для использования в качестве доказательства выводов психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, которое не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового суду, поскольку, согласно положениям ст. ст. 57, 74, 75 и 80 УПК РФ, выводы подобного исследования (экспертизы) нельзя признать научно-обоснованными ввиду отсутствия специально разработанной достоверной методики, исключаяющей вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету, что влечет их недопустимость с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки доказательств по уголовному делу [6].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что на настоящий момент в теории и практике не существует единого мнения о том, стоит ли признавать доказательством результаты психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. Одной из причин данного обстоятельства является отсутствие четкого законодательного регулирования производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа, в том числе отсутствие единой методики проведения данного исследования. Таким образом, законодателю необходимо разрешить данный проблемный вопрос путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, например, можно принять закон, который будет регулировать правовые основы использования полиграфа.

Список литературы:

1. Абсатаров, Р. Р. Полиграф сегодня: проблемы применения // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Гатчина, 24 ноября 2023 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. – С. 142-144.
2. Данилов, И. Б. Проблемы определения правомерности применения психофизиологического исследования с использованием полиграфа для получения доказательств по уголовному делу / И. Б. Данилов, Д. В. Никулин // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10(185). – С. 231-233.
3. Арпентьева, М. Р. Проблемы и возможности применения полиграфологических исследований / М. Р. Арпентьева, И. А. Макаренко // Адвокатская практика. – 2018. – № 2. – С. 19-24.
4. Халиков, А. Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 12-16.

5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 № 41-О12-57СП // СПС «КонсультантПлюс»
6. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2022 № 77-5345/2022 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан, утв. приказом Министерства внутренних дел РФ от 28.12.1994 № 437 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037963> (дата обращения: 18.05.2024).
8. Белюшина, О. В. Правовое регулирование и методика применения полиграфа в раскрытии преступлений: дисс.... канд. юр. наук. – Москва, 1998. – 172 с.

Федоров Валерий Сергеевич
Калимуллово Александр Рашидович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
valeraten2003@gmail.com
akalimullov@inbox.ru
Fedorov Valery
Kalimullov Alexander
Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА:
ПРИМЕНЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ
ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОТ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ**

Аннотация: в данной статье рассматривается значимость невербальной коммуникации в контексте допроса и методы её применения для получения информации, значимой для расследования преступления. В исследовании проанализированы различные аспекты невербального языка, такие как жесты, мимика, и тон голоса, которые могут оказывать помощь в диагностике состояния допрашиваемого и последующем использовании результатов в определении тактики допроса. В статье акцентируется внимание на психологических основах тактики допроса и этических аспектах, связанных с использованием невербальной коммуникации.

Ключевые слова: тактика допроса, невербальная коммуникация, психологические аспекты, подозреваемый, тактический прием.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERROGATION TACTICS: THE USE OF NON-VERBAL COMMUNICATION TO OBTAIN INFORMATION FROM SUSPECTS

Annotation: this article examines the importance of nonverbal communication in the context of interrogation and the methods of its application to obtain information relevant to the investigation of a crime. The study analyzes various aspects of nonverbal language, such as gestures, facial expressions, and tone of voice, which can help diagnose the condition of the interrogated and then use the results in determining interrogation tactics. The article focuses on the psychological foundations of interrogation tactics and ethical aspects related to the use of non-verbal communication.

Key words: interrogation tactics, non-verbal communication, psychological aspects, suspect, tactical technique.

Допрос – это следственное действие, сущность которого состоит в получении уполномоченным лицом от допрашиваемого в установленной уголовно-процессуальным законом форме показаний об известных ему фактах, имеющих значение для расследуемого дела [9, с. 234]. В современных условиях криминалистическая наука не стоит на месте, ежедневно совершенствуются средства и методы добывания информации, имеющей значение для раскрытия преступлений. Среди такой информации всё большее значение приобретает применение невербальных данных, полученных от подозреваемых в ходе проведения допроса. Так, допрос возможен как в условиях конфликтной, так и бесконфликтной ситуации, при этом именно невербальная информация будет иметь решающий фактор для понимания следователем достоверности информации и возможности устранения недостоверных показаний.

Возможности использования невербальной коммуникации в переговорной деятельности и тактике следственных действий достаточно давно являются предметом дискуссий. Одним из принципов, который положен в

основу диагностики невербального поведения, является частая инстинктивность невербальных движений, их неосознаваемость самим человеком. Поэтому подобного рода информация в ряде случаев может иметь ошибочное значение. Кроме того, невербальная коммуникация носит универсальный характер, то есть является средством общения и взаимопонимания между людьми различных национальностей при помощи мимики и жестов, которые имеют тождественное значение во многих культурах [4, с. 98].

Другим важным принципом невербальной коммуникации является ее контекстуальность. Под контекстуальностью следует понимать учет конкретной ситуации (конфликтная или бесконфликтная), обстановки (в кабинете следователя или в местонахождении допрашиваемого), а также индивидуальные особенности самого допрашиваемого. Например, жест или выражение лица, которые могут указывать на стресс или обман в одном контексте, могут нести совершенно другой смысл в иной ситуации [1, с. 237]. В данном аспекте огромную роль играет навык восприятия невербальных сигналов допрашиваемого, поскольку в ряде случаев только анализ мимики и жестов позволяет определить уровень доверия или напряженности допрашиваемого, а также устранить возможные противоречия в его показаниях. Например, движения головы из стороны в сторону могут сигнализировать о том, с каким отношением лицо подходит к той или иной информации, свидетельствовать об одобрении или, наоборот, несогласии с ней. Подобную информацию также могут отражать движения ног человека. Привычное всем закидывание ноги на ноги свидетельствует о наличии соперничества и противоречия. Интересен и тот факт, что скрещивание рук в замок на груди не всегда означает закрытость человека. Подобный жест также символизирует беспокойство, неуверенность, небезопасность. В данном случае следователь должен подобрать наиболее комфортный вопрос для снятия напряжения, установив психологический контакт с допрашиваемым. Определенную

информацию содержат и скрытые жесты, которые наиболее популярны среди тех, кто постоянно находится в центре внимания. Это могут быть артисты, политические деятели. Данный жест создается путем движения руки параллельно телу по направлению к другой руке, но затем, рука стремится к какому-нибудь другому предмету, находящемуся на руке или рядом с ней (часам, браслету) [4, с. 62-68]. Кроме того, одежда личности, его прическа, обувь, наличие ценных украшений также позволяют получить ценную информацию о личности допрашиваемого, его профессии, манерах общения, что позволит следователю более детально организовать план допроса с учетом особенностей личности [8, с. 53].

При установлении психологического контакта с допрашиваемым лицом важно соблюдать принцип эмпатии, который заключается в стремлении понять позицию допрашиваемого, но ни в коем случае не опровергать её. Таким образом, следователь не ставит себя на противоположную сторону, а наоборот своими действиями демонстрирует желание помочь в возникшей ситуации.

Существует ряд тактических приемов использования невербальной коммуникации. Они включают в себя активное наблюдение за жестами и мимикой, установление зрительного контакта, адаптацию своего тембра голоса и поведения в зависимости от реакций подозреваемого, а также использование эмпатии и эмоциональной интеллигенции для установления доверительных отношений. Например, при обнаружении противоречий между вербальной информацией и невербальными выражениями следователь может задавать более детальные вопросы для выявления потенциальных ложных утверждений или скрытых мотиваций подозреваемого [7, с. 101]. Кроме того, повторение ключевых фраз подозреваемого с различным тембром голоса может способствовать установлению доверительного отношения и стимулированию более откровенных ответов. В результате установленный психологический контакт позволяет достичь необходимой цели – получения достоверной информации, имеющей значение для разрешения уголовного дела [3, с. 251].

Например, в реальной практике следователи могут использовать наблюдение за невербальными сигналами подозреваемого при постановке вопросов о ключевых моментах преступления. Если подозреваемый, отвечая на вопрос, отводит взгляд в сторону или меняет позу тела, это может свидетельствовать о его дискомфорте или стрессе, что может указывать на ложь либо наличие скрытой информации. Реакция подозреваемого на определенные слова или темы также может указывать на значимость информации в рамках расследования. Понимание и анализ подобных нюансов невербальной коммуникации позволяет следователям лучше оценить достоверность показаний и принять более обоснованные решения в ходе расследования [2, с. 428].

Однако при использовании невербальной коммуникации в процессе допроса возникает ряд проблем. Например, интерпретация невербальных сигналов может быть субъективной и ошибочной. Подозреваемые могут выражать свои эмоции и намерения различными способами, и их невербальные выражения могут быть неоднозначными. Это может привести к неправильной оценке ситуации и вводить следователей в заблуждение, искажая результаты допроса.

Одним из путей решения этой проблемы является обучение следователей специфике невербальной коммуникации и ее интерпретации в различных контекстах. Развитие навыков наблюдения за невербальными сигналами и их анализа может помочь следователям более точно понимать эмоциональное состояние и намерения подозреваемых. Стоит принимать во внимание и другие факторы, такие как контекст ситуации, речевые высказывания и физическое поведение подозреваемых для получения более полной картины и минимизации ошибок в интерпретации невербальной коммуникации [5, с. 205].

Для более эффективного проведения допроса следователям необходимо постоянное изучение психологических аспектов коммуникации, участие в специализированных тренингах и семинарах по чтению невербальных

сигналов, а также практическое применение полученных знаний на практике. Важно также развивать эмпатию и чувство интуиции, чтобы лучше понимать эмоциональное состояние и мотивы подозреваемых. Кроме того, необходимо поддерживать профессиональный дистанцированный подход и не допускать предвзятости при интерпретации невербальных сигналов, стремясь к объективной оценке ситуации на основе комплексного анализа всех доступных данных [6, с. 497].

Таким образом, понимание и умение использовать невербальную коммуникацию в тактике допроса играет ключевую роль в получении информации от допрашиваемого. Эффективное использование невербальных сигналов, учет приведенных рекомендаций позволяет следователям лучше понимать эмоциональное состояние и интенции, что, в свою очередь, способствует более полному и достоверному выявлению фактов в раскрытии преступлений.

Список литературы:

1. Егоров Н.Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: издательство Юрайт, 2024. 617 с.
2. Кузнецов А.С. Определение лжи по невербальным признакам / А. С. Кузнецов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 50 (288). С. 428-430.
3. Михайлова Ю.Н. Психологический контакт при производстве следственных действий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №5 (118). С. 249-253.
4. Пиз А., Пиз Б. язык телодвижений. М.: изд-во Эксмо, 2019. 416 с.
5. Рычкалова Л.А. Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого / Л.А. Рычкалова // Общество и право. 2021. № 4 (50). С. 205–211.

6. Рожкова В.А. Особенности тактики допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликтной ситуации / В.А. Рожкова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 26 (130). С. 497-499.

7. Сибилькова А.В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики / А.В. Сибилькова // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 101–109.

8. Усачев С.И., Фомичев К.И. Использование невербальной информации в ходе допроса // Искусство правоведения. The art of law. 2022. С. 50-56.

9. Филиппов А.Г. Криминалистика: учебник для вузов / А.Г. Филиппов [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: издательство Юрайт, 2024. С. 466.

Фам За Хюи

Волгоградская академия МВД Российской Федерации

Факультет подготовки иностранных специалистов

Россия, Волгоград

Huyphamhnbk@gmail.com

Фам Ньы Хан

Академия народной безопасности

Кафедра фундаментальной и профессиональной науки

Вьетнам, Ханой

nik.fam.89@mail.ru

Pham Gia Huy

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Faculty of training foreign specialists

Russia, Volgograd

Pham Nhu Han

People's Security Academy

Department of Fundamental and Professional Science

Vietnam, Hanoi

ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними на основе экономических, социальных, государственных и образовательных аспектов, связанных с управлением государством, семьей и школой. На основе этого предлагаются меры по предотвращению преступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления, преступность несовершеннолетних, причины, преступность, государство, условие.

REASONS, CONDITIONS FOR COMMITTING CRIMES BY MINORS AND PREVENTION MEASURES

Annotation: the article investigates the reasons and circumstances for juveniles to commit crimes, focusing on economic, social, government, and educational elements relating to government, family, and school. Based on this, preventative interventions for adolescent criminality are offered.

Key words: crimes, juvenile delinquency, causes, crime, state, condition.

1. Обзор несовершеннолетних правонарушителей

Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года (далее – КПР), дети - это лица моложе 18 лет (за исключением случаев, когда национальное законодательство устанавливает более ранний возраст). Другие документы, такие как: Минимальные стандарты Организации Объединенных Наций по правосудной деятельности в отношении лиц, не достигших совершеннолетия 1985 года, Руководство Организации Объединенных Наций по предотвращению преступности несовершеннолетних 1990 года и Правила Организации Объединенных Наций о защите лиц, лишенных свободы несовершеннолетних 1990 года определяют, что подростки включают несовершеннолетних, детей - это лица моложе 18 лет, а молодежь - это лица в возрасте от 15 до 24 лет [1].

Во Вьетнаме также существуют некоторые положения о возрасте детей и несовершеннолетних. Конкретно: В Законе о детях 2016 года (изменен и дополнен в 2018 году) утверждается: «Дети - это лица моложе 16 лет» [2]; Статья 21 Гражданского кодекса 2015 года (далее – ГК) устанавливает: «Совершеннолетними считаются лица в возрасте от восемнадцати лет и старше» [3]; Статья 143 Трудового кодекса 2019 года устанавливает: «Трудовые отношения несовершеннолетних - это лица, не достигшие 18 лет» [4]; Статья 90 Уголовного кодекса 2015 года (изменен и дополнен в 2017 году) (далее – УК)

устанавливает: «Лица в возрасте от 14 до меньше 18 лет, совершившие преступление, несут уголовную ответственность в соответствии с положениями настоящей Главы (Глава XII), а также в соответствии с другими положениями Общей части Кодекса, не противоречащими положениям настоящей Главы» [5].

Таким образом, можно понять, что несовершеннолетние - это лица моложе 18 лет, не полностью развитые физически, психологически и в жизненном опыте, с ограниченным уровнем понимания. На основании положений законодательства Вьетнама, преступность несовершеннолетних могут быть определены следующим образом: «Несовершеннолетних преступность - это действия, представляющие опасность для общества, установленные в Уголовном кодексе, совершаемые лицами в возрасте от 14 до меньше 18 лет, обладающими достаточной уголовной ответственностью, совершившими правонарушение, нарушающее социальные отношения, защищаемые уголовным законодательством, и несущими уголовную ответственность за свои действия».

2. Психологические, физиологические характеристики и факторы, влияющие на процесс совершения преступлений несовершеннолетними

Во-первых, развитие психологическое и физиологическое развитие в этом возрасте: Из-за физиологических и психологических нарушений в этой возрастной группе наблюдались нормативные отклонения в поведении несовершеннолетних. Изучение литературы по психологии и физиологии этого возраста показывает, что жизнь в возрасте 11 лет, 12-17 лет и 18 лет, особенно в возрасте от 12 до 15 лет, сложна и развивается. Это связано с появлением новых факторов созревания, которые возникают в результате изменений в организме, самоосознании, отношениях с взрослыми, друзьями, учебной деятельности и социальной активности, которые влияют на восприятие и поведение детей. Быстрое физическое развитие увеличивает склонность к насилию для проявления собственной силы, что может привести к совершению уголовных преступлений, таких как нанесение умышленных телесных

повреждений или сопротивление должностным лицам. Несмотря на серьезные последствия, эмоциональное мышление и необдуманность, даже незначительный конфликт может привести к использованию насильственного поведения для решения проблем [6, с. 13].

Кроме того, несовершеннолетние часто проявляют поверхностный характер, стремление к победе, рискованность перед внешними воздействиями, любопытство и склонность подражать даже неправильным действиям взрослых. Это связано с тем, что их психологическое и физиологическое состояние нестабильно, а их личность несовершенна и их понимание социальных проблем ограничено. Это возраст, когда у человека мало жизненного опыта, особенно в отношении законов.

Во-вторых, в отношении эмоций: Неблагоприятные факторы в семейной жизни, такие как конфликты в семье, развод родителей или отсутствие поддержки, часто влияют на несовершеннолетних преступников. Или несовершеннолетние испытывают первые эмоциональные потрясения, не имея поддержки семьи и случайно или специально «заражаясь» романтическими историями в СМИ, что приводит к глупым действиям. Возраст несовершеннолетних преступников характеризуется частыми эмоциональными колебанием, легким возбуждением, нестабильностью и незначительной изменчивостью.

В-третьих, в отношении осознания: Основным фактором, способствующим увеличению преступности среди несовершеннолетних, является низкий уровень осведомленности как о неправильной жизни в обществе, так и о законе, что приводит к неправильным взглядам и недостаточной системности. Кроме того, несовершеннолетние преступники часто хотят иметь привилегии взрослых, но не понимают, что эти права влекут за собой ответственность. Большинство несовершеннолетних преступников узнают об этом только тогда, когда они сталкиваются с правовыми последствиями за свое опасное поведение.

В-четвертых, в отношении потребностей и удовлетворения: Когда общество становится более развитым, люди приобретают больше материальных благ, а их духовные ценности растут, а индустрия развлечений развивается для удовлетворения потребностей людей. Люди хотят удовлетворить свои потребности, когда они становятся все больше и больше, но не имеют достаточных возможностей [7, с. 70]. Во многих случаях люди будут делать все возможное, несмотря ни на закон, ни на этику, чтобы удовлетворить свои потребности и личные желания. Несовершеннолетние — это группа людей, у которых много потребностей, но мало удовлетворенных. Это связано с тем, что в этот возраст происходят значительные изменения в психологическом и физиологическом здоровье, что приводит к увеличению потребностей, но большинство из них не имеют финансовой самостоятельности, чтобы удовлетворить эти потребности.

3. Причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними

3.1. Экономическо-социальные условия

Во Вьетнаме уровень безработицы в городах и недостаток рабочих мест в сельской местности остаются высокими, и власти пока не нашли способа их преодоления. В последнее время общество стало переживать изменения, вызванные воздействием глобализации, что привело к некоторым негативным последствиям, подавляющим традиционные ценности и нарушающим прекрасные нравственные ценности вьетнамского народа.

С другой стороны, разрыв между богатыми и бедными стал заметным во многих местах, что породило презрение к некоторым богатым людям и их нравственным принципам; противопоставляется этой идее комплекс неполноценности, удовлетворение собственных интересов, который присущ некоторым бедным людям. Среди этих людей могут быть родители несовершеннолетних, и именно эти несовершеннолетние подвержены влиянию таких мыслей от родителей, что приводит к формированию искаженной

психологии, готовности совершать преступные действия для «освобождения» этой психологии.

3.2. Государственное управление

Из-за негативного влияния рыночной экономики и недостатков в управлении культурой и обществом государственными органами и общественными организациями мы не полностью оцениваем сложность и серьезность преступности несовершеннолетних, а именно:

Управление культурной продукцией все еще имеет недостатки, много культурных продуктов содержат аморальный, порнографический контент, вредные культурные продукты с большим количеством непредвиденных вредных последствий широко распространены на рынке и в некоторых интернет-ресурсах. Используя психологию молодежи, которая только начинает познавать любовь и секс, незаконные производственные предприятия постоянно используют возбуждающий и порнографический контент [8, с. 45].

Кроме того, культурная продукция с содержанием насилия также является распространенным «черным» культурным продуктом, особенно на некоторых интернет-ресурсах. Содержание таких культурных продуктов подстрекает к насильственному образу жизни, подстрекает к общественному поведению в стиле «подполья», убийству друг друга, презрению к человеческой жизни. Эти содержания полностью противоречат гуманитарному образу жизни и традиционной культуре вьетнамского народа.

Помимо влияния «вредной» культуры, еще одним пробелом в управлении развлекательными услугами являются онлайн-игры. Основываясь на склонности молодежи к играм, «бизнесмены» всегда ищут способы привлечь клиентов, независимо от их возраста, что приводит к тому, что многие «фанаты игр» - несовершеннолетние, погружаются в игры, не зная о их вреде. Многие формы и игры оказывают немалое влияние на мышление и размышления молодежи. В результате, чтобы заработать деньги на игры, некоторые

несовершеннолетние признаются, что под влиянием «зависимости» от онлайн-игр они совершили преступные действия (например, кражу, грабеж).

3.3. Управление и воспитание семьи и школы

Во-первых, в отношении управления и воспитания семьи

Согласно положениям Закона о правах ребенка 2016 года (внесенные изменения и дополнения в 2018 году) и связанных с ним правовых актов, воспитание и защита детей являются не только ответственностью семьи, но также ответственностью школы и общества, в частности, ответственностью органов, общественных организаций, организаций, ответственных за защиту детей. Исследования Центра криминологических исследований и расследований преступлений, Народной полицейской академии показывают, что преступность несовершеннолетних возрастает из-за системы семейного, школьного и общественного образования.

Многие семьи выбирают неправильные методы управления и воспитания, такие как удовлетворение и полное выполнение материальных требований несовершеннолетнего ребенка, когда эти требования не являются справедливыми или соответствующими возрасту или экономическим условиям семьи. Или жестокое обращение отца и матери с детьми, используя частые наказания, может предотвратить негативное поведение ребенка. Эти действия приводят к изменению личности, вызывают у детей ненависть к родителям и порождают пренебрежение к наказанию, продолжая идти по пути разрушения.

Кроме того, некоторые семьи полагаются на школу и общество в управлении и воспитании своих детей, потому что родители заняты работой, бизнесом, частыми командировками или из-за болезни, болезней, не могут тщательно контролировать учебу и жизнь своих детей. Поэтому несовершеннолетние, живущие в таких условиях, становятся прагматичными, стремятся к материальным благам и, если не могут заработать деньги, быстро прибегают к краже, грабежу, мошенничеству для заработка денег.

Можно сказать, что недостаток внимания со стороны семьи является одной из основных причин, приводящих к преступному поведению несовершеннолетних. Большинство несовершеннолетних имеют проблемы с психологией, разочарованы, бросают учебу, бродят, стремятся к развлечениям... и семья вообще не знает об этом. Или когда семья узнает о нарушении несовершеннолетнего уголовного закона, она обвиняет, ругает или бросает его. Таким образом, недостаток внимания со стороны семьи всегда является одной из основных причин преступного поведения несовершеннолетних.

Во-вторых, в отношении управления и воспитания со стороны школы

Ситуация с преступностью несовершеннолетних различается в каждом регионе, области, районе. Особенно в больших городах, плотно заселенных городских районах, развитых промышленных зонах, уровень преступности несовершеннолетних значительно выше, чем в провинции, местных городах, сельских районах. Согласно статистике полиции города Хошимин, с 2018 года по конец первого квартала 2021 года в городе было 884 подозреваемых в возрасте до 18 лет. Среди них 11 убийств, 47 грабежей, 8 изнасилований, 70 умышленных причинения телесных повреждений, 290 краж, грабежей, 17 случаев торговли и хранения наркотиков...; лица в возрасте до 16 лет составляют более 30% [9, с. 90]. По уровню образования, 3,75% не умеют читать и писать, начальное образование составляет 29,33%, основное образование - 46,51%, среднее образование - 20,41%. Из 884 подозреваемых, 553 уже бросили учебу (71,44%).

Можно выделить два фактора школы, влияющих на преступность учащихся: недостаточно эффективная система управления, недостаточное сотрудничество между семьей и школой, а также недостаточные инвестиции в обучение жизненным навыкам учащихся [10]. В настоящее время работа по воспитанию нравственности, гражданскому образованию, правовому сознанию и управлению учащимися в школе ограничена; сотрудничество между семьей, школой и обществом не является тесным и постоянным в отношении

управления, воспитания, выявления, предотвращения и наказания учащихся, нарушающих закон; некоторые школы боятся, что это повлияет на их успехи и репутацию, поэтому они не своевременно информируют правоохранительные органы для принятия мер по управлению и воспитанию [11, с. 14]...

4. Решения по предотвращению совершения преступлений несовершеннолетними

Во-первых, в отношении разработки законодательства

Согласно положениям статьи 12 УК Вьетнама 2015 года (внесенные изменения и дополнения в 2017 году), возраст уголовной ответственности во Вьетнаме составляет 14 лет, а лица в возрасте от 14 до 16 лет несут уголовную ответственность только за особо тяжкие или особо тяжкие преступления. На практике существует множество особо тяжких преступлений, совершенных лицами младше 14 лет, которые не могут быть рассмотрены в уголовном порядке, а также множество преступлений, совершенных лицами младше 18 лет, которые не могут быть переданы на судебное разбирательство, поскольку эти лица находятся в возрасте от 14 до 16 лет, но совершают только менее тяжкие или тяжкие преступления, даже если они совершают особо тяжкие или особо тяжкие преступления, но эти преступления не перечислены в 28 статьях закона, указанных в статье 12 УК Вьетнама 2015 года (внесенные изменения и дополнения в 2017 году), их рассматривают только в административном порядке. Такое положение не соответствует действительности преступности и нарушениям закона, совершаемым несовершеннолетними лицами в последнее время, и создает пробелы для использования несовершеннолетних лиц в совершении преступлений. Поэтому, по нашему мнению, для эффективного предотвращения преступлений несовершеннолетних лиц, вместо снижения возраста уголовной ответственности или возраста несовершеннолетних лиц, следует изменить Уголовный кодекс в направлении увеличения наказания при судебном разбирательстве в отношении несовершеннолетних лиц, поскольку с учетом растущей тенденции преступности несовершеннолетних лиц в

настоящее время нам также необходимо изменить уголовно-правовую политику в более строгом направлении для достижения соответствия. Это также не противоречит содержанию международных договоров, которые определяют возраст уголовной ответственности или возраст несовершеннолетних лиц в соответствии с законодательством каждого государства-члена [12, с. 73].

- Существует несоответствие между положениями УК Вьетнама 2015 года (внесенные изменения и дополнения в 2017 году) в общей части и в части конкретных преступлений, например: В статье 145 устанавливается уголовное наказание за совершение полового акта или иных сексуальных действий с лицом в возрасте от 13 до 16 лет: «Лицо, достигшее 18 лет, совершившее половой акт или иные сексуальные действия с лицом в возрасте от 13 до 16 лет, если это не относится к случаям, предусмотренным статьей 142 и статьей 144 настоящего Кодекса, подлежит наказанию лишением свободы на срок от одного до пяти лет...». Статья 146 об уголовном преступлении изнасилования в отношении лица младше 16 лет также устанавливает: «Лицо, достигшее 18 лет, совершившее действия, направленные на изнасилование лица младше 16 лет без цели совершения полового акта или иных сексуальных действий, подлежит наказанию лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет...». Таким образом, согласно основным составам этих двух преступлений, только лица в возрасте от 18 лет и старше, совершающие половой акт с лицом в возрасте от 13 до 16 лет или изнасилование лица младше 16 лет без цели совершения полового акта или иных сексуальных действий, подлежат уголовному преследованию, в то время как лица младше 18 лет, независимо от тяжести преступления, не подлежат уголовному преследованию. По нашему мнению, такое положение не является разумным с учетом текущей ситуации, противоречит положениям статей 142 и 144. Поэтому, чтобы устранить противоречия между положениями УК Вьетнама 2015 года (внесенные изменения и дополнения в 2017 году) и повысить эффективность

предотвращения преступлений несовершеннолетних лиц, по нашему мнению, необходимо изменить положения основных составов статей 145 и 146 в направлении, не указывая в основных составах этих двух статей «лицо, достигшее 18 лет...», а указывая, как в основных составах статей 141, 142, 143, 144 УК Вьетнама 2015 года (внесенные изменения и дополнения в 2017 году).

Во-вторых, в отношении применения законодательства: Применение законодательства в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, должно осуществляться строго и полностью, чтобы обеспечить права несовершеннолетних лиц. Кроме того, система юстиции для несовершеннолетних лиц должна гарантировать, что меры ограничения свободы несовершеннолетних лиц, такие как задержание, содержание под стражей, направление в воспитательное учреждение и условное лишение свободы, являются крайними мерами и применяются только к тяжелым насильственным преступлениям или повторным совершением других тяжелых преступлений. Кроме того, необходимо применять меры направленного воздействия для решения преступлений или нарушений закона, совершенных несовершеннолетними лицами, такие как мирное урегулирование, образование в сообществе, вместо официальной процедуры судебного разбирательства, чтобы дети осознали свои ошибки, имели возможность исправиться и стать полезными членами общества.

В-третьих, усиление социального управления, особенно управление в киберпространстве: Доступ детей к информации, особенно в киберпространстве, должен строго контролироваться семьей и школой. Государство также должно принимать и осуществлять законы для строгого контроля за сетью, управления связанными с нравственностью бизнес и образовательными деятельностью, осознания и развития формирования личности детей. Деятельность бизнеса с насилием, провоцирующая насилие, привлекающая к негативному влиянию на развитие и формирование личности детей, должна быть запрещена и своевременно пресечена.

В-четвертых, повышение роли семьи и школы: Для предотвращения преступлений несовершеннолетних, прежде всего, необходимо усилить семейное воспитание. Поскольку семья оказывает значительное влияние на формирование личности каждого индивида. Каждый ребенок начинает подражать поведению, общению, выражению каждого члена семьи. Семья должна быть субъектом заботы о нравственном воспитании, образе жизни; контролировать социальные отношения своих детей, чтобы своевременно выявлять и корректировать отклонения, ошибки. Когда несовершеннолетний знает, как соответствовать общественным нравственным стандартам, это снижает риск совершения преступлений. Семья должна представлять правовые знания выборочно и систематически, чтобы помочь детям понять, что является законным поведением, а что нарушением закона, знать, что им следует делать и чего не следует делать. Таким образом, дети будут иметь сознание избегать нарушения закона и преступлений в будущем.

Список литературы:

1. Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Дата обращения: 10.5.2024)
2. Luật trẻ em nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số 102/2016/QH13, ngày 05.4.2016/ Закон о детях Социалистической Республики Вьетнам, № 102/2016/QH13, 5 апреля 2016 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-duc/Luat-tre-em-2016-303313.aspx> (Дата обращения: 10.5.2024)
3. Bộ luật dân sự nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số 91/2015/QH13 ngày 24.11.2015/ гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам №91/2015/QH13 от 24 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx> (Дата обращения: 10.5.2024)

4. Bộ luật Lao động nước Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số 45/2019/QH14, ngày 20.11.2019/ Трудовой кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 45/2019/QH14 от 20 ноября 2019 г., URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Lao-dong-Tien-luong/Bo-Luat-lao-dong-2019-333670.aspx> (Дата обращения: 10.5.2024)

5. Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 100/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №100/2015/QH13, 27 ноября 2015 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx> (Дата обращения: 10.5.2024)

6. Ву Нгок Бинь, Ювенальная юстиция и права ребенка, из. Национальная политика, 1996 г., с. 13.

7. Доан Ван Бау, Психологические причины нарушений уголовного законодательства несовершеннолетними в провинции Донгнай, Материалы научной конференции: Решения по предотвращению нарушений закона несовершеннолетними, Донг Най, 2017 г., с.70

8. Нгуен Минь Дык, Причины и условия нарушения несовершеннолетними уголовного законодательства и пути их предотвращения, Издательство. Справедливость, 2014 г., с. 45.

9. Нгуен Тхи Ха, Влияние среды обитания на преступное поведение несовершеннолетних, Журнал «Образование и общество», номер 120, 2021 г., с. 90.

10. Nguyễn Sơn, Vì sao tội phạm hình sự ngày càng trẻ hóa và man rợ? URL: <https://vtv.vn/trong-nuoc/vi-sao-toi-pham-hinh-su-ngay-cang-tre-hoa-va-man-ro-20150725134934625.htm> (Дата обращения: 12.5.2024)

11. Чан Куанг Тонг, Хоанг Мин Дык, Уголовное правосудие для несовершеннолетних во Вьетнаме сегодня - Некоторые теоретические и практические вопросы, Из. Народная полиция, 2017, с.14.

12. Фам Ван Тхань, Нгуен Тхо Хай, Предотвращение нарушения закона несовершеннолетними - Текущая ситуация и решения, Из. Национальный университет Хошимина, 2018, с.73.

УДК 343.9

Филиппова Варвара Сергеевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

filvarvara16@gmail.com

Filippova Varvara

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Аннотация: широкое распространение криптовалют в качестве платежных средств ведет не только к развитию финансового, IT и экономического секторов, но и к увеличению числа преступлений, совершаемых с их использованием. Анонимность транзакций, децентрализация и отсутствие единого регулирующего органа создают благоприятную среду для незаконной деятельности.

Ключевые слова: цифровые активы, преступления, криптовалюта, информационная безопасность, расследование преступлений, экономические преступления.

COUNTERING CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF CRYPTOCURRENCY TRANSPORT

Annotation: the widespread use of cryptocurrencies as means of payment leads not only to the development of the financial, IT and economic sectors, but also to an increase in the number of crimes committed with their use. Anonymity of

transactions, decentralization and the absence of a single regulatory body create a favorable environment for illegal activities.

Key words: digital assets, crimes, cryptocurrency, information security, crime investigation, economic crimes.

В последнее десятилетие криптовалюты превратились из нишевого интереса в значимый финансовый актив, привлекая внимание как инвесторов, так и регуляторов рынков.

Однако с ростом популярности криптовалют, увеличивается и количество преступлений, совершаемых с их использованием. Это ставит перед правоохранительными органами и законодательными структурами новые вызовы, связанные с необходимостью разработки эффективных методов идентификации, пресечения и предотвращения криптовалютных преступлений.

Данная статья описывает текущее состояние проблемы криптопреступлений, анализирует основные сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании таких дел, и предлагает возможные пути улучшения ситуации.

Применение криптовалют расширяется за пределы традиционных финансовых операций, включая также незаконные действия, такие как отмывание денег, финансирование терроризма, мошенничество, кибервымогательство и торговлю наркотиками. Особенность криптовалют, такая как анонимность транзакций, создает значительные препятствия для правоохранительных органов.

Следовательно, ключевым аспектом исследования является разработка и внедрение новых технологий и методологий, позволяющих преодолеть эти барьеры и обеспечить эффективный контроль и мониторинг транзакций в сфере криптовалют.

По мнению Т.В. Пинкевич квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, в целом основывается на общих руководящих началах (принципах) и правилах уголовно-правовой оценки деяния [1].

Также статья рассматривает международный опыт и сравнительный анализ законодательных инициатив различных стран, что позволяет выявить наиболее успешные практики и подходы к регулированию и контролю криптовалют.

Целью данной работы является предоставление комплексного обзора существующих решений и формирование предложений по усилению законодательной и технической базы для борьбы с криптопреступлениями на национальном и международном уровнях.

Говоря о криптовалютах следует отметить, что на данный момент на национальном и международном уровнях все еще ведется дискуссия о статусе данных активов.

Отсутствие четкого определение криптовалют и непроработанное законодательное регулирование ведет к всплеску преступности. Злоумышленники пользуются возможностью остаться безнаказанными.

Для удобства исследования криптопреступности и борьбы с ней целесообразно разделить преступления на две основные группы:

1. Преступления, в которых криптовалюта - средство совершения
2. Преступления, в которых криптовалюта - объект посягательства

Первая группа с каждым днем получает все большее распространение. Ее основу составляют деяния, связанные с оборотом предметов, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте, в которых криптовалюта выступает платежным средством. К таковым, прежде всего, можно отнести преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ, оружия, а также порнографических материалов.

Изучение судебной практики показывает, что подобные преступления происходят в широких масштабах и пресекаются сотрудниками правоохранительных органов.

В одном из изученных приговоров суд отмечает следующее: «подсудимый примерно в январе 2019 г. посредством Интернета заплатил 25 000 руб., переведя указанные денежные средства в неотслеживаемую криптовалюту «Биткойн», перечислил указанные платежные средства на интернет-сайт «Рутор», осуществив заказ оружия. Затем, действуя умышленно и незаконно, приобрел путем подбора «тайника-закладки» в неустановленном месте возле станции метро «Нагатинская» в Москве пистолет, который был переделан самодельным способом из сигнального пистолета «МР-371». Не имея лицензии на приобретение оружия, его основных частей и боеприпасов, действуя в нарушение Федерального закона № 150-ФЗ «Об оружии» от 13.12.1996, и зная, что установлена уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей и боеприпасов, он обратил пистолет и патроны в свое противоправное владение, поместив их в своей квартире» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что подобные преступления составляют особую опасность для общества, поскольку криптовалюта становится средством, с помощью которого в оборот вводятся запрещенные объекты.

Однако основной проблемой раскрываемости данных преступлений является установление лица, которое осуществило продажу, поскольку криптовалюта является анонимным средством платежа и все транзакции засекречены, поэтому сотрудникам следственных органов проблематично установить получателя денежных средств.

В зарубежных странах данная проблема активно решается с помощью сотрудничества государства и частных расследовательских компаний. Например, одна из таких фирм, Chainalysis, только в 2015–2019 годах заработала на заказах органов федерального уровня США \$10 млн, в то время

как другая компания — поставщик подобных услуг (незамысловато именованная CipherTrace) — порядка \$6 млн. По некоторым данным, работа специалистов этих компаний позволила конфисковать и наложить взыскание на имущество, стоимость которого многократно превышала оплату их услуг [3].

В России государственные органы пошли по другому пути, приняв решение о создании собственного механизма по раскрытию цепочек криптовалют. В 2021 году стало известно, что Росфинмониторинг заказал создание модуля для мониторинга криптовалютных транзакций. Одна из его задач — контроль поведения участников рынка с целью их идентификации. Работу выполнит структура, подконтрольная «Сберу» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что правоохранительные органы по всему миру делают шаги к преодолению анонимности криптовалютных цепочек с целью раскрытия преступлений.

Также необходимо рассмотреть другую группу криптопреступлений, в которой криптовалюта выступает объектом посягательства. Данный вид преступлений представляется более сложным для раскрытия, поскольку органам следствия часто не удается установить даже минимальное количество данных о совершенном преступлении, поскольку хищение криптовалюты происходит анонимно путем перевода с одного анонимного кошелька на другой.

В одном из дел суд согласился с квалификацией действий виновного по ч. 2 ст. 159 УК РФ, который из «корыстных побуждений с целью хищения чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием под никнеймом «polya2218» на сайте «www.LocalBitcoins.com» вступил в переписку с потерпевшим, в ходе которой договорился о покупке у данного пользователя криптовалюты в размере 0.03875392 «BTC-е», заранее не намереваясь выполнять обязательства по ее оплате» [5].

Также отметим, что раскрытие подобных преступлений связано не только с техническими, но и с теоретическими сложностями. Э.Л. Сидоренко отмечает,

что из-за отсутствия легальной дефиниции криптовалюты в российском законодательстве ее нельзя признать объектом гражданских прав и, следовательно, любые формы ее присвоения не могут быть признаны хищением, поскольку криптоактивы а не обладает присущими для предмета хищения определенными материальными и экономическими чертами [6].

М.М. Долгиева также обращает внимание, что криптовалюта в силу специфических свойств, ценности и возможности являться предметом гражданского оборота должна быть отнесена к видам иного имущества в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [7].

Однако отметим, что некоторые сотрудники правоохранительных органов не считают анонимность криптовалюты существенной проблемой для раскрытия преступлений. Например, руководитель организационно-аналитического отдела Главного управления процессуального контроля СК России Денис Кунев считает, что «парадокс криптовалюты заключается в том, что операции с не оставляют такой криминалистический след, который позволяет в считанные минуты сделать любую скрытую финансовую операцию общедоступной, даже когда используется валюта с повышенным уровнем шифрования» [8].

В ходе исследования было выявлено, что преступления, связанные с криптовалютами, представляют собой сложную и динамично развивающуюся проблему, требующую комплексного подхода в решении. Анализ международного опыта показал, что эффективное противодействие криптопреступлениям возможно только при условии совместных усилий национальных и международных правоохранительных органов, а также при активном вовлечении финансового сектора и технологического сообщества.

Основные рекомендации, вытекающие из исследования, включают в себя необходимость усиления законодательной базы, разработку и внедрение передовых технологий для мониторинга и анализа криптотранзакций, и укрепление международного сотрудничества в обмене информацией и

оперативных данных. Также крайне важно проведение образовательных программ для повышения осведомленности и компетентности как сотрудников правоохранительных органов, так и широкой общественности в вопросах использования и безопасности криптовалют.

Преодоление вызовов, связанных с криптопреступлениями, требует не только технических решений, но и глубокого понимания особенностей криптовалютных рынков и механизмов их функционирования. Успех в борьбе с преступлениями в сфере криптовалют в значительной мере зависит от готовности и способности всех заинтересованных сторон к адаптации и принятию новых, инновационных подходов к регулированию и контролю этой новой, но уже незаменимой части современного финансового мира.

Список литературы:

1. Пинкевич Т.В. Проблемы уголовно-правового противодействия преступной деятельности с использованием криптовалют // Юрист-Правоведь. 2020. № 4. С. 45– 48.
2. Приговор Сормовского районного суда Нижнего Новгорода от 07.09.2018 по делу № 1-212/2018 // СПС «Консультант-Плюс».
3. Иллюзорная безнаказанность: как раскрываются хитрые схемы с криптовалютами| авторская колонка Антона Березина для РБК PRO // URL: <https://epam.ru/ru/media/view/illyuzornaya-beznakazannost:-kak-raskryvayut-hitrye-shemy-s-kriptovalyutami> (дата обращения: 17.04.2024).
4. В РФ начнут отслеживать криптовалютные транзакции. Что это значит // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61094fe69a794776fd9a9a4f> (дата обращения: 17.04.2024).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда Москвы от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

6. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное правосудие и международная юстиция. 2016. N 6. С. 8–10.

7. Долгиева М.М. Конфискация криптовалюты // Законность. 2018. N 11. С. 45–49.

8. Эксперт рассказал, как раскрывать преступления с использованием блокчейна // URL: <https://ria.ru/20180420/1519032865.html> (дата обращения: 17.04.2024).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

Metsler Valeria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

**МЕСТО ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА НА
МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ**

Аннотация: в статье анализируется место Шанхайской организации сотрудничества на международной арене. На сегодняшний день ШОС является очень мощной международной организацией, которая ежегодно расширяется и набирает обороты. Принципы, закрепленные в Хартии ШОС, а именно укрепление доверия и взаимного уважения, являются привлекательными для многих стран. Делается вывод о значимости и причинах значимости данной организации.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, экономика, интеграция, взаимодействие, безопасность, сотрудничество.

**PLACE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN THE
INTERNATIONAL ARENA**

Annotation: the article analyzes the place of the Shanghai Cooperation Organization in the international arena. Today, the SCO is a very powerful international organization, which is expanding and gaining momentum every year. The principles

enshrined in the SCO Charter, namely strengthening trust and mutual respect, are attractive to many countries. A conclusion is drawn about the significance and reasons for the significance of this organization.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, economy, integration, interaction, security, cooperation.

Шанхайская организация сотрудничества – особенная постоянно действующая межправительственная международная организация, созданная в июне 2001 года в городе Шанхае. За 23 года работы Организация стала неотъемлемой частью политического и экономического мироустройства.

Причины создания ШОС уходят глубоко корнями еще в 1960-е годы, когда после Холодной войны возникла необходимость в поддержании мира и безопасности между странами Центральной Азии. Так в июне 2001 года на встрече глав шести государств, таких как Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, зародилась новая международная организация – Шанхайская организация сотрудничества. Документом, закрепляющим цели и принципы организации, ее структуры и направления деятельности стала Хартия ШОС.

ШОС является той организацией, которая сближает и притягивает многие государства Ближнего Востока, Северной Африки и Азии, так как закрепленные принципа и направления деятельности, выработанные за 23 года работы, являются привлекательными для многих стран и крайне востребованными. В это же время принципы ШОС основаны на взаимном доверии и выгоде, равенстве, стремлении к совместному развитию, уважении к многообразию культур.

В Шанхайской организации сотрудничества предусмотрены три ступени взаимодействия, а именно: страна-участница, например, Россия, Китай, Индия и другие; страна-наблюдатель, например, Беларусь, Монголия; партнеры по диалогу, например, Шри-Ланка, Турция [1]. На сегодняшний день совокупное

число стран-участниц ШОС занимают четверть суши, а это почти вся Евразия. Стоит отметить, что основными целями ШОС являются развитие добрососедства и укрепление доверия. ШОС не является прототипом военного блока, в ней отсутствуют военные атрибуты. На сегодняшний день, целях семь стран хотят вступить в члены ШОС. Так, например, процесс вступления начала Республика Беларусь. Статус партнеров по диалогу получили Египет и Катар, а для Мальдив, ОАЭ и Кувейта началась процедура рассмотрения [2, с. 93]. Можно заметить, что ШОС пользуется большим спросом среди стран.

Важно сказать о том, что наиболее важным партнёром для ШОС является ЕАЭС. Учитывая перспективные направления ШОС, в ближайшее время ожидается активное сотрудничество между ШОС и ЕАЭС. Помимо ЕАЭС, ШОС также сотрудничает с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, с Совещанием по взаимодействию мерам доверия в Азии [3, с. 126]. ШОС своим существованием и эволюцией подтверждает, что Евразия является одним из наиболее многообещающих регионов мира, где возможны безопасность, экономический рост, хорошие отношения с соседями, дружба и сотрудничество. Создание ШОС в начале 21 века сыграло ключевую роль в стабилизации ситуации в Центральной Азии, помогло сдерживать угрозы из Афганистана, укрепить партнерство для их противодействия и привлекло впервые внимание мирового сообщества к необходимости совместных усилий по борьбе с трансрегиональными угрозами.

В 2004 году в Ташкенте появилась антитеррористическая структура ШОС, которая стала очень продуманным решением, поскольку в данном регионе существующие террористические организации очень комфортно чувствуют себя для распространения радикальных идей, а создание такой структуры помогает сдерживать их. Ежегодно РАТС ШОС проводятся антитеррористические учения. Особенность таких учений заключается в том, что в основу их проведения заложен принцип приближения его сценарий к реальным условиям оперативной обстановки и тактики террористов. Как я уже

говорила выше, ШОС не является военным блоком, однако подобные учения носят профилактический характер для поддержания мира и безопасности в пространстве государств-членов ШОС. Очевидно, что, основываясь на идее неделимости безопасности, сотрудничество в сфере безопасности в рамках ШОС демонстрирует успешную реализацию этого принципа на уровне трансрегионального сотрудничества в Евразии.

На фоне возникающих новых угроз и вызовов, ШОС продолжает развивать сотрудничество и производить поиск новых форм взаимодействия в области безопасности. Например, Россия предлагает создать универсальный центр ШОС по противодействию угрозам и вызовам, Душанбе вынесли идею о создании антинаркотического центра и другие идеи [4, с. 307]. Тем самым, можно сделать вывод, что поддержание мира и безопасности было и будет приоритетным направлением в рамках деятельности ШОС, а постоянно возникающие новые идеи по поддержанию безопасности говорят о заинтересованности государств-членов ШОС в развитии данного направления.

Такой же актуальной заинтересованностью обладает экономическое взаимодействие. За последние семь лет в регионе наблюдается прорыв в сфере экономики. Многие связывают это с новой внешней политикой Узбекистана, которая заключается в высокой заинтересованности в дела ШОС. Страны-участницы ШОС заинтересованы в ускорении темпов развития торговли и экономики ШОС, в развитии торговых путей и сообщений. Ежегодно объем внешней торговли между странами ШОС значительно растет, особенно в условиях санкционной политики западных стран. Огромный вклад в данном направлении вносят Киргизия и Таджикистан, у которых на торговлю с партнерами по ШОС приходится 70% и 65% товарооборота соответственно [5, с. 81]. Крупнейшими торговыми партнерами по сей день остаются Россия и Китай. Помимо торговли, они также занимают лидирующее положение в инвестициях. Общие суммы инвестиций, сделанные Китаем и Россией в страны Центральной Азии, достигли более 61 миллиарда долларов.

Стоит отметить, что за последние несколько лет сильно укрепилась транспортная связь стран-членов ШОС. Вступление Ирана в члены ШОС позволило в полной мере раскрыть транспортный потенциал Южной и Западной Азии, а также открыть доступ региона к морям и океанам. Такие же действия совершены в сфере энергетики и промышленности, развиваются отношения по проведению трубопроводов между странами-членами ШОС.

Механизмы взаимодействия и формы сотрудничества, разработанные в рамках ШОС, открывают уникальные возможности для согласования интересов каждого государства-участника организации с общими целями развития региона ШОС. Место Шанхайской организации сотрудничества на международной арене является значительным и важным. Основанная в 2001 году организация стремится к улучшению сотрудничества и доверия между своими членами, а также к содействию в урегулировании региональных конфликтов и проблем. Международное сообщество признает важность и влияние Шанхайской организации сотрудничества, и она становится всё более значимым игроком на мировой арене. В будущем организация может расширить свои границы и участников, что позволит ей еще больше влиять на международное положение и сотрудничество.

Список литературы:

1. Дзирун, И. А. Место Шанхайской организации сотрудничества на мировой арене / И. А. Дзирун, Н. Д. Степин // Дневник науки. – 2022.
2. Курманбаев, Н. С. Роль и место ШОС в современном мире / Н. С. Курманбаев // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. – 2022. – № 18. – С. 90-96.
3. Сафронова, Е. И. Роль и место России и Китая в решении политических и экономических проблем ШОС / Е. И. Сафронова // Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства

ШОС: проблемы и перспективы / РАН; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. – С. 123-135.

4. Бабенков, А. А. Проблемы и перспективы участия Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества / А. А. Бабенков // Интеграция наук. – 2018. – № 8(23). – С. 306-308.

5. Петрушина О.М., Филиппов М.И., Кондрашова И.В. Актуальные вопросы международного сотрудничества // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 6. С. 79-83.

Мецлер Валерия Эдуардовна

Кушнарев Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vmetzler2002@mail.ru

KUSHNAREV-02@LIST.RU

Metsler Valeria

Kushnarev Alexander

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация: в статье анализируются экономические аспекты сотрудничества стран-участниц ШОС. Рассматриваются основные, перспективные направления сотрудничества. Уделено внимание торговым направлениям, инвестициям, инфраструктурным проектам и другим сферам взаимодействия. Описаны основные пути развития. Анализируются новые возможности для экономического развития в связи с недавним вступлением в члены ШОС Ирана.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, экономика, интеграция, взаимодействие, торговля, транспортные пути.

ECONOMIC INTERACTION OF COUNTRIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Annotation: the article analyzes the economic aspects of cooperation between the SCO member countries. The main, promising areas of cooperation are considered.

Attention was paid to trade areas, investments, infrastructure projects and other areas of interaction. The main development paths are described. New opportunities for economic development are analyzed in connection with Iran's recent accession to the SCO.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, economics, integration, interaction, trade, transport routes.

В условиях санкционной политики западных стран в отношении Российской Федерации большую актуальность набирает необходимость распространения экономических связей на Восток, что позволит повысить устойчивость экономики. В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным от 31 марта 2023 года №229, в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание укреплению потенциала и повышению международной роли Шанхайской организации сотрудничества и других международных организаций, например, БРИКС. Также в данной Концепции закреплено стремление России к преобразованию Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира и стабильности путем укрепления потенциала и роли Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении безопасности в Евразии и содействии ее устойчивому развитию путем совершенствования деятельности Организации с учетом современных геополитических реалий. Таким образом, взаимодействие в интеграционных процессах является важным направлением российской внешней политики [1].

Стоит начать с того, что Россия в рамках Шанхайской организации сотрудничества взаимодействует с другими странами как в экономическом направлении, так и в содействии поддержания мира и безопасности, то есть в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Шанхайская организация

сотрудничества, в нынешних условиях, является отличным и крайне эффективным инструментом для поддержания качественного диалога между странами.

Немного исторической сводки. Шанхайская организация сотрудничества была создана в июне 2001 года в городе Шанхае на встрече глав шести государств, таких как Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Данная организация начала расширяться только в 2017 году, когда в состав ее членов вошли Индия и Пакистан. Далее в 2023 году к ШОС присоединился Иран. Важным направлением деятельности ШОС является экономическая интеграция, которая началась еще в далеком 2003 году, когда страны-члены ШОС начали подписывать долгосрочные программы по экономическому сотрудничеству.

На данный момент ШОС реализует проекты, направленные на развитие торговых отношений и путей. Так, ведется строительство железных дорог, которые соединят Узбекистан с Афганистаном и Пакистаном, а также Китай с Кыргызстаном, строительство автомагистралей, трубопроводов для транспортировки энергоресурсов [2, с. 126]. Подобные проекты сыграют важную роль в развитии инфраструктуры и укреплении экономических связей в регионах, а также поспособствует дальнейшему углублению экономической интеграции для всех стран-членов Шанхайской организации сотрудничества.

Активно развивается финансовое сотрудничество, что может способствовать укреплению экономической интеграции, взаимопонимания и стабильности. ШОС сталкивается с серьезными экономическими задачами, такими как увеличение региональной торговли и консолидация энергетического потенциала стран-участниц. Организация прилагает большие усилия для снижения торговых барьеров и упрощения процедур торговли между странами-участницами.

Помимо вышесказанного, ШОС ставит перед собой важную задачу по совершенствованию диалога между государствами. Организация постоянно

работает над упрощением переговоров и общения между странами-участницами ШОС [3, с. 133], опираясь на важный принцип консенсуса при принятии решений, что способствует стимулированию экономического прогресса.

Стоит уделить внимание опыту взаимного инвестирования. Данный опыт способствует синхронизации национальных законодательств, заявлений и взаимной интеграции. Так, например, взаимное инвестирование между Китаем и Россией привело к созданию надежного и долгосрочного партнерства. Еще в 2005 году Россия и Китай активизировали энергетические проекты между собой. После этого в 2009 году они подписали соглашение о сотрудничестве в области энергетики [4, с. 92]. И по сей день экономические связи между Россией и Китаем продолжают развиваться и оставаться достаточно тесными.

По мнению авторов, важно сказать и о том, что в рамках работы Шанхайской организации сотрудничества принципиально важным направлением для экономической интеграции стала тенденция к дедолларизации взаимной торговли [5, с. 170]. Так, было подписано соглашение о создании механизма взаиморасчетов в рублях и юанях, что способствовало особому сближению России с Китаем. По итогам данного соглашения, увеличилось число инвестиций, улучшилось взаимодействие в торговом направлении, большинство взаимных расчетов осуществляется в национальных валютах, что приводит к стабильности национальных валют.

Также, в рамках ШОС проводится активная гуманитарная политика в отношении стран Центральной Азии по борьбе с бедностью и улучшению условий жизни населения. Предполагается, что поддержка малых стран ШОС в развитии их социально-экономических отношений, а также стимулирование иностранных инвестиций и увеличение внутреннего производства, способствуют увеличению внутренней торговли между членами организации и благоприятно сказываются на экономике региона.

Вступление в июле 2023 года Ирана в число участников Шанхайской организации сотрудничества предоставило множество возможностей для дальнейшего экономического развития стран. Все дело в том, что Иран обладает крайне выгодным стратегическим расположением с доступом к морю и в Южную и Западную Азию. Важным направлением является расширение транспортных путей через Иран до Персидского залива. Сотрудничество с Ираном позволит получить доступ ко многим рынкам южной и западной Азии, несмотря на санкционное давление. Помимо этого, сотрудничество с Ираном поможет строительству сухопутного коридора «Восток-Запад» через Центральную Азию, который свяжет Китай с Черным морем и Ближним Востоком.

Отмечая перспективные направления развития ШОС, то здесь также мы хотим сказать о развитии транспортных соединяющих путей, например, строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан, автомагистралей Китай-Пакистан и так далее, что будет способствовать ускорению товарооборота и созданию новых маршрутов для торговли.

Таким образом, в заключение мы хотим сказать, что ШОС играет очень важную роль в экономической интеграции стран. Дальнейшее развитие сотрудничества приведет к развитию торговли, улучшению социально-экономического положения стран и росту влияния ШОС. Для дальнейшего развития видится необходимым расширить членство организации.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>
2. Пилипенко В.В. Анализ экономического взаимодействия в Шанхайской организации сотрудничества // Вестник университета. 2024. № 2. С. 124–132.

3. Кузнецова, М. А. Особенности экономического взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества / М. А. Кузнецова // Инновационные перспективы Донбасса : материалы 9-й Международной научнопрактической конференции, Донецк, 23–25 мая 2023 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. – С. 132-136.
4. Чукреев, А. А. Региональное экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества: становление правовой основы / А. А. Чукреев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 89-105.
5. Лузянин С.Г., Сафронов Е.И. (ред.) Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография. М.: ИДВ РАН; 2015. 168 с.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

Алиев Руслан Абдуллаевич
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Юридический факультет
Таджикистан, Душанбе
kot.begemot@tutamail.com

Aliyev Ruslan
Russian-Tajik (Slavic) University
Faculty of Law
Tajikistan, Dushanbe

КУЛЬТУРА ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация: данная статья посвящена вопросу необходимости повышения культуры доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях. Автор делает вывод о том, что в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях должны действовать реальные механизмы обеспечения состязательности, отмечает необходимость развития правового регулирования недопустимых доказательств, а также ставит вопрос о необходимости профессионализации производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: культура доказывания, административные правонарушения, доказательства, состязательность, недопустимые доказательства.

CULTURE OF PROVING IN CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation: this article is devoted to the issue of the need to improve the culture of evidence in proceedings on administrative offenses. The author concludes that in the process of proving cases of administrative offenses, real mechanisms should be in

place to ensure competitiveness, notes the need to develop legal regulation of inadmissible evidence, and also raises the question of the need to professionalize proceedings in cases of administrative offenses.

Key words: culture of proof, administrative offenses, evidence, adversarial, inadmissible evidence.

В юридической науке принято считать, что доказывание по своей сути представляет собой процесс познания [1, с. 147], иными словами, достижения истины. В психологии, педагогике для обозначения системы принципов познания используется термин «культура познания».

Высказанные тезисы позволяют прийти к выводу, что понятие культуры познания можно обоснованно распространить на такую важную сферу юридической деятельности, как доказывание. Проведенный в ходе данного исследования анализ литературы позволяет прийти к выводу о том, что термин «культура доказывания» практически не используется в юридической науке, встречаются лишь отдельные его упоминания [2, с. 16].

Культуролог А.Я. Флиер отмечает, что принципы познания трансформируются параллельно развитию человеческого общества [3, с. 4]. Трансформировались и принципы доказывания. Для средневековья были характерны ордалии, доказывание невиновности через прохождение испытаний «огнем и мечом», судебные поединки. Потом восторжествовал принцип «признание — царица доказательств». И лишь затем, с ходом демократизации государств мира, в основу доказывания были положены принципы презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон, признания недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона.

Отметим, что наиболее проблематичным вопросом на сегодняшний день является культура доказывания именно по делам об административных правонарушениях. Возникновению рассматриваемой проблемы способствуют два фактора: несовершенство законодательного регулирования и

непрофессиональный характер производства по делам об административных правонарушениях.

Существует точка зрения, что сниженные стандарты доказывания, ограниченность принципа состязательности обусловлено неравенством сторон «защиты» и «обвинения» в делах об административных правонарушениях, которое естественно и предопределено публичной природой административно-правовых отношений. Например, С.В. Перов отмечает, что «упрощенная процессуальная форма» и «ограниченность реализации принципа состязательности» «в производстве по делам об административных правонарушениях не свидетельствует о тенденции чрезмерного усиления в административном законодательстве публичных интересов в ущерб интересам защиты лиц, привлекаемых к ответственности» [4, с. 102].

Думается, что данная точка зрения может быть актуальна для производства по делам о наиболее общественно опасных административных правонарушениях.

Однако в условиях, когда административная ответственность может быть связана с арестом, то есть лишением гражданина свободы (хотя и кратковременным), когда штрафы за отдельные административные правонарушения превышают размеры штрафов, налагаемых за совершение преступлений, когда звучат предложения об ужесточении штрафных санкций, трудно говорить о возможности снизить стандарты доказывания по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, можно согласиться с мнением Е.В. Труновой, указывающей на то, что «для законного и справедливого осуществления правосудия необходимы реальные механизмы состязательности на каждой стадии производства по делам об административных правонарушениях» [5, с. 99].

Отдельно обратим внимание на вопрос, связанный с регулированием института недопустимых доказательств. Он является ключевым при

рассмотрении проблем культуры доказывания, так как отражает отношение должностных лиц, уполномоченных возбуждать административные дела, к закону.

В соответствии с ч. 3 ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7] не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона, а ч. 3 ст. 48 Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан [8] гласит, что не допускается использование доказательств, полученных с нарушением требований закона.

Мы видим, что указанные законы даже не содержат самого по себе понятия «недопустимые доказательства». В уголовном процессуальном законодательстве как России, так и Таджикистана данному вопросу посвящены отдельные нормы, устанавливающие основания и порядок признания доказательств недопустимыми. В точке зрения о том, что регулирование института недопустимых доказательств в делах об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании, сходятся такие исследователи, как А.Р. Нобель [8] и Г.Н. Глуздак [9]. При этом Г.Н. Глуздак отмечает, что «различия в уровне проработанности правовой регламентации института недопустимых доказательств между КоАП РФ и УПК РФ» [9, с. 13] являются необоснованными, представляя собой «пробел в праве».

Таким образом, для формирования более ответственного подхода правоприменителя к вопросу законности получения и использования доказательств полагаем необходимым закрепить в законодательстве об административных правонарушениях понятие недопустимых доказательств и критерии отнесения доказательств к недопустимым.

Кроме того, важно затронуть проблему непрофессионального характера производства по делам об административных правонарушениях.

Начнем со «стороны защиты». Действующее процессуальное законодательство об административных правонарушениях России и Таджикистана не устанавливает каких-бы-то ни было требований к профессиональной подготовке защитника и представителя, в то время как уголовное процессуальное законодательство этих стран вводит «адвокатскую монополию», а российское арбитражное процессуальное законодательство устанавливает требование к уровню образования представителя.

Здесь следует согласиться с мнением Д.Г. Поповой о том, что «введение адвокатской монополии на судебное представительство необходимо для распространения единых стандартов оказания профессиональной юридической помощи на все профессиональное сообщество юристов» [10, с. 84]. Считаем, что такие стандарты должны соблюдаться и в производстве по делам об административных правонарушениях.

Расширение роли адвокатов в производстве по административным правонарушениям могло бы внедрить в данное производство такой институт, как «адвокатское расследование» [11] (получение доказательств путем направления адвокатских запросов, опроса лиц с их согласия), что положительно сказалось бы на реализации принципа состязательности.

Говоря же о «стороне обвинения» скажем, что правом возбуждать административное производство наделены совершенно различные органы. Их сотрудники могут не иметь каких-бы-то ни было познаний в области административного права. Это приводит к снижению качества доказывания. Полагаем, что законом должно быть установлено требование к обязательному наличию у должностных лиц, ведущих производство по делам об административных правонарушениях, юридического образования либо, как минимум, профпереподготовки по профилю «административное право».

В заключение данного исследования отметим, что повышение культуры доказывания по делам об административных правонарушениях, которое может быть достигнуто в том числе за счет законодательных изменений, обеспечит более высокий уровень защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, в отношении которых возбуждаются административные дела.

Список литературы:

1. Казначей И.В., Назаров С.Д. Уголовно-процессуальное доказывание как разновидность человеческого познания // Следственная деятельность: настоящее и будущее: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 10 июля 2018 года. Краснодар: ООО «Перископ-Волга», 2018. С. 147.
2. Мифтахутдинов Р.Т. «Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях» // Закон. 2018. №7. С. 6-18.
3. Флиер А.Я. Культура познания как феномен коллективной психологии // Культура культуры. 2014. №4 (4). С. 4-20.
4. Перов С.В. Реализация принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. №2. С. 99-102.
5. Трунова, Е.В. Принцип состязательности при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 99-101.
6. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».
7. Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 975 // Доступ из справ.- правовой системы «Континент».

8. Нобель А.Р. Определение допустимости доказательств по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2016. – № 1(62). С. 76-84.

9. Глуздак Г.Н. О правовом регулировании признания недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях / Г. Н. Глуздак // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4(51). С. 12-17.

10. Попова Д.Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №4. С. 84-91.

11. Азарова Ю.О. Адвокатское расследование как институт уголовного процесса // Скиф. 2022. №10 (74). С. 11-17.

Иванова Наталья Анатольевна
Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень
89898989888@mail.ru
Ivanova Natalia
Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: в работе рассматриваются различные точки зрения ученых на содержание легальных понятий «информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и «информация о деятельности судов». По результатам исследования автор вывел собственное определение понятию «информация о деятельности органов публичной власти». Также в статье показаны виды информации о деятельности органов публичной власти. В основу дифференциации положены труды отечественных ученых-юристов.

Ключевые слова: орган публичной власти, информация, государственный орган, дефиниция, общественные отношения, сведения.

THE CONCEPT AND TYPES OF INFORMATION ABOUT THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Annotation: the paper examines the various points of view of scientists on the content of the legal concepts of «information on the activities of state bodies and local governments» and «information on the activities of courts». Based on the results of the study, the author has derived his own definition of the concept of «information

about the activities of public authorities». The article also shows the types of information about the activities of public authorities. The differentiation is based on the works of Russian legal scholars.

Key words: authority, information, government agency, definition, public relations, data.

Отечественное законодательство дает лишь поверхностное представление об информации о деятельности органов публичной власти. Причиной тому отсутствие системного регулирования общественных отношений в области взаимодействия публичного аппарата с гражданским обществом в информационной сфере. В первую очередь речь идет об отсутствии единого нормативного правового акта, регулирующего вопросы обеспечения права на информацию о деятельности органов публичной власти. В настоящее время действует несколько федеральных законов, нормы которых, по мнению В. А. Руколеева и И. В. Сошниковой, с определенными изъятиями дублирующие [1, с. 26; 2, с. 154] – Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 262) [3] и Федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – ФЗ № 8) [4].

В упомянутых нормативных правовых актах информация о деятельности органов публичной власти трактуется с учетом сферы их действия. Поэтому она подразделяется на информацию о деятельности органов государственной власти (органов местного самоуправления) и информацию о деятельности судебных органов. Содержание положений законов позволят утверждать о наличии в них дефектов из-за тавтологии и не разграничения органов государственной власти и государственных органов [5, с. 112; 6, с. 156].

Итак, дефиниция в пункте 1 статьи 1 ФЗ № 8 составлена с нарушением ряда логических правил. Если конкретизировать, то можно выделить следующее: словосочетание «государственные органы» не раскрывается в самой дефиниции, идет отсылка к пункту ниже; поправлено правило запрета круга, подразумевающее, что понятие не должно определяться через себя, объем не должен находиться в содержании [7, с. 187-188]. Следующее логическое нарушение прослеживается как в пункте 1 статьи 1 ФЗ № 8, так и в пункте 2 статьи 1 ФЗ № 262. Дефект выражен в непосредственном круге – понятие включает признаки, определяемые через определяемое понятие: «информация ...» – это «информация ...». При этом в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8] под информацией понимаются некие сведения. И тут возникает вопрос: «Допустимо ли употребление в нормативно-правовых актах неединообразных языковых форм выражения понятий?». При ответе на поставленный вопрос сошлемся на позиции ряда ученых, внесших вклад в разработку проблем юридической техники и законодательной лингвистики.

Прежде же обратим внимание на то, что законодатель в специальной статье – глоссарий ФЗ № 8 отдельным пунктом верно объединил органы государственной власти и иные государственные органы под родовую категорию «государственные органы». Еще в советские времена подобная установка существовала, подкреплялась различными разрабатываемыми теоретическими концепциями и получила свое развитие в отдельных положениях Конституции СССР от 1977 года, равно как и в ныне действующей Конституция РФ от 1993 года. Современная юридическая наука включает новые исследования в данной области. Учеными, например, предложены отличительные признаки органов государственной власти от государственных органов без властных полномочий (вторичных органов власти), характеризующие их функционирование в механизме аппарата государства [9,

с. 16]. Проблема же обнаруживается в технико-юридическом конструировании нормативного правового акта.

Н. А. Власенко в своем изыскании проводит интересное размышление о том, что дефиниции выступают стержнем, основой правового регулирования, а значит они должны отличаться стабильностью. Фиксацию правовых явлений надлежит производить по принципу одно понятие – один термин [10, с. 59-60]. Такой позиции придерживается и Л. Ю. Фомина. Исследователь делает важную оговорку относительно единства дефиниций одного и того же термина, ориентирующую на особенности общественных отношений, регулируемых различными отраслями права [11, с. 96].

Интересны суждения И. П. Кожокаря. Он указывает на необходимость признания дефективной технико-юридическую практику определения правового понятия, обозначенного одним термином по-разному в различных законах, в том числе для целей определенного закона [7, с. 190-194]. Солидаризируется с ним В. Ю. Туранин, хотя в тексте его диссертационной работы присутствуют ноты оправдания стремлений законодателя выработать группу терминов, наиболее адекватно отражающих содержание потенциального закона. Тем не менее он приходит к выводу, что использование разных определений одного и того же термина в нескольких нормативных правовых актах отрицательно сказывается на однозначности восприятия термина в юридическом языке, системности законодательных дефиниций [12, с. 265].

Мы разделяем приведенные позиции ученых. Требуется осознать, что законодательство динамично меняется. К примеру, происходит развитие новых отраслей права, нуждаются в урегулировании высокие технологии (технологии блокчейна, передачи и хранения больших массивов данных и т.д.). Поэтому вне зависимости от предмета регулирования общественных отношений следует стремиться к тому, чтобы дефинирование понятий не происходило только для целей конкретного правового акта. Стоит задуматься о целесообразности

использования технико-юридического приема, связанного с модификацией содержания терминов, для каждого отдельно взятого нормативного правового акта. К слову, анализ отечественного законодательства подтвердил насущность поднятой проблемы. Сегодня вполне возможно обнаружить, например, несколько легальных определений понятия «облигация», «страховая сумма», «потребитель». Употребление неединообразных языковых форм выражения понятий нагромождает правовую терминосистему, нарушает общеправовой принцип определенности и, следовательно, затрудняет правоприменение.

В юридической литературе встречается точка зрения, что информация подразделяется на процессуальную и функциональную [13, с. 96]. Есть ученые указывающие на существование такого отдельного вида информации как статутная информация [14, с. 1265]. Эта информация отражает основы правового статуса органа публичной власти. Л. И. Валитова подвергла критике данную позицию. Она пишет, что статутная информация создается иными властными органами, чаще всего законодательными, и в этой связи ее нельзя считать информацией о деятельности конкретного органа публичной власти [13, с. 96-97]. С. М. Трашкова и И.И. Лясковский классифицируют информацию на общедоступную и ограниченную в доступе [15, с. 14; 16, с. 74]. Другие ученые, например, М. А. Задорина и В. А. Руколеев, рассматриваемую информацию подразделяют на три блока: общую, функциональную и процессуальную [17, с. 121; 18, с. 230; 19, с. 95]. Нам видится данная точка зрения более верной.

К общей информации принято относить сведения о наименовании органа публичной власти, его структуре, сведения о подведомственных организациях, контактные данные. Сюда же включается информация о нормативных правовых актах, регулирующих деятельность органа власти [20, с. 41]. Процессуальный блок объединяет сведения о внутренней организации и деятельности органа публичной власти (например, сведения о локальных актах, сведения о порядке прохождения государственной и муниципальной службы).

А функциональный блок составляют сведения о внешней деятельности органа публичной власти по реализации, возложенных на него функций и полномочий (например, сведения о порядке оказания государственных (муниципальных) услуг, сведения о порядке обжалования действий (бездействий) должностных лиц) [13, с. 97].

Таким образом, информация о деятельности органа публичной власти – это сведения, созданные органами публичной власти в пределах своих полномочий, либо поступившие к ним и относящиеся к их деятельности. Такая информация подразделяется на общую, функциональную и процессуальную. Все три блока сведений могут находиться в обороте за исключением сведений, в отношении которых федеральным законом установлен режим конфиденциальности.

Список литературы:

1. Сошникова И.В., Руколеев В.А. Принцип информационной открытости в деятельности органов публичной власти: конституционно-правовая характеристика // Современное право. 2022. № 12. С. 25-30.
2. Сошникова И.В., Руколеев В.А. Информационная открытость как фактор противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11(162). С. 153-156.
3. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета, № 265, 26.12.2008.
4. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета, № 25, 13.02.2009.
5. Руколеев В.А. Несовершенство законодательно урегулированной дефиниции понятия "информация" // Общество. 2022. № 4-1(27). С. 111-113.

6. Новеллы в государственном строительстве после конституционных поправок 2020 года : монография / М.А. Задорина, А.Т. Карасев, Л.Л. Кожевников и др.; под ред. А.Т. Карасева. М.: Проспект, 2024. 184 с.
7. Кожокарь И.П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2020. 414 с.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, № 165, 29.07.2006.
9. Ромашко Е.А. Государственные органы со статусом юридического лица как особые субъекты конституционно-правовых отношений: автореф. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. 30 с.
10. Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12(156). С. 58-67.
11. Фомина Л.Ю. Обеспечение единства терминологии нормативных правовых актов: проблемы и перспективы // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 96-100.
12. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра. юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.
13. Валитова Л.И. Понятие и содержание конституционного права на информацию о деятельности органов государственной власти // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 94-97.
14. Гончаров В.Н. Общественная информация: виды и классификация // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-5. С. 1264-1267.
15. Трашкова С.М. Основы правового регулирования информации в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2015. № 17. С. 1-19.

16. Лясковский И.И. Виды информации // Право и общество. 2016. № 5(21). С. 71-79.
17. Задорина М.А., Руколеев В.А. Основные тенденции публичного управления на муниципальном уровне // Фундаментальные исследования. 2023. № 12. С. 119-124.
18. Задорина М.А. Информационная открытость муниципальных образовательных организаций // Города и местные сообщества. 2015. Т. 1. С. 226-237.
19. Задорина М.А. Муниципальные образования и их виды в свете конституционной реформы основ территориальной организации местного самоуправления // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 87-101.
20. Корсун К.И., Задорина М.А. К вопросу о способах замещения должности главы муниципального образования: с использованием конкурса или по представлению губернатора // Право и политика. 2022. № 10. С. 38-48.

Лизунов Алексей Сергеевич
Нижегородская академия МВД России
Кафедра административной деятельности ОВД
Россия, Нижний Новгород
lizunov52rus@yandex.ru

Исмаилов Дмитрий Альбертович
Прокуратура Центрального района г. Тольятти Самарской области
Тольяттинский государственный университет
Институт права
Россия, Тольятти
ismaskoldism@yandex.ru

Lizunov Alexey
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs
Russia, Nizhny Novgorod
Ismailov Dmitry
Prosecutor's Office of the Central district of Tolyatti, Samara region
Tolyatti State University
Institute of Law
Russia, Tolyatti

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: актуальной задачей современного российского государства является обеспечение безопасности и защита прав граждан. Одним из ключевых средств достижения этой цели является правоохранительная деятельность. В работе приводятся контрдоводы к предложениям о частичной передаче полномочий по поддержанию правопорядка и борьбе с

преступностью другим институтам гражданского общества. При этом не оспаривается возможность оказания общественными организациями помощи государству в реализации этой функции, но подчеркивается, что их деятельность следует рассматривать только как вспомогательную.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, государственное управление, органы государственной власти, правоохранительные органы, административное управление государством, органы охраны государства.

ON THE ISSUE OF THE SUBJECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE

Annotation: the urgent task of the modern Russian state is to ensure the security and protection of the rights of citizens. One of the key means to achieve this goal is law enforcement. The paper provides counter-arguments to proposals on the partial transfer of powers to maintain law and order and combat crime to other institutions of civil society. At the same time, the possibility of public organizations assisting the state in the implementation of this function is not disputed, but it is emphasized that their activities should be considered only as auxiliary.

Key words: law enforcement, public administration, public authorities, law enforcement agencies, state administration, state security agencies.

Одним из основополагающих признаков любого государства является наличие государственной (публичной) власти, институционно объективированной в разветвленную систему государственных органов, посредством которых реализуются государственные функции. В числе внутренних функций государства - охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана общественного порядка, борьба с преступностью. Для их создана система правоохранительных органов, занимающихся правоохранительной деятельностью.

В научной литературе отсутствует единый подход относительно разграничения понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительная функция государства». Это служит причиной возникновения трудностей, связанных с определением исчерпывающего перечня органов государственной власти, которые можно было бы отнести к органам правоохранительной деятельности.

Наибольшее распространение получило мнение, хотя и подвергающееся постоянной критике, согласно которому правоохранительная деятельность является отдельной функцией государства, независимой от других органов [1, с. 42].

Связь между правоохранительной функцией и правоохранительной деятельностью может быть рассмотрена с двух точек зрения:

- правоохранительная функция идентифицируется с правоохранительной деятельностью государства [2, с. 67];
- правоохранительная деятельность – это самостоятельная деятельность государства, через которую осуществляются другие функции государства [3, с. 43].

Сторонники первой точки зрения приводят следующие аргументы.

Во-первых, главной задачей любого государства является поддержание законности и реализация действующего права. Во-вторых, правоохранительная функция важна для всех органов и систем, существующих в государстве, поскольку все правоохранительные органы обязаны или должны осуществлять данную функцию.

Н.Ф. Насриддинова отмечает, что правоохранительная функция занимает прочное место в системе функций государства, поскольку основная задача любого государства – защита существующей правовой системы и поддержание правопорядка. Данный автор при этом рассматривает правоохранительную функцию сквозь призму деятельности государства (правовая охрана

общественных отношений), отмечает её устойчивость, наличие самостоятельной цели, социальное значение, особый объект. [4, с. 208-210].

С.А. Балтабаев считает, что правоохранительная функция выделена Конституцией РФ, которая гарантирует безопасность, защиту прав и свобод человека и гражданина. Автор отмечает, что правоохранительная функция относится ко всем органам власти. Каждый орган на своем уровне выполняет данную функцию. Правоохранительные органы в связи с возложенными на них обязанностями защищают права и законные интересы граждан, восстанавливают нарушенные права, принимают процессуальные решения в отношении лиц, которые допускают нарушения существующего законодательства. Реализация правоохранительной функции осуществляется путем принятия судебного решения, рассмотрения материалов дела исполнительными органами власти, принятия нормативных актов законодательными органами власти [5, с. 129-130].

В.Н. Уваров представляет собственное видение о правоохранительной функции государства. Исполнение и реализация правоохранительной функции является основополагающим принципом разработки и организации правоохранительной системы в современном государстве. В первую очередь, она представляет сложную и содержательную концептуальную модель, внутри которой включены элементы рассматриваемой функции. Правоохранительная функция государства является публичной и может быть осуществлена только самим государством, поскольку это является неотъемлемым и необходимым направлением публичной деятельности [6, с. 112].

В доктрине встречается мнение, что правоохранительная деятельность является способом выполнения некоторых других функций государства. Правоохранительная деятельность, выполняя охранительные задачи государства по защите прав и свобод человека, защите имущественных прав, по защите политических прав, выполняет социальные, политические, экономические, идеологические функции государства.

Существует мнение, что правоохранительная деятельность является лишь способом реализации охранительной функции государства [7, с. 26]. Основная задача рассматриваемой деятельности заключается в выполнении других важных функций государства, связанных с защитой общества, государства, человека.

Правоохранительная деятельность государственных органов, в основе которой заложена охранительная функция, является способом осуществления государственной власти, позволяя законодательным, исполнительным, судебным органам выполнять возложенные на них обязанности. Правоохранительная деятельность осуществляется специально уполномоченными органами – правоохранительными органами.

С.М. Зырянов провел достаточно объемный анализ правоохранительной функции государства, рассмотрел позиции многих авторов-исследователей о соотношении рассматриваемого института государственной власти со смежными институтами. Указанный автор отстаивает собственную точку зрения о том, что правоохранительная функция реализуется в определенной степени и негосударственными институтами, в связи с чем относить ее к государственной функции категорически неверно. Обосновывая свою позицию, С.М. Зырянов отмечает возможность частичного делегирования упомянутой функции гражданскому обществу [8, с. 47].

С нашей точки зрения, задачи современного государства в области правоохранительной деятельности реализуются через специализированные органы, составляющие систему правоохранительных органов. Перекалывать данную функцию на общественные организации и иные институты гражданского общества недопустимо, поскольку последние не наделены государственно-властными полномочиями, позволяющими обеспечить реализацию мер государственного принуждения, их полномочия носят весьма усеченный характер. Справедливо, что в настоящее время к охране общественного порядка в отдельных субъектах РФ привлекаются народные

дружины и общественные организации правоохранительной направленности, существует большое количество волонтерских движений, оказывающих помощь правоохранительным органам в поиске пропавших без вести. Для этого создана нормативно-правовая основа – Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 №44-ФЗ и ряд ведомственных документов. При этом стоит учесть, что деятельность указанных субъектов в каждом случае инициируется и в какой-то степени контролируется конкретным должностным лицом правоохранительной системы, то есть они не действуют автономно и обособленно от правоохранительных органов. Их вклад в реализацию правоохранительной функции носит вспомогательный характер. Государственно-властный характер правоохранительных органов и должностных лиц обеспечивается ответственностью за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции и иным представителям власти (статья 19.3 КоАП РФ).

Как мы уже отмечали выше, народные дружинники и внештатные сотрудники полиции не наделены государственно-властными (публичными) полномочиями. С этой точки зрения абсолютно неоправданно вводить административную ответственность за воспрепятствование их деятельности (статья 19.35 КоАП РФ).

В Российской Федерации в настоящее время уделяется значительное внимание правоохранительным органам. Непрерывно обновляются нормативные акты, регулирующие деятельность этих органов, а их функции и задачи пересматриваются, создаются контролирующие органы для осуществления надзора за правоохранительными структурами. Это представляет большое значение, поскольку в процессе правоохранительной деятельности может возникать угроза нарушения прав и законных интересов граждан, что не соответствует первоначальной цели создания таких органов.

Правоохранительные органы, прежде всего, являются органами государственной власти. Обратимся к понятию «органы государственной власти».

В.Н. Пономарев считает, что «под органом государственной власти необходимо понимать самостоятельное и составное звено государственного аппарата, принимающее активное участие в осуществлении управления государством, наделенное при этом властными полномочия» [9, с. 153].

В данном случае необходимо выделить основные признаки, которые автор выделяет у государственной власти:

- власть исходит от народа, то есть граждане сами выбирают того, кто будет ими управлять;
- деятельность уполномоченных органов по управлению народов, посредством применения правовых инструментов;
- правовое регулирование общественной жизни в целях недопущения произвола.

Государственное управление является ключевым инструментом органов государственной власти для реализации своих функций, в том числе и функции охраны правоотношений. Правоохранительная деятельность напрямую связана с механизмами государственного управления. В контексте нашего исследования, изучение понятия государственного управления становится необходимым, чтобы понять его роль и значение в организации и функционировании системы правоохранительных органов. Государственное управление устанавливает структуры и процедуры работы этих органов, определяет правила и стандарты их деятельности, осуществляет контроль за их работой.

Е.К. Борисова предлагает рассматривать понятие государственного управления как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле государственное управление - это деятельность государства и его органов по осуществлению публичной власти. В узком же смысле это административная

деятельность органов государственной власти на уровнях Российской Федерации, субъектов и регионов. Автор уделяет отдельное внимание изучению рассматриваемого института в узком смысле, конкретизируя перечень должностных лиц и государственных органов, согласно которому относятся: Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ [10, с. 77-78].

М.А. Голубь и И.Л. Третьяков считают, что государственное управление – это деятельность органов государственной власти и правоохранительных органов, с целью обеспечения защиты прав граждан, охраны общественного порядка [11, с. 8-9].

Стоит отметить, что правоохранительные органы относятся к государственным органам, которые наделены функциями по защите прав и законных интересов человека и гражданина, государства и общества.

Подводя итог необходимо отметить, что правоохранительные органы представляют собой систему государственных органов, которые имеют права и обязанности в области защиты законных прав и свобод человека и гражданина. Функцию охраны правопорядка в государстве должны осуществлять специализированные органы государственной власти (полиция, прокуратура, ФСБ и др.). Утверждение о том, что данную функцию осуществляют также различные институты гражданского общества, является не верным. Гражданское общество играет лишь вспомогательную роль в вышеупомянутом направлении деятельности.

Список литературы:

1. Исмаилов Д.А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). – С. 40-48.

2. Кобзева Е.И. Сущность и содержание правоохранительной функции государства / Е. И. Кобзева, О. И. Мамина // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). – С. 64-68.
3. Шатилов С.П. Правоохранительная функция государства как теоретико-правовая категория // Право и политика. 2018. № 3. – С. 43-55.
4. Насриддинова Н.Ф. Понятие и признаки правоохранительной функции государства // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2020. № 2. – С. 207-212.
5. Балтабаев С.А. Понятия "правоохранительная функция", "правоохранительная деятельность", "правоохранительный орган" и их соотношение // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 3(45). – С. 128-132.
6. Уваров В.Н. Правоохранительная функция государства и механизм ее реализации // Право и государство. 2018. № 3-4(80-81). – С. 111-120.
7. Назаров С.Н. Функциональная основа правоохранительной деятельности // Юрист-Правоведь. 2022. № 2(101). – С. 24-31.
8. Зырянов С.М. Правоохранительная функция государства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №5. – С. 45-50.
9. Пономарев В.Н. К вопросу о соотношении понятий "государственный орган" и "орган государственной власти" // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 2(65). – С. 148-153.
10. Борисова Е.К. Понятие государственного управления // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: LXVI International correspondence scientific and practical conference, Boston, 22–23 января 2020 года. Boston: PROBLEMS OF SCIENCE, 2020. – С. 77-78.
11. Голубь М.А. К вопросу о соотношении понятий государственного управления и государственного регулирования / М. А. Голубь, И. Л. Третьяков // Актуальные проблемы науки и практики. 2021. № 4. – С. 8-10.

Ситников Владислав Валерьевич
Островерхова Екатерина Андреевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
vlad.sitnikoff@mail.ru
ekaterinaostr9092009@mail.ru
Sitnikov Vladislav
Ostroverkhova Ekaterina
Saratov State Academy of Law
Institute of Justice
Russia, Saratov

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН, ПРИЗНАННЫХ ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ

Аннотация: изменения в мировой геополитике ставят на кону остро стоящий вопрос о статусе иностранных агентов. Цель исследования – разработать теоретические основы и выделить особенности правового регулирования деятельности иностранных агентов для обеспечения национальной безопасности страны. Рассмотрены изменения в законодательстве и деятельность иностранных агентов в России. Вопросы правового положения, контроля и влияния иностранных агентов на политику и общество в целом также освещены в настоящей статье.

Ключевые слова: иностранный агент, иностранный источник, иностранное влияние, правовой статус иностранного агента, ограничения и запреты, некоммерческие организации, аффилированные лица.

CERTAIN ISSUES OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF CITIZENS RECOGNIZED AS FOREIGN AGENTS

Annotation: given the changes in the global geopolitical situation there is a significant theoretical and practical interest in examining the administrative-legal status of foreign agents. The aim of the research is to conduct a comprehensive analysis of the theoretical foundations and legal regulation of the activities of subjects under foreign influence. The article highlights changes in legislation and the practices of political activities of foreign agents in contemporary Russia. The study also addresses issues related to the legal status of foreign agents, their control, and their impact on public policy.

Key words: foreign agent, foreign source, foreign influence, legal status of a foreign agent, restrictions and prohibitions, nonprofit organizations, affiliated persons.

Изначально институт государственного регулирования деятельности иностранных агентов, возникший в 2012 году, появился с целью обозначения фундамента политики РФ в области контроля за теми субъектами общественных отношений, которые имеют возможность каким-либо образом влиять на сферу государственных интересов с помощью иностранного стимулирующего воздействия. Первыми под такой административно-правовой статус могли попасть некоммерческие организации (далее – НКО) с политической активностью, финансируемые из иностранных источников [8, с. 27]. Данная стратегия введения понятия «иностраный агент» вполне обоснована и грамотна, так как НКО, не сконцентрированные всеми силами на получение прибыли, в отличие от коммерческих организаций, стремились именно к получению влияния в обществе, что, безусловно должно ограничиваться, если данные цели преследуются при помощи из-за рубежа.

В дальнейшем, в 2015, 2017 и 2019 году данный статус вышел из узкого профиля, так как возникла потребность в его проработке законодателем, вследствие развития общественных отношений и напряжения обстановки РФ и

иностранными субъектами, которые влияли на оппозицию, СМИ и другие, смежные с политической сферами жизни общества. Статус иностранного агента стали получать как средства массовой информации, так и определенные физические лица, что, несомненно, стабилизировало обстановку, связанную с контролем прямой или косвенной деятельности иностранных организаций, действующих на территории РФ, преследующих свои, не всегда соответствующие интересам государства, цели.

Оформление же данного института в единый акт произошло 14 июля 2022 года, когда главой государства был подписан Федеральный закон «О контроле лиц, находящихся под иностранным влиянием» [9, с. 67], благодаря которому можно сформировать представление об административно-правовом статусе граждан, признанных иностранными агентами, ведь до этого положения, регламентирующие правовое положение иностранных агентов, были отображены законодателем в ФЗ «О некоммерческих организациях» [1], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], «О выборах Президента Российской Федерации» [3], «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4], «Об общественных объединениях» [5], «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [6], законе РФ «О средствах массовой информации» [7].

Целесообразно проанализировать мнения парламентариев, непосредственно принимающих участие в рассмотрении данного законопроекта, насчет претензий, обличающих как положительные, так и отрицательные его стороны. Например, первый заместитель главы комитета Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции Андрей Луговой говорит о необходимости отдельного и самостоятельного закона об иностранных агентах, а «попытки концептуально раскритиковать законопроект считаю неконструктивными, а в нынешних политических

условиях – обыкновенным предательством», – отвечает Луговой на критику документа. Помимо этого, нельзя не обратиться к взглядам на данный закон и действующих юристов. Так, адвокат Алексей Новиков полагает, что «с точки зрения законодателя закон должен «стимулировать» лиц исключать из своих действий признаки иностранного агента до включения в реестр; лицам, чьи действия будут нарушать положения закона, не стоит забывать и о риске уголовной ответственности. Она грозит всем, чьи действия подпадают под признаки злостного уклонения от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством, в связи с признанием лица иноагентом», – отмечает Алексей Новиков.

В соответствии с действующим законодательством, регулирующим статус иностранного агента, под данным субъектом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Федеральное законодательство также раскрывает перечень иностранных источников, который, в свою очередь, включает в себя иностранные государства, его структуры, физических и юридических лиц из-за рубежа. Также законодатель разделяет виды деятельности иностранных агентов на две группы, одна из которых – политическая, напрямую связанная с данной сферой жизни общества и затрагивающая публичные интересы в данной области. К ним можно отнести деятельность в политической (публично-правовой) сфере – основы конституционного строя РФ, государственное строительство, федеративное устройство РФ, оборона, безопасность государства реализация избирательных прав и права на обращение граждан в органы публичной власти и прочие.

Другую группу составляют иные, на наш взгляд, также связанные с политическими видами деятельности. Выделение данной категории допустимо в связи с изложением перечня этих видов в последней части статьи, а также

отсутствия обозначения их политическими, как это было сделано законодателем с остальными видами деятельности. Так, к ним относится участие в военной сфере, а также в вопросах информационного обеспечения и финансов, что служит основанием для признания лица, принимающим его, иностранным агентом.

Раскрыв содержание понятия «иностраный агент», можно сделать вывод, что данным статусом могут обладать лица:

- 1) осуществляющие виды деятельности, указанные в законе;
- 2) получившие поддержку и (или) находящиеся под иностранным влиянием;
- 3) обладающие возможностью быть признанными иностранными агентами, в соответствии с перечнем исключений, указанных в федеральном законодательстве [13, с. 181].

Раскрывая элементы административно-правового статуса, важную часть которого составляют права и обязанности, необходимо подчеркнуть, что, на первый взгляд, исходя из федерального законодательства, иностранные агенты, с момента их признания таковыми, приобретают больше ограничений, чем разрешений.

Иностранные агенты обязаны сообщать о наличии этого статуса при осуществлении установленных федеральным законом вышеупомянутых видов деятельности; материалы, производимые иностранным агентом, должны помечаться в особом порядке; юридическое лицо РФ, включенное в реестр, ведет отчетность, которая проходит аудиторскую проверку; представлять Минюсту сведения о своей деятельности, об участниках, иностранных источниках, используемых для своей деятельности

Также можно выделить большую совокупность административных ограничений, связанных со статусом иностранного агента, такие как запрет поступления на государственную гражданскую и муниципальную службу, членства в избирательной комиссии, комиссии референдума, возможность

отказа в допуске к государственной тайне, запрет принимать участие в деятельности комиссий, специальных органов, запреты, связанные с участием в выборах и референдумах, запрет на пожертвования, организацию публичных мероприятий, образовательную деятельность в соответствующих учреждениях, в том числе, направленную на лиц, не достигших совершеннолетия, создание информации для данной категории граждан, принятие участия в закупках публичных органов власти и иные.

К ограничительным элементам административно-правового статуса следует отнести и широкий перечень санкций, предусматривающий административную, уголовную и иную ответственность за нарушение законодательства РФ об иностранных агентах. В федеральном законодательстве об иностранных агентах закреплена санкция за неоднократное непредставление сведений в уполномоченный орган, несоблюдение требований, установленных федеральным законодательством, которая выражается в возникновении основания для ликвидации иностранного агента в форме юридического лица в судебном порядке, а также ограничении доступа к информационному ресурсу иностранного агента.

Основа административной ответственности, к которой наиболее часто привлекаются иностранные агенты, содержится в статьях Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), большинство составов которой закреплено в статье 19.34. Составы данных правонарушений направлены на соблюдение порядка осуществления иностранным агентом своей деятельности, в том числе по ведению документации, распространению материалов и предоставления сведений.

Однако, несмотря на обширность обязанностей, ограничений и санкций, упомянутых выше, необходимо подчеркнуть, что законодательство наделяет иностранных агентов и внушительной совокупностью прав и дозволений, соразмерность обязанностям которых прослеживается неочевидно, так как законодатель в первую очередь обращает внимание на необходимость

предотвращения угроз воздействия иностранных средств на субъекты РФ, которые могут быть признаны иностранными агентами и тем самым выдвигает на первый план обязанности, ограничения и санкции [11, с. 210]. Это связано с тем, что действующее российское законодательство об иностранных агентах предназначено для воздействия государственными органами путем применения преимущественно административно-охранительных мер в данной сфере. Согласно точке зрения профессора А.И. Стахова, административно-охранительные меры направлены на защиту административных прав и свобод от их нарушений, включая воздействие вредных факторов и проявлений техногенных или природных катастроф. Проводя классификацию, А. И Стахов к полномочиям органов публичной власти в сфере административного регулирования относит применение таких видов административно-охранительных мер как административного санкционирования и административного наблюдения [17, с. 24].

Следовательно, нормы, имея данный характер воздействия, предполагают применение санкций и мер наблюдения к лицам, признанным иноагентами, с целью контроля за их деятельностью. Необходимо отметить, что права граждан, признанных иностранными агентами, сосредотачиваются вокруг возможности пересмотра решения о наделении лица таким статусом по инициативе самого иностранного агента, путем подачи заявления, а также в ходе выявления уполномоченным органом информации о наличии оснований для исключения иностранного агента из реестра, в результате которого граждане могут освободиться от статуса иностранного агента и избавиться от действующих запретов и ограничений, а также возможности применения санкций. В связи с этим приведем пример из судебной практики, касающийся рассмотрения апелляционной жалобы директора природоохранного фонда Ю.П, которая была подана против решения Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14.11.2017. Дело касалось признания результатов документарной проверки Фонда незаконными в отношении установления политической

деятельности и получения финансирования из иностранных источников. Также обжаловалось включение Фонда в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, и требовалось отменить данное решение Министерства юстиции РФ. В свою очередь, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда от 6 сентября 2018 года, руководствуясь ст. 311 КАС РФ, определила решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14.11.2017 года оставить без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения. Таким образом, из административно-правового статуса граждан, признанных иностранными агентами, помимо преимущественно видимых обязанностей и санкций, вытекают достаточное количество исключительных прав, благодаря которым данные лица способны осуществлять защиту своих собственных интересов, а также выйти из статуса иностранного агента, вернувшись к общему порядку осуществления своей деятельности.

Законодательство об иностранных агентах постепенно распространяет сферу своего воздействия на данных лиц, вследствие чего можно сделать вывод о динамичности изменений внутри элементов административно-правового статуса данных лиц. Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была закреплена обязанность органов публичной власти организаций всех форм собственности, должностных лиц и физических лиц учитывать ограничения, связанные со статусом иностранного агента, было обращено внимание на невозможность способствованию данных лиц нарушениям со стороны иностранных агентов законодательства, регулирующего их статус. Особое внимание вызывает и запрет получения от государства финансовой и имущественной поддержки, в том числе при осуществлении творческой деятельности, что говорит о концентрации и на культурных аспектах деятельности иностранных агентов, к чему можно отнести и запрет рекламирования информационных ресурсов иностранных агентов,

введенный Федеральным законом от 11 марта 2024 №42-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Необходимым является приведение статистики, данной Министерством юстиции Российской Федерации и отображающей, в свою очередь, количество лиц, признанных иноагентами в России за год проведения специальной военной операции. Так, с 24 февраля 2022 года по 24 февраля 2023 года иноагентами в России были признаны 218 физических и юридических лиц, среди которых больше всего иноагентов журналистов, СМИ и блогеров [10, с. 47].

В сравнении с предыдущими годами за 2022 год новыми иноагентами стали 207 юридических и физических лиц. Важно обратить внимание на то, что с начала действия законодательства об иностранных агентах был период, когда из реестра исключали больше лиц, чем включали в него: это продолжалось два года, 2017 и 2018. После этого число новых позиций в реестре снова стало расти, а исключаемых – падать (см. Диаграмму 1).

Говоря о восприятии понятия «иностранный агент» и выстроенной законодателем характеристики их административно-правового статуса как лиц, на которых распространяется большое количество требований и запретов в российском обществе, необходимо подчеркнуть ухудшение восприятия данных субъектов среди населения. В результате проведенных исследований ВЦИОМ 9 сентября 2023 года о негативном контексте выражения «иностранный агент» заявило 71% респондентов, по сравнению с 56% предыдущего года, 18% заявили, что иностранные агенты синонимичны для них с «предателями Родины», меньшее количество ассоциировало их с «врагами народа» и «действующими против России» [18]. При оценке данных приведённого исследования нельзя не поддержать точку зрения О.В. Романовской относительно того, что термин «иностранный агент» включает в себя отрицательные коннотации, которые сформировались в советскую эпоху по

аналогии с «иностранным шпионом» [16, с. 40]. По нашему мнению, реакция общественности также естественна, так как международная политическая обстановка требует принятия от российского законодателя чётких и определенных решений по противостоянию иностранной угрозе.

Два важных ответа для полного понимания сущности административно-правового статуса граждан, признанных иностранными агентами дал Конституционный суд Российской Федерации, который указал, что изложение законодательства об иностранных агентов не направлено и не рассчитано на формирование негативной оценки и отрицательного отношения к лицам, обладающим данным статусом, и, тем самым, не может восприниматься как повод к потере доверия или дискредитации этих субъектов. Конституционным судом был подчеркнут тот факт, что отрицательный контекст словосочетания «иностранный агент» не имеет конституционно-правовых оснований. Также в 2014 году Конституционный Суд РФ, рассматривая конституционность законодательного регулирования иностранных агентов, постановил, что права граждан не являются абсолютными и могут быть ограничены законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, с целью достижения на основе баланса частных и публичных начал конституционно значимых целей. Президент России В.В. Путин еще в 2015 году на заседании Совета по правам человека (СПЧ) обратил внимание на необходимость конкретизации административно-правового статуса граждан, признанных иностранными агентами в рамках определения понятия «политической деятельности». По мнению главы государства, оно не должно быть абстрактным и свободно трактоваться. «Под это понятие, если оно нечетко сформулировано, нельзя ни в коем случае подгонять все, что нравится представителям власти, Минюста или кого угодно», – подчеркнул Президент Российской Федерации [12]. Таким образом, придание иностранным агентам описанного выше административно-

правового статуса вызвано необходимостью тщательного контроля с целью противостояния внешним угрозам, защиты государственных и общественных интересов как внутри страны, так и за рубежом, что ни в коем случае не может трактоваться как намеренная дискредитация [13] иностранных агентов в целях негативного их восприятия [14, с. 171].

Таким образом, административно-правовой статус иностранных агентов построен и сформулирован законодателем актуально, с учетом требований геополитической обстановки [15, с. 39]. Объединение норм о контрольной деятельности за данными лицами в единый законодательный акт позволяет полноценно составить картину принципов, субъектов, ответственности, прав и обязанностей и гарантий, составляющих административно-правовой статус граждан, признанных иностранными агентами. Отдельные положения единого закона также претерпевают изменения, что говорит о потребностях динамичного преобразования административно-правового статуса иностранных агентов в связи с быстрыми изменениями в обществе и постепенной интеграции законодательства об иностранных агентах в общую систему законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 145. 2024. № 10, ст. 1307.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // Российская газета. 2006. № 165.
3. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 6.

4. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (последняя редакция) // Российская газета. 2014. № 45.
5. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21, ст. 1930.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (последняя редакция) // 1 Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7597.
7. Закон РФ от 27 декабря 1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32.
8. Бирюков П.Н. Венецианская комиссия и Россия: оценка законодательства об иностранных агентах // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 26-31.
9. Мифтахов Р.Л., Белоусов А.И. Особенности административно-правового статуса иностранных агентов в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. №2. С. 66-72.
10. Захаров Д.С. Особенности деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. №2. С. 45-47.
11. Малько А.В. Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты // М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 377 с.
12. Перцев А. Президент хочет уточнить понятие «политической деятельности» [Электронный ресурс] // Коммерсант. 01.10.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2822347> (Дата обращения: 04.04.2024).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части

шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкчева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 16, ст. 1921.

14. Устинкин С.В., Горюнова А.А. Основные направления деятельности современных НПО - иностранных агентов в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109). С. 171-174.

15. Огнева В.В., Киселев С.А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. №1. С.36-45.

16. Романовская О. В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 36-48.

17. Стахов А.И. Административно-охранительные меры, применяемые публичной администрацией в России: понятие и классификация // Вестник Омской юридической академии. 2013. №2. С 23-26.

18. Габдулина Э. Борьба с иноагентами [Электронный ресурс] // Коммерсант. 27.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6238354> (Дата обращения: 04.04.2024)

Приложения:

Диаграмма 1

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.163

Незнамова Юлия Николаевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

uneznamova2@gmail.com

Neznamova Yuliya

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА
ИСПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Аннотация: в статье рассматриваются полномочия прокурора по осуществлению надзора за осуществлением трудового законодательства и выясняется возможность выделения его в качестве отдельного направления прокурорского надзора. А также рассматриваются проблемы, возникающие на практике, при осуществлении надзора при определении пределов надзора и разграничении полномочий с иными контрольно-надзорными органами.

Ключевые слова: прокурорский надзор, Прокуратура РФ, трудовое право, государственная инспекция труда, Трудовой кодекс РФ, правовые средства прокурора.

**PROBLEMATIC ISSUES ARISING IN THE COURSE OF PROSECUTOR'S
SUPERVISION OVER THE ENFORCEMENT OF LABOUR LEGISLATION**

Annotation: the article considers the powers of a prosecutor to supervise the implementation of labour legislation and clarifies the possibility of singling it out as a separate area of prosecutorial supervision. The article also considers the problems arising in practice when exercising supervision in determining the limits of supervision and delimitation of powers with other control and supervisory bodies.

Key words: prosecutor's supervision, Prosecutor's Office of the Russian Federation, labour law, state labour inspection, Labour Code of the Russian Federation, legal means of a prosecutor.

Разрешение трудовых споров осложняется различием статусов работника и работодателя. Трудовое правоотношение относится к группе управленческих отношений, в котором работник занимает подчиненное положение. Трудовым правом закрепляется приоритет локальных нормативно-правовых актов, коллективных трудовых соглашений, индивидуальных трудовых договоров по отношению к публично-правовым источникам при условии улучшения положения работников.

Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства занимает особое место в прокурорской деятельности. В силу своей специфической природы он выступает в практике как самостоятельный институт, осуществляемый на всей территории Российской Федерации. Однако нельзя однозначно выделить надзор в сфере труда в одно направление прокурорского надзора, т.к. «красной нитью» проходит практически через все другие направления прокурорского надзора.

Предмет прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства на протяжении многих лет исследуется разными учеными в области трудового права. Наиболее полным образом, с опорой на определение данное в ст. 26 Закона о «Прокуратуре РФ» предмет прокурорского надзора можно сформулировать как соблюдение прав и свобод работника работодателем. Понятия «работник» и «работодатель» в свою очередь должны

пониматься в смысле, установленном в ст. 20 ТК РФ [2] для сторон трудовых отношений.

Анализ ч.1 ст. 26, которая регламентирует предмет надзора, показал, что в числе поднадзорных объектов нет указания на граждан, но в числе субъектов трудовых отношений они могут выступать в качестве второй стороны, поэтому должны быть отнесены к поднадзорным субъектам.

Возложенные полномочия на органы прокуратуры по соблюдению исполнения трудового законодательства обязывают их не только выявлять нарушения и своевременно устанавливая причины, способствующие их наступлению, но и устранять такие ситуации при помощи привлечения нарушителей к определенной ответственности [9, с. 383].

Таким образом, сущность прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства проявляется в основных задачах:

- 1) своевременное поступление информации о законности в сфере исполнения трудового законодательства;
- 2) предупреждение и профилактика нарушений трудового законодательства;
- 3) точное выявление нарушений в области исполнения трудового законодательства;
- 4) эффективное принятие мер прокурорского реагирования;
- 5) содействие в усовершенствовании трудового законодательства [10, с. 34].

Институт прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства является комплексным и регулируется нормативно-правовыми актами об организации прокурорского надзор и нормами трудового права. В этом заключается проблема, поскольку законодательство разных отраслей использует отличающиеся формулировки норм права и терминологию. Согласно статье 353 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ, государственный надзор за точным и

единообразным исполнением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в соответствии с федеральным законом.

Правовые средства прокуратуры в первую очередь должны удовлетворять требования законности и обоснованности. Любой издаваемый акт прокурора за нарушение исполнения трудового законодательства должен быть юридически обоснован, правильно и убедительно мотивирован, изложен в четкой словесной форме.

Правовые средства по данному виду надзора можно разделить на:

- средства выявления нарушений закона;
- средства реагирования на выявленные нарушения закона;
- превентивные средства [8, с. 256].

Правовым средством выявления нарушений закона принято считать прокурорские проверки, которые проводятся по сведениям о нарушении трудового законодательства и по собственной инициативе или по указанию вышестоящих прокуроров. В ходе проверки прокурор использует полномочия, предусмотренные ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4].

К средствам реагирования на выявленные нарушения закона относятся право опротестования противоречащих закону правовых актов. Порядок принесения протеста закрепляется нормами ст. 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Протест приносится в орган, который издал противоречащий трудовому законодательству нормативный акт, или в вышестоящий орган.

Не стоит забывать и о представлении, как об одном из актов прокурорского реагирования. В такой форме прокурорского надзора обычно подразумевается не только информация о самих правонарушениях в трудовом законодательстве, а также и причины, которые спровоцировали совершение

такого нарушения в области трудового законодательства. Обычно представления вносятся по результатам проверки в ходе исполнения трудового законодательства либо по обращениям граждан в органы прокуратуры.

В тех случаях, когда нарушенные права требуют участия прокурора в судебном производстве, прокуроры активно используют предоставленное им гражданско-процессуальным законодательством право вступления в гражданский процесс для дачи заключения по делам о трудовых спорах. Представляется, что указанное право должно распространяться и на те случаи, когда лицо просит содействия органов прокуратуры в компенсации материального ущерба, причиненного в результате незаконного увольнения. «Защита прокурором трудовых прав, свобод и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве является самостоятельным необходимым продолжением надзорной деятельности в сфере трудовых отношений и значимой составной частью защиты конституционных прав и свобод граждан». Количество трудовых споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции, из года в год остается стабильно высоким. Значительная часть дел такой категории - споры об увольнении по инициативе работодателя.

В 2009 году в результате внесения изменений в Гражданско-процессуальный кодекс РФ [3] были расширены правовые основания для обращения прокурора в суд. В качестве дополнительного основания для подачи прокурором заявления в суд действующее законодательство теперь указывает «обращение к нему гражданина о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений: защиты семьи, социальной защиты, охраны здоровья и др.».

Также органы прокуратуры наделены полномочиями в целях предупреждения трудовых правонарушений (превентивные средства), и при наличии таких сведений объявляют должностным лицам определенные предостережения о недопустимости нарушения трудового законодательства.

Предостережения чаще всего относятся к профилактической мере на должностных лиц-работодателей. Цель такого прокурорского надзора объяснить действующее законодательство в области трудовых правоотношений и продемонстрировать практику ответственности за неисполнение норм трудового законодательства.

Также дискуссионный является вопрос, связанный с пределами прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства. В соответствии с п. 2.9. Приказа Генерального прокурора России от 15.03.2019 № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» на прокурора возложена обязанность реагировать на любые нарушения трудовых прав граждан мерами прокурорского реагирования несмотря на то, что есть профильные органы.

В настоящий момент прокуратура выполняет свою деятельность по исполнению трудового законодательства всеми учреждениями и организациями. Такое положение закреплено в ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации - органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Трудовое законодательство относит прокурорский надзор за соблюдением трудового законодательства к способам защиты трудовых прав, что не совсем обоснованно, по мнению большинства ученых. Т.к. следует различать надзорную деятельность уполномоченных государственных органов от способов защиты трудовых прав. Необходимо вывести главу о государственном контроле и надзоре из раздела о защите трудовых прав. Кроме того, ТК РФ прокурорскому закону за исполнением трудового законодательства отводит небольшую роль. Об этом виде надзора есть лишь упоминание в статье о формах государственного контроля и надзора, причем текстуально прокурорский надзор стоит на последнем месте. Также необходимо более точно

урегулировать разграничение полномочий и способы взаимодействия контрольных и надзорных органов в сфере трудового законодательства.

Ведущим органом, в соответствии с Трудовым Кодексом РФ, осуществляющим федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства, является федеральная инспекция труда, которая включает в себя Федеральную службу по труду и занятости (Роструд) и ее территориальные органы. Конкуренцию деятельности федеральной инспекции труда по государственному надзору за соблюдением трудового законодательства составляет прокуратура РФ, которая сложилась в связи с неточностью законодательных формулировок в части пределов прокурорского надзора. При осуществлении надзора за соблюдением трудового законодательства полномочия вышеупомянутых органов дублируются. В рамках возложенных на федеральную инспекцию труда полномочий, государственные инспекторы труда вправе проводить выездные и документарные проверки работодателей (всех организационно-правовых форм), предъявлять работодателям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства, привлекать виновных к ответственности (путем составления протоколов об административных правонарушениях и направления материалов в суд, по делам неподведомственным инспекции, а также путем самостоятельного рассмотрения дел об административных правонарушениях по соответствующим составам), запрашивать у работодателей и органов власти необходимые документы, выступать в качестве экспертов в суде, а также проводить иные мероприятия в рамках действующего законодательства.

Помимо обязанностей, возложенных Трудовым Кодексом РФ, Роструд и его территориальные органы рассматривают обращения граждан в рамках Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [5]. Прокуратура, согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре

Российской Федерации», осуществляет надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В перечень таких законов входят законодательные акты содержащие нормы трудового права, а в перечень прав и свобод, надзор за исполнением которых осуществляет прокурор, входят и трудовые права. Проведение прокурорами проверок нарушений трудовых прав на основании заявлений и жалоб граждан, является превышением пределов прокурорского надзора. Одним из принципов прокурорского надзора является запрет на подмену иных государственных органов при осуществлении надзора. То есть полномочия прокурора заканчиваются там, где начинаются полномочия иных контрольно-надзорных органов. Согласно приказу Генпрокурора России от 30 января 2013 года № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения [7] обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» прокурор при получении обращения гражданина после предварительного рассмотрения обязан принять одно из следующих решений: принять обращение, передать на разрешение в другие органы, о возратить обращение заявителю, оставить без разрешения, прекратить рассмотрение обращения [13, с. 25].

Приказ Генпрокурора России от 15.03.2019 № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» требует от прокуроров при выявлении нарушений трудовых прав граждан, безотлагательно применять необходимые для восстановления законности, прав граждан и привлечения виновных должностных лиц к установленной ответственности меры прокурорского реагирования. Соответственно законодатель возлагает на прокурора обязанность реагировать на любые нарушения трудовых прав граждан, актами прокурорского реагирования несмотря на то, что есть профильные органы и следовало было бы передать рассмотрение соответствующего вопроса им.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. От 07.10.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст. 3.
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, N 46, ст. 4532
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
5. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.05.2006, N 19, ст. 2060
6. Приказ Генпрокуратуры России от 15.03.2019 № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // Законность. – 2019. – № 5.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 N 45 (ред. от 28.09.2021) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // «Законность», N 4, 2013.
8. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 474 с.
9. Плотникова, К. А. Общие положения прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства / К. А. Плотникова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 8(65). – С. 382-386. – EDN CRJEEW.

10. Мосунова, А. В. Общие положения о прокурорском надзоре за исполнением трудового законодательства / А. В. Мосунова // Марийский юридический вестник. – 2021. – № 4(36). – С. 33-35. – EDN TZCBSZ.

11. Ведянин, В. В. Прокуратура в рамках надзорных отношений по соблюдению трудового законодательства: общая характеристика / В. В. Ведянин // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 24. – С. 128-132. – EDN TPTKSN.

12. Сабельфельд, Т. Ю. Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства в Российской Федерации : монография / Т. Ю. Сабельфельд ; Новосиб. гос. аграр. ун-т. - Новосибирск : Золотой колос, 2014. - 224 с.

13. Васенкова, Г. А. Пределы прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства / Г. А. Васенкова // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 2, № 8(20). – С. 23-28. – EDN GMXTHD.

УДК 343.163

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

К ВОПРОСУ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: в статье автором рассматривается такое направление прокурорской деятельности, как прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних, также рассматривается возможность выделения данного направления надзора в качестве самостоятельного, делается предложение по внесению изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, надзор, несовершеннолетние, исполнение законодательства.

ON THE ISSUE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON MINORS

Annotation: in the article, the author examines such an area of prosecutorial activity as prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, also considers the possibility of identifying this area of supervision as an independent one, and makes a proposal to amend the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”.

Key words: prosecutor's office, prosecutorial supervision, supervision, minors, implementation of legislation.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних является одним из важнейших, приоритетных направлений прокурорской деятельности не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Это объясняется тем фактом, что несовершеннолетние в наибольшей мере подвержены различного рода влияниям, преступным посягательствам, вследствие чего нуждаются в правовой защите, которую самостоятельно осуществить в полной мере не имеют возможности. На необходимость правовой защиты несовершеннолетних в том числе обращается внимание и во многих международных актах, таких как Декларация прав ребенка 1959 года, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года и т.д.

Несовершеннолетние и молодежь представляют собой одну из самых незащищенных групп среди населения. Они не могут защитить свои интересы сами, не в состоянии нанять себе адвоката, а иногда даже и не понимают, что их права нарушаются [3, с. 69].

В Российской Федерации создана система органов, осуществляющих защиту прав, свобод, законных интересов несовершеннолетних. К ним относятся, например, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, Уполномоченный по правам ребенка, должность которого была введена указом Президента Российской Федерации в 2009 году, уполномоченные по правам ребенка, действующие в субъектах Российской Федерации, и др.

При этом нельзя отрицать роль органов прокуратуры Российской Федерации в защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Необходимость осуществления прокуратурой прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних обусловлена и тем, что нарушения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних совершают

в том числе указанные выше органы, на которые государством специально возложены полномочия по охране прав и свобод несовершеннолетних.

Надзор, проводимый по данному направлению, имеет исключительную важность, так как прокурор, при реализации своих полномочий, представляет интересы не отдельных органов или властных структур, а выступает в целом от всего государства в защиту прав и интересов детей [3, с. 69].

Проанализировав Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», можно прийти к выводу о том, что прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних не выделяется в качестве самостоятельного направления прокурорского надзора, поскольку он отдельно не закреплен в п. 2 ст. 1 указанного Федерального закона. Особенностью является то, что в нем объединены почти все направления деятельности прокуратуры от общего надзора до надзора в воспитательных колониях [4, с. 291]. Надзор, осуществляемый прокуратурой в этой сфере, рассматривается в науке и практике как сквозное направление надзорной деятельности, что, по мнению многих авторов, существенно понижает профессиональную роль деятельности указанного правоохранительного органа в описываемой сфере. Недостаточная регламентация средств и методов исследуемого вида надзора в рассматриваемой нами сфере, влечет за собой разобщенность его организации в прокуратурах разного уровня, что, в свою очередь, влияет на эффективность его осуществления [3, с. 71].

Считаем необходимым рассмотреть понятие прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних.

А.С. Арутюнян в своем диссертационном исследовании дает следующее определение надзора за исполнением законов о несовершеннолетних: «прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних – это: а) самостоятельное приоритетное направление прокурорского надзора; б) специально уполномоченных подразделений органов прокуратуры, которые в

целях соблюдения Конституции РФ и законов, действующих на территории Российской Федерации, призваны осуществлять в пределах своей компетенции комплексные проверки исполнения законов и подзаконных нормативных правовых актов в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних лиц» [5, с. 9].

Т.А. Васильева отмечает, что прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодёжи представляет собой самостоятельное, специфическое направление деятельности органов прокуратуры, относится к надзору за исполнением законов в межотраслевых сферах и призван обеспечить реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних и молодёжи, пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних [6, с. 8].

Таким образом, на основе вышерассмотренных определений можно прийти к выводу о том, что большинство авторов рассматривают данный надзор в качестве самостоятельного направления прокурорской деятельности.

По нашему мнению, прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних в настоящее время уже представляет собой самостоятельное направление прокурорского надзора. В таком случае законодателю необходимо внести изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», где в п. 2 ст. 1 определить в качестве самостоятельного направления надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних. Также необходимо будет закрепить прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних в разделе III, например, создав отдельную главу 2.1 под названием «Надзор за исполнением законов о несовершеннолетних», которую можно расположить после главы 2 «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина». В данной главе необходимо будет раскрыть предмет надзора, полномочия прокурора и акты прокурорского реагирования. Однако может возникнуть проблема формулирования данной главы, поскольку многие положения будут повторять

то, что закреплено в главах, регулирующих надзор за исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, законодателю необходимо будет найти оптимальный способ закрепления рассматриваемого направления надзора в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

При этом хотелось бы отметить, что на сегодняшний день для осуществления функций прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних в составе Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства в Генеральной прокуратуре Российской Федерации существует Управление по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних [2]. Также аналогичные отделы образованы во всех прокуратурах субъектов Российской Федерации. То есть на практике данное направление надзора считается самостоятельным направлением прокурорского надзора.

Отмечается, что для повышения результативности прокурорского надзора в сфере прав и свобод несовершеннолетних необходимо увеличить кадровый состав работников по этому направлению и, в соответствии со ст. 43.4 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», осуществлять их дополнительное профессиональное образование. В то же время, работники органов прокуратуры должны не только повышать свой уровень знаний законодательства, но и принимать активное участие в правотворческой деятельности [3, с. 71-72].

Таким образом, прокуратура играет важную роль в обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, поскольку они в силу своего физического и психического развития не могут защитить себя самостоятельно. При этом прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних представляет собой самостоятельное направление деятельности прокуратуры, которое также является и комплексным, поскольку сочетает в себе различные направления прокурорской

деятельности по защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

По нашему мнению, необходимо повышать эффективность деятельности органов прокуратуры, эффективно предупреждать нарушения законодательства о несовершеннолетних, своевременно реагировать на данные нарушения, восстанавливать права несовершеннолетних и привлекать виновных лиц к установленной законом ответственности. Все вышеперечисленное будет способствовать защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. «Положение о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (утв. Генпрокуратурой России 25.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Каххоров Д. Г., Абдрашитов В. М. Перспективы совершенствования правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи // Legal Concept - Правовая парадигма. - 2022. - Т. 21, № 2. - С. 68-74.
4. Друкаров, И. Л. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для юридических вузов / И. Л. Друкаров. - 4-е изд., испр. и доп. - Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. - 311 с.
5. Арутюнян А. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 28 с.
6. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / рук. авт. коллектива Н. П. Дудин ; [Т. А. Васильева и др.] ; Санкт-

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 31

Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры
Российской Федерации. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский
юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской
Федерации, 2009. – 635 с.

УДК 347.963

Хатуев Эльмар Юрьевич

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

elmarhatuev@icloud.com

Khatuev Elmar

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Moscow

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА
ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ,
УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Аннотация: в настоящей статье исследуется природа государственных закупок, а также их осуществление отдельными видами юридических лиц. Анализируются недостатки законодательства в данной сфере, кратко излагается судебная практика. На основании изложенного, предлагаются пути совершенствования осуществления прокурорского надзора в исследуемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, государственные закупки, юридические лица, организация надзора.

**CURRENT ASPECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE
EXECUTION OF LAWS IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS,**

WORKS, SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS, AS WELL AS CERTAIN TYPES OF LEGAL ENTITIES

Annotation: this article examines the nature of public procurement, as well as its implementation by certain types of legal entities. The shortcomings of legislation in this area are analyzed and judicial practice is briefly outlined. Based on the above, ways to improve the implementation of prosecutorial supervision in the area under study are proposed.

Key words: prosecutorial supervision, prosecutor's office, public procurement, legal entities, organization of supervision.

В настоящее время значительной частью расходной части бюджетов всех уровней являются затраты на проведение государственных закупок. В сфере приоритетного внимания органов прокуратуры находятся закупки в сфере оборонно-промышленного комплекса, здравоохранения, образования, содержания, ремонта и строительства дорог и объектов социальной инфраструктуры [1, с. 38].

Общая сумма всех закупок, размещенных в открытом доступе, увеличилась с 459,1 млрд. рублей до 600,1 млрд. рублей. Приведем некоторые статистические данные. В январе 2023 года по сравнению с прошлым годом количество закупок по федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с авансом увеличилось в 2 раза — с 446 до 893. При этом сумма этих закупок снизилась с 72,1 млрд. рублей до 26,3 млрд. рублей.

По результатам мониторинга официального сайта Единой информационной системы в сфере закупок, в частности сводного аналитического отчета о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2022 г. Всего состоялось закупок на сумму 4 792,6 млрд рублей, что составляет 47,6% в

общем стоимостном объеме. А меры поддержки для поставщиков по постановлению Правительства РФ от 24.12.2022 № 2411 «Об авансировании договоров (государственных контрактов) о поставке промышленных товаров для государственных и муниципальных нужд, а также для нужд обороны страны и безопасности государства» коснулись малого количества процедур в январе — около 100 закупок на сумму 80 млн рублей. При этом самый большой прирост по суммам опубликованных закупок пришелся на: фармацевтику — на 104,2 % (с 33,0 млрд рублей до 67,4 млрд. рублей); транспортные услуги — на 481,5 % с (7,6 млрд. рублей до 44,2 млрд. рублей); науку и исследования — на 4 659 % (с 166 млн рублей до 7,9 млрд. рублей). Из этого следует, что, скорее всего, затраты бюджета выросли на закрытые закупки, которых нет в публичном доступе. Указанное постановление устанавливает, что главные распорядители средств федерального бюджета как получатели средств федерального бюджета и подведомственные им получатели средств федерального бюджета предусматривают в заключаемых ими в 2023 - 2024 годах договорах (государственных контрактах) о поставке промышленных товаров для государственных и муниципальных нужд, а также для нужд обороны страны и безопасности государства по перечню согласно приложению авансовые платежи в размере не менее 80 процентов цены договора (государственного контракта), но не более лимитов бюджетных обязательств, доведенных до них в установленном порядке на указанные цели на соответствующий финансовый год. Настоящее постановление распространяется на закупки промышленных товаров, предусмотренных приложением к настоящему постановлению, при установлении в соответствии с частью 3 статьи 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» запрета на допуск таких товаров, происходящих из иностранных государств, или ограничений допуска таких товаров.

В данной сфере в связи со спецификой возникающих экономических отношений возможны многочисленные правонарушения. Противодействовать им призваны правоохранительные органы, важнейшую роль среди которых в связи с высоким статусом и широкой компетенцией в рассматриваемой сфере играет прокуратура. Интересно обратиться к статистике, иллюстрирующей динамику прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона в сфере экономики [2]. Проанализируем меры прокурорского реагирования о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также отдельными видами юридических лиц: так, в 2022 году принесено 16 965 протестов (прирост 41,6 % по сравнению с 2021), направлено 1906 исков (заявлений) в суды общей юрисдикции, а также в арбитражные суды (+19,1 %), внесено 63 741 представлений (+4,7 %), предостережено 6388 лиц о недопустимости нарушения закона (+9,3%), возбуждено 906 уголовных дел по материалам, направленным прокурорами в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (- 0,5%). В 2023 году сохранилась схожая динамика статистических данных. В современных непростых условиях экономического кризиса, вызванного сначала эпидемией, а затем и проведением специальной военной операции, возрастает роль прокуратуры в обеспечении законности в сфере государственных закупок со стороны конкретных юридических лиц. На особую актуальность данной сферы указывает тот факт, что до настоящего времени достаточного нормативно-правового регулирования столь важного вопроса не содержится в действующих законах. Всего в целях пресечения неправомерного использования бюджетных средств при ненадлежащем исполнении обязательств по искам прокуроров в государственную казну возвращено свыше 500 млн рублей. Мерами судебного реагирования устранялись также случаи заключения государственных контрактов с организациями, привлеченными к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Кроме того, Приказ Генерального прокурора России от 14.01.2021 № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» закрепляет приоритетные направления осуществления надзора за госзакупками. Так, п. 2.2 предписывает, что при осуществлении проверок исполнения бюджетного законодательства следует проверять законность и обоснованность закупок, а также наличие выделенных (запланированных) на эти цели бюджетных средств органами государственной власти всех уровней и органами местного самоуправления. Также, проверять соблюдение заказчиками требований к ценообразованию, нормированию закупаемых товаров, работ и услуг, пресекая средствами прокурорского надзора закупки товаров, работ, услуг с избыточными потребительскими свойствами, а также являющихся предметами роскоши, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Другим важнейшим актом, регулирующим непосредственно осуществление государственных закупок юридическими лицами, является федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Особого внимания заслуживает перечень таких юридических лиц, поскольку именно это является наиболее актуальной проблемой в исследовании. Перечень данных лиц считается неисчерпывающим. Так, закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» распространяется на государственные корпорации, государственные компании, публично-правовые компании, субъекты естественных монополий, организации, осуществляющие регулируемые виды деятельности в сфере электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, обращения с твердыми коммунальными отходами, автономные учреждения, а также хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает пятьдесят процентов; дочерние хозяйственные общества, в

уставном капитале которых более пятидесяти процентов долей в совокупности принадлежит вышеуказанным юридическим лицам и др. Следовательно, также требует доработки и федеральный закон о защите конкуренции.

Закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также отдельными видами юридических лиц в 2023 г. осуществлялись в условиях нестабильности рынка и хозяйственных связей его участников. Необходимость обеспечения государственных и муниципальных нужд, поддержки системообразующих отраслей экономики и отечественных производителей в новых экономических условиях повлекли коренную трансформацию контрактной системы, направленную на упрощение процесса закупок [3]. Вместе с тем данные новеллы усилили заинтересованность недобросовестных заказчиков в освоении финансовых ресурсов в обход требований законодательства о контрактной системе, а подрядчиков – в их нецелевом использовании, что повлекло увеличение количества нарушений закона на 6% за год (в 2022 г. – 197 781, в 2021 г. – 186 611, в 2020 г. – 171 096) и мер прокурорского реагирования [4].

Также, несовершенства существуют и в регулировании деятельности иностранных юридических лиц. Соответствующие изменения надлежит внести в законодательство о гражданстве и о правовом статусе иностранцев. Иные пробелы регулирования существуют и в вопросах ответственности за совершение преступлений в этой сфере. Так, при огромном числе преступлений, ущерб от которых оценивался в значительных суммах, до недавнего времени не было специальных отраслевых статей, наказание наступало по другим, смежным статьям. Важно понимать непосредственную связь рассматриваемой сферы с коррупцией, мошенничеством и злоупотребление должностными полномочиями.

Необходимо отметить, что административная ответственность за нарушения, обладающие меньшей общественной опасностью так же имеет некоторые несовершенства. Например, по ч.4 ст. 7.29.3 КоАП РФ

предусмотрена административная ответственность за нарушение сроков при закупках. Тем самым возникает коллизия применительно к отсутствию сроков размещения план-графика в ЕИС и наличия ответственности за нарушения сроков.

Более того, существует возможность перенять особенности зарубежного опыта системы государственных закупок. В сфере закупок в России приоритет отдается экономии бюджетных средств. Российская практика государственных закупок может перенять следующие особенности зарубежного опыта в этой области [5, с. 243-245].

Во-первых, централизованная организация осуществления государственных закупок путем распределения необходимых товаров и услуг через специализированный государственный орган может стать эффективным способом улучшения системы закупок в России.

Во-вторых, наличие единой методики осуществления конкурсных торгов с использованием библиотеки типовых контрактов и банка данных требований к закупаемой продукции позволит унифицировать процессы закупок и упростить их проведение. Это также способствует повышению эффективности и прозрачности системы государственных закупок.

В-третьих, концепция «оптимальной стоимости» становится важным аспектом при выборе поставщиков. Совместное рассмотрение цены, технической выгоды и качества товара позволяет выбрать наиболее выгодное предложение для государственных нужд. Принятие данных особенностей зарубежного опыта в сфере закупок позволит совершенствовать и развивать систему государственных закупок в России, сделав ее более эффективной, устойчивой и прозрачной) [6].

В процессе эмпирического исследования автором статьи изучена прокурорская и судебная практика по направлению исследования за период 2020-2023 года. В том числе информация о выявленных прокурорами нарушений в сфере закупок. Наиболее типичным нарушением в указанной

сфере является нарушение порядка ценообразования, нормирования закупаемых товаров, работ и услуг, кроме того несоблюдение заказчиками (организаторами) торгов, запроса котировок национального режима при осуществлении закупок, а также нарушение реального исполнения заключенных и оплаченных государственных и муниципальных контрактов, нарушение исполнения законов, регулирующих применение типовых условий контрактов, а также осуществлению закупок на сумму свыше 100 млн. рублей, в сфере оборонно-промышленного комплекса - 1 млрд. рублей.

Необходимо отметить и примеры эффективной прокурорской надзорной деятельности и данные о проблемах прокурорского надзора.

Так, например, прокуратура Островского района Костромской области по результатам проверки деятельности ресурсоснабжающей организации, установив, что не оплачены договоры на поставку топливно-энергетических ресурсов на сумму 1,5 млрд рублей.

Прокуратура внесла представление руководителю муниципального предприятия, в отношении юридического и должностного лица возбудили дело об административном правонарушении по ч. 4 ст. 7.32.3 КоАП РФ (нарушение порядка осуществления закупки товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц).

После вмешательства прокуратуры права субъектов предпринимательской деятельности восстановлены, задолженность перед ними погашена.

В 2023 году прокуратура Калужской области пресекла факт проведения неконкурентных закупок Калужским областным драматическим театром. В требовании опротестовала действующий приказ Калужского областного драматического театра «Об утверждении положения о закупках товаров, работ, услуг» с требованием об его отмене.

Кроме того, в нарушение требований ст. 2, 3 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ правила о порядке проведения закупок

подведомственными учреждениями Министром культуры региона не установлены правила нормирования закупок Калужского областного драматического театра, а также проведения данной работы и по иным государственным бюджетным учреждениям. В связи с изложенным в адрес Министра культуры прокуратурой внесено предложение об установлении указанных правил.

С учетом изложенного именно данные аспекты требуют проверки в приоритетном порядке в 2024 году при проведении надзорных проверок.

В то время как закон 223 ФЗ представляет субъекту широкие полномочия по усмотрению для субъектов своего воздействия, предоставляя им возможность самостоятельно урегулировать в положениях о закупках (локальных актов юридического лица) случаи, оснований и порядок конкурентных и неконкурентных закупок, что создает условия для роста числа неконкурентных закупок и непрозрачности данного сектора. В сложившихся условиях от прокуроров требуется уделение повышенного внимания проверки законности положений о закупочной деятельности в части нормативного регулирования. Представляется целесообразным законодательное утверждение типовых положений по аналогии.

Таким образом, изучение практики прокурорского надзора и правоприменительной деятельности позволило сформировать выводы и предложения, направленные на совершенствование надзорной деятельности и правового регулирования. Существует огромный блок несовершенств в современном законодательстве, регулирующем обширную сферу государственных закупок, в частности в настоящее время присутствует значительное количество недостатков правового характера, а предлагаемые в настоящем исследовании меры способны их устранить.

Список литературы:

1. Михина Е.Г. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением законодательства об автомобильных дорогах и дорожной деятельности. Проблемы недофинансирования отрасли.// Colloquium-Journa. 2020. №8-7 (60). С.37-40.

2. Выборочные данные из статистического отчета «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38341 (дата обращения: 18.01.2023).

3. Федеральные законы от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 16.04.2022 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 340 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2018 г. № 783, от 21.03.2022 № 417 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

4. Выборочные данные из статистического отчета «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38341 (дата обращения: 18.01.2023).

5. Плеханова, А. И. Мировой опыт системы государственного заказа // Молодой ученый. — 2021. — № 15 (357). — С. 243-245.

6. Герасименко, А. А. Отдельные аспекты правового регулирования государственных закупок в России и за рубежом // Теология. Философия. Право. – 2020. – № 2(14).

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.9

Агунькина Яна Павловна

Солодовникова Екатерина Николаевна

Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

Россия, Саратов

yanaagunkina2004@gmail.com

solodovnikova.kat2002@gmail.com

Agunkina Yana

Solodovnikova Ekaterina

Saratov State Law Academy

Institute of Justice

Russia, Saratov

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО ВЗЫСКАНИЮ АЛИМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

Аннотация: статья посвящена проблеме исполнительного производства по взысканию алиментов в пользу несовершеннолетних детей. Авторами проанализировано действующее законодательство, а также рассмотрена научная литература и судебная практика касательно данной сферы. На основе рассмотренного материала и приведенных статистических показателей предложены возможные пути решения в случае уклонения от уплаты алиментов.

Ключевые слова: алименты, принудительное исполнение, исполнительное производство, несовершеннолетние дети, взыскание.

CURRENT PROBLEMS OF EXECUTIVE PROCEEDINGS FOR THE COLLECTION OF ALIMONY IN FAVOR OF MINOR CHILDREN

Annotation: the article is devoted to the problem of enforcement proceedings for the collection of alimony in favor of minor children. The authors analyzed the current legislation, and also reviewed the scientific literature and judicial practice in relation to this area. Based on the analysis of materials and the given solutions of statistical indicators, possible ways are proposed in case of evasion of alimony payments.

Key words: nutrition, effective execution, enforcement proceedings, minor children, collection.

Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации забота о детях является правом и обязанностью родителей [1]. Данное положение имеет свое нормативное закрепление и в таких международных актах, как Конвенция о правах ребенка, Всеобщая декларация прав человека и др. Действительно, каждый ребенок имеет право на достойный уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного и нравственного развития [2]. Развод родителей не должен оказывать негативное воздействие на уровень жизни ребенка. Так, алиментные обязательства являются средством обеспечения и поддержания жизнедеятельности ребенка на должном уровне.

В большинстве стран, в том числе и в Российской Федерации, предусмотрено два варианта взыскания алиментов: 1) добровольный порядок взыскания посредством алиментного или нотариального соглашения; 2) принудительный порядок взыскания. Как показывает практика, далеко не все алиментобязанные граждане добровольно и надлежащим образом выполняют обязанность по уплате алиментов. Так, за 2023 год в суды общей юрисдикции поступило 228 287 дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей; общая сумма заявленных исковых требований составила 1 971 954 593 рублей [3]. В соответствии со статистической отчетностью Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации

(далее – ФССП РФ) в 2023 году общая взысканная сумма по оконченным и неоконченным исполнительным производствам в период действия постановления о временном ограничении на выезд из Российской Федерации в отношении должников по алиментным обязательствам составила 1 573 611 рублей [4].

ФССП РФ обеспечивает порядок взыскания алиментов по решению суда. Данная процедура регулируется Семейным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 02.10.2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) [5], а также Постановлением правительства РФ от 18 июля 1996 года № 841 «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей». Статья 102 «Порядок взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам» наделяет судебного пристава-исполнителя правом на индексацию алиментов, а также на привлечение должника к ответственности (о чем предварительно предупреждают должника). Данные нормы являются специальными, но ФЗИП предусматривает также общие нормы, которые используются и при исполнении алиментных обязательств. Так, в соответствии со ст. 65 судебный пристав-исполнитель может объявлять исполнительный розыск; ст. 68 устанавливает такие меры, как обращение взыскания на имущество, наложение ареста, обращение в регистрирующий орган для регистрации права на имущество и др.

Судебная практика содержит немало примеров привлечения должника к ответственности за неуплату алиментов. Так, Постановление Верховного Суда № 9-АД21-24-К1 от 17 декабря 2021 года оставило без изменения решения предыдущих инстанций, тем самым обязало ответчика к 20 часам обязательных работ за неуплату алиментов в течение 3 месяцев и накопившийся долг в размере 30000 рублей [6].

Несмотря на столь широкий перечень мер воздействия, количество неплательщиков остается значительным. Данный фактор подтверждает низкую

эффективность современных мер воздействия на должников по алиментным обязательствам.

Зачастую процесс взыскания алиментов растягивается на годы, что оказывает неблагоприятное воздействие на обеспечение прав ребенка. Должники, как правило, могут вводить взыскателя и суд в заблуждение о реальном размере своих доходов путем договоренности с работодателем о снижении официального размера заработной платы. Если же лицо самозанятое, то оно не декларирует часть своих доходов. Многие должники оформляют имущество на родственников, что не позволяет обратиться на него взыскание. Как следствие, в современных условиях рыночной экономики наибольшая сложность заключается не в розыске должника, а в поиске его имущества [7].

Статья 83 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривает возможность взыскания алиментов в твердой денежной сумме, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход [8]. Так, в рамках исполнительного производства в данном случае задолженность по алиментам определяется исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности [9]. Данная мера позволяет обеспечить должный уровень жизни ребенка, поскольку гарантируется выплата четко фиксированной суммы.

Обратим внимание, что в отечественном законодательстве имеется положительный опыт контроля со стороны государства за расходованием денежных средств приемными родителями, и, как следствие, было бы целесообразно ввести подобную меру и для кровных родственников, поскольку в данном случае расходование денежных средств будет направлено исключительно в интересах ребенка. Так для повышения контроля за выплатой алиментов возможно открытие отдельных номинальных счетов судебным

приставом-исполнителем, на которые будут перечисляться алименты и предоставлении ежегодных отчетов алиментоплательщиков в службу судебных приставов, по аналогии с отчетами расходов опекунов. Данная мера имеет как позитивные моменты: позволит отследить переводы алиментоплательщика на созданный счет и дополнительные расходы родителя на ребенка, например, покупка ребенку вещей первой необходимости, оплату образовательных и медицинских услуг, так и негативные: существует риск фальсификации данных отчета, увеличивается нагрузка на судебного пристава-исполнителя.

Нерешенной проблемой на данный момент является уклонение от уплаты алиментов. Как мы указали ранее, за злостное уклонение предусмотрена уголовная ответственность, закрепленная ст. 157 УК РФ. Но, как показывает практика, данная мера не всегда приводит к результату, поскольку впоследствии должники могут все равно не выплачивать алименты, из-за чего некоторые должники повторно привлекаются по данной статье, и наказание теряет свою суть. К тому же, необходимо учитывать тот факт, что судимость одного из родителей влечет для ребенка ряд неблагоприятных последствий. Например, при трудоустройстве в государственные органы могут потребовать предоставление данных сведений. В таком случае, даже погашенная судимость исключает возможность к поступлению на службу.

Рассмотрев опыт зарубежных стран, мы пришли к выводу о том, что в вопросах эффективности в сфере исполнения решений суда о взыскании алиментных обязательств, иностранные государства используют действенные меры, обеспечивающие высокий результат. Так, в Англии в соответствии с Законом «О средствах на содержание детей и других платежах» применяется наложение ограничения на покидание жилища, то есть лицо обязано оставаться в предписанном месте на период времени до исполнения предъявленного требования [10]. При этом, домашний арест может стать помехой в осуществлении трудовой деятельности, что также отразится на материальном положении плательщика алиментов. В связи с этим считаем, что будет

эффективным введение ограничения на выезд за пределы соответствующего муниципального образования на усмотрение судебного пристава-исполнителя. Также данную меру ограничения нельзя применять, если родитель работает в другом муниципальном образовании и предоставил подтверждающую справку от работодателя.

В Республике Беларусь предусмотрено ограничение для алиментоплательщиков, зависимых от азартных игр. Так, в ст. 60 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» предусмотрена следующая мера по обеспечению исполнительного документа: «временное ограничение должника - гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх» [11].

Предполагаем, что применение данных мер в нашем государстве окажет эффективное воздействие на должников.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Ст.27.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688>
4. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2023 год. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/statistics

5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

6. Постановление Верховного Суда Российской Федерации № 9-АД21-24-К1 от 17 декабря 2021 года // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2070280

7. Цепкова Т.М., Бахарева О.А. Некоторые проблемы, возникающие в ходе принудительного исполнения требований о взыскании алиментов // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики. 2018. С. 117-121.

8. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023)[электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс»

9. Авдеева Н.И. Взыскание алиментов в соответствии с законодательством об исполнительном производстве в Российской Федерации // Ученые записи Крымского федерального университета В.И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – С. 67-77.

10. Марина А. А. Ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей в нормах международного и зарубежного законодательства // Общество и право. 2015. - №2 (52). – С. 111-115.

11. Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» [электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь

УДК 347.91

Бибиков Никита Сергеевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

bibikov-02@bk.ru

Bibikov Nikita

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Moscow

ИНСТИТУТ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: институт особого мнения судьи один из менее изученных в отечественной доктрине и скудно апробированных в правоприменительной практике судейского корпуса. Не устраненные по сей день законодательные пробелы и коллизии приводят к двойственному толкованию имеющихся норм, регламентирующих особое мнение судьи, и к правовой неопределенности в целом. В связи с чем нам представляется целесообразным внести соответствующие законодательные изменения.

Ключевые слова: суд, особое мнение, процессуальный инструмент, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство.

INSTITUTE OF DISSENTING OPINION OF A JUDGE IN THE CIVIL PROCESS

Annotation: the institute of a judge's dissenting opinion is one of the least studied in the domestic doctrine and sparsely tested in the law enforcement practice of the judiciary. Legislative gaps and conflicts that have not been eliminated to this day lead

to a dual interpretation of the existing norms governing the dissenting opinion of the judge, and to legal uncertainty in general. In this regard, it seems appropriate to make appropriate legislative changes.

Key words: court, dissenting opinion, procedural instrument, civil proceedings, arbitration proceedings.

Если абстрагироваться от экзальтации, «эмоций и абсолютно провинциального "там на Западе", когда под одну якобы "западную" гребенку стригутся страны и правовые порядки не только с разными, но и прямо противоположными подходами, то отношение к институту особого мнения укладывается в две традиции. При этом каждая из них имеет, разумеется, свою логику» [1].

Романо-германская правовая система выступает апологетом принципа целостности, единомыслия судебного решения, когда все гипотетические диспуты между судьями, расхождение их мнений, непримиримость аргументов и невозможность достижения консенсуса остаются в пределах стен совещательной комнаты, а судебное решение выносится и объявляется от имени суда в целом. Ряд ученых придерживается позиции, что культ тайны совещательной комнаты в данной системе по определению нивелирует институт особого мнения судьи. Не использование данного института, как отмечается, связано с идеей деполитизации судебного корпуса, недопущении его тенденциозности, судья рассматривается как аполитичный субъект, не олицетворяющий какую-либо партию или идеологию.

«Американская традиция, напротив, видит в судье политически субъектного индивида, который либо избран населением, либо назначен по партийному принципу, оставаясь на своем посту республиканцем или демократом, либералом или консерватором, левым или правым» [1]. При такой системе особое мнение есть продукт политико-правовой инженерии, выступает вспомогательным процессуальным инструментом судьи для исполнения

идеологических обязательств и отстаивания своей политической позиции, которая, как правило, красной нитью должна проходить во всех его процессуальных актах. В связи с этим особое мнение оглашается в зале судебного заседания и становится достоянием широкой общественности.

После распада СССР Россия приступила к акселерационной системной интеграции в политические и экономические транснациональные процессы, осуществлению гармонизации права, имплементации принципов и норм международного права, и институтов иностранных правопорядков. В связи с этим бытует мнение (и не безосновательно), что большое количество американских институтов (в том числе и особое мнение судьи) было сепарировано, оторвано от своих корней без каких-либо предпосылок, абсолютно без понимания их истоков и подлинной природы.

Несомненно, англо-саксонская правовая экспансия и «прозелитизм» оказали влияние, однако возникновение и развитие особых мнений на континенте можно уверенно назвать случаем своеобразного "юридического параллелизма". Институт особого мнения судьи в данном контексте не был заимствован и является традиционным, он был известен еще дореволюционному (ст. 703 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.) и советскому праву (ГПК РСФСР 1964 г.).

Сегодня маятник в судьбе особых мнений в России стремительно движется в обратную сторону. Это связано, в первую очередь, с установленным в 2020 году запретом на их обнародование судьям Конституционного Суда Российской Федерации, что неизбежно привело к экстраполированию опыта на другие виды судопроизводства. Возможно имеются какие-то конъюнктурные причины, либо скрываются глубинные институциональные закономерности, но вряд ли можно безапелляционно утверждать, что данный институт не отражает политическую, экономическую или социальную логику, и становится инородным телом либо атавизмом в российской правовой системе.

Особое мнение судьи является процессуальным инструментом судебной практики, позволяющий одному из судей, который полностью или частично не согласен с коллегиальным судебным решением, официально выразить свою собственную правовую (а в широком смысле также политическую и идеологическую) позицию по существу дела.

Институт особого мнения судьи является утилитарным воплощением фундаментального конституционно-правового принципа независимости судьи. Специфика данного «мнения» выражается в персонализированном характере и индивидуально-авторском подходе в процессе изложения субъективной точки зрения. Особое мнение судьи, гарантируя выше названный принцип, позиционирует судью как «суверенную личность, состоящую из поддающихся измерению личностных черт, способностей и атрибутов, как носителя индивидуально-творческой позиции и "передающего сознания" (М.М.Бахтин), как субъекта свободной воли, ощущающего себя источником своих высказываний, сознательно предопределяющего свою речевую деятельность» [2].

Экстраординарной особенностью (отчасти эксцентрической) является проявление в особом мнении «эмоционально-экспрессивных черт, что, как полагает Л. Шевырдяева, объясняется "внутренним состоянием несогласия автора, необходимо отражаемом в тексте"» [2]. Директивная и инструктивная форма изложения, подчиняющаяся формально определенным требованиям и присущая институциональному дискурсу судебного решения, уступает место диспозитивной, более свободной, творческой с использованием метафорических оборотов, аллегорий и оксюморонов форме особого мнения. Такой арсенал средств позволяет максимально эксплицировать свое «я» судьи, показать независимость суждений, с помощью которых он привлекает внимание адресата, указывая на неоднозначность вынесенного решения.

«В настоящее время для американских юристов институт особого мнения является типичным атрибутом судебного процесса. Более того, он составляет

предмет гордости американского правосудия. Так, к примеру, особые мнения судьи Верховного суда США Холмса О. по праву считаются, как отмечает американский исследователь Думболд Э., «сокровищами юридической мысли»»[3].

Как утверждал Гаджиев Г. А.: «особое мнение судьи – это не жалоба проигравшего, а аргумент возможного победителя в сложном диспуте о развитии права, и оно не ослабляет, а, напротив, усиливает авторитет суда, устраняя лицемерие» [4]. Однако высказываясь в защиту особого мнения судьи Гаджиев Г. А. вынужден был признать, «что одним из их внешних последствий является разрушение образа единодушного суда» [5, с. 27].

«По мнению Басангова Д. А., особые мнения разрушают целостность судебного решения, усложняют понимание и размывают его обязательность, обнаруживают политические пристрастия судей» [6, с. 3].

Авторское по своей природе особое мнение нарушает анатомическую целостность "тела" суда, а не физиологические функции, давая право на симбиоз судебного решения и альтернативных правовых позиций, ослабляющих авторитарный характер права, не позволяя мнению большинства служить единственным вариантом интерпретации правовых норм.

Для уяснения сущности российской модели института особого мнения судьи в цивилистическом процессе, рассмотрим его нормативное содержание с ретроспективной точки зрения.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 1992 г. закреплял право судьи, не согласного с решением или постановлением, изложить в письменном виде особое мнение, которое приобщалось к делу (ст. 106, 129, 138). Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 декабря 1992 г. № С-13/ОП-278 в п. 13 приложения к информационному письму конкретизировало законодательные положения и устанавливало, что: «кодекс не предусматривает, что при подписании решения делается оговорка о наличии у одного из судей особого

мнения и что особое мнение рассылается лицам, участвующим в деле. Согласно названной статье Кодекса (речь идет о ст. 106. - Н.Б.) оно приобщается к делу».

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 1995 г. в ч. 2 ст. 15 установил прямой запрет на объявление особого мнения и ознакомления с ним. В развитие данного положения Регламент арбитражных судов, утвержденный Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 7, в п. 44 закреплял положения о приобщении особого мнения к делу в запечатанном конверте и обязанности ознакомиться с ним судьей, рассматривающих дело во всех инстанциях.

«Таким образом, в тот период действительно возобладал указанный А. Верещагиным подход: особое мнение нежелательно, его следует скрывать от сторон и иных лиц, а назначение его состоит лишь в помощи вышестоящей инстанции при пересмотре вынесенного решения» [7, с. 2].

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) от 2002 г. в ч. 2 ст. 20 дублировал положение ранее действующего кодекса. Параллельно продолжали действовать п. 13 приложения к информационному письму № С-13/ОП-278 и п. 44 упоминаемого Регламента арбитражных судов, в котором по-прежнему устанавливался запрет на ознакомление участвующих в деле лиц с особым мнением судьи.

Тенденция на демократизацию института особого мнения судьи началась с издания Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2008 г. № 58, который внес изменения в п. 44 Регламента арбитражных судов и двумя годами позже Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ (ред. от 28.06.2014) "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации". Принципиально важные положения этих актов касаются запрета на оглашение особого мнения судьи, установления срока на его изготовление, который не должен превышать пяти дней и права лиц, участвующих в деле, знакомиться с ним. Важным, с точки зрения теории и практики, положением дополнилась ч. 5

ст. 167 АПК РФ: «при этом судьи арбитражного суда не лишены права в соответствии со статьей 20 настоящего Кодекса изложить свое особое мнение, что не может рассматриваться как нарушение тайны совещания судей» [8]. П. 13 приложения к информационному письму № С-13/ОП-278 продолжает действовать и на момент написания статьи.

До принятия 14 ноября 2002 года Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) действовал Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., в котором особое мнение судьи не адресовалось общественности и сторонам (был установлен запрет на оглашение), а исключительно вышестоящему суду при обжаловании судебного решения путем приобщения к делу в закрытом виде. После принятия ГПК РФ в сущности модель института особого мнения не изменилась.

В связи с необходимостью устранения правовой неопределенности спустя три года изменения (аналогичные АПК РФ), были внесены и в ГПК РФ.

Федеральный закон от 21.10.2013 № 272-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи" существенным образом изменил реализацию норм, касающихся особого мнения судьи (изменениям подверглась ч. 1 ст. 193 ГПК, ст. 194 ГПК дополнена частью 4). Ранее ГПК РФ не содержал положений, регламентирующих обязанности председательствующего объявлять о наличии особого мнения судьи и разъяснять лицам, участвующим в деле, право и срок ознакомления с ним, также появились нормы, устанавливающие требования к сроку составления особого мнения судьи и его содержанию.

Данные новеллы символизируют отход от советской парадигмы, которой ряд постсоветских государств по сей день придерживается, и свидетельствует о демократизации цивилистического процесса.

Деятельность судьи зиждется на конститутивных принципах, определяющих сущность, содержание и структуру цивилистического процесса. Данные основополагающие положения представляют собой стройную, логически выверенную систему, что обусловлено монолитностью и единством выраженных в ней идей. Между каждым принципом существует тесная взаимосвязь, нарушение одного из них неизбежно влечет нарушение и другого, а в целом дестабилизацию в отправлении правосудия. Гарантом функционирования института особого мнения судьи служат принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации и федеральных законах.

Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации при отправлении правосудия судьи «независимы и подчиняется только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». ФКЗ от 31.12.1996 № 1 «О судебной системе Российской Федерации» декларирует, что: «Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону» (ч. 1 ст. 5); Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией» (ст. 12). «Судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств» (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, ч. 1 ст. 71 АПК).

В соответствии с вышеназванными положениями, судья признается независимым арбитром, на которого никто не вправе оказывать воздействие в том числе и другие судьи, входящие в состав судебной коллегии, рассматривающие то или иное дело. В своей деятельности он руководствуется внутренним убеждением и совестью, естественно, что у каждого судьи данные морально-нравственные, этические элементы отличны. В этой связи, не исключено, что при коллегиальном рассмотрении дела, определённый судья может частично или полностью не согласиться с выводами, изложенными в

судебном решении или поставить под сомнение используемую аргументацию. Это, в свою очередь, влияет на формирование у такого судьи мнения отличного от мнений других судей коллегии.

В АПК РФ и ГПК РФ предусматривается механизм выражения судьей своего мнения. «Судья, не согласный с мнением большинства, может изложить в письменной форме свое особое мнение, которое приобщается к делу, но при объявлении принятого по делу решения суда не оглашается» (ч. 2 ст. 15 ГПК РФ). «Председательствующий... объявляет о наличии особого мнения судьи и разъясняет лицам, участвующим в деле, право и срок ознакомления с особым мнением судьи» (ч. 1 ст. 193 ГПК РФ). «Судья, оставшийся при особом мнении по принятому решению, в срок не более чем пять дней со дня принятия решения судом вправе письменно изложить особое мнение» (ч. 4 ст. 194 ГПК). «Решение суда подписывается судьей при единоличном рассмотрении им дела или всеми судьями при коллегиальном рассмотрении дела, в том числе судьей, оставшимся при особом мнении» (ч. 2 ст. 197 ГПК).

Юридикотехнический механизм вышеизложенных норм создает фундаментальные противоречия, которых относительно недавние реформы так и не устранили. Положения АПК РФ и ГПК РФ предоставляют судье, несогласному с решением большинства, возможность изложить в письменной форме свое особое мнение. При этом параллельно обязывают его подписать судебное решение, с которым он не согласен полностью либо в части. Создаётся карикатура некой юридической фата-морганы, где лишь искаженно отражается истинная независимость судьи, которого наделили правом изложить своё мнение несогласного, при этом нарушив его волеизъявление обязанностью о подписании судебного акта, который противоречит его внутреннему убеждению. Более того судья, письменно изложивший своё особое мнение, необоснованно лишается права на оглашение такого мнения в зале судебного заседания, по мотивам того, что данное право уже предоставлено судьям, составляющим большинство от числа судей коллегии. Кроме того, в отличие от

лиц, участвующих в деле, широкая общественность не вправе ознакомиться с особым мнением судьи, действует запрет на его опубликование.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть два недавних решения: Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № ДК22-105 от 21 ноября 2022 г. и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 22 сентября 2022 г., которые обнажили имеющийся законодательный пробел.

«В период с 4 декабря 2019 г. по 26 октября 2021 г. по рассмотренным судебной коллегией 15 гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции были приняты судебные постановления, содержащие особое мнение судьи-докладчика Александра Нестеренко. Осознавая техническую невозможность опубликования особых мнений, судья поручил помощнику добавлять их в содержание итоговых судебных постановлений, принятых коллегиально, и публиковать на сайте суда единым документом» [9].

«ВККС отметила, что Нестеренко намеренно, осознавая техническую невозможность опубликования особого мнения на сайте суда, в нарушение процессуальных норм, не предусматривающих опубликование особого мнения судьи, опубликовал на сайте Восьмого КСОЮ судебные акты, прикрепив к ним особые мнения путем дополнительного внесения их текста в содержание итоговых постановлений, принятых коллегиально, т.е. единым текстом» [9].

Александр Нестеренко обратился в Дисциплинарную коллегию ВС с жалобой на решение ВККС. Рассмотрев жалобу, Дисциплинарная коллегия ВС посчитала, что ВККС правильно установила факт совершения Александром Нестеренко дисциплинарного проступка. «Из гражданско-процессуального законодательства однозначно и недвусмысленно следует, что процессуальный закон в развитие принципа независимости гарантирует судье, участвующему в коллегиальном рассмотрении судебного спора, возможность изложить свое мнение по существу, отличное от мнения судебной коллегии, указал ВС. В то же время закон не предусматривает придания гласности особому мнению судьи

ни в судебном заседании, ни посредством последующего его опубликования. Право лиц, участвующих в деле, ознакомиться с особым мнением судьи не равнозначно его публикации, подчеркивается в решении» [9].

Дисциплинарная коллегия ВС также согласилась с позицией данной в решении ВККС, что особое мнение судьи не является процессуальным актом, не обладает всеми признаками, качествами и свойствами присущими судебному акту, а именно «не является обязательным, не влечет юридических последствий и т.п...» [9].

Действительно ли здесь имеется нарушение судьей процессуального законодательства? «С одной стороны, окончательный судебный акт по делу должен быть един. С другой, публикация особого мнения не запрещена законодательством, но и специально не предусмотрена. Получается, что если не предусмотрено, то запрещено» [9]? Если законом не предусматривается придание гласности особому мнению судьи ни в судебном заседании, ни посредством последующего его опубликования, то почему бы не внести соответствующие изменения в ГПК РФ и АПК РФ? Примечательно, что ранее в АПК РФ такая возможность предоставлялась судье несогласному с мнением большинства членов Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, особое мнение публиковалось вместе с постановлением Президиума.

Прообразом может послужить американская концепция института особого мнения судьи. В отличие от моделей ряда стран СНГ, в том числе российской, американский механизм предоставляет судье дискрецию по своему усмотрению оглашать свое особое мнение в зале суда и публиковать его. Как участники процесса, так и широкая общественность имеют право ознакомиться с особым мнением судьи, и, что немаловажно, судья, высказавший свое особое мнение, подписывает только его, а не судебный акт, вынесенный коллегией.

Для достижения правовой определенности и придания начатой в 2008 году реформе свойства завершенности следует внести ряд существенных изменений в ГПК РФ и АПК РФ:

- часть 2 статьи 15 ГПК РФ изложить в следующей редакции: Судья, не согласный с мнением большинства, может изложить в письменной форме свое особое мнение, которое приобщается к делу, при объявлении принятого по делу решения суда судья, придерживающийся особого мнения, вправе огласить и опубликовать таковое.

- часть 2 статьи 197 ГПК РФ изложить в следующей редакции: Решение суда подписывается судьей при единоличном рассмотрении им дела или всеми судьями при коллегиальном рассмотрении дела, за исключением судьи, оставшимся при особом мнении.

- часть 2 статьи 20 АПК РФ изложить в следующей редакции: Судья, несогласный с мнением большинства судей, голосовавших за принятие судебного акта, вправе изложить в письменной форме свое особое мнение, огласить и опубликовать таковое.

- абзац 4 части 2 статьи 20 АПК РФ изложить в следующей редакции: Особое мнение судьи должно быть изготовлено в срок, не превышающий пяти дней со дня принятия решения по делу. Особое мнение судьи приобщается к материалам дела.

- часть 3 статьи 169 АПК РФ изложить в следующей редакции: Решение подписывается судьей, а в случае коллегиального рассмотрения дела – всеми судьями, участвовавшими в принятии решения, за исключением судьи, имеющим особое мнение.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2012 № 174-О-О закрепляется, что судьи кассационной и надзорной инстанций вправе исследовать письменно изложенное особое мнение при проверке судебных постановлений и учесть приведенные в нем доводы. Исходя из аутентичного толкования, судьи проверочных инстанций вправе не

рассматривать приобщенное к делу особое мнение и не связаны с приведенными в нем позициями при вынесении решения. Однако представляется целесообразным вменить в обязанность судьям ознакомление с особым мнением, что может послужить вынесению более обоснованного решения. Ранее такая обязанность закреплялась в п. 44 Регламента арбитражных судов, утвержденного Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7.

ГПК РФ и АПК РФ не регламентируется подробный порядок оформления особого мнения судьи, не содержится унифицированных требований к форме, содержанию и реквизитам. Рассматривая особое мнение судьи по аналогии с гражданским процессуальным актом, можно предположить, что оно должно состоять из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей.

Резюмируя вышесказанное, институт особого мнения на данный момент не является составной частью судебного решения, не имеет юридических последствий, носит информационный характер для вышестоящего суда в случае обжалования судебного решения по делу и участников процесса. Лица, участвующие в деле могут использовать его как высококвалифицированное подспорье: для апелланта особое мнение может лечь в основу апелляционной жалобы (представления). ГПК РФ и АПК РФ не содержат запрета для участников судопроизводства ссылаться на особое мнение судьи в случае обжалования судебного акта в вышестоящую инстанцию. Однако данный институт лишь частично отражает свой правовой потенциал, процесс спорадических реформ так и не завершил его полноценное оформление.

В связи с этим представляется необходимым предоставить судьям право на оглашение особого мнения судьи в зале судебного заседания и его последующее опубликование вместе с судебным решением либо в качестве его составной части. При коллегиальном рассмотрении дела судья, оставшийся при особом мнении, подписывает только его, а не решение большинства судей

коллегии. Для судей проверочных инстанций ознакомление с особым мнением должно являться обязательным.

Алогично было бы не подчеркнуть, что данная проблема лежит не только в рамках правовой плоскости, но и психологической. Вышеуказанные нормативные положения де-юре ограничивают независимость судьи и транспарентность его особого мнения, а предубеждения, стереотипы и в целом существующий конформизм судейского аппарата, укоренившие стигму диссидента судье, оставшимся при особом мнении, де-факто являются таким ограничением.

Список литературы:

1. Головкин Л. В. Судьба особых мнений в России: новый поворот. Комментарий для журнала «Закон» // zakon.ru: интернет-изд. 2020. 13 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/13/sudba_osobyh_mnenij_v_rossii_novyj_povorot__komentarij_dlya_zhurnala_zakon (дата обращения: 23.02.2023).
2. Крапивкина О.А. Особое мнение судьи в жанровом пространстве судебного дискурса // Юрислингвистика. 2011. №11.
3. Качков В.Г. Институт особого мнения судьи в США и Бельгии: аргументы «за» и «против» // Гуманитарные научные исследования: электрон. научно-практич. журн. 2016. № 2. URL: <https://human.snauka.ru/2016/02/14131> (дата обращения: 23.02.2023).
4. Правила жизни Гадиса Гаджиева // pravo.ru: интернет-изд. 2014. 12 нояб. URL: <https://pravo.ru/story/view/111933/> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Гаджиев Г.А. Публикация особого мнения судьи, или История нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика масс-медиа. 2005. №12. С.27.

6. Муратшина Г.П. Особое мнение судьи в гражданском судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2014. №1 (35). С. 108-111.

7. Рожкова М.А. Особое мнение судьи арбитражного суда // Вестник ВАС РФ. 2008. № 3. С. 1-7.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 10.01.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)

9. Нагорная М. Н. Верховный Суд признал нарушением публикацию судьей его особых мнений по гражданским делам // www.advgazeta.ru: сетевое изд. 2023. 10 янв. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-priznal-narusheniem-publikatsiyu-sudey-ego-osobykh-mneniy-po-grazhdanskim-delam/> (дата обращения 23.02.2023).

УДК 336.221

Вострикова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

МЕРЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: РОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрена правовая природа мер предварительной защиты в сравнении с обеспечительными мерами в арбитражном процессе, их значение для современной судебной практики. Автором проанализировано Постановление Конституционного Суда РФ в контексте проблемы отсутствия у суда права на самостоятельное применение мер предварительной защиты.

Ключевые слова: административное судопроизводство, меры предварительной защиты, обеспечительные меры, проблемы административного судопроизводства, значение мер предварительной защиты.

MEASURES OF PRELIMINARY PROTECTION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: THE ROLE AND PROBLEMS OF APPLICATION

Annotation: the article examines the legal nature of preliminary protection measures in comparison with interim measures in the arbitration process, their importance for modern judicial practice. The author analyzes the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the problem of the court's lack of the right to independently apply preliminary protection measures.

Key words: administrative proceedings, measures of preliminary protection, interim measures, problems of administrative proceedings, the importance of pre-protection measures.

Административное судопроизводство, как самая молодая процессуальная отрасль, порождает большое количество вопросов в юриспруденции, поскольку имеет достаточное количество новелл, привнесенных российским законодателем в мир юриспруденции. Среди таких новых институтов (в российском законодательстве в целом) можно выделить меры предварительной защиты.

В теории административного судопроизводства под мерами предварительной защиты понимают меры срочного временного характера, которые направлены на обеспечение прав, свобод и интересов административного истца [2, с. 163]. Поскольку чаще всего меры предварительной защиты понимают через «обеспечение», то достаточно распространена точка зрения, в соответствии с которой меры предварительной защиты, предусмотренные Кодексом об административном судопроизводстве Российской Федерации (далее – КАС РФ), отождествляют с обеспечительными мерами, предусмотренными Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ). Однако, хотя меры предварительной защиты и выступают неким аналогом обеспечительных мер, есть некоторые различия между данными институтами арбитражного и административного процессов [5, с. 19].

Так, различие можно увидеть в цели, для которой данные институты существуют. Цель мер предварительной защиты частично схожа с целями обеспечительных мер – гарантирования исполнения судебного акта, предотвращение порчи имущества. Однако меры предварительной защиты направлены в том числе и на минимизацию негативных последствий, которые могут возникнуть в таких категориях дел, как оспаривание нормативно-

правовых актов. Так, одной из таких мер является неприменение к административному мер оспариваемого акта.

Различие мер можно провести также по основаниям, по которым данный институт применяется, видам мер, которые суд может использовать для защиты интересов заявителя [4, с. 91].

Не называя сам основания, остановимся на том, что в КАС РФ вопрос о возможности их применения, в отличие от обеспечительных мер АПК РФ, не поставлен в зависимость от того, исполнится или не исполнится решение суда, если эти меры не применить. Помещая обсуждаемый институт в КАС РФ, законодатель исходил из того, что ходатайствующей стороне необходимо будет доказать лишь явную опасность нарушения прав заявителя.

Таким образом, говоря о мерах предварительной защиты, необходимо исходить из того, что их, все-таки, нельзя напрямую отождествлять с обеспечительными мерами, которые есть в АПК РФ. Однако институт арбитражного процесса имеет несомненное преимущество: в нем существуют как меры предварительной защиты, так и меры обеспечения иска и меры обеспечения исполнения судебного акта [3, с. 207]. Можно сказать, что законодатель при создании АПК РФ предусмотрел разнонаправленность этого института, в то время как в КАС РФ предусмотрены только меры предварительной защиты.

Обсуждая данную тему, нельзя не затронуть вопрос о том, в чем же заключается значение данного института для административного судопроизводства? Говоря о конкретной категории дел – оспаривании нормативно-правовых актов – хочется отметить следующее: «их значение заключается в защите прав административного истца от действия оспариваемого акта, от продолжения нарушения его прав в период рассмотрения административного иска, в том числе в защите его имущественных интересов» [6, с. 151].

Одной из основных проблем, которая до сих пор не урегулирована законодательством, является отсутствие у суда права самостоятельно применить меры предварительной защиты по административному иску. О существовании подобной проблемы говорит (и частично ее решает) свежее Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2024 г. №17-П по делу о проверке конституционности ст. 85, ч. 4 ст. 87 и ст. 211 КАС РФ. В рассматриваемом деле Конституционному Суду надлежало решить спор между двумя публичными интересами: на одну чашу весов было положено сохранение культурного наследия, на вторую – обеспечение и сохранение устойчивости нормативного регулирования административного судопроизводства.

Исходя из материалов дела, можно сказать следующее относительно фактических обстоятельств дела: В сентябре 2020 г. Комитет по культуре Ленинградской области выпустил приказ об отказе во включении здания вокзала железнодорожной станции Токсово в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории области. Поскольку в данном случае у жителей Токсово возник интерес в сохранении данного здания, представитель от данной группы заинтересованных лиц подал иск о признании данного приказа недействующим, одновременно с этим подав ходатайство о применении мер предварительной защиты. В суде первой инстанции имел место отказ судьи в удовлетворении ходатайства административного истца о применении мер предварительной защиты, поскольку ст. 85 КАС РФ не предусматривает каких-либо мер предварительной защиты по оспариванию нормативного акта кроме неприменения данного акта к истцу.

В данной ситуации Конституционный Суд РФ занял интересную позицию, указав, что суды, при рассмотрении дел в порядке главы 21 КАС РФ (производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами) часто абсолютизируют нормы,

предусматривающие невозможность применения других мер предварительной защиты кроме тех, которые прямо предусмотрены законом. По мнению Конституционного Суда подобный подход судов общей юрисдикции не отвечает правовой природе института мер предварительной защиты, а также конституционным правам на судебную защиту и на доступ к культурным ценностям.

Однако принятое Постановление порождает большое количество вопросов: можем ли мы расширительно толковать нормы о мерах предварительной защиты в других категориях дел, не связанных с культурным наследием? Каковы пределы такого расширительного толкования?

Отвечая на первый вопрос, стоит принять во внимание, что Конституционный Суд РФ не ограничил судей конкретно данной категорией дел, просто указав, что судьи, решая подобные вопросы, не должны сужать нормы, посвященные мерам предварительной защиты, применяемые при оспаривании нормативно-правовых актов. Данное решение оправдано, поскольку в противном случае Постановление носило бы казуистичный характер. В том виде, в каком Постановление действует на данный момент, частично разрешается вопрос о свободе судебского усмотрения при применении мер предварительной защиты.

Отвечая на второй вопрос, стоит обратиться к ст. 85 КАС РФ, в которой установлено требование соразмерности мер предварительной защиты требованиям истца. Данная норма носит общий характер и позволяет регулировать степень того, насколько сильно будут затронуты права и интересы административного ответчика. Помимо этого, необходимо также точно избирать меру, которая будет отвечать интересам ответчика. Поскольку в данном случае речь идет о конкретной категории дел, а судья будет рассматривать определенное дело, то необходимо учитывать «относимость» меры предварительной защиты к данному случаю вообще.

Подводя итог анализу Постановления Конституционного Суда РФ и соотношению обеспечительных мер с мерами предварительной защиты, отметим, что данные институты, несомненно, играют большую роль в административном и арбитражном процессах, однако необходимо (особенно в связи с новыми разъяснениями Конституционного Суда РФ) дальнейшее развитие и изучение этих институтов.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2024 N 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева» // «Российская газета», N 93, апрель 2024.
2. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / отв. ред. В. В. Ярков; Урал. гос. юрид. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2021. – 662 с.
3. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. – 752 с.
4. Ерофеева Е. В. Меры предварительной защиты по КАС РФ и их соотношение с обеспечительными мерами АПК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. №3.
5. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации под общ. ред. Муравьева А. А. // М.: Проспект, 2016. – 407 с.
6. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) под ред. Яркова В.В. // М.: Статут, 2016. – 1295 с.

УДК 347.9

Корякова Екатерина Александровна

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия

Россия, Челябинск

e_koryakova@mail.ru

Koryakova Ekaterina

Ural Branch of the Russian State University of Justice

Russia, Chelyabinsk

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности доказывания по делам о защите права собственности. В результате изучения действующего законодательства и судебной практики выявлены основные проблемы доказывания по данной категории дел, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: собственность, доказывание, право собственности, процесс, особенности доказывания.

ON SOME PROBLEMS OF PROOF IN CASES OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS

Annotation: this article discusses the features of evidence in cases of protection of property rights. As a result of studying the current legislation and judicial practice, the main problems of proof in this category of cases have been identified, and ways to resolve them have been proposed.

Key words: ownership, proof, ownership, process, features of proof.

Статья 8 Конституции Российской Федерации признает и защищает равным образом государственную, муниципальную, частную и иную форму собственности. Это означает, что государство, муниципальное образование,

юридическое лицо или гражданин могут участвовать в гражданско-правовых отношениях, если выступают в качестве собственника имущества. При вступлении в гражданско-правовые отношения они признаются равными друг другу и имеют равные шансы в защите своих прав.

По мнению Л.В. Щенниковой: «право собственности есть закрепленная за субъектом гражданского права возможность совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия по своему усмотрению, неся бремя содержания имущества, одновременно не превышая пределов, установленных правопорядком, не нарушая прав и законных интересов других лиц и не нанося ущерба окружающей среде» [1]. Е.А. Суханов дает свое определение права собственности: «право собственности представляет собой наиболее широкое по содержанию вещное право, которое дает возможность своему обладателю – собственнику, и только ему определять содержание и направления использования, принадлежащего ему имущества, осуществляя над ним полное хозяйственное господство» [2].

Часто владельцы и собственники имущества обращаются в суд для защиты своих прав на собственность. В судебных процессах они могут обжаловать незаконные действия третьих лиц, а также защищать свои интересы и права в случае споров или конфликтов, связанных с собственностью. Благодаря судебной защите, владельцы имущества имеют возможность добиваться справедливости и защищать свои владельческие права в случае нарушений со стороны других лиц. Важно обращаться в суд при любых нарушениях прав на собственность, чтобы обеспечить их защиту и решить возникающие споры в соответствии с законом. Согласно судебной статистике, в судах за 2023 год было рассмотрено 22 788 дел о праве собственности на землю, из них удовлетворено 19554 дел, что составляет 86 %.

Предметом доказывания, согласно ст. 177 ГПК РФ, являются «все факты, имеющие значение для правильного разрешения дела». Установленные факты способствуют принятию справедливого, обоснованного и законного решения. В

законодательстве, в частности в ст. 56 Гражданского процессуального кодекса российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) и в ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса (далее по тексту – АПК РФ) указано, что во время судебного рассмотрения дела, каждая сторона процесса обязана доказать обстоятельства, факты и сведения, на которые она ссылается. Таким образом, в процессе доказывания стороне необходимо предоставить опровержение доводов противоположной стороны, а также предоставить бесспорные доказательства правомерности своих возражений или требований.

В вышесказанном речь идет о бремени доказывания. По мнению Е.В. Васьковского: «бремя доказывания является необходимостью для данной стороны установить обстоятельства, не выяснение которых может повлечь за собой невыгодные для нее последствия» [3, с. 233]. Из анализа норм АПК РФ и ГПК РФ мы можем сделать вывод о наличии различий в распределении бремени доказывания. Так, в п.3.1 ст. 70 АПК РФ сказано, что обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований [4]. В ГПК РФ такая норма отсутствует. Зачастую, в силу объективных причин стороне по делу бывает трудно доказать определенные обстоятельства. В таких случаях, законодательством предусмотрена «презумпция» - предположение, которое считается истинным до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Изучение норм показало, что в российском законодательстве отсутствует указание, в каких случаях доказательств достаточно для суда, и в каких случаях следует считать, что сторона исполнила бремя доказывания. Но несмотря на это Верховный Суд РФ «не поощряет пассивное поведение ответчика, который просто отрицает все доводы истца и не предоставляет суду никакие доказательства».

Для того, чтобы доказывание в суде было эффективным, сторонам необходимо предоставлять достоверные, полные и актуальные доказательства. Рассмотрим некоторые виды доказательств по делам о защите права собственности.

Первым и основным доказательством, подтверждающим право собственности, является договор. Если речь идет о доме, автомобиле, электронной технике, то достаточно будет предоставить договор купли-продажи, дарения, мены. Если речь идет об интеллектуальной собственности, то в данном случае определить доказательство будет сложнее. Обратимся к нормам Гражданского кодекса РФ, где автором результата творческой деятельности является тот, кто ее создал [5]. Исходя из этого, делаем вывод, что передачу во владение и использование может осуществлять только автор, но данный факт должен так же подтверждаться документально, что вызывает трудности.

В качестве доказательств можно предоставить аудио и видео материалы. На практике встречается не мало примеров, когда суд отказывает в приобщении таких доказательств. Так в своем Определении Ленинградский областной суд, отказал в признании аудио и видео в качестве доказательства, так как пришел к выводу о том, что они были сделаны без согласия участника разговора [6]. Поэтому суды зачастую отказывают в приобщении записей разговора в качестве доказательств, так как нет возможности установить обстоятельства, при которых они производились, а также время и место. Из апелляционного Определения Свердловского областного суда, следует, что суд отказал в приобщении в качестве доказательства аудиозапись, так как она была копией (записана с иного устройства) [7]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на практике возникают проблемы с приобщением доказательств по делам о защите права собственности.

В разрешение данной проблемы считаю целесообразным дополнить нормы ГПК РФ и АПК РФ условием, при котором аудио и видео будут

признаны доказательствами. Добавить в ст. 55 ГПК РФ и ст. 64 АПК РФ следующее разъяснение: «аудио и видеозапись будет приобщена к материалам дела в качестве доказательств при условии, что в ней будет четко слышна информация об участвующих лицах, а также времени и месте записи».

Список литературы:

1. Щенникова Л.В. Право собственности в гражданском законодательстве России // Практический журнал для руководителей и юристов «Законодательство». 2001. № 1.
2. Суханов Е.А. Общие положения о праве собственности и других вещных правах // Хозяйство и право. 1995. № 6.
3. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса: учебник для вузов / Е. В. Васьковский. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 457 с.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.03.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301
6. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 09.07.2014 г. по делу № 33-3454/2014. // СПС – «КонсультантПлюс»
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.10.2017 г. по делу № 33-18491/2017. // СПС – «КонсультантПлюс»

УДК 349.91

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПОНЯТИЕ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: в настоящей публикации автором анализируется понятие о публичном порядке в контексте признания и приведения в исполнение арбитражных решений. Автор приходит к выводу, что ни в нормативных правовых актах, ни в судебных актах, ни в доктринальных источниках не определяется исчерпывающий перечень элементов и конкретные случаи применения оговорки о публичном порядке.

Ключевые слова: публичный порядок, арбитраж, третейское разбирательство, арбитражное решение, публичный интерес, экзекватура.

PUBLIC ORDER CONCEPT IN THE CONTEXT OF EXEQUATUR PROCEDURES

Annotation: In this publication, the author analyzes the concept of public policy in the context of recognition and enforcement of arbitration awards. The author comes to the conclusion that neither regulatory legal acts, nor judicial acts, nor doctrinal sources define an exhaustive list of elements and specific cases of application of the public order clause.

Key words: public order, arbitration court, arbitration, arbitration decision, public interest, exequatur

Российское законодательство не знает дефинитивной нормы, в которой нашло бы своё отражение общеприменимое определение публичного порядка. Понятие «публичный порядок» упоминается в следующих нормативных актах: ГК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, Закон о международном коммерческом арбитраже. Также это понятие можно встретить в Нью-Йоркской конвенции 1958 года, являющейся составной частью российской правовой системы. Если ГК РФ упоминает оговорку о публичном порядке как способ воспрепятствовать применению нормы иностранного права, то процессуальные законы и Закон о международном коммерческом арбитраже называют публичный порядок как объект, подлежащий защите при разрешении вопроса о признании и приведении в исполнение иностранных судебных или арбитражных решений.

Таким образом, исследование устанавливает, что понятие о публичном порядке в частноправовом измерении имеет как минимум два аспекта. При этом представляется, что их содержание является далеко не одинаковым.

Первый аспект кроется в содержании статьи 1193 ГК РФ. Она относит к публичному порядку «основы [российского] правопорядка», однако при этом предусмотрительно предостерегает от злоупотребления ссылками к публичному порядку. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 2019 года «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», не расширяя понятие публичного порядка, среди прочего указал, что основанием для отказа в применении нормы иностранного права может стать и нарушение конституционных прав и свобод, а также соображения защиты суверенитета и безопасности страны (абзац 2 пункта 11). Иными словами, с точки зрения собственно международного частного права понятие «публичный порядок» является довольно узким.

Однако применительно ко второму аспекту – международному гражданскому процессу и международному арбитражу Верховный Суд в конце того же 2019 года поступил совершенно иначе. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» Верховный Суд предложил достаточно строгий двухступенчатый тест, который решение арбитража должно пройти для того, чтобы оно было признано не противоречащим российскому публичному порядку. Для целей процессуального законодательства публичный порядок понимается намного шире, а именно как «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы» (абзацы 2 и 5 пункта 51). Как следует из систематического толкования данных разъяснений, в этом контексте публичный порядок стал охватывать как минимум все конституционные положения и даже непоименованные интересы крупных социальных групп, что явно по объёму несопоставимо с проанализированным выше первым аспектом частноправового понимания публичного порядка.

Как видится, именно это разъяснение стало точкой невозврата на пути чрезмерно широкого толкования понятия «публичный порядок». Предыдущие разъяснения по вопросам о признании и приведении в исполнение решений арбитражей, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ в 2002 году, не содержали положений о публичном порядке. Наконец, важно заметить, что первоначальный проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ о третейском разбирательстве содержал в себе довольно категоричное указание на то, что оговорка о публичном порядке должна применяться «в исключительных случаях, не подменяя специальных оснований для отказа в [признании и приведении в исполнение решения суда]» (абзац 3 пункта 53

Проекта). Помимо этого, в проекте предлагалось включить в содержание публичного порядка императивные нормы российского права, которые устанавливают запрет определённых действий (по смыслу пункта 1 статьи 1192 ГК РФ) (абзац 2 пункта 53). Факт того, что данное разъяснение не вошло в первоначальную редакцию, является скорее положительным знаком, поскольку сохранение этого указания усугубило бы и без того имеющую место неопределённость в вопросе толкования норм, лежащих в плоскости публичного порядка. С другой стороны, ранее на то же указывал Высший Арбитражный Суд РФ: согласно его позиции, запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, относится к фундаментальным правовым началам российского правопорядка (абзац 5 пункта 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2013 года № 156).

Впрочем, рассмотренный выше второй аспект частноправового понимания публичного порядка оказал непосредственное влияние на первый. Скорее всего, воля законодателя состояла в том, чтобы положениями статьи 1193 ГК РФ обеспечить ограничительное понимание публичного порядка во избежание нарушения принципа равенства правопорядков, согласно которому нормы иностранного права должны применяться к трансграничным правоотношениям без какой-либо дискриминации по сравнению с нормами национального права. Однако практика и доктрина пошли по другому пути. Например, позиция А.В. Асоскова практически полностью совпадает с актуальным толкованием понятия о публичном порядке со стороны высших судебных инстанций [1, с. 135].

Оценочный характер оговорки о публичном порядке и существующая неопределенность в ее понимании и применении часто служат причиной непредсказуемого и расширительного толкования данной категории компетентным судом. Проблемой также является и минимальное количество научно-исследовательских работ, которые раскрывали бы полное содержание

понятия «публичный порядок», поскольку исследователями в большинстве случаев оно рассматривается в контексте изучения оговорки о публичном порядке.

Несмотря на то, что категория «публичный порядок» имеет важное значение в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и является одним из универсальных понятий в юриспруденции, в литературе, как верно отмечает А.В. Безруков, нет единого мнения по поводу того, что понимается под данной дефиницией [2]. Данное понятие в доктринальных источниках и судебных актах рассматривается с разных точек зрения, исследователи не приходят к единому мнению по данному вопросу.

В литературе по международному частному праву приведены достаточно расплывчатые, расширительные формулировки понимания того, что же такое публичный порядок. Так, в частности, публичным порядком называют совокупность политических, экономических, моральных и правовых принципов, существующих в данном государстве [3, с. 103].

Такое определение понимания категории «публичный порядок» видится несколько обширным, что в конечном счете может привести к тому, что под критерии публичного порядка при приведении в исполнение иностранных арбитражных решений может подпадать все что угодно.

Стоит обратить особое внимание, на то, что публичный порядок — это, так или иначе, совокупность принципов, поскольку достаточно часто суды отказывали в признании и приведении в исполнение только лишь на основании противоречия нормам российского права, что в корне противоречит идее публичного порядка как исключительному способу защиты суверенитета государства и важнейших его ценностей. Необходимо учитывать, что нормы законодательства разных государств не могут совпадать между собой, следовательно, такой отказ видится несколько необоснованным.

М.М. Богуславский также дает расширительное определение, которое может быть достаточно произвольно истолковано: «Под публичным порядком

Российской Федерации понимаются основы общественного строя российского государства» [4, с. 109]. При этом, ни в литературе, ни, тем более, в нормативных правовых актах и судебной практике не представлено того, что же понимается под основами общественного строя Российской Федерации.

В науке конституционного права под основами общественного строя понимают основополагающие экономические, социальные, духовно-культурные и политические ценности. Вместе с тем, стоит отметить, что основы общественного строя Российской Федерации находят свое отражение в первой главе Конституции, посредством закрепления принципов, ценностей, конституционных идей, подлежащих защите со стороны государства.

По мнению А.А. Рубанова, публичный порядок «сводится к правилу, что иностранное право не применяется, когда такое применение привело бы к противоречию с критериями, которым придается особое значение» [5, с. 10].

Действительно, автономию воли сторон при выборе применимого права в процессе разрешения спора в значительной мере ограничивает принцип, согласно которому применение закона, выбранного сторонами, не может нарушать публичный порядок страны, где это применение должно осуществляться.

Кроме того, суды, принимая решение о том, что данный спор не может быть или же, напротив, может быть предметом арбитражного разбирательства, в той или иной степени затрагивают вопрос публичного порядка, так как нормы, регулирующие вопросы арбитрабельности, то есть возможности передачи отдельных категорий споров на рассмотрение третейского суда, составляют часть публичного порядка государства.

С.В. Крохалев указывает, что публичный порядок, основываясь на общем интересе общества, имеет своей задачей сохранение публичного спокойствия, безопасности и нормального функционирования публичных институтов. Публичный порядок, по его мнению, это организация сообщества, народа, общества, подчиненная неким рациональным либо логическим требованиям,

которая к тому же направлена на достижение гармонии, мира и спокойствия [6, с. 472]. Данный теоретический подход понимания публичного порядка связан с идеей охраны общественных интересов и основных ценностей общества. В данном случае публичный порядок представляет собой систему принципов, направленных на обеспечение нормальной жизнедеятельности общества и сохранение его целостности. Этот подход подчеркивает важность соблюдения общепринятых норм и запретов для поддержания порядка и безопасности.

Таким образом, следует отметить, что содержание публичного порядка представляет собой достаточно широкий перечень, в доктринальных источниках авторы включают в него различные элементы, что, в свою очередь, в некоторых случаях сводит на нет применение иностранного права. При этом, ни в нормативных правовых актах, ни в судебных актах, ни в доктринальных источниках не определяется исчерпывающий перечень элементов и конкретные случаи применения оговорки о публичном порядке.

Соответственно, оговорка о публичном порядке имеет обобщенную форму, поэтому необходимо ограничить ее применение, указав на исключительность. Представляется целесообразным установить единообразное понимание и применение норм о публичном порядке. Это необходимо, в свою очередь, для того, чтобы избежать злоупотреблений со стороны правоприменителя и затягивания судебных разбирательств.

Список литературы:

1. Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134 - 142.

2. Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России. М.: Юстицинформ, 2015. 188 с.

3. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. М.: Высшая школа экономики, 2015. 655 с.
4. Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 2004.
5. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984.
6. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб., 2006. С. 472.

УДК 347.9

Неделько Инна Олеговна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

innanelko@icloud.com

Nedelko Inna

Ural State Law University in the name of V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ОБ ОТКАЗЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению института обеспечения доказательств в гражданско-процессуальном законодательстве. Изучены требования к заявлению об обеспечении доказательств. Также анализируется судебная практика по отказу в обеспечении доказательств.

Ключевые слова: доказывание, обеспечение доказательств, обеспечительные меры, отказ, судебная практика.

INSTITUTE OF EVIDENCE ASSURANCE: JUDICIAL PRACTICE ON REFUSAL TO PROVIDE EVIDENCE

Annotation: the article is devoted to the consideration of the institution of providing evidence in civil procedure legislation. The requirements for the statement on the provision of evidence have been studied. Judicial practice on refusal to provide evidence is also analyzed.

Key words: proving, providing evidence, interim measures, refusal, case law.

В отрасли гражданского процессуального права существуют правовые институты обеспечения иска и обеспечения доказательств, которые следует отличать друг от друга, при этом первый является основополагающим для второго.

Институт обеспечения доказательств представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между компетентным юрисдикционным органом и заинтересованным лицом по поводу применения мер охранительного характера, направленных на фиксацию доказательств, по причине их возможной утраты или недоступности к моменту судебного разбирательства.

Данный институт существует не только в гражданском процессуальном праве, он также относится к арбитражному процессуальному праву, административному судопроизводству, нотариальному праву и третейскому разбирательству.

В зависимости от юрисдикционного органа, применяющего обеспечительные меры, выделяет судебное и внесудебное обеспечение доказательств, во втором случае такие меры применяются в порядке нотариального производства. В зависимости от момента применения обеспечительных мер разделяет досудебное и судебное обеспечение доказательств, до возбуждения гражданского дела в суде и после соответственно. Помимо этого в доктрине выделяют гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное, и третейское обеспечение доказательств, т.е. подчиненное правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации.

Гражданский процессуальный кодекс регулирует только судебное обеспечение доказательств, так согласно статье 64 ГПК РФ лица, участвующие в деле, имеющие основания опасаться, что представление необходимых для них

доказательств окажется впоследствии невозможным или затруднительным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств [1].

Предметом обеспечения является сведения о фактах имеющих значение для правильного разрешения дела, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон.

В законодательстве прямо оговаривается цель создания института обеспечения доказательств, а именно сохранение информации о фактах предмета доказывания, при этом цель распадается на несколько компонентов, каждый из которых является достаточным основанием для принятия обеспечительных мер.

С.Ф. Афанасьев и О.В. Баулин выделяет следующие целевые компоненты:

- 1) предотвратить наступление обстоятельств, затрудняющих представление доказательств;
- 2) предотвратить невозможность представления доказательств;
- 3) предотвратить наступление обстоятельств, затрудняющих исследование доказательств;
- 4) предотвратить невозможность исследования доказательств [5, с. 259].

Так можно сделать вывод, что институт обеспечения доказательств в первую очередь направлен на выполнение задачи правильного рассмотрения гражданского дела, для чего обеспечивает сохранность имеющей значение информации, а второстепенной задачей ставит предварительную защиту прав граждан и организаций.

Для применения охранительных мер необходимо выполнение требований оговоренных в ГПК РФ.

Во-первых, соблюдение подведомственности соответствующего заявления, в данном случае следует уточнить, что по заявлениям об обеспечении доказательств до возбуждения гражданского дела

обеспечительные меры в отношении доказательств уполномочен принимать только нотариус, в силу ст. 65 ГПК РФ у суда возникает такое право только после возбуждения гражданского дела. При этом в период судебного производства по делу заявитель также может обратиться к нотариусу за обеспечением доказательств.

Во-вторых, соблюдение территориальной подсудности соответствующего заявления, так заявитель может подать заявление об обеспечении доказательств по своему усмотрению в суд, который рассматривает дело по существу, или в суд места совершения действий по обеспечению доказательств. При этом также необходимо следовать правилам родовой подсудности определенной главой 3 ГПК РФ.

В-третьих, необходимо указать на доказательство, подлежащее обеспечению, при этом меры, заявленные для обеспечения доказательства, должны входить в предмет доказывания при рассмотрении гражданского дела или формировать локальный предмет доказывания. Стоит уточнить, что при конкретизации доказательства указывается его местоположение, вид и признаки. Так как суд самостоятельно не выявляет доказательства подлежащие обеспечению, отсутствие указания заявителем на искомые доказательства будет основанием отказа в применении обеспечительных мер.

В-четвертых, необходимо конкретизировать меры обеспечения доказательств, соблюдая требования соразмерности избранных мер доказательствам, подлежащим обеспечению. При этом заявитель должен обосновать причины и цели применения таких мер.

Выполняя вышеуказанные требования, а также те, которые закреплены в ст. 65 ГПК заявление может быть подано письменно или изложено устно в судебном заседании с занесением в протокол последнего. Стоит отметить, что ГПК РФ не содержит порядок рассмотрения заявления об обеспечении доказательств, в связи с чем, согласно ст. 1 ГПК РФ, будет применим порядок рассмотрения ходатайства об обеспечении иска.

Не закреплённость порядка рассмотрения заявления об обеспечении доказательств является не единственным пробелом гражданско-процессуального законодательства. Так ГПК РФ не содержит перечня мер обеспечения доказательств, в связи с чем, суд вправе самостоятельно определить применимые меры, а также законодательство не ограничивает судью в применении нескольких охранительных мер для обеспечения одного доказательства. Для устранения указанного пробела также применяется аналогия закона.

Интересно заметить, что в 2023 году было вынесено постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [2], который не упоминает об обеспечительных мерах доказательств в гражданском процессе, что говорит об устойчивой позиции законодателя о применении аналогии закона к рассматриваемому нами институту.

Помимо мер указанных в ст. 140 ГПК РФ, судом могут быть произведены следующие способы обеспечения доказательств: допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств, прослушивание и просмотривание аудио- и видеозаписей, назначение экспертиз [6, с. 90].

Обеспечение доказательств осуществляется судьей с соблюдением всех правил, установленных ГПК РФ для допроса свидетелей, осмотра письменных и вещественных доказательств, воспроизведения и исследования аудио- или видеозаписей, назначения экспертизы, на что указывает статья 66 ГПК РФ. Результаты обеспечения доказательств заносятся в протокол, который впоследствии передается в суд, рассматривающий дело.

Действующее гражданско-процессуальное законодательство не только не закрепляет порядок применения мер, а также не содержит указание на возможность оставления без движения или возвращения заявления о

применении мер обеспечения доказательств. Согласно ч.2 ст. 65 ГПК РФ суд вправе лишь отказать в обеспечении доказательств.

Анализ судебной практики позволяет выявить наиболее частые случаи отказа в обеспечении доказательств.

Так, истец К. обратился в суд с иском к ООО "ЧОП БП" о восстановлении нарушенных трудовых прав. Также истцом заявлено требование о принятии мер по обеспечению доказательств, в котором он просил обеспечить: журнал инструктажа по технике безопасности работников и иные журналы, подтверждающие наличие трудовых отношений между истцом и ответчиком. Обеспечение доказательств К. обосновал тем, что в связи с тем, что ответчик не проводил документального оформления трудовых отношений с ним, возможно они уничтожены и изменены. При этом доказательств того, что перечисленные доказательства имеются в наличии и то, что впоследствии представление этих доказательства станет невозможным или затруднительным, истцом предоставлено не было.

Суд первой инстанции в апелляционном определении Саратовского областного суда от 01 декабря 2022 г. по делу № 33-9878/2022, отказывая в удовлетворении заявленного истцом ходатайства об обеспечении доказательств, указал, что в содержании заявления К. отсутствуют сведения, подтверждающие реальность существования доказательств, подлежащих обеспечению, а также то, что имеется угроза их утраты, в связи с чем их предоставление станет невозможным или затруднительным.

Суд апелляционной инстанции признал вывод суда первой инстанции не нарушающим материальные и процессуальные нормы права.

В другом примере, истцом было заявлено ходатайство, поименованное им как ходатайство об обеспечении доказательств, со ссылкой на статью 64 ГПК РФ, однако, судами первой и апелляционной инстанции установлено, что просьба о наложении запрета на совершение регистрационных действий, связанных с отчуждением и (или) оформлением прав собственности на

транспортное средство, запрете собственнику автомобиля отчуждать автомобиль до окончания рассмотрения гражданского дела, не являются мерами обеспечения доказательств в смысле статьи 64 ГПК РФ.

Суд указал, что такие обеспечительные меры направлены не на сохранность доказательств (автомобилей), как таковых, а на ограничение распоряжения имуществом его собственниками, при том, что сами доказательства в результате совершения с ним регистрационных действий не утрачиваются и сохраняют своё доказательственное значение и свойства. При таких обстоятельствах Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 10 августа 2022 г. по делу № 8Г-15671/2022 пришел к правомерности в отказе удовлетворения ходатайства истца.

Данный пример указывает на необходимость соблюдения основной цели применения мер обеспечения доказательств, то есть сохранение информации о фактах предмета доказывания.

Еще одним случаем отказа в апелляционном определении СК по гражданским делам Новосибирского областного суда от 25 сентября 2018 г. по делу № 33-10270/2018 послужило заявление об обеспечении доказательств истцом по делу о взыскании материального и морального вреда в результате дорожно транспортного происшествия. Истец просил предоставить ему видео доказательства с камер наблюдения зала судебного заседания, в котором рассматривалось его дело. В обоснование требований указал на наличие противоречий, изложенных в протоколе судебного заседания и определении о рассмотрении замечаний на протокол предварительного судебного заседания. Отказывая в удовлетворении заявления об обеспечении доказательств, суд первой инстанции исходил из того, что видеозаписи не поддерживают аудиозапись, не содержат каких-либо сведений о фактах, на основании которых судом подлежит установлению наличие или отсутствие обстоятельств по иску. При этом в случае необходимости представление видеозаписи не является затруднительным или невозможным. У апелляционной судебной коллегии не

нашлось оснований не соглашаться с данными выводами суда первой инстанции.

Из приведенного примера следует вывод о том, что обеспечение допускается тех доказательств, которые будут относимы к делу, то есть соблюдения требования рассматриваемого нами выше.

В определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. по делу № 8Г-7464/2023 суд отметил, что суды первой и апелляционной инстанции правомерно отказали в удовлетворении заявления об обеспечении доказательств и пришли к выводу, что обязательным условием для обеспечения доказательств является относимость и допустимость доказательства, а также то, что доказательство на момент подачи заявления реально существует, однако впоследствии представление этого доказательства станет невозможным или затруднительным. Обеспечение доказательств производится в тех случаях, когда конкретное доказательство имеется в наличии, но к моменту рассмотрения дела возможна его утрата.

Таким образом, не указание на действительное существование доказательства, требующего обеспечения, и его местоположения может стать причиной отказа в обеспечении доказательств.

Представленная судебная практика позволяет убедиться, что причиной отказа в применении мер обеспечения доказательств является не соблюдение требований описанных в гражданско-процессуальном законодательстве, а также на необходимость предотвратить наступление обстоятельств, затрудняющих представление и исследование доказательств и предотвратить невозможность представления доказательств.

При этом также можно сделать вывод о том, что отсутствие в законодательстве закрепленного порядка применения мер обеспечения доказательств и самих мер вызывают не только неоднозначность применения действующего законодательства, но и высокий процент отказа в применении данных мер.

Таким образом, институт обеспечения доказательств играет большую роль в процессуальном праве, способствует сохранению предмета обеспечения, недопустимости его утраты и своевременного исследования. При этом практика не обходится без затруднения в регулировании данного института.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // «Российская газета», № 220, 20.11.2002.
2. Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // «Российская газета», № 123, 07.06.2023.
3. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 721 с.
4. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И. В. Решетникова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 416 с.
5. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. – 656 с.
6. Крашенинников, П. В. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. - Москва: Статут, 2012. – 636 с.

УДК 347.9

Орищук Алёна Александровна
Орищук Алина Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
alen-elan-2016@mail.ru
alina-linnn-2015@mail.ru
Orishchuk Alyona
Orishchuk Alina
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

К ВОПРОСУ О «ДРУГИХ» ЛИЦАХ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ИСПОЛНЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ

Аннотация: статья посвящена кругу лиц, участвующих в исполнительном производстве. Внимание направлено на открытость законодательно закрепленного перечня лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. Исследуется положение представителя и органов внутренних дел как лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

Ключевые слова: исполнительное производство, представитель, органы внутренних дел, судебный пристав-исполнитель, юридическая заинтересованность.

ON THE ISSUE OF «OTHER» PERSONS CONTRIBUTING TO THE FULFILLMENT OF THE REQUIREMENTS CONTAINED IN THE EXECUTIVE DOCUMENT

Annotation: the article is devoted to the circle of persons involved in enforcement proceedings. Attention is directed to the openness of the legally fixed list of persons who facilitate the fulfillment of the requirements contained in the executive document. The position of the representative and the internal affairs bodies as persons facilitating the fulfillment of the requirements contained in the executive document is being investigated.

Key words: enforcement proceedings, representative, internal affairs bodies, bailiff, legal interest.

К субъектам исполнительного производства относятся лица, участвующие в исполнительном производстве, перечисленные в ст. 48 ФЗ от 2 октября 2007 года № 229 «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) [1]. Норма достаточно конкретно указывает на определенных лиц, однако в ней есть формулировка, трактовка которой вызывает трудности. Так, в п. 3 перечислены иные лица, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, перечень которых является открытым, из-за чего возникает много вопросов, ведь норма не отсылает нас к иным статьям закона или к законам, которые поясняли бы, кто относится к данным «другим» лицам.

Для начала стоит определить, кто может подходить под понятие «других лиц». Необходимо, чтобы указанные лица подпали под условия, при соблюдении которых лицо считается субъектом исполнительного производства – их выделяет М. Л. Гальперин: «наличие нормы права, определяющей возможность участия в исполнительном производстве соответствующего лица; совершение данным лицом действия (бездействие) или наступление иных обстоятельств, с которыми закон связывает вступление лица в исполнительное

производство в определенном правовом статусе; наличие правосубъектности» [2, с. 161-162]. Он же определяет особенностью лиц, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе то, что они не имеют «заинтересованности к исходу исполнительного производства и вовлекаются в него не по собственной инициативе, а по требованию других субъектов» [2, с. 212].

Следует заметить, что заинтересованность делится на материально-правовую и процессуально-правовую заинтересованность. Такие участники исполнительного производства, как переводчик, понятые, специалист, и лицо, которому судебным приставом-исполнителем передано под охрану или на хранение арестованное имущество, не имеют ни того, ни другого вида заинтересованности в исходе дела. Мы решили, прежде всего, обратить внимание на тех лиц, которые входят в гл. 6 ФЗИП, но не называются в данной статье. Поэтому рассмотрим участие представителей и органов внутренних дел в исполнительном производстве, и определим, могут ли они входить в указанный перечень иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

Представитель в исполнительном производстве – это лицо, которое действует в процессе от имени представляемой стороны и в ее интересах, в целях защиты ее прав и для оказания помощи в реализации этих прав. Своими действиями представитель порождает возникновение прав и обязанностей у самого представляемого. В зависимости от оснований возникновения представительство делится на законное и добровольное, первое соответственно возникает на основании указания закона, а второе на основании договора. Большое значение также имеет правильное оформление полномочий представителя доверенностью, которая содержит четкое указание на то, какой объем полномочий будет ему передан. Например, решением Ленинградский районного суда г. Калининграда было отказано в признании незаконными действий (бездействия) должностных лиц Отделения судебных приставов

Ленинградского района г. Калининграда в не предоставлении материалов исполнительного производства для ознакомления и возложении обязанности предоставить материалы исполнительного производства. Отказ в удовлетворении требований был обоснован тем, что к заявлению представителя административного истца о предоставлении материалов исполнительного производства для ознакомления не была приложена надлежащим образом оформленная доверенность [3].

Именно представителя ряд ученых (А. Н. Осяк, А. В. Капранов, В. В. Куреев) относят к лицам, входящим в исследуемый перечень, поясняя это тем, что «представитель в исполнительном производстве осуществляет содействие сторонам производства в осуществлении их прав и исполнению обязанностей» [4, с. 181]. Кроме прочего, фигура представителя в указанной главе раскрывается достаточно подробно: обозначено кто может являться представителем, какие полномочия у него имеются и как они оформляются. Представитель определенно подходит под перечисленные нами условия, позволяющие считать лицо субъектом исполнительного производства. Все это говорит в пользу того, что представитель является тем самым недостающим элементом, входящим в понятие «других».

Однако мы считаем важным рассмотреть у представителей в исполнительном производстве наличие или отсутствие такого признака как юридический интерес, который, как было отмечено в начале, отсутствует у указанной группы лиц. Вопрос о наличии юридической заинтересованности у представителя является предметом многолетних дискуссий в научном сообществе среди ученых процессуалистов, в которых, например, И. А. Табак справедливо обращает внимание на факт, что наличие юридического интереса у представителя – это решающий критерий в определении его правового статуса [5, с. 70-78]. Д. А. Марданов отмечает, что процессуальной заинтересованностью представителей является «обусловленная законом или волеизъявлением представляемого субъекта «потребность в защите» чужого

права от имени и в интересах самого представляемого в процессе исполнения юрисдикционного акта» [6, с. 232]. В. С. Калашникова также говорит о наличии процессуальной заинтересованности у представителей и потому предлагает выделить представителя и прокурора в отдельную группу участников [7, с. 59]. Мы поддерживаем точку зрения о том, что у представителя, хотя и не присутствует материально-правовая заинтересованность в исходе дела, но присутствует процессуальная, потому как само участие представителя в исполнительном производстве продиктовано целью – оказать помощь в защите права той или иной стороны. Таким образом, указанное обстоятельство не позволяет отнести их к «другим лицам».

Исходя из всего вышеперечисленного, полагаем, что представитель не может быть лицом, входящим в п. 3 ст. 48 ФЗИП, однако нужно закрепить представителя в статье как лицо, участвующее в исполнительном производстве. Как отмечает В. В. Ярков: «Значение ст. 48 ФЗИП заключается в классификации лиц, участвующих в исполнительном производстве, согласно их функциям, процессуальному положению, полномочиям и связанным с ними возможностям воздействия на ход принудительного исполнения» [8, с. 42]. Поэтому целесообразно было бы включить фигуру представителя в группу к взыскателю и должнику, ведь он неизменно связан с ними и реализует их волю.

Вызывают вопросы и причастность органов внутренних дел к составу иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, которую обозначают в своих работах некоторые ученые. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенкова причисляют их к данной категории лиц [9, с. 85].

Однако при анализе ст. 62 ФЗИП отнести к рассматриваемой категории лиц органы внутренних дел сложно: указывается только на то, что данные субъекты «оказывают содействие судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка», при этом какие-либо права и

обязанности между ними не указываются. Значит, возникает необходимость использовать другие нормативно-правовые акты, а именно: Приказ Министерства юстиции РФ и МВД России от 29 августа 2018 года № 178/565 «Об утверждении Порядка оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, а также при розыске на основании судебного акта по гражданскому делу гражданина-ответчика» [10] и Приказ Министерства юстиции РФ и МВД России от 18 октября 2018 года № 216/689 «Об утверждении Положения о взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Министерства внутренних дел Российской Федерации, их территориальных органов» [11]. Они называют общие формы взаимодействия органов внутренних дел и Федеральной службы судебных приставов, среди которых большое внимание уделяется передаче определенных сведений друг другу в предусмотренной форме. Так, МВД России и его территориальные органы должны на основании запросов предоставлять приставам сведения о наличии у должников специальных прав, зарегистрированных транспортных средств.

Разбирая правовое регулирование взаимодействия органов внутренних дел со службой судебных приставов, нельзя не согласиться с В. М. Емельяновым, Е. Е. Новичковой в том, что «настоящие нормативные правовые акты содержат только общие положения и не предусматривают алгоритмы деятельности каждого ведомства в проведении совместной работы» [12, с. 35]. То есть и они также не содержат конкретных прав и обязанностей, каких-либо обязательств со стороны сотрудников органов внутренних дел перед судебным приставом-исполнителем. Также и ст. 62 ФЗИП стоит воспринимать как основу, представленную для взаимодействия службы судебных приставов и органов внутренних дел, через которую становится возможным построить дальнейшие контакты между данными структурами.

Варианты взаимодействия указанных органов можно встретить в судебной практике: например, гражданин обратился в суд иском к ГУ МВД России по Новосибирской области о признании незаконным решения об отказе в совершении регистрационных действий, потому что владельцем машины, зарегистрированной на его имя, он уже не является, однако в процессе было установлено, что от ФССП России была направлена информация в ГИБДД МВД России о запрете на совершение регистрационных действий в отношении данного транспортного средства, потому что в отношении истца имеются возбужденные исполнительные производства в отношении различных взыскателей, поэтому ГУ МВД России по Новосибирской области отказало в прекращении регистрации машины на должника [13]. Здесь мы видим пример того, как контакт между данными органами проходит исключительно в форме обмена информацией.

Определяющим фактором взаимоотношений службы судебных приставов и органов внутренних дел является то, что МВД России выступает самостоятельным органом, который реализует розыск, представляет информацию ФССП России и т.д., исходя из закрепленных за собой функций. В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 4 ФЗ от 30 ноября 2011 года № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей подчиняется только прямым руководителям (начальникам), а именно руководителям (начальникам), которым он подчинен по службе, в том числе временно, также ближайший к сотруднику прямой руководитель (начальник) является его непосредственным руководителем (начальником) [14]. Через данное положение реализуются принципы службы в органах внутренних дел. Исходя из этого сотрудники органов внутренних дел выполняют, связанные с исполнительным производством полномочия, исходя из предписаний своих вышестоящих структур и ответственны они тоже перед ними. И поэтому отношения с

судебными приставами-исполнителями скорее сводятся к сотрудничеству, обмену информацией как двух самостоятельных обособленных структур, которые при необходимости, обусловленной их полномочиями в определенной отличной друг от друга сфере, взаимодействуют друг с другом. Отсюда же интересен тезис С. А. Дворецкого: «содействие сотрудников органов внутренних дел судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства в рамках розыска должника, его имущества <...> носит декларативный характер <...> сотрудники органов внутренних дел достаточно загружены своей работой, за которую они несут персональную ответственность, а оказание содействия судебным приставам-исполнителям в рамках исполнительных производств – дополнительные обязанности, за ненадлежащее исполнение которых для них не наступают негативные последствия» [15, с. 116]. Как видим, органы внутренних дел нельзя рассматривать в качестве «других» иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. В отличие от субъектов, представленных в ст. 48 ФЗИП, они не выступают в тех или иных ситуациях обязанными перед судебными приставами-исполнителями, они именно отвечают за свои действия перед своими руководителями.

Подводя итог, мы предлагаем исключить из п. 3 ст. 48 ФЗИП формулировку «и другие», поскольку данный закон не содержит подходящих под данную категорию субъектов. Это позволит нейтрализовать правовую неопределенность, обеспечить согласованность норм ФЗИП и актуализировать их в соответствии с практикой. Касательно представителя, мы считаем, что его необходимо добавить в ст. 48 ФЗИП и внести следующие изменения в п. 1: «взыскатель и должник (далее также – стороны исполнительного производства), их представители». Данное изменение имеет большое значение для окончательного формального закрепления фигуры представителя в исполнительном производстве, кроме того, оно избавит нормативные положения от существующей неопределенности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. №41. Ст. 4849.
2. Гальперин М. Л. Исполнительное производство: учебник для вузов / под ред. М. Л. Гальперина. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 458 с.
3. Решение Ленинградский районный суд г. Калининграда от 19 октября 2020 г. по делу № 2А-4602/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WGZ73SFGGrVb1/> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Осяк А. Н., Капранов А. В., Куреев В. В. Административно-правовой статус представителя в исполнительном производстве: отдельные вопросы теории // Юристъ - Правоведъ. 2020. №2 (93). С.179-185.
5. Табак И.А. Представительство в гражданском процессуальном праве: новые положения / учебное пособие / И.А. Табак – Саратов: Издательство «Научная книга», 2008. 185 с.
6. Марданов Д. А. Участие представителей сторон в исполнительном производстве // Правоведение. 2004. № 1. С. 231-235.
7. Калашникова В. С. К вопросу о лицах, содействующих исполнительному производству // Евразийский научный журнал. 2018. № 5. С. 58-60.
8. Исполнительное производство: Учебник / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев и др. / под общ. ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2020. 576 с.
9. Афанасьев С. Ф., Исаенкова О. В., Борисова В. Ф., Филимонова М. В. Исполнительное производство: учебник и практикум для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. 397 с.

10. Приказ Министерства юстиции РФ и МВД России от 29 августа 2018 г. № 178/565 «Об утверждении Порядка оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, а также при розыске на основании судебного акта по гражданскому делу гражданина-ответчика» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 05.04.2024).

11. Приказ Министерства юстиции РФ и МВД России от 18 октября 2018 г. № 216/689 «Об утверждении Положения о взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Министерства внутренних дел Российской Федерации, их территориальных органов» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 05.04.2024).

12. Емельянов В. М., Новичкова Е. Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №1 (47). С. 33-39.

13. Решение Кировского районного суда г. Новосибирска от 15 марта 2021 г. по делу № 2А-1269/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GfPo1QTzVm50/> (дата обращения: 20.04.2024).

14. Федеральный закон от 30 ноября 2011 № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. №49 (ч. 1). Ст. 7020.

15. Дворецкий С. А. Вопросы взаимодействия судебных приставов-исполнителей с сотрудниками органов внутренних дел при исполнительном розыске должника и его имущества // Российский юридический журнал. 2019. № 5(128). С. 111-117.

Прокопенко Данил Романович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
danil.prokop3nko@yandex.ru
Prokopenko Danil
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law
Russia, Moscow

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАКОВ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу дискуссии о признаках мирового соглашения. Рассматривается обоснованность выделения таких признаков как двусторонний характер, взаимные уступки, устранение правовой неопределенности, направленность на урегулирование спора, утверждение мирового соглашения судом. В конце статьи автор дает собственное определение мировому соглашению.

Ключевые слова: мировое соглашение, взаимные уступки, двусторонний характер, правовая неопределенность, утверждение судом.

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF THE ATTRIBUTES OF A SETTLEMENT AGREEMENT

Annotation: the article is devoted to the analysis of the discussion on the attributes of a settlement agreement. The article considers the validity of singling out such features as bilateral nature, mutual concessions, elimination of legal uncertainty, aiming at settlement of the dispute, approval of the settlement agreement by the court.

At the end of the article the author gives his own definition of a settlement agreement.

Key words: settlement agreement, mutual concessions, bilateral nature, legal uncertainty, approval by the court.

Учение о мировом соглашении знает различные подходы к определению необходимых и достаточных признаков мирового соглашения. Вопрос о признаках – не сугубо догматический. Отсутствие тех или иных признаков при попытке сторон утвердить мировое соглашение может привести к выводу суда о невозможности утвердить такое мировое соглашение.

1. Двусторонний характер и взаимные уступки

В юридической литературе преобладает мнение, согласно которому обязательным признаком мирового соглашения являются взаимные уступки его сторон [1, с. 237-238]. Фактически данная позиция закреплена в п.п. 9, 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», которые упоминают взаимные уступки как основу мирового соглашения.

Достаточно утвердившийся тезис о том, что взаимные уступки являются неотъемлемым признаком мирового соглашения, страдает значительным пробелом: доктриной не выработано единого подхода к самой сущности взаимных уступок.

Противники данной позиции утверждают, что уступки посредством распоряжения материальными правами невозможны, поскольку распорядиться можно только правом действительным, а не предполагаемым, соответственно, *уступки проявляются в отказе от своих процессуальных диспозитивных прав* [2, с. 139-144]. Представители этой теории заменяют взаимные уступки как признак мирового соглашения на *двусторонность волеизъявлений сторон* по отношению к суду как основание разрешения спора [2, с. 146].

Во-первых, сама концепция взаимных уступок как признака мирового соглашения, была разработана цивилистами, развивавшими учение о внесудебной мировой сделке. Например, Дербург определял мировую сделку (*transactio*) как соглашение, целью которого является устранение посредством взаимных уступок сторон неопределенности какого-либо права или сомнений в его осуществимости [3, с. 285]. По мысли И.М. Тютрюмова, взаимные уступки есть тогда, когда оба контрагента отступаются в части от своих спорных материальных прав или одна сторона отказывается полностью от права, а другая обязуется произвести встречное предоставление [4, с. 1196].

Конструкция же Р.Е. Гукасяна об уступках процессуальных является ничем иным, как искажением материально-правового инструментария. Стороны, заключая мировое соглашение, действуют, в первую очередь, с целью изменения своего материального положения. Стороны также не распоряжаются предполагаемыми правами, так как утверждению мирового соглашения предшествует проверка судом обстоятельств дела в той мере, в которой она позволит установить действительное наличие прав у сторон.

Во-вторых, взаимность уступок не может быть заменена двусторонностью волеизъявлений ввиду того, что в результате этого происходит смешение со смежными процессуальными институтами (отказом от иска, признанием иска). Двусторонний характер является обязательным признаком мирового соглашения, но он не вытесняет собой взаимные уступки. Двусторонность означает наличие одинаковых волеизъявлений, обращенных к суду.

Отчасти можно согласиться с М.А. Рожковой в том, что взаимность уступок характеризует мировое соглашение скорее с точки зрения психологии, а не права [5, с. 459]. Альтернативу уступкам исследователь находит в принципе возмездности мирового соглашения. Однако возмездность присуща не любому мировому соглашению, так как его условия могут содержать и права (обязанности) неимущественного характера.

Представляется, что центральным признаком мирового соглашения является его *взаимный характер*. При этом недопустимо смешение с взаимными обязательствами (когда каждая из сторон обязательства одновременно является должником и кредитором [6, с. 34]), установление которых является лишь частным случаем мирового соглашения.

Если же все-таки рассматривать уступки как категорию юридическую, то их предмет может быть как материально-, так и процессуально-правовым. Например, истец вправе отказаться от части своих исковых требований взамен на признание ответчиком оставшейся части. С другой стороны, уступки, как и возмездность, входят в содержание признака взаимности, но полностью не охватываются им. В частности, мировое соглашение, которое полностью видоизменяет/прекращает бывшее обязательство (к примеру, новация), тяжело оценить на наличие уступок. Взаимность мирового соглашения должна пониматься в том смысле, что стороны отказываются от последствий вынесения судебного акта, разрешающего спор по существу, в том числе полного удовлетворения требований истца или отказа в их удовлетворении, и разрешают спор на иных взаимоприемлемых условиях.

2. Устранение правовой неопределенности

Ульпиан давал следующее определение мировой сделке: «кто заключает мировую сделку, тот как бы вступает в соглашение о сомнительном деле и о находящемся в неопределенном положении и неоконченном споре» [7, с. 297].

В трудах дореволюционных юристов, по-видимому, основанных на определении мировой сделки Ульпиана, среди обязательных признаков мировой сделки указывался мотив ее заключения – устранение неопределенности, спорности правоотношения [8, с. 184] или достижения его осуществимости [9, с. 365-366]. М.А. Рожкова предлагает объединить данные мотивы общим термином – «правовая неопределенность» [10, с. 57-58].

Е.А. Борисова также считает, что «сущность мирового соглашения заключается в окончании процесса путем достижения определенности в

отношениях между сторонами на основании волеизъявления самих сторон» [11, с. 372]. Такой позиции придерживается и судебная практика, которая видит устранение неопределенности в правоотношениях в качестве проявления правовой природы мирового соглашения [12], требования к его содержанию [13], при невыполнении которого невозможно и его утверждение судом [14].

Следует отметить, что в понимании судов правовая определенность зачастую смешивается с правилом «четкости, ясности и определенности условий мирового соглашения», которое установил ВАС РФ в Постановлении № 50 для целей исполнимости мирового соглашения. Действительно, ясность условий соглашения является требованием любого договора и в гражданском праве, несоблюдение которого может свидетельствовать о несовпадении воли сторон и незаключенности договора.

Мотивы совершения процессуальных действий (в том числе устранение правовой неопределенности), как и мотивы совершения сделки, имеют значение лишь в случаях, установленных законом, когда такие мотивы противоправны или свидетельствуют о порочности воли.

Например, если истец в процессе находится в выигрышном положении, абсолютно уверен в положительном решении суда и заключает мировое соглашение с ответчиком только по мотиву сохранения партнерских отношений, а не устранения правовой неопределенности, то нет ни правовых, ни политико-правовых оснований отказывать в утверждении такого соглашения. Следовательно, мотив устранения правовой неопределенности не может признаваться обязательным признаком мирового соглашения.

Достижение правовой определенности должно пониматься не как мотив заключения мирового соглашения, а как невозможность предъявления тождественного иска после утверждения мирового соглашения, поскольку стороны определили права и обязанности в рамках спорного правоотношения, а суд трансформировал его в отношение бесспорное.

3. Направленность на урегулирование спора

Процессуальная наука [15, с. 11-12] и судебная практика [16, с. 34] признает в качестве отличительного признака искового производства наличие между сторонами спора о праве. Спор о праве передается суду с целью его дальнейшего рассмотрения и разрешения юрисдикционным органом, осуществляющим правосудие. Однако ввиду принципа диспозитивности стороны вправе самостоятельно урегулировать возникший спор на условиях, не противоречащих закону.

Поскольку посредством заключения мирового соглашения стороны договариваются об условиях прекращения спора [17, с. 267], утверждение судом такого соглашения констатирует ликвидацию того спора о праве, который был заявлен на разрешение суда, и влечет прекращение производства по делу.

4. Утверждение судом.

Наличие отмеченных выше необходимых признаков мирового соглашения само по себе не может влечь процессуальных последствий для сторон. Заключение мирового соглашения, как и любое процессуальное действие должно быть проверено судом на предмет его законности и утверждено им. Более того, суд обязан установить наличие в мировом соглашении всех обязательных признаков мирового соглашения. Соответственно, только утвержденная судом мировая сделка может быть признана мировым соглашением.

5. Понятие мирового соглашения

Путем сложения перечисленных в данной статье необходимых признаков мирового соглашения можно сформулировать понятие исследуемого института.

Мировое соглашение – определенные сторонами условия разрешения спора о праве, утверждение судом которых влечет преобразование спорного правоотношения в бесспорное и означает отказ сторон от вынесения судебного акта, разрешающего спор по существу.

Список литературы:

1. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2014. – 782 с.
2. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Отв. ред.: Викут М.А. Саратов. 1970. – 190 с.
3. Дернбург Г. Пандекты: Обязательственное право. Перевод с нем.: Просмотрено и согласовано с 7 изданием подлинника. Т. 2: Вып. 3 /; Пер. под ред.: Соколовский П.; Ред.: Вормс А.Э., Вульфферт И.И. 3-е рус. изд. М. 1911. – 412 с.
4. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. Т. II. СПб. 1910. – 1362 с.
5. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М. 2008. – 523 с.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III. Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2020. – 480 с.
7. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М. 2008. – 584 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. М. 2003. – 591 с.
9. Синайский В.И. Русское гражданское право. М. 2002. – 636 с.
10. Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М. 2005. – 570 с.
11. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 7-е изд., перераб. / Под ред. М.К. Треушникова. М. 2020. – 816 с.

12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2017 № 09АП-51319/2017-ГК по делу № А40-149380/12-125-729 // СПС КонсультантПлюс.
13. Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 305-ЭС19-15845 по делу № А40-95546/2017 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2014 № Ф05-4073/2014 по делу № А41-18453/13 // СПС КонсультантПлюс.
15. Гражданский процесс. Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Под ред В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М. 2001. – 544 с.
16. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2008 года (утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 05.12.2008) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2009 (извлечение). – 48 с.
17. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: учебник. М. 1956. – 439 с.

Табак Ирина Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра гражданского процесса
Россия, Саратов
tia-1503@yandex.ru

Бережная Анна Сергеевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
berezhnayagos@gmail.com

Tabak Irina
Saratov State Law Academy
Department of Civil Procedure
Russia, Saratov
Berezhnaya Anna
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассмотрены отдельные особенности принудительного исполнения требований неимущественного характера. Отдельно затронуты вопросы определения хранителя при исполнении требований, связанных с выселением (вселением) в жилое помещение, а также разъяснения исполнительных документов ввиду их неясности.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение требований неимущественного характера, разъяснение исполнительного документа, хранители имущества.

REGARDING THE ISSUE OF CERTAIN ASPECTS OF THE ENFORCEMENT OF NON-PROPERTY CLAIMS

Annotation: in this article, we will discuss some aspects of the enforcement of non-monetary claims. Specifically, we will address the issues of determining a custodian for the execution of orders related to the eviction (resettlement) of a residential building and explain how to deal with ambiguous executive documents.

Key words: enforcement proceedings, bailiff, enforcement of non-property claims, clarification of the enforcement document, custodians of property.

Под исполнительными документами неимущественного характера в научной публицистике предлагается понимать «исполнительные документы, в которых установлена обязанность должника совершить определенные действия либо воздержаться от совершения определенных действий, не связанных с передачей денежных сумм или иного имущества» [1, с. 128]. Исчерпывающего нормативно закрепленного перечня данных требований Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) [2] не содержит, а лишь перечисляются особенности исполнения отдельных требований неимущественного характера [3, с. 483].

Принудительное исполнение требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах, на наш взгляд, представляется затрудненным по сравнению с исполнением имущественных требований, поскольку в рамках данного исполнительного производства требуется большая процессуальная активность должника, а функция судебного пристава-исполнителя сводится к понуждению его к совершению определенных действий либо отказу от них (например, выселение, устранение препятствий в

пользовании земельным участком). При этом, некоторые требования предполагают исполнение действий только должником лично (например, восстановление на работе, административное приостановление деятельности) [4, с. 20-28].

Отдельные проблемы принудительного исполнения возникают по таким категориям исполнительных производств, как выселение из жилых помещений, их предоставлении и иных, где нематериальное требование связано с аспектами материально-правового характера, не урегулированными в полной мере законодательством [5, с. 119 – 141]. Так, при выселении должника из жилого помещения проблемным моментом видится определение места хранения имущества и хранителя имущества, в особенности если место нахождения должника неизвестно.

В силу ч. 6 ст. 107 ФЗИП, судебный пристав-исполнитель должен разрешить вопрос об определении места хранения имущества, находящегося в жилом помещении должника, и определить хранителя имущества. Механизм данных действий регламентирован по аналогии со ст. 86 ФЗИП. При этом, исходя из судебной практики, хранитель выбирается и меняется судебным приставом-исполнителем по своему усмотрению, и данный выбор не должен обосновываться [6]. Думается, что следовало бы предусмотреть в нормах ФЗИП положение о том, что хранитель имущества назначается с согласия должника, если имеется фактическая возможность его получения, а в отсутствие таковой – на усмотрение судебного пристава-исполнителя.

На основе сравнительно-правового анализа российского и белорусского законодательства С.Н. Климова предлагает изменить формулировку данной статьи: вместо передачи имущества на хранение должнику преимущественно необходимо передавать имущество на хранение специализированной организации [7, с. 56-60]. Однако, думается, аналогия с арестом имущества в данном случае не совсем корректна, поскольку предмет исполнения по данному требованию – реализация права взыскателя на жилище, и должник не отвечает

в данном случае своим имуществом по обязательствам. Представляется, что в таких ситуациях судебный пристав-исполнитель должен передавать имущество должнику без совершения иных действий, если это возможно, а в противном случае – передавать на хранение по аналогии со ст. 86 ФЗИП, а в случае возникновения спора относительно имущества разьяснять право обратиться в суд с соответствующим исковым заявлением.

Другой проблемой, которая является особенно актуальной при принудительном исполнении требований неимущественного характера, является неясность изложения текста исполнительного документа. Именно для этого законодатель предусмотрел возможность разьяснения исполнительного документа, цель которого – устранить неясность, препятствующую эффективному и своевременному принудительному исполнению [8, с. 394].

При этом ФЗИП устанавливает, что разьяснены могут быть:

- положения исполнительного документа – так как исполнительный документ содержит резолютивную часть судебного или иного акта, за исключением положений, не касающихся исполнения, это практически равносильно разьяснению данного документа;

- способ и порядок исполнения исполнительного документа.

Проблемным в данном аспекте является и то, что не все лица, которые уполномочены издавать документы, носящие характер исполнительных, вправе (или обязаны) давать им разьяснения. Так, полномочия нотариуса ограничены возможностью удостоверить соглашение об уплате алиментов, придать ему юридическую силу (в том числе, наделить свойством исполнимости), а действующее законодательство о нотариате не позволяет ему давать какие-либо разьяснения по данным вопросам [9, с. 453-455].

Кроме того, в литературе подчеркивается, что, несмотря на некоторое буквенное противоречие ФЗИП, при вынесении судебного акта, который лег в основу исполнительного листа, судом в порядке пересмотра первоначального судебного решения, целесообразно обращаться с заявлением о разьяснении в

суд, который непосредственно принял данный акт, поскольку инстанция, которая выдала исполнительный лист, не может разьяснять судебные акты, которые она не принимала. Такое, например, может произойти в тех случаях, когда вышестоящая инстанция оставляет без изменения решение суда первой инстанции [10, с. 32].

Думается, что в контексте неясности исполнительного документа судебные приставы-исполнители не понимают, в каком порядке исполнять требования не неимущественного характера, содержащиеся в исполнительных документах. Судебные приставы-исполнители вынуждены обращаться в орган, выдавший исполнительный документ, за его разьяснением, что в результате может повлечь затягивание сроков принудительного исполнения требований. Например, был случай, связанный со сносом самовольной постройки надстройки над уже существовавшим зданием: судебный пристав-исполнитель обратился в суд, вынесший решение, с заявлением о прекращении исполнительного производства, аргументируя свое обращение невозможностью исполнения судебного решения, со ссылкой на заключение специалиста, согласно которому демонтаж части здания невозможен. Однако в тексте судебного решения техническая возможность сноса части здания констатировалась. Получается, что наблюдается противоречие между требованием, содержащимся в исполнительном листе, и фактической возможностью исполнить данное требование, что свидетельствует о том, что судебная защита в конечном итоге не реализована, цель не была достигнута.

Таким образом, следует прийти к выводу, что принудительное исполнение требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах, является довольно трудным в силу специфики – необходимости побуждения должника к совершению определенных действий либо отказу в их совершении. Спорным как с научной, так и с практической точки зрения является определение хранителя имущества по таким категориям, как выселение или вселение, поскольку законодатель четко не регулирует

данный вопрос. Также в процессе принудительного исполнения судебный пристав-исполнитель и стороны исполнительного производства могут столкнуться с неясностью изложения текста исполнительного документа. Устранить ее призван институт разъяснения исполнительного документа.

Список литературы:

1. Левченко В.Е., Кучерова Д.А. Исполнение требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах // Евразийский Союз Ученых. 2015. №2-2 (11). С. 128-130.
2. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; 2024.. № 15, ст. 1967.
3. Исполнительное производство: Учебник / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев и др.; под общ. ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2020. 576 с.
4. Кутюхина И.И. К вопросу об особенностях исполнения решений суда имущественного и неимущественного характера // Теология. Философия. Право. 2021. №1 (15). С. 20 – 28.
5. Ярков В.В., Кузнецов Е.Н. Концепция совершенствования исполнительного производства в Российской Федерации по социально значимым делам (проект) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 119 - 141.
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 июня 2022 г. № 13АП-12981/2022 по делу № А56-99528/2021 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/051d2bc3-b6e6-46d1-ba36-633402f8d537> (дата обращения: 08.05.2024)
7. Климова С.Н. Отдельные аспекты исполнения требований неимущественного характера: сравнительный анализ Российской Федерации и

Республики Беларусь // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 56 – 60.

8. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (постатейный) (2-е изд., исправ. и доп.) / под ред. В.В. Яркова. – М.: НОРМА, 2014. – 752 с.

9. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-практическое пособие / И.А. Аксенов, В.В. Астанин, Н.Н. Бакурова и др.; под ред. В.А. Гуреева. М.: Статут, 2011. 1056 с.

10. Новиков Д.В. Разъяснение судебного решения и требований исполнительного документа // Исполнительное право. 2014. № 3. С. 30-32.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 336.221.4

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru

Беликов Евгений Геннадьевич
Саратовская государственная юридическая академия
Кафедра финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Россия, Саратов
belikovy79@mail.ru

Sariev Georgy
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov
Belikov Evgenii
Saratov State Law Academy
Department of Financial, Banking and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva
Russia, Saratov

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ**

Аннотация: в настоящей статье автор, на основе анализа правовых норм, доктринальных положений, а также с учетом судебной практики, выявляет особенности патентной системы налогообложения (ПСН) и проблемные аспекты, связанные с ее применением. В статье также приводятся

предложенные правоведами способы урегулирования выявленных проблем. Автор, на базе приведенных статистических данных, делает вывод о положительной динамике использования ПСН и ее перспективах, поскольку совершенствование данной системы – актуальная задача, стоящая перед законодательными органами РФ.

Ключевые слова: патентная система налогообложения, специальный налоговый режим, индивидуальное предпринимательство, малый бизнес, патент, налоговое законодательство.

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE PATENT TAXATION SYSTEM

Annotation: in this article, the author, based on the analysis of legal norms, doctrinal provisions, as well as taking into account judicial practice, identifies the features of the patent taxation system (PSN) and problematic aspects related to its application. The article also provides the ways proposed by legal scholars to resolve the identified problems. The author, based on the given statistical data, concludes about the positive dynamics of the use of the PSN and its prospects, since the improvement of this system is an urgent task facing the legislative bodies of the Russian Federation.

Key words: patent tax system, special tax regime, individual entrepreneurship, small business, patent, tax legislation.

Патентная система налогообложения (далее – ПСН) – это специальный налоговый режим, в рамках которого индивидуальный предприниматель оплачивает фиксированную стоимость налога за год (по ставке 6 % от суммы потенциального дохода) и освобождается в силу п. 10, п.11 ст. 346.43 НК РФ от уплаты других налогов и сдачи налоговых деклараций. Введение данной системы было обусловлено целью снижения административных барьеров, препятствующих входу на рынок и ведению малого бизнеса индивидуальными предпринимателями. ПСН во многом удобна для индивидуальных предпринимателей, о чем свидетельствуют и статистические данные. Так, по

данном УФНС России по Саратовской области, за прошедший 2023 год в регионе патентную систему налогообложения выбрали более 21 тысячи индивидуальных предпринимателей. Количество выданных патентов превысило 32 тысячи, что на 1,5 тысячи или 5% больше чем в 2022 году. Это демонстрирует положительную динамику, поскольку ранее многие предприниматели отказывались от патентов в пользу единого налога на вмененный доход, прекратившего свое действие в январе 2021 года [4].

Вместе с тем, несмотря на то, что для индивидуальных предпринимателей рассматриваемая система кажется максимально простой, практика показывает, что при ее применении представители малого бизнеса сталкиваются с определенными проблемами. Так, организациям, в отличие от индивидуальных предпринимателей, патенты покупать нельзя. Одновременно с этим для последних существует ряд определенных ограничений. Во-первых, количество работников не может быть свыше 15. Министерство финансов РФ в своих письмах неоднократно указывало, что патент действует только в отношении той численности работников, которая непосредственно в нем обозначена [3], поскольку предприниматель платит страховые взносы за себя и наёмных работников в Социальный фонд РФ. Кроме того, предпринимателю необходимо оплатить патент в период его действия, не дожидаясь конца налогового периода.

Несмотря на то, что стоимость патента рассчитывается, исходя из потенциально возможного годового дохода, этот доход не должен превышать 60 миллионов рублей. При совмещении патента с упрощенной системой налогообложения учитывают доходы от всего бизнеса – и от патентного, и от иного, поэтому перед предпринимателем возникает необходимость ведения книги учета доходов при использовании патентной системы.

Если хотя бы одно из перечисленных выше обстоятельств индивидуальный предприниматель нарушит, то он будет вынужден уплатить налоги по общей системе налогообложения как вновь зарегистрированный

предприниматель. Наряду с этим проблематичным моментом является само приобретение патента, поскольку, внося на старте немалую сумму денег, предприниматель не может знать наверняка, не «прогорит» ли его бизнес в дальнейшем, как и не может предугадать, получит ли он ожидаемый от этой деятельности доход. Пунктом 2 ст. 346.51 НК РФ отчасти урегулировано указанное обстоятельство, когда при выдаче патента на срок от 6 месяцев до 1 года, законодатель предусмотрел два срока по уплате налога: первый – $1/3$ суммы налога в срок не позднее 25 календарных дней после начала действия патента; второй – в размере $2/3$ суммы налога в срок не позднее 30 календарных дней до дня окончания налогового периода [1]. Немаловажен тот факт, что право применения ПСН утрачивается также при неуплате бизнесменом в указанный срок второй части налога с учетом уплаты страховых взносов.

Е.А. Смородина, исследуя в своих трудах данный вопрос, уверена в необходимости законодательных изменений в этой сфере. Она отмечает, что «было бы целесообразным при возникновении задолженности по уплате налога при применении патентной системы налогообложения вследствие ухудшения финансового положения предпринимателя, в силу не зависящих от него обстоятельств, предусмотреть в главе 26.5 НК определенный срок, в течение которого должна быть погашена задолженность без утраты права налогоплательщика на применение патентной системы» [5, с. 88-89].

Отрицательной стороной ПСН является также и то, что устанавливаемый на практике перечень видов деятельности, осуществляемых на патенте, очень часто ограничивается небольшим производством, общепитом, некоторыми услугами населению и торговлей в розницу, хотя в ст. 346.43 НК РФ перечислено 80 направлений предпринимательской деятельности, на которые можно получить патент. Вместе с тем регионы с учетом специфики конкретных территорий вправе устанавливать патентные направления в региональном законодательстве. Более того, законодательные органы власти субъектов РФ наделены правомочием устанавливать свой «максимум» потенциального

годового дохода. Вышеназванная норма в подп. 12 п. 2 указывает на возможность использования ПСН в отношении деятельности по реконструкции или ремонту существующих жилых и нежилых зданий, а также спортивных сооружений. Но на практике ранее возникали определенные проблемы. Их порождало то, что в редакции, действовавшей ранее, названный вид малого бизнеса назывался ремонтом жилья и других построек.

Так, например, индивидуальный предприниматель Петров с 2015 г. использовал упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения «доход». По результатам проведенной проверки руководителем проверяющей группы был составлен акт по факту выявленного нарушения Петровым законодательства о налогах и сборах. В качестве нарушения инспектором было указано, что права использовать патентную систему налогообложения в отношении доходов от сделок с организациями Петров не имел, поскольку осуществляемая им деятельность подпадала по категории строительных работ и не подпадала под полученные патенты по указанному виду деятельности. Предприниматель с таким решением не согласился, поэтому подал жалобу в вышестоящий налоговый орган. Но тот, изучив материалы, не удовлетворил ее. Петров обратился в суд, но в удовлетворении требований ему вновь было отказано, с чем согласились апелляция и кассация, а Верховный суд РФ отказал в рассмотрении кассационной жалобы. Тогда он обратился в Конституционный Суд РФ, который в своем постановлении отметил, что норма в той редакции, на которую ссылался предприниматель, утратила силу с 01.01.2021 в связи с внесением законодательных изменений в гл. 26.2 и 26.5 НК РФ. На данный момент этой нормой как раз предусмотрено применение ПСН в отношении деятельности по реконструкции или ремонту существующих жилых и нежилых зданий. Вместе с тем Конституционный Суд РФ пояснил, что пробелы, выявляемые в процессе применения налогово-правовой нормы в конкретных ситуациях, устраняются путем ее толкования правоприменительными органами, в том числе судами,

которые должны обеспечивать необходимую степень определенности правового регулирования. Поэтому, ссылаясь на Общероссийский классификатор услуг населению и ГОСТы, отметил, что, во-первых, типизировать работы как «ремонтные, монтажные и иные услуги» следует исходя из специфики деятельности и определенных обстоятельств в каждом индивидуальном случае, а во-вторых, при этом необходимо принимать во внимание предписания законодательства о налогах и сборах, действовавшего в тот временной период во взаимосвязи с уточняющими и конкретизирующими его нормами права [2].

Юридическим сообществом позиция высшей судебной инстанции была воспринята крайне неоднозначно. А. Артюх, комментируя вынесенное постановление, отмечал, что «вместо конституционно-правового анализа Конституционный Суд РФ преимущественно углубляется в казуистичное толкование подзаконных актов вплоть до ГОСТов, а после констатации правовой неопределенности тут же устраняет ее ссылкой на правоприменительную практику» [6]. Можно резюмировать, что в данном случае Конституционный Суд РФ не использует общее правило п. 7 ст. 3 НК РФ о толковании всех неясностей налогового законодательства в пользу налогоплательщика. В этой связи риски, связанные с неопределенностью и неоднозначностью налогово-правовых норм, касающихся ПСН, и их постоянным изменением, несут предприниматели [6].

Стоит также отметить территориальные особенности действия патента, которое, за некоторым исключением, ограничивается регионом, в котором он получен. В этой связи размеры налогов, уплачиваемых бизнесменами за ведение какой-то конкретной деятельности в одном регионе, нередко (и порой очень существенно) отличаются от размеров налогов, которые оплачивают за ту же самую работу налогоплательщики из другого субъекта страны [7, с. 192]. В этой связи нетрудно сделать вывод о том, что право региональных законодательных органов власти самостоятельно устанавливать «максимум» по

потенциальному годовому доходу индивидуальных предпринимателей, чревато неодинаковой стоимостью патента для лиц, оказывающих одинаковые услуги в разных регионах России.

Более того, стоимость патента может отличаться как в соседних субъектах РФ (например, патент на пошив обуви и швейные изделия в Марий-Эл в восемь раз меньше патента на тот же самый вид малого бизнеса в Татарстане, несмотря на то, что оба субъекта РФ входят в Приволжский федеральный округ), так и населенных пунктах одного региона, а иногда и внутри города [8, с. 112]. Например, вышеназванный патент на пошив обуви в Энгельсе стоит 3840 р., а в Саратове – уже 4800 р.

Проблема заключается в том, что региональные законодательные органы власти, устанавливая «максимум» в возможном доходе, ориентированы на города и районные центры с относительно высокой численностью населения, что в свою очередь в итоге создает неадекватную налоговую нагрузку и негативно отражается на развитии малого предпринимательства [9]. Это не только экономическая, но и социальная проблема, поскольку не каждый предприниматель согласен на подобные условия, соответственно, если не принимать определенных мер, то некоторые индивидуальные предприниматели будут вынуждены уйти с рынка.

Н.З. Зотиков отмечает, что при таких обстоятельствах «нарушается принцип: налоговые ставки должны быть обоснованными, а не произвольными, поэтому, в целях обеспечения единообразия в практике применения ПСН величины дохода необходимо установить на федеральном уровне, а регионам дать возможность регулировать стоимость патента в зависимости от конкретных условий с помощью коэффициентов» [8, с. 112].

Наряду с этим вполне справедливым кажется выдвинутое Е.А. Смородиной предложение об установлении ответственности для региональных органов власти «за необоснованное завышение размера потенциально возможного годового дохода, выражающегося в снижении количества

предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, вследствие резкого увеличения налоговой нагрузки» [5, с. 89].

Таким образом, ПСН является еще не до конца устоявшимся с точки зрения правового регулирования специальным налоговым режимом, который периодически корректируется для удобства предпринимателей и налоговых органов. Обозначенные выше проблемные аспекты не новы, однако они совершенно не теряют актуальности на сегодняшний день, о чем свидетельствуют приведенные выше статистические данные. В частности, это касается ограниченности перечня разрешенных видов деятельности. Дальнейшее совершенствование условий применения ПСН – это важная задача, стоящая перед законодательными (представительными) органами РФ. Ее решение, во-первых, позволит активизировать население к предпринимательской деятельности и легализовать труднорегулируемые отрасли малого бизнеса, а во-вторых, будет способствовать стабильному поступлению денежных доходов в бюджеты публично-правовых образований.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31, – ст. 3824.
2. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности подпункта 12 пункта 2 ст. 346.43 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. Н. Петрова // Российская газета. №29 (8974). 2023. 26 янв.
3. Письмо Министерства Финансов РФ от 02.07.2019 № 03-11-09/48670. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. В области выросло число предпринимателей, получивших патент // Народная трибуна. 2024. 2 марта. – URL: <http://ntkalininsk.ru> (дата обращения: 18.03.2024).

5. Смородина Е.А. Риски и проблемы применения патентной системы в России // Национальная ассоциация ученых. 2015. №9 (14). С. 87-89.

6. «КС проанализировал применение патентной системы при ведении ИП ремонтного бизнеса» [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proanaliziroval-primenenie-patentnoy-sistemy-pri-vedenii-ip-remontnogo-biznesa/> (дата обращения 10.04.2024).

7. Галустова А.В., Цельникер Г.Ф. Особенности применения патентной системы налогообложения // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. Сборник статей X междунар. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. 2017. С. 191-196.

8. Зотиков Н.З. Актуальные проблемы патентной системы налогообложения // Вестник университета. 2021. №4. С. 106-115.

9. Громов В.В. Дальнейшее совершенствование патентной системы налогообложения не только оправдано, но и необходимо [Электронный ресурс] / Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. – URL: <http://www.iep.ru/ru/kommentarii/dalneishee-sovershenstvovanie-patentnoy-sistemynalogooblozheniya-ne-tolko-opravdano-no-i-neob-odimo.html>. (дата обращения 19.03.2024).